

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 5

Май 2024

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институт государства и права
Российской академии наук:
навстречу 100-летию юбилею*

Школа Алексеева • «Критическая теория» Г. Маркузе: метафизика как средство политики • О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы. Часть 2 (разд. 2) • Так называемое служебное право: новейшая дискуссия • О форме собственности государственных корпораций и публично-правовых компаний и новом типе юридического лица • Тенденции уголовно-правовой политики современной России в сфере законотворчества: эмпирико-аналитическое исследование • Международно-правовая охрана культурного наследия во время вооруженных конфликтов: история становления и современные механизмы (к 70-летию Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.) • Китайская Народная Республика, Конфуций, Коммунистическая партия Китая: к особенностям развития

НАУКА
— 1727 —

*Российская академия наук
Институт государства и права*

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 5 2024 Май

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
А.Н. Савенков,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

В.Н. Руденко, акад. РАН (*председатель*);
О.В. Белявский, к.ю.н.; В.С. Груздев, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН; В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург);
М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН; А.А. Клишас, д.ю.н.; А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Н.А. Макаров, акад. РАН; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджанская Республика);
С.В. Степашин, д.ю.н.; Т.Я. Хабриева, акад. РАН

Редакционная коллегия:

С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Республика Армения);
С.Ф. Афанасьев, д.ю.н. (Саратов); А.А. Бессонов, д.ю.н.; С.А. Бочкарев, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.;
Г.А. Василевич, чл.-корр. НАН Беларуси; Т.А. Васильева, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н., д.ф.н. (Австрийская Республика);
Е.В. Виноградова, д.ю.н.; А.В. Габов, чл.-корр. РАН; Л.В. Головкин, д.ю.н.; В.С. Горбань, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; А.В. Дзюбак, к.ю.н. (*ответственный секретарь*);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Республика Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (ФРГ);
И.В. Ершова, д.ю.н.; И.С. Жудро, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.;
В.С. Каменков, д.ю.н. (Республика Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия);
А.И. Коробеев, д.ю.н. (Владивосток); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*);
Куан Цэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); А.В. Кудашкин, д.ю.н.; В.В. Кудашкин, д.ю.н.; Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР);
С.В. Маликов, д.ю.н. (*заместитель главного редактора*); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.В. Михайлова, д.ю.н.;
А.В. Наумов, д.ю.н.; В.Б. Наумов, д.ю.н.; Срето Ного, д.ю.н. (Республика Сербия);
Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Республика Болгария);
В.Н. Плигин, д.ю.н.; Т.А. Полякова, д.ю.н.; С.Б. Россинский, д.ю.н.;
А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Паола Северино, д.ю.н. (Итальянская Республика);
А.Ю. Соколов, д.ю.н. (Саратов); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Республика Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.;
В.В. Устюкова, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (ФРГ); Ван Чжи Хуа, д.ю.н. (КНР); С.Ю. Чуча, д.ю.н.;
А.И. Чучаев, д.ю.н.; В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Г.Г. Шинкаревецкая, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; О.А. Ястребов, д.ю.н.

Адрес редакции: 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Москва

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

STATE AND LAW

No. 5 2024 May

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: “Revolution of the Law” (Revolutsiya prava) (1927–1929)
“Soviet State and the Revolution of the Law” (Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava) (1930–1931)
“Soviet State” (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
“Soviet State and Law” (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
“State and Law” (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervision
of the Department of Social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief

A.N. Savenkov,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

V.N. Rudenko, Academician of the RAS (*Chairman*);
O.V. Belyavsky, PhD in Law; V.S. Gruzdev, Doctor of Law; V.I. Zhukov, Academician of the RAS;
V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS;
A.A. Klishas, Doctor of Law; A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; N.A. Makarov, Academician of the RAS;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan Republic); S.V. Stepashin, Doctor of Law;
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS

Editorial Board:

S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutunyan, Doctor of Law (Republic of Armenia);
S.F. Afanasev, Doctor of Law (Saratov); A.A. Bessonov, Doctor of Law; S.A. Bochkarev, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; G.A. Vasilevich, Corresponding Member of the NAS of Belarus; T.A. Vasileva, Doctor of Law;
Bernd Wieser, Doctor of Law, DSc in Philosophy (Republic of Austria); E.V. Vinogradova, Doctor of Law;
A.V. Gabov, Corresponding Member of the RAS; L.V. Golovko, Doctor of Law; V.S. Gorban, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law;
A.V. Dzyubak, PhD in Law (*executive secretary*); A.G. Didenko, Doctor of Law (Republic of Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law; I.S. Zhudro, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Republic of Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); A.I. Korobeev, Doctor of Law; N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*);
Kuang Zengjun, Doctor of Law (China); A.V. Kudashkin, Doctor of Law; V.V. Kudashkin, Doctor of Law;
Liu Honguan, Doctor of Law (China); S.V. Malikov, Doctor of Law (*Vice-Editor-in-Chief*); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.V. Mikhailova, Doctor of Law; A.V. Naumov, Doctor of Law; V.B. Naumov, Doctor of Law;
Sreto Nogo, Doctor of Law (Republic of Serbia); E.I. Nosyreva, Doctor of Law (Voronezh);
Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); V.N. Pligin, Doctor of Law; T.A. Polyakova, Doctor of Law;
S.B. Rossinsky, Doctor of Law; A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); Paola Severino, Doctor of Law (Italian Republic);
A. Yu. Sokolov, Doctor of Law (Saratov); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
V.V. Ustyukova, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); Wang Zhi Hua, Doctor of Law (China);
S. Yu. Chucha, Doctor of Law; A.I. Chuchayev, Doctor of Law; V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
G.G. Shinkaretskaya, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; O.A. Yastrebov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation

e-mail: gospravo@igpran.ru

http://gospravo-journal.ru/

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Institute of State and Law of the RAS, 2024
© Editorial Board of “State and Law”, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 5, 2024

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

Школа Алексеева

П.В. Крашенинников

7

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

«Критическая теория» Г. Маркузе: метафизика как средство политики

В.Н. Жуков

16

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок:
правоприменительная практика, общие подходы

Часть 2. О проблемах дисциплинарной ответственности руководителей судов (разд. 2)

М.И. Клеандров

28

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА, НОТАРИАТ

Развитие судебной практики взыскания стоимости товаров, работ,
услуг в отсутствие государственного (муниципального) контракта

А.А. Трофимов

42

О защите прав и законных интересов покупателя и кредиторов
стратегического должника по делу о несостоятельности (банкротстве)

Л.В. Борисова

52

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Так называемое служебное право: новейшая дискуссия

А.А. Гришкова

59

Экспертно-криминалистическая деятельность в системе научно-технического обеспечения
уголовного судопроизводства

А.Ф. Волынский

71

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Соглашения о социальном обеспечении граждан государств – членов
региональных интеграций

Н.В. Колотова

78

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

О форме собственности государственных корпораций
и публично-правовых компаний и новом типе юридического лица

В.К. Андреев

89

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Тенденции уголовно-правовой политики современной России в сфере законотворчества:
эмпирико-аналитическое исследование

А.И. Коробеев, А.И. Чучаев

97

Защита внутренней национальной безопасности уголовно-правовыми средствами

М.М. Долгиев, М.М. Долгиева

108

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Трансграничная безбумажная торговля на современном этапе: разработка благоприятных для России правовых условий и процедур

Н.И. Соловяненко

114

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЮРИСТЫ – УЧЕНЫЕ И ПЕДАГОГИ

Формирование и развитие идеи представительства и российского парламентаризма в конституционной доктрине

А.В. Безруков, А.В. Савоськин

124

Развитие военного права как образ жизни: ценности, проблемы, перспективы

И.В. Холиков, П.Ю. Наумов

130

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Международно-правовая охрана культурного наследия во время вооруженных конфликтов: история становления и современные механизмы (к 70-летию Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.)

А.И. Абдуллин, Т.Д. Гибадуллин

142

ЗА РУБЕЖОМ

Китайская Народная Республика, Конфуций, Коммунистическая партия Китая: к особенностям развития

А.Х. Султанов, А.Г. Хабибуллин, С.М. Шахрай

153

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Правовые подходы к оценке эффективности парламентской (депутатской) деятельности

А.Ю. Ульянов

162

Особенности процессуальных аспектов применения *Electronic Court Case Management System* при возбуждении гражданского дела и подготовке дела к судебному разбирательству

О.Ш. Пирматов

169

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Правовые вопросы воссоединения новых регионов с Российской Федерацией

В.В. Сорокин

175

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С.А. Дробышевский, Л.С. Матвеев, Т.В. Протопопова. Применение права: проблемы теории и истории

В.В. Кожевников

182

CONTENTS

Number 5, 2024

INSTITUTE OF STATE AND LAW OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: TOWARDS THE CENTENARY

Alekseev's school

P.V. Krashennnikov

7

LEGAL, POLITICAL AND RELIGIOUS THOUGHT

“Critical theory” by G. Marcuse: metaphysics as a means of politics

V.N. Zhukov

16

JUDICIAL POWER

On modern problems of the mechanism of judges' responsibility for disciplinary misconduct:
law enforcement practice, general approaches

Part 2. On the problems of disciplinary responsibility of heads of courts (section 2)

M.I. Kleandrov

28

COURT, PROSECUTOR'S OFFICE, BAR, NOTARIAL SYSTEM

The evolution of the legal practice of collecting the cost of goods, works, services in the absence
of a state (municipal) contract

A.A. Trofimov

42

On protecting the rights and legitimate interests of the buyer and creditors of a strategic debtor
in an insolvency (bankruptcy) case

L. V. Borisova

52

DISCUSSIONS AND DEBATES

The so-called Service Law: the newest discussion

A.A. Grishkovets

59

Forensic expert activity in the system of scientific and technical support of criminal proceedings

A.F. Volynsky

71

RIGHTS AND FREEDOMS OF A MAN AND A CITIZEN

Social security agreements citizens of the member states integration associations

N.V. Kolotova

78

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

On the form of ownership of state corporations and public law companies and a new type
of legal entity

V.K. Andreev

89

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

Tendencies of the criminal law policy of modern Russia in the sphere of lawmaking:
empirico-analytical research

A.I. Korobeev, A.I. Chuchaev

97

Protection of internal national security by criminal legal

M.M. Dolgiev, M.M. Dolgieva

108

LAW AND ECONOMICS

Cross-border paperless trade at the present stage: development of favorable for Russia legal conditions and procedures

N.I. Solovyanenko

114

DOMESTIC LAWYERS – SCIENTISTS AND EDUCATORS

Formation and development of the idea of representation and Russian parliamentarism in the constitutional doctrine

A.V. Bezrukov, A.V. Savoskin

124

Development of Military Law as a way of life: values, problems, prospects

I.V. Kholikov, P. Yu. Naumov

130

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

International legal protection of cultural heritage during armed conflicts: history of formation and modern mechanisms (to the 70th anniversary of the 1954 Convention for the protection of cultural property in the event of armed conflict)

A.I. Abdullin, T.D. Gibadullin

142

ABROAD

People's Republic of China, Confucius, Communist Party of China: to the peculiarities of development

A. Kh. Sultanov, A.G. Khabibulin, S.M. Shakhray

153

SCIENTIFIC REPORTS

The legal approaches to assessing effectiveness of legislative (representative) authorities

A. Yu. Ulyanov

162

Features of procedural aspects of the *Electronic Court Case Management System* when initiating a civil case and preparing a case for a court proceedings

O. Sh. Pirmatov

169

SCIENTIFIC LIFE

Legal issues in the reunification of new regions with the Russian Federation

V.V. Sorokin

175

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

S.A. Drobyshevsky, L.S. Matveev, T.V. Protopopova. The application of law: problems of theory and history

V.V. Kozhevnikov

182

**ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК:
НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ**

УДК 34.08

ШКОЛА АЛЕКСЕЕВА

© 2024 г. П. В. Крашенинников

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, г. Москва

E-mail: priem.ural@mail.ru

Поступила в редакцию 13.05.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена советскому и российскому ученому-правоведу, члену-корреспонденту Академии наук СССР и Российской академии наук, доктору юридических наук, профессору, лауреату Государственной премии СССР, заслуженному деятелю науки РСФСР Сергею Сергеевичу Алексееву. В работе представлены основные этапы жизни и деятельности ученого, а также раскрывается его вклад в развитие теории государства и права, конституционного и гражданского права. Основное внимание уделено научной деятельности С.С. Алексеева, его работе на постах Председателя Комитета Верховного Совета СССР по законодательству и Председателя Комитета конституционного надзора СССР, характеризуется роль в подготовке проектов Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: С.С. Алексеев, биография, теория права, Конституция, конституционный надзор, президент, Гражданский кодекс, гражданское право, собственность.

Цитирование: Крашенинников П.В. Школа Алексеева // Государство и право. 2024. № 5. С. 7–15.

DOI: 10.31857/S1026945224050013

ALEKSEEV'S SCHOOL

© 2024 P. V. Krasheninnikov

State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow

E-mail: priem.ural@mail.ru

Received 13.05.2024

Abstract. The article is devoted to the Soviet and Russian legal scientist, corresponding member of the Academy of Sciences of the USSR and the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Laureate of the USSR State Prize, Honored Scientist of the RSFSR Sergey S. Alekseev. The work presents the main stages of the scientist's life and work, as well as reveals his contribution to the development of the theory of state and law, Constitutional and Civil Law. The main attention is paid to the scientific activity of S.S. Alekseyev, his work as Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the USSR on Legislation and Chairman of the Committee for Constitutional Supervision of the USSR, characterized his role in the preparation of drafts of the Constitution of the Russian Federation and the Civil Code of the Russian Federation.

Key words: S.S. Alekseev, biography, theory of law, Constitution, constitutional supervision, President, Civil Code, Civil Law, property.

For citation: Krasheninnikov, P.V. (2024). Alekseev's school // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 7–15.

I

В годы разрушений и конфронтаций, когда науке отводилось место, далекое от центров принятия решений, все-таки находились ученые, связывающие эпохи и теоретические школы. Таким подвижником, безусловно, был Сергей Сергеевич Алексеев.

Его учили дореволюционные профессора, он стал одним из лидеров советской правовой науки, а затем уже на рубеже XX–XXI вв. — лидером в возрождении частного права в России, при этом показав не только критерии размежевания, но и возможность взаимодействия и дополнения публичного права частным и наоборот — частного публичным.

Под руководством С.С. Алексеева готовились два главных закона нашей страны — Конституция и Гражданский кодекс. Он убедил советское руководство создать орган, в компетенцию которого входит отслеживание приоритета Основного Закона над другими нормативными актами, участвовал в организации, а затем и возглавил Комитет конституционного надзора СССР. Организовал и руководил Исследовательским центром частного права при Президенте РФ. Теоретические исследования С.С. Алексеева не теряют актуальности, а его ученики и последователи занимаются юридической наукой, образованием, законотворческой, правоприменительной и другой правовой деятельностью.

Судьба С.С. Алексеева, как и судьба большинства его сверстников, неотделима от всех трагических и славных событий, выпавших на долю его поколения. Сергей Сергеевич — сын «врага народа», фронтовик, учитель, советский и российский государственный деятель.

II

Школа, война, учеба

Сергей Алексеев родился в г. Орле 28 июля 1924 г. в интеллигентной семье. Отец, Сергей Николаевич, — служащий статистических органов, мать, Наталья Никифоровна, — научный сотрудник, преподаватель. Когда мальчику было четыре года, семья переехала в Свердловск, где Сергей Николаевич возглавил одно из подразделений статистической службы Свердловской области.

В 1932 г. Алексеев поступил в школу, как он говорил, «по территориальному признаку» и попал не в обычную, а в особую, образцовую школу в центре Свердловска¹, где учились дети областного и городского начальства.

В 1937 г. — год пика сталинских репрессий — отца арестовали и осудили на 10 лет по антисоветской статье. Сергей теперь сын «врага народа» со всеми вытекающими последствиями и потрясениями, что не могло не отразиться на становлении его личности.

Через пять лет, в 1942 г., он отправился добровольцем в Красную Армию. Во время Великой Отечественной войны защищал Родину на Волховском, Ленинградском, Карельском фронтах, был контужен и демобилизовался в октябре 1945 г. На фронте находился с декабря 1942 г. по апрель 1945 г. Весь ужас войны, ее страшная правда, рубежи жизни и смерти простых людей в солдатских окопах и высокопоставленных военных в штабах и на передовой прошли перед его глазами.

Люди, прошедшие такие испытания, смотрят на жизнь совершенно иначе, изживают былые иллюзии, как говорится, теряют страх. Но главное — они стремятся противостоять всем мерзостям жизни, самая ужасная из которых — война. Именно такое стремление Сергея Сергеевича и стало одной из причин его решения обратиться к праву.

В конце 1945 г., несмотря на клеймо сына «врага народа», он поступил в Свердловский юридический институт (СЮИ), который окончил с отличием в 1949 г.

Тогда в институте работал Александр Маркович Винавер, ученик и личный секретарь первого председателя Государственной думы Сергея Андреевича Муромцева, специалист по римскому и гражданскому праву. В 1938 г. Винавер был репрессирован, но в 1944 г. освобожден по состоянию здоровья. С 1944 по 1947 г. он преподавал в Свердловском юридическом институте. Как вспоминал потом Сергей Сергеевич, на лекциях Александра Марковича «шаг за шагом, перед нами... открывались картины из другой галактики — то законченно-стройные, то утонченно-ажурные юридические построения со своей неумолимой логикой, строгой точностью, завершенностью»². Так происходила передача эстафеты служения Праву от одного поколения к другому.

Винавер был не единственным «посланцем прошедшей эпохи», учившим таких известных юристов-фронтовиков, как О.А. Красавчиков, М.Я. Кириллова, В.С. Якушев, Е.Д. Шешенин, С.А. Верб, А.Ф. Козлов. Другим таким «посланцем» был Борис Борисович Черепяхин³ — крупный ученый-цивилист. Для Сергея Сергеевича он стал наставником, учителем и в значительной степени самой судьбой.

² Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4: Линия права. Концепция. Сочинения 1990-х — 2009 годов. М., 2010. С. 17.

³ О Б.Б. Черепяхине см.: там же. С. 18–24.

¹ С ноября 2023 г. общеобразовательная школа № 1 г. Екатеринбурга носит имя Сергея Сергеевича Алексеева.

III

Научная и преподавательская деятельность

По окончании института С.С. Алексеев поступает в аспирантуру на кафедру гражданского права и процесса, где под руководством Б.Б. Черепахина готовит и защищает в 1952 г. кандидатскую диссертацию на тему «Акцептная форма расчетов между социалистическими организациями по советскому гражданскому праву».

Вскоре Черепахин переехал в Ленинград, где в Ленинградском государственном университете возглавил юридический факультет и кафедру гражданского права. Сергей Сергеевич часто приезжал к своему учителю, который ввел его в более широкий круг профессуры — выходцев из дооктябрьских времен. «У меня создалось впечатление, что большинство старой правоведческой профессуры как-то приспособилось к новым, враждебным ей условиям, загнало свое неприятие, а по всей видимости, отвращение к существующей Системе глубоко-глубоко в затаенные уголки своей души»⁴, — вспоминал впоследствии С.С. Алексеев. Безусловно, такой круг общения существенно повлиял на мировоззрение молодого ученого.

С 1952 по 1954 г. С.С. Алексеев работает в СЮИ на кафедре гражданского права и процесса, которую возглавлял Б.Б. Черепахин, с 1954 по 1961 г. — на кафедре гражданского права (заведующим стал О.А. Красавчиков), а затем, до 1988 г., С.С. Алексеев возглавлял кафедру теории государства и права. В 1960 г. в Ленинградском государственном университете он защитил докторскую диссертацию по теме «Предмет советского социалистического гражданского права».

В 1966 г. выходит книга С.С. Алексеева «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве», в 1972 и 1973 гг. увидели свет первый и второй тома его работы «Проблемы теории права». Это одно из лучших его произведений, вошедшее в цикл из четырех работ, за который С.С. Алексеев в 1977 г. получил Государственную премию СССР. Обращаем внимание на совпадение: Государственную премию он получает в год принятия новой, «брежневской», Конституции «развитого социализма». Впоследствии большинство поправок в союзный Основной Закон пройдет через руки Сергея Сергеевича. Понимал ли он, что ему предстоит? Конечно, нет. Тогда С.С. Алексеев преподает, много пишет, у него к тому времени уже много учеников. Выделим только наиболее близких по взглядам и совместной работе в 80-х и 90-х годах: С.А. Хохлов, В.Д. Перевалов, В.Б. Исаков, Б.М. Гонгало, Н.Н. Тарасов,

С.А. Степанов, Н.А. Шайкенов, Д.Н. Сафиуллин, М.Ф. Казанцев, Г.Г. Пиликин.

В декабре 1987 г. С.С. Алексеев избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР. С марта 1988 г. он возглавил вновь созданный Институт философии и права Уральского отделения АН СССР.

Блестящая научная карьера, о которой молодым аспирантам и доцентам можно только мечтать, а седым ученым — гордиться. Вот только Сергей Сергеевич в своих воспоминаниях пишет, что ему «горько и стыдно за то, что так просто поддался соблазнительному искушению, а потом немалое число лет, и — увы — безуспешно, пусть и с какими-то коррективами, демократическими потугами, проповедовал ленинско-сталинские юридические постулаты, фантазии и фальсификации, всюду играл в фальшивые околonaучные игры»⁵. В конце 80-х годов, когда он был уже «увенчан профессорскими и академическими званиями», ученый понимает, что всю свою, к тому времени вполне долгую, жизнь служил молоху «большой власти». Как писал С.С. Алексеев, поистине «гигантски идеологизированной, диктаторски-вездесущей власти», «прикрываемой фарисейски-парадными формами “подлинной демократии” (Советами, советским федерализмом, социалистической законностью и др.)»⁶. Расхожее оправдание в стиле «время было такое» утешило многих, но не Сергея Сергеевича.

В возрасте, когда большинство людей уже не ищут, а давно нашли «теплую стенку», прислонившись к которой они в окружении благодарных учеников живут исключительно воспоминаниями о своих былых заслугах, С.С. Алексеев бесстрашно берет за колоссальную работу по сокращению объема власти в обществе, сведению ее к такому минимуму, без которого невозможно обойтись, с тем, чтобы человека с его неотъемлемыми правами поставить над властью. Такой шаг требовал не только незаурядного мужества, которого бывшему фронтовику не занимать, но и ясного понимания тех целей и задач, которые в то время стояли перед правоведением, веры в свои силы и способности принимать решения.

В период коренных преобразований социально-политического строя в нашей стране С.С. Алексеев сыграл выдающуюся роль в создании основ правового государства в России.

⁴ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 24.

⁵ Там же. С. 13, 14.

⁶ Там же. С. 62.

IV

**Комитет по законодательству
и Комитет конституционного надзора**

В марте 1989 г. С.С. Алексеев был избран народным депутатом СССР от Академии наук СССР и научных обществ, а затем стал членом Совета Союза — палаты Верховного Совета СССР. Он возглавлял Комитет по вопросам законодательства, законности и правопорядка Верховного Совета СССР (комитет несколько раз менял название). С.С. Алексеев вошел в состав Межрегиональной депутатской группы, являвшейся мозговым центром многих прогрессивных преобразований того времени.

Комитет по законодательству готовил, обсуждал и представлял на заседаниях Верховного Совета СССР большое количество законопроектов, включая поправки в союзную Конституцию и акты гражданского законодательства. Среди последних следует выделить Законы Союза ССР об аренде, о предприятиях, о собственности, началась подготовка проекта Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик.

Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде, утвержденные Верховным Советом СССР 23 ноября 1989 г. № 810-1⁷, на первый (современный) взгляд были посвящены одному из институтов обязательственного права, но сыграли важную роль в «разгосударствлении» советской экономики.

Основами «была предусмотрена невиданная ранее возможность принудительного заключения договора аренды государственного имущества с его последующим выкупом арендатором, которая абсолютно не укладывалась в рамки традиционных гражданско-правовых представлений, но вполне соответствовала политико-экономическому понятию “разгосударствление”, составлявшему основу этого нового института»⁸.

Закон о собственности стал первым союзным законодательным актом, установившим многоукладность экономики и разнообразие форм собственности, а также снявшим ограничения на количество и стоимость объектов, находящихся в собственности граждан. Закон Союза ССР «О собственности в СССР» был принят Верховным Советом СССР 6 марта 1990 г.⁹

На заседаниях Верховного Совета СССР законопроект докладывал заместитель Председателя,

а впоследствии Председатель Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка Юрий Хамзатович Калмыков¹⁰. Первое обсуждение состоялось 16 октября 1989 г., последнее — 6 марта 1990 г.

На заседании 16 октября 1989 г. председательствовал М.С. Горбачев¹¹. Ю.Х. Калмыков доложил концепцию, структуру проекта, отметил важность акта для будущей союзной Конституции. «В проекте Закона, если говорить о его структуре, 6 разделов и 34 статьи — акт достаточно компактный..., разделы (общие положения, собственность граждан СССР, коллективная собственность, государственная собственность, собственность совместных предприятий, иностранных граждан, организаций и государств, гарантии и защита права собственности) даются в логичной, четкой последовательности».

Впервые в структуре нормативного акта такого уровня на первом месте было право собственности граждан, и только затем было определено право государственной собственности. Существенным образом был расширен круг объектов права собственности граждан, определены особенности права собственности трудового хозяйства, крестьянского и личного подсобного хозяйства. Это был один из важнейших законов, повлиявших не только на экономику и право, но и на правотворчество, на мировоззрение граждан и даже на позицию властных структур.

4 июня 1990 г. был принят Закон Союза ССР № 1529-1 «О предприятиях в СССР»¹², заложивший основы для новых организационно-правовых форм юридических лиц исходя из многообразия форм собственности в условиях развития рыночных отношений. Впоследствии дело продолжил Верховный Совет РСФСР, где были приняты законы о собственности, о предприятиях и предпринимательской деятельности. Гражданское законодательство стало развиваться семимильными шагами.

Спустя несколько дней после принятия Закона о собственности были внесены изменения в Конституцию СССР Законом Союза ССР от 14 марта 1990 г. № 1360-1 «Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР»¹³. На основании данного акта кроме норм, понятных из названия Закона, впервые

⁷ См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 25, ст. 481.

⁸ Суханов Е.А. Еще раз о различиях вещных и обязательственных прав // Частное право. Преодолевая испытания: к 60-летию Б.М. Гонгало / М.В. Бандо, Р.Б. Брюхов, Н.Г. Валеева и др. М., 2016. С. 38.

⁹ См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 11, ст. 164.

¹⁰ Здесь и далее об обсуждении проекта см.: Вторая сессия Верховного Совета СССР. 25 сентября — 28 ноября 1989 г.: стенографический отчет. Ч. III: 16—23 октября 1989 г. М., б.г. С. 60—63; Третья сессия Верховного Совета СССР: 14 февраля — 14 июня 1990 г.: стенографический отчет. Ч. I: 14—20 февраля 1990 г. М., б.г. С. 90—94; Ч. III: 5—21 марта 1990 г. М., б.г. С. 3—14, 43—45.

¹¹ На тот момент М.С. Горбачев был Председателем Верховного Совета СССР.

¹² См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 25, ст. 460.

¹³ См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 12, ст. 189.

в Конституции появились нормы о разнообразии форм собственности и их равной защите государством. В соответствии со ст. 10 Конституции в основу развития экономической системы СССР были положены собственность советских граждан, коллективная и государственная собственность. Право собственности гражданина также претерпело определенные изменения. Так, согласно ст. 11 Конституции собственность гражданина СССР могла быть использована для самостоятельного ведения хозяйственной и иной не запрещенной законом деятельности, а в составе имущества, находящегося в собственности гражданина, могло быть любое имущество как потребительского, так и производственного назначения.

Практически все реализованные поправки в Конституцию СССР были внесены под руководством М.С. Горбачева. Он инициировал внесение изменений в Основной Закон, из которых реформаторскими можно назвать поправки 1988 и 1990 гг., касавшиеся изменения выборной системы, отмены монопольной власти КПСС, введения поста Президента СССР и политики легализации рыночных отношений. Конечно же, конституционные поправки проходили через Комитет по законодательству.

Особенностью новой версии Основного Закона Советского Союза также стало **создание Комитета конституционного надзора СССР**, который принимал на основе Конституции решения о соответствии других актов нормам Основного Закона.

Закон Союза ССР от 23 декабря 1989 г. № 972-1 «О Комитете конституционного надзора СССР»¹⁴ был полностью введен в действие 1 января 1990 г. Комитет был создан при активном участии С.С. Алексеева. 23 декабря 1989 г. на Съезде народных депутатов он был избран его председателем.

Комитет стал прообразом Конституционного Суда. В настоящее время представить себе правовую систему нашей страны без Конституционного Суда невозможно. Вместе с тем Комитет отнюдь не был полноценным органом судебной власти. Собственно, и разделения властей тогда еще не было. Этот орган был задуман советским руководством скорее как ширма, за которой удобно по-прежнему принимать важнейшие решения в келейной обстановке. Решения Комитета во многих случаях замалчивались, не принимались во внимание и не исполнялись.

Тем не менее по инициативе С.С. Алексеева Комитетом были приняты решения о несоответствии Конституции Указа Президента СССР о введении «особого порядка» для проведения массовых мероприятий внутри Садового кольца Москвы, о невозможности использования армии во внутрисполитических делах, об отмене разрешительного порядка прописки и о юридической ничтожности т.н. секретных

актов. В первый день путча ГКЧП пять членов Комитета по своей инициативе выступили с заявлением, содержащим требование неуклонного соблюдения Конституции. После распада Советского Союза Комитет конституционного надзора, как и другие союзные органы, прекратил свое существование.

В ноябре 1991 г., т.е. за месяц до распада Союза ССР, С.С. Алексеев организует Межреспубликанский исследовательский центр частного права, который впоследствии станет Исследовательским центром частного права при Президенте РФ. Место расположения союзного и российского центров то же, что и у Комитета конституционного надзора. С.С. Алексееву и С.А. Хохлову удалось сохранить не только помещения, но и значительную часть высокопрофессионального аппарата Комитета конституционного надзора, без этого вряд ли можно было добиться положительных результатов при подготовке Конституции РФ и Гражданского кодекса РФ.

Возвращаясь к работе Комитета по законодательству Верховного Совета СССР, следует отметить, что **достойным итогом стало принятие Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик в 1991 г.** Это были и по духу, и по содержанию именно Основы, во многом в развитие этого недооцененного законодательного акта готовился современный Гражданский кодекс РФ. Костяк разработчиков продолжал работу над проектом Гражданского кодекса. Это – С.С. Алексеев, Ю.Х. Калмыков, С.А. Хохлов, В.Ф. Яковлев, Е.А. Суханов.

Жанр такого документа, как Основы, не позволял ему быть объемным. Данный законодательный акт содержал 170 статей, которые были разбиты на семь разделов: «Общие положения», «Право собственности. Другие вещные права», «Обязательственное право», «Авторское право», «Право на изобретение и другие результаты творчества, используемые в производстве», «Наследственное право», «Правоспособность иностранных граждан и юридических лиц. Применение гражданских законов иностранных государств и международных договоров».

V

Подготовка и принятие Конституции Российской Федерации

Начиная с 1986 г. Конституция РСФСР 1978 г. подверглась существенным изменениям, особенно после распада Советского Союза, когда Российская Конституция стала реальным Основным Законом.

Поправки были связаны, в частности, с корректировкой союзного Основного Закона, изменениями избирательной системы, учреждением Съезда народных депутатов и поста Президента РСФСР. Понятно,

¹⁴ См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 29, ст. 572.

что обретение Россией независимости потребовало коренной перестройки всей государственно-правовой системы. Подготовленная и принятая на базе союзного Основного Закона 1977 г. Конституция РСФСР 1978 г. постепенно из субсидиарного (дополнительного) акта превратилась в Конституцию суверенного государства — Российской Федерации.

Депутаты активно вносили многочисленные и разнообразные поправки в Конституцию, порой пренебрегая регламентом и делая это «с голоса». Большинство поправок касалось прав и свобод граждан. Основная часть изменений в Конституцию была внесена Законом РФ от 21 апреля 1992 г.¹⁵ Некоторые уточнения были внесены в декабре того же года.¹⁶ Понятно, что вследствие такого подхода документ приобрел лоскутный и весьма противоречивый характер.

Базовым конституционным противоречием было наличие двух равнозначных центров власти — Съезда народных депутатов, с одной стороны, и Президента — с другой. В тексте Основного Закона было закреплено двоевластие, которое рано или поздно приводит к конфликту, чаще вооруженному.

Узаконенное в Конституции двоевластие очевидным образом противоречило ст. 3: «Система государственной власти в Российской Федерации основана на принципах разделения законодательной, исполнительной и судебной властей».

В том, что необходимо разработать и принять новый Основной Закон, не сомневался никто. Вместе с тем Съезд народных депутатов, состоявший из более 1000 человек и не желавший делиться властью, был явно неоперабельным средством управления. Весь вопрос заключался в том, какой тип государственности будет учрежден этой новой Конституцией.

Пропрезидентские силы выступали за принятие новой Конституции с усилением власти президента, возможностью проведения либеральных экономических реформ. Их противники — за сохранение полноты власти у Съезда народных депутатов, сохранение Советов народных депутатов на всех уровнях, преобладание государственного сектора во всех отраслях экономики.

Обретение Российской Федерацией статуса суверенного государства поставило вопрос о принятии новой Конституции страны как акта прямого действия с выстраиванием отраслевого законодательства

от кодексов до федеральных законов с приоритетом прав человека.

Экономических предпосылок подготовки Конституции было много: гражданский оборот товаров развалился, страна вернулась к меновым (бартерным) отношениям. Следует напомнить, что советской экономике были чужды такие категории, как частная собственность, недвижимость, предпринимательство и другие базовые категории нормальной экономики. В начале 1990-х годов в России вошел в обиход термин «рыночная экономика». Надо было восстанавливать отношения, связанные с этими категориями, системно отталкиваясь от Основного Закона.

Назрела необходимость в глубокой политической, государственной и судебной реформах. Угроза развала страны была вполне реальной. Нарастающий конфликт в верхах будоражил федеральные и местные власти. Про права граждан вспоминали лишь при отстаивании «суверенных» интересов тех или иных властей.

Подготовка текста новой Конституции проходила в условиях острой политической борьбы двух центров власти — Съезда народных депутатов и Президента. Существовало два конкурирующих проекта Основного Закона — проект Конституционной комиссии Съезда народных депутатов и проект Конституционного совещания, созданного Президентом.

Весьма противоречивые представления многочисленных политических сил о путях решения перечисленных проблем, а также политические амбиции лидеров этих сил не позволяли сдвинуться с мертвой точки в разработке консенсусного проекта Конституции, что еще больше усиливало противостояние двух центров власти.

В итоге в октябре 1993 г. это противостояние вылилось в вооруженный конфликт между Верховным Советом и президентскими структурами, верх в котором одержала президентская власть.

Президентский проект Конституции во многом основывался на т.н. альтернативном проекте, разработанном в 1992 г. усилиями С.С. Алексеева и его коллег. «Было истинной удачей то, что работа над альтернативным проектом осуществлялась группой правоведов, имеющих, могу заверить, основательную юридическую подготовку и связанных между собой многолетней профессиональной и творческой деятельностью, глубоким личным взаимоуважением... Работа над текстом альтернативного проекта проходила в Санкт-Петербурге, в одном из помещений Смольного (точнее — скрытого во дворе уютного двухэтажного дома, судя по всему, служившего комфортной обителью питерского руководства в тяжкие дни блокады) под благодистой канцелярско-деловой опекой и при прямом участии в разработке

¹⁵ См.: Закон РФ от 21.04.1992 № 2708-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 20, ст. 1084.

¹⁶ См.: Закон РФ от 09.12.1992 № 4061-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Федерации — России» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 2, ст. 55.

А.А. Собчака»¹⁷, — писал С.С. Алексеев через 15 лет после принятия Основного Закона.

В принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Конституции РФ произошел полный отказ от советской, социалистической модели общественного развития. Изменились особенности государственно-го устройства, появились важные для того времени положения о различных формах собственности. Согласно ст. 8 Конституции РФ в Российской Федерации стали признаваться и защищаться «равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности».

Конституция является законом прямого действия. Верховенство закона, провозглашение человека, его прав и свобод высшей ценностью, соответствие системы провозглашенных прав граждан Всеобщей декларации прав человека отличают современную Конституцию России от прежних Основных законов нашей страны.

В отличие от предыдущих отечественных Конституций, которых, напомним, было семь, слов «Основной Закон» в нынешней Конституции нет. Это, конечно, не значит, что Конституция перестала быть главным, основным законом. Важно, что теперь в текст Конституции (гл. 9) внесен принцип ее самозащиты посредством особого порядка внесения в нее изменений и дополнений. Особенно это касается базовых положений о социально-политическом устройстве страны, правах и свободах граждан.

Конституция РФ позволила заложить мощную правовую основу для развития отраслевого законодательства, например гражданского, семейного, уголовного.

Как мы уже говорили, в начале 1990-х годов С.С. Алексеев активно участвовал в разработке Основного Закона новой России. По этому поводу он писал: «Судьба распорядилась так, что в самое крутое переломное время начала 1990-х годов, когда наша страна мучительно выкарабкивалась из пучины тоталитарного строя, я оказался у истоков создания Конституции — в сущности, для каждой страны своего рода светского Евангелия, призванного утверждать и определять на будущее ее общественное и государственное устройство, ее ценности и перспективы»¹⁸.

«Альтернативный» проект был создан правоведами под руководством С.С. Алексеева и А.А. Собчака. Как отмечал Сергей Сергеевич, «незаменимую роль при уточнении концепции и юридической обработке текста сыграл один из выдающихся мастеров

юридического дела Станислав Антонович Хохлов¹⁹. «Альтернативный» проект был Конституцией Человека. «Такой Конституцией, в соответствии с которой человек — с его высоким достоинством и неотъемлемыми правами — возвысился над властью и стал центром государственно-правовой жизни»²⁰.

После известных событий октября 1993 г., положивших конец катастрофической ситуации двоевластия, работа по окончательной доводке Конституции переместилась в недра Администрации Президента РСФСР. Сотрудники Администрации «сделали немало для того, чтобы в окончательном варианте конституционного проекта заметное место заняли советские традиции, оказались усиленными авторитарные акценты при определении президентской власти, многие положения оказались “причесанными” на советский манер, исчезли или оказались про-советски отредактированными положения с “либеральными выкрутасами”»²¹.

VI

Центр частного права и Гражданский кодекс

Как один из авторов Конституции и как выдающийся правовед, С.С. Алексеев в 1993—1996 гг. был членом Президентского совета и членом Комиссии по правам человека при Президенте РФ.

В конце декабря 1991 г. Указом Президента РФ созданный в ноябре 1991 г. Межреспубликанский исследовательский центр частного права был преобразован в Исследовательский центр частного права при Президенте РФ. С.С. Алексеев возглавил Совет Исследовательского центра.

Центр объединил наиболее крупных, видных специалистов по гражданскому праву из Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга, таких как Ю.Х. Калмыков, С.А. Хохлов, А.Л. Маковский, М.И. Брагинский, В.А. Дозорцев, Е.А. Суханов, Ю.К. Толстой, В.В. Витрянский, В.Ф. Яковлев и ряд других. Были установлены контакты с крупнейшими зарубежными юристами.

Основной задачей Центра была подготовка современного Гражданского кодекса РФ. С.С. Алексеев возглавлял Центр с 1991 по 1996 г.

Подготовка и принятие Гражданского кодекса проходили на рубеже веков, в острой борьбе с теми, кто не приемлет перспективу реальных

¹⁷ Алексеев С.С. У истоков Конституции России: субъективные заметки. Екатеринбург, 2009. С. 15, 16.

¹⁸ Там же. С. 3.

¹⁹ О С.А. Хохлове см.: Крашенинников П.В. Право и революция: очерки о государстве и праве. 1985—2000: в 2 т. М., 2022. Т. 1. С. 292—301.

²⁰ Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. С. 83.

²¹ Там же. С. 94, 95.

демократических перемен в российском обществе и категорически против частной собственности.

Во главе противников нового Гражданского кодекса стояла фракция КПРФ в Государственной Думе. При принятии части первой Кодекса в первом чтении в мае 1994 г. члены фракции, образно говоря, «легли костями» на пути введения частной собственности на землю. В результате Кодекс пришлось принимать без введения в действие соответствующей гл. 17. Она вступила в силу гораздо позже — в апреле 2001 г. Значительная часть членов Совета Федерации также была настроена против проекта Гражданского кодекса. После коротких дискуссий Президент РФ 30 ноября 1994 г. подписал первую часть Гражданского кодекса и Вводный закон без рассмотрения их верхней палатой «Ввиду пропуска срока рассмотрения».

С.С. Алексеев считал, и я в этом с ним полностью согласен, что российский Гражданский кодекс — наиболее крупное достижение в законодательстве за всю историю нашей страны. По мнению ряда зарубежных специалистов, это один из лучших сводов гражданского законодательства нынешнего времени.

Вторая часть Гражданского кодекса РФ имеет огромное значение для экономического оборота страны, поскольку регулирует договорные и внедоговорные обязательства. Фактически подготовка проекта велась еще до подписания Президентом РФ первой части. Проект второй части Кодекса был принят в конце 1995 г. и вступил в силу 1 марта 1996 г. Третья и четвертая части были подготовлены и введены в действие уже в XXI в.

VII

Подведение итогов

После выхода из Президентского совета С.С. Алексеев в 1996 г. вернулся в Екатеринбург. «В марте вместе с женой Зоей сдал служебную квартиру и оставил Москву, прихватив с собой несколько сотен книг, рукописи и добрые слова друзей — единственное богатство, нажитое в столице»²². На Урале он посвятил себя научной, педагогической и популяризаторской работе, долгое время возглавлял Институт частного права. С.С. Алексеев был почетным профессором Уральской государственной юридической академии (ныне — университет, ранее — СЮИ), почетным доктором Университета Париж-ХII Валь-де-Марн, председателем Научного совета Института частного права в Екатеринбурге, заместителем председателя Совета Исследовательского центра частного права при

Президенте РФ, председателем ученого совета Уральского отделения Российской школы частного права.

В то время С.С. Алексеев сознательно сторонился публичной деятельности. Однако в 1999 г. после моей встречи в качестве министра юстиции с Б.Н. Ельциным по поводу «закрытия» КПРФ, которую широко освещали практически все СМИ, он написал мне письмо. В нем содержалась подробная аргументация того, почему нельзя запрещать КПРФ. Это было несколько тетрадных страниц, исписанных мелким почерком. Они были переданы мне через руководителя Уральского филиала Российской школы частного права Бронислава Мичиславовича Гонгалю.

С.С. Алексеев — противник «ленинско-сталинских постулатов» — тем не менее писал, что может быть совершена непоправимая ошибка, которая пагубно отразится как на государстве, так и на всем обществе. Такая аргументация отнюдь не противоречила моей позиции, да и не только моей. В то время многие СМИ посмеивались, а политики удивлялись требованию Президента запретить КПРФ. Мне звонили коллеги со словами «держись». Сергей Сергеевич скорее интуитивно, через прожитое и пережитое «почувствовал “запах” возможной трагедии». Спасибо судьбе, что этого не случилось ни тогда, ни после.

В Екатеринбурге С.С. Алексеев читал лекции слушателям Российской школы частного права, писал научные и биографические труды. Написал несколько рассказов для детей.

В 2009 г. С.С. Алексеев стал лауреатом первой Всероссийской премии «Юрист года». С его согласия по инициативе Ассоциации юристов России и издательства «Статут» было выпущено в свет 10-томное **Собрание сочинений С.С. Алексеева**. При этом сам подбирал произведения для издания. Конечно же, он советовался с коллегами и друзьями, но, исходя из своей логики и понимания собственных трудов, решение всегда принимал сам. На одной из последних наших встреч в Екатеринбурге, в его квартире на улице Ленина мы с Константином Петровичем Беляевым пили чай и обсуждали с Сергеем Сергеевичем подготовку и структуру Собрания сочинений, наши робкие попытки повлиять на содержание ни к чему не привели. Потом поговорили о дальнейшей судьбе Гражданского кодекса, он достаточно жестко высказался о динамике современного законотворчества, о раздробленности положений о праве собственности, говорил о необходимости особого внимания к гражданскому праву...

В 2010 г. С.С. Алексееву была присуждена Демидовская премия за выдающийся вклад в создание правовых основ современной России.

В конце 2011 г. по семейным обстоятельствам С.С. Алексеев переехал жить в Санкт-Петербург. 12 мая 2013 г. Сергея Сергеевича не стало.

²² Алексеев С.С. У истоков Конституции России: субъективные заметки. С. 145.

Похоронен С.С. Алексеев на Овчинском кладбище поселка Овчино Всеволожского района Ленинградской области.

Светлый образ Сергея Сергеевича Алексеева, уникального ученого, активного политического деятеля, смелого и бескомпромиссного человека, романтика права, навсегда останется в сердцах и памяти его многочисленных учеников, тех, кому посчастливилось работать с ним, всех, кто так или иначе причастен к профессии юриста. Как справедливо заметил его друг и соратник В.Ф. Яковлев, идеи права выстраданы всей жизнью С.С. Алексеева, неразрывно связанной с современной историей самой России²³.

30 сентября 2013 г. Президент РФ подписал Указ «Об увековечении памяти С.С. Алексеева», на основании которого Исследовательскому центру частного права при Президенте РФ присвоено имя С.С. Алексеева. На доме, в котором он проживал в последнее время в Екатеринбурге, а также на главном учебном корпусе Уральского государственного юридического университета установлены мемориальные доски с памятными надписями и барельефами, изображающими С.С. Алексеева. Ассоциация юристов России учредила всероссийскую премию имени Сергея Сергеевича Алексеева, которая ежегодно вручается на Европейско-Азиатском правовом конгрессе в Екатеринбурге.

Сергей Сергеевич Алексеев — яркий представитель поколения, вынесшего на своих плечах чудовищную войну и неимоверные лишения, победившего страшного врага и восстановившего страну. Время течет неумолимо. Исполнилось 100 лет со дня рождения Сергея Сергеевича, уже больше десяти лет его нет с нами. Многие детали и подробности навсегда исчезают из памяти людей, лично знавших и общавшихся с ним. Научное наследие С.С. Алексеева еще ждет своих исследователей.

Сведения об авторе

КРАШЕНИННИКОВ Павел Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации; 103265 г. Москва, ул. Охотный Ряд, д. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 4: Линия права. Концепция. Сочинения 1990-х — 2009 годов. М., 2010. С. 13, 14, 17–24, 62, 83, 94, 95.
2. *Алексеев С.С.* У истоков Конституции России: субъективные заметки. Екатеринбург, 2009. С. 3, 15, 16, 145.
3. *Крашенинников П.В.* Право и революция: очерки о государстве и праве. 1985–2000: в 2 т. М., 2022. Т. 1. С. 292–301.
4. *Суханов Е.А.* Еще раз о различиях вещных и обязательственных прав // Частное право. Преодолевая испытания: к 60-летию Б.М. Гонгало / М.В. Бандо, Р.Б. Брюхов, Н.Г. Валева и др. М., 2016. С. 38.
5. *Яковлев В.Ф.* Об авторе и его трудах // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1: Гражданское право. Сочинения 1958–1970 годов. М., 2010. С. 9.

REFERENCES

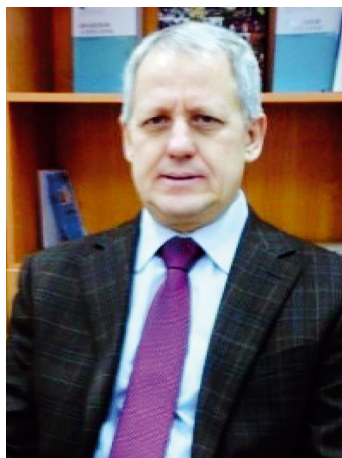
1. *Alekseev S.S.* Collected works: in 10 vols. Vol. 4: The line of law. Concept: Works of the 1990^s — 2009. M., 2010. Pp. 13, 14, 17–24, 62, 83, 94, 95 (in Russ.).
2. *Alekseev S.S.* At the origins of the Russian Constitution: subjective notes. Yekaterinburg, 2009. Pp. 3, 15, 16, 145 (in Russ.).
3. *Krashenninikov P.V.* Law and Revolution: essays on the state and law. 1985–2000: in 2 vols. M., 2022. Vol. 1. Pp. 292–301 (in Russ.).
4. *Sukhanov E.A.* Once again about the differences between property and obligation rights // Private law. Overcoming trials: to the 60th anniversary of B.M. Gongalo / M.V. Bando, R.B. Bryukhov, N.G. Valeeva et al. M., 2016. P. 38 (in Russ.).
5. *Yakovlev V.F.* About the author and his works // Alekseev S.S. Collected works: in 10 vols. Vol. 1: Civil Law. Works of the 1958–1970. M., 2010. P. 9 (in Russ.).

Authors' information

KRASHENINNIKOV Pavel V. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation; 1 Okhotny Ryad str., 103265 Moscow, Russia

²³ См.: *Яковлев В.Ф.* Об авторе и его трудах // Алексеев С.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1: Гражданское право. Сочинения 1958–1970 годов. С. 9.

УДК 340

«КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ» Г. МАРКУЗЕ: МЕТАФИЗИКА КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИКИ

© 2024 г. В. Н. Жуков

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 22.04.2024 г.

Аннотация. В статье рассматривается «критическая теория» Г. Маркузе. Ее суть — осуществить синтез метафизической философии, науки и идеологии, создав, таким образом, политическую теорию, способную стать средством и целью политической борьбы. Наука, пронизанная метафизикой, делает вывод Маркузе, с неизбежностью будет политизирована, превратится в идеологию и политику, так как ее целью станет разработка исторических альтернатив, социальных проектов будущего. В этом случае ценности, постулируемые метафизикой, должны трансформироваться в технические возможности нового общества. По сути, это есть акт освобождения: подлинная философия освобождает мышление от порабощения обществом.

Ключевые слова: Г. Маркузе, франкфуртская школа, Фрейд, Маркс, метафизика, политика, индустриальная культура.

Цитирование: Жуков В.Н. «Критическая теория» Г. Маркузе: метафизика как средство политики // Государство и право. 2024. № 5. С. 16–27.

DOI: 10.31857/S1026945224050022

“CRITICAL THEORY” BY G. MARCUSE: METAPHYSICS AS A MEANS OF POLITICS

© 2024 V. N. Zhukov

*Lomonosov Moscow State University;
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 22.04.2024

Abstract. The article discusses the “critical theory” of G. Marcuse. Its essence is to synthesize metaphysical philosophy, science and ideology, thus creating a political theory that can become a means and goal of political struggle. Science, permeated with metaphysics, Marcuse concludes, will inevitably be politicized, turn into ideology and politics, since its goal will be to develop historical alternatives, social projects of the future. In this case, the values postulated by metaphysics must be transformed into the technical capabilities of the new society. In fact, this is an act of liberation: genuine philosophy frees thinking from the enslavement of society.

Key words: G. Marcuse, Frankfurt school, Freud, Marx, metaphysics, politics, industrial culture.

For citation: Zhukov, V.N. (2024). “Critical theory” by G. Marcuse: metaphysics as a means of politics // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 16–27.

Герберт Маркузе — выдающийся представитель франкфуртской школы, в рамках которой была предпринята попытка соединить и творчески развить диалектику Гегеля, гуманистическую антропологию раннего Маркса и психоанализ Фрейда. Самое известное его сочинение — «Одномерный человек» (1964 г.), где дан системный критический анализ современного западного общества. Главный порок современной капиталистической цивилизации Маркузе видит в появлении индустриальной культуры, где техника и политика сливаются, создавая тоталитарный строй и растворяя в нем личность. Культура, общество, политика, сознание становятся, как он формулирует, «одномерными», т.е. дегуманизируются, лишаются многих, изначально присущих им свойств.

В известном смысле Маркузе можно назвать марксистом реформистского толка, предпринявшим попытку лишить его революционного ядра и придать ему гуманистическую направленность с помощью психоанализа. Кроме того, его учение испытало заметное влияние со стороны философии техники и экзистенциализма. Он использует подходы, разработанные Х. Ортега-и-Гассетом, М. Хайдеггером, Н.А. Бердяевым, Б.П. Вышеславцевым: техника, организуя огромные массы людей в производственном процессе, превращая их в придаток машины и обезличивая, формирует тип власти, перенимаемый политикой; власть становится поистине тотальной, а общество и политика — тоталитарными.

Строго говоря, автор идеи слияния политики и машинного производства — К.А. Сен-Симон, которого Маркс считал своим предшественником. Согласно французскому социалисту-утописту, производительные классы в лице капиталистов, пролетариев и ученых должны превратиться в функциональные единицы единого процесса производства, политика будет растворена в производстве, а традиционное общество трансформируется в «промышленную систему». Важнейшая мысль здесь — изменение природы политической власти: государство превращается из орудия управления людьми в орудие организации производства, в орудие «управление вещами», что исключит

систему господства и подчинения; человек, подчиняясь процессу производства, перестает нуждаться в правах, свободах и юридических гарантиях, политические институты и правопорядок сменяются промышленной системой; промышленная система, ограничив до предела политическое владение, доставит «людям наибольшую меру общей и индивидуальной свободы». Сен-Симон еще на этапе промышленной революции продемонстрировал дальновидность и проницательность, указав на связь политики и производства. Однако его прогноз о поглощении политики производством не только не сбылся, но, напротив, сбылся наоборот: производство стало придатком политики и способом организации нового политического господства. Данный факт зафиксировал Маркс в своей известной формуле: государство есть диктатура экономически господствующего класса, а право — способ закрепления данного господства. Отчужденный труд, согласно основоположнику марксизма, трансформировался в отчужденную политическую власть, а само классовое общество (особенно буржуазное) отчуждалось от самого себя, теряя существенно человеческие качества.

Индустриальная культура как тотальное господство. Отталкиваясь от Сен-Симона и Маркса, Маркузе развивает свою «критическую теорию». На первый взгляд, рассуждает он, западное общество рационально, если иметь в виду организацию хозяйственной и политической жизни, но на самом деле оно глубоко иррационально: «Его продуктивность разрушительна для свободного развития человеческих потребностей и способностей, его мирное существование держится на постоянной угрозе войны, а его рост зависит от подавления реальных возможностей умиротворения борьбы за существование — индивидуальной, национальной и международной»¹. В отличие от предшествующих эпох современное общество подчиняет себе людей скорее с помощью техники и высокого жизненного стандарта, чем террора. Никогда раньше общество не располагало таким объемом господства над человеком. Управленческий аппарат современного

¹ Маркузе Г. Одномерный человек. Киев, 1994. С. XI.

индустриального общества обладает тоталитарной властью, поскольку влияет на все сферы жизни, включая формирование потребностей. Технологическое общество является системой господства, заложенной в свойствах техники. Дотехнологические и технологические общества объединяют разум, который в обоих случаях выстраивает отношения на основе господства. Различие в том, что меняется основа господства: личная зависимость (раба от рабовладельца, крестьянина от феодала) замещается зависимостью от всеобщего порядка вещей и его институтов (законов рынка и т.д.). «Объективный порядок вещей» сам есть результат господства, хотя и представляет более высокий тип рациональности, более высокий уровень эксплуатации природных и интеллектуальных ресурсов и их распределения. Ограниченность этой рациональности проявляется в прогрессирующем порабощении человека административным аппаратом².

В развитом индустриальном обществе, согласно Маркузе, технология производства перерастает в технологию политики, технология становится политикой, что является результатом западной установки: природа — это материал для господства. Господство над природой с неизбежностью совмещается с господством над людьми, «технологическая рациональность становится политической рациональностью». «Господство под маской изобилия и свобод распространяется на все сферы частного и публичного существования, интегрирует всякую подлинную оппозицию и поглощает все альтернативы. Становится очевидным политический характер технологической рациональности как основного средства усовершенствования господства, создающего всецело тоталитарный универсум, в котором общество и природа, тело и душа удерживаются в состоянии постоянной мобилизации для защиты этого универсума»³. Культура, экономика и политика при посредстве технологии сливаются в тоталитарную систему, имеющую две основные функции: 1) стабилизация общества на основе роста производительности труда; 2) удержание технического прогресса в рамках существующего господства.

Современное индустриальное общество, убежден Маркузе, не поддается определению в традиционных категориях прав и свобод человека, они во многом утратили свое первоначальное содержание. В развитой индустриальной цивилизации царит комфортабельная демократическая несвобода, имеет место рациональное подавление индивидуальности. В настоящее время политическая власть поддерживает свое господство посредством технической и научной организации производства.

Организуя производство, политическая власть организует общество, сила машины подчиняет себе индивида. Но поскольку сила машины — накопленная и воплощенная сила человека, мир технического труда становится потенциальной основой новой человеческой несвободы. В условиях индустриальной культуры неизбежен упадок свободы, поскольку расширение производства товаров и услуг укрепляет позиции технического аппарата, стремящегося к всевластию⁴.

Таким образом, заключает Маркузе, порожденная индустриальной культурой либеральная демократия становится наиболее эффективной формой господства, а принятый на Западе политический плюрализм на самом деле оказывается тормозом в деле качественных изменений. И капитализм, и коммунизм демонстрируют ограничения своего исторического развития, обе системы рожают технический аппарат, консервирующий силы роста, что в конечном счете нацелено на подрыв существующего способа господства⁵.

Современное индустриальное общество, по Маркузе, привязывает к себе индивидов при помощи потребностей, которые само же и формирует. Это одна из форм общественного контроля. Человеческие потребности обусловлены историческими факторами. Следует различать истинные и ложные (репрессивные) потребности. Ложные потребности те, которые навязываются индивиду с целью его подавления. Это потребности, закрепляющие тягостный труд, агрессивность, нищету, несправедливость. Их утоление хотя и может принести значительное удовольствие, но оно скрывает способность распознавать свою несвободу. В результате — эйфория в условиях несчастья. Большинство потребностей в условиях современного индустриального общества относятся к ложным, нацеленным на подавление человека (развлекаться, потреблять, любить и ненавидеть в соответствии с принятыми стандартами). Истинные потребности те, удовлетворение которых связано с физическим выживанием человека, но с учетом достигнутого уровня культуры (питание, одежда, жилье). Большинство людей, находясь во власти общественных стереотипов, являясь объектом манипулирования, не способны определить ложность или истинность потребностей. Освобождение человека требует вытеснения ложных потребностей истинными и отказа от репрессивного удовлетворения⁶.

К категории ложных потребностей следует отнести «свободный выбор», который также

² См.: Маркузе Г. Указ. соч. С. XI, XII, XIX, 189.

³ Там же. С. 25.

⁴ См.: там же. С. 1, 2, 4, 5, 63.

⁵ См.: там же. С. 68, 69, 71.

⁶ См.: там же. С. 6–9, 12.

предопределен стандартами и условиями индустриальной культуры. Репрессивная культура сама предлагает объект «свободного выбора», индивиду остается только подчиниться данному предложению. «Свободные выборы господ не отменяют противоположности господ и рабов». Здесь «свободный выбор» также становится формой социального контроля⁷.

Одномерность культуры, сознания и языка. Анализ Маркузе современного ему индустриального общества позволяет сделать вывод, что прогноз Сен-Симона сбылся: производство действительно объединило всех его участников (капиталистов, пролетариев и ученых), но при этом обезличив, лишив их самостоятельности, сделав заложниками «промышленной системы» и превратив в единый, «одномерный» монолит. Современное индустриальное общество, полагает Маркузе, содержит две противоположные тенденции: 1) сдерживание назревших перемен; 2) формирование сил, способных положить конец этому сдерживанию и взорвать общество. Первая тенденция доминирует. Современное западное общество, развивая свою мысль, продолжает состоять из двух главных классов — буржуазии и пролетариата, но в силу существенных изменений их структуры и функций они перестали быть субъектами исторических преобразований. Будучи заинтересованными в сохранении status quo, буржуазия и пролетариат перешли от конфронтации к сотрудничеству. Современный капитализм стирает признаки эксплуатации рабочего класса. «Ненависть и фрустрация лишились своих специфических объектов, а воспроизводство неравенства и рабства скрыл технологический покров»⁸. Капиталист и пролетарий в одинаковой мере становятся элементами аппарата производства, существуют в виде инструмента, вещи, что делает их рабами. Со временем тоталитарная система индустриальной культуры только усиливается, стирая различие между сублимированным и фактическим рабством. Даже коммунистические партии Западной Европы осуществляют свою деятельность в рамках принятых там стандартов сознания и поведения, забыв о своих целях революционного преобразования мира. Во всем этом проявляется тотальность индустриальной культуры, ее одномерность и замкнутость⁹.

Позднее индустриальное общество, согласно Маркузе, увеличивает потребность в паразитических и отчужденных функциях. Повышение жизненного стандарта, все возрастающее потребление расширяют возможности власти в деле

манипуляции обществом. Такая ситуация снижает ценность свободы, которую большинство меняет на материальный комфорт жизни и безопасность. В данных условиях политические силы с неизбежностью приобретают консервативный характер, выступают за status quo. Современное государство благоденствия — «это образ исторического мутанта организованного капитализма и социализма, рабства и свободы, тоталитаризма и счастья». У людей современного общества формируется «счастливое сознание», т.е. убеждение в том, что существующая система (экономическая и политическая) в высшей степени разумна и необходима. Счастливое сознание есть отражение нового конформизма, проявление беспрецедентной степени рационализации¹⁰.

Как полагает Маркузе, один из путей формирования тотальной одномерной культуры — интроекция, т.е. такой механизм, при котором индивид включает в свой внутренний мир фрагменты (факты, ценности, нормы) окружающей его действительности. Формы социального контроля настолько внедрены в индивидуальное сознание, что любой возникающий у человека протест воспринимается им самим как неправомерный и требующий погашения в самом зародыше. «Интеллектуальный и эмоциональный отказ “следовать вместе со всеми” предстает как свидетельство невроза и бессилия»¹¹. Более того, зачастую имеет место не просто интроекция, а полное отождествление личности с обществом, растворение ее в ней. Парадоксальность ситуации в том, подчеркивает Маркузе, что высоко технологичная индустриальная культура взяла на вооружение формы контроля, характерные для примитивных обществ: полная идентификация личности с обществом. Интроекция лишает индивида собственной критической позиции. Формально руководствуясь разумом и считая окружающий мир разумно организованным, человек воспринимает свою попытку сомневаться в этой организации как покушение на разум. Такое подавление разума не позволяет людям видеть репрессивность окружающей их культуры. Результат интроекции — высшая степень отчуждения¹².

Индустриальная культура, продолжает Маркузе, навязывая людям систему потребностей, товары и услуги, в конечном счете — образ жизни, воспроизводит невиданные ранее пласты идеологии, заменяющие критическое сознание индивидов. Отчужденное бытие рождает отчужденное сознание — идеологию, предлагающее одномерное мышление и поведение. Любая альтернатива господствующему образу жизни и мысли либо

⁷ См.: Маркузе Г. Указ. соч. С. 10.

⁸ Там же. С. 42.

⁹ См.: там же. С. XV, XVI, XVIII, 28, 29, 42–44.

¹⁰ См.: там же. С. 64, 65, 69, 109.

¹¹ Там же. С. 13.

¹² См.: там же. С. 13–15.

отторгается одномерным сознанием, либо меняется в соответствии с его лекалами. Иными словами, индустриальная культура создает тотальную жесткую унификацию социальной действительности, не допускающей мышления и поведения, противоречащего ее стандартам. Одномерное мышление — неотъемлемое свойство современного мира политики. Как либеральные, так и коммунистические режимы, определяя понятие и рамки свободы, с помощью пропаганды и прямого принуждения заставляют подвластное население принимать установленные идеологические клише¹³.

Согласно Маркузе, хотя репрессивная индустриальная культура глубоко иррациональна (поскольку воспроизводит социальный контроль независимо от воли людей, лишая их свободы), организация и функционирование ее институтов выглядят вполне рационально. Соответственно, всякое противостояние социальным институтам объявляется обществом иррациональным и немыслимым. В общественном сознании рациональное и иррациональное меняется местами, выдавая абсурд социальной организации за эталон, найденный разумом. Индустриальные общества имеют две противостоящие друг другу тенденции: стремление к завершению технологической рациональности и интенсивные усилия удержать эту тенденцию в рамках существующих институтов. Противоречие этих тенденций составляет существо современной индустриальной цивилизации: в рациональном стремлении технического прогресса кроется иррациональность человеческих интересов. В борьбе человека за существование проявляется рациональность, но истоки этой борьбы иррациональны¹⁴. «Между жизнью как целью и жизнью как средством — непреодолимое качественное различие»¹⁵.

Одномерное сознание, утверждает Маркузе, проявляет себя в языке современного индустриального общества. Одномерное мышление рождает язык, отождествляющий вещь с его функцией. Такая техника языка вроде бы делает вещь с указанием ее функции более реальной, чем вещь, отличающаяся от своей функции. Однако на самом деле данный язык постоянно навязывает образы одномерной культуры и тем самым препятствует развитию и определению понятий. В одномерном мышлении язык наполняется функционализмом, операционными и технологическими дефинициями, используемыми в специфических целях. Цель мышления, напротив, состоит в том, чтобы различать вещь и ее функцию, чтобы проникнуть в суть вещи, отделив от нее случайные функции.

Одномерный язык нацелен на технологические операции, служащие целям поддержания господства существующих социальных институтов, классический полноценный язык, напротив, имеет задачу постижения бытия и его истин¹⁶.

Функциональный, одномерный язык, убежден Маркузе, препятствует полноценному, объективному изучению фактов, в том числе фактов истории. В унифицированном, функциональном языке отсутствуют критика и диалектика, что ведет к утрате разумом способности познания трансцендентных истин. Диалектическое и критическое мышление рассматривает реальность исторически, в противоречивом единстве. Функциональный язык подавляет объективное познание истории; она становится инструментом политики. «Это подавление прошлого самого общества, а также его будущего в той мере, в какой это будущее побуждает к качественным переменам, к отрицанию настоящего. Универсум дискурса, в котором категории свободы стали взаимозаменяемыми или даже тождественными со своими противоположностями, не просто прибегает к оруэлловскому или эзопову языку, он отталкивает и забывает историческую действительность — ужасы фашизма, идею социализма, предпосылки демократии, содержание свободы. Если бюрократическая диктатура руководит коммунистическим обществом, если фашистские режимы могут быть партнерами Свободного Мира, если ярлыка “социализма” достаточно для того, чтобы сорвать программу развития просвещенного капитализма, если сама демократия достигает гармонии через отмену своих собственных оснований, — это означает, что прежние исторические понятия обесмыслились вследствие их современного операционального переопределения. Ибо переопределение, налагаемое властью предержащими, — это фальсифицирование, которое служит превращению лжи в истину»¹⁷.

Ритуально-авторитарный язык, заключает Маркузе, распространяется в современном мире, включая страны демократические и недемократические, капиталистические и некапиталистические. Везде язык становится формой социального контроля, даже информация несет в себе императивы, которым предлагается подчиняться. Функциональный язык нацелен не на рассуждение и интеллектуальный поиск, он устанавливает и предписывает истину и ложность. Эффективность функционального языка обеспечивается, как правило, не террором, а готовностью людей ему подчиняться. Язык политики сближается с языком рекламы,

¹³ См.: Маркузе Г. Указ. соч. С. 15, 16, 19, 20.

¹⁴ См.: там же. С. 12, 13.

¹⁵ Там же. С. 24.

¹⁶ См.: там же. С. 124, 125.

¹⁷ Там же. С. 128.

что не уменьшает объем власти, а делает ее более технологичной¹⁸.

Освобождающая сублимация и репрессивная десублимация. Одним из важнейших показателей репрессивности и одномерности современного индустриального общества Маркузе считает феномен массовой культуры, характерной всеобщей стандартизацией сознания и поведения, снижением чувства индивидуальности и выдвигающей в качестве главной ценности идею потребления. Анализ массовой культуры он проводит на контрасте с «высокой культурой», имевшей место по большей части в прошлом. Здесь Маркузе вроде бы отталкивается от известной позиции Фрейда, согласно которой искусство (как всякая другая социально полезная деятельность) есть результат сублимации части сексуальной энергии: неизрасходованная сексуальная энергия, не получая генитального удовлетворения, реализуется в творчестве (в том числе высоко духовном). В рамках этой четкой и ясной схемы массовая культура — также следствие сублимации. Тот факт, что массовая культура по своей оригинальности и глубине уступает высокому искусству, принципиально дела не меняет. Однако Маркузе такой подход не устраивает, ему нужно показать массовую культуру как признак деградации западной культуры и общественного сознания с использованием механизма сублимации. С этой целью он вводит понятие «десублимация» и расщепляет понятие либидо на генитальную сексуальность и эротику всего тела. В данном случае он ссылается на Фрейда, давая его учению, как представляется, ложную трактовку. Тем не менее цель, поставленная Маркузе, достигается: массовая культура предстает как верный показатель «одномерности», ущербности человека современного западного общества.

По ходу прогресса технической цивилизации, утверждает Маркузе, ликвидируются элементы «высокой культуры», становясь жертвой процесса десублимации. «Достижения и неудачи современного общества лишили высокую культуру ее прежнего значения. Прославление автономной личности, гуманизма, трагической и романтической любви, по-видимому, являлось идеалом только для пройденного этапа развития. То же, что мы видим сейчас, — это не вырождение высокой культуры в массовую культуру, но ее опровержение действительностью. Действительность превосходит свою культуру, и сегодня человек может сделать больше, чем культурные герои и полубоги; он уже разрешил множество проблем, казавшихся неразрешимыми. Но вместе с тем он предал надежду и погубил истину, которые сохранялись в сублимациях

высокой культуры»¹⁹. Высокая культура всегда находилась в противоречии с социальной действительностью и была доступна только привилегированному меньшинству. В XX в. дуализм высокой и низкой (народной) культур исчезает за счет удаления из первой оппозиционных элементов, возникает массовая культура, уже не противостоящая, а тождественная действительности. Ценности высокой культуры становятся товаром, а сама культура из двухмерной превращается в одномерную. В массовой культуре взаимоисключающие истины высокой культуры предстают в виде «гармонизирующего плюрализма», что фактически рождает тоталитарную культуру²⁰.

Высокое искусство, согласно Маркузе, демонстрировало конфликт идеала и действительности, оно являло собой отчуждение от действительности, протест против нее. Истина высокого искусства была иллюзией, где концентрировались подавляемые желания. Высокое искусство создавало предельное напряжение между действительностью и подавленными желаниями, отражало трагическую невозможность их реализовать. В высоком искусстве жить своей жизнью, быть самим собой означало покорность судьбе и смерть. «Преступления общества, ад, сотворенный человеком для человека, приняли вид непобедимых космических сил»²¹. В высоком искусстве жизнь была представлена без прикрас, как она есть, что разрушало царство повседневного опыта, этого ложного и увечного бытия. Индустриальная культура, создав одномерность искусства путем его сведения к действительности, подорвала саму основу художественного отчуждения²².

Высокое искусство, продолжает Маркузе, содержало в себе рациональность отрицания, что в наиболее развитой форме становится Великим Отказом — протестом против существующего. Экзистенциальные проблемы, поставленные высоким искусством, в XX в. разрешаются техническими способами. Так, Дон Жуан, Ромео, Гамлет, Фауст, Эдип стали бы пациентами психиатра. Правители, решающие судьбы мира, также малопригодны для драмы: внешне они утратили свои метафизические черты, хотя последствие их действий может превосходить масштаб драмы. Современный логический и лингвистический анализ показал иллюзорность старых метафизических проблем, поиск смысла вещей трансформировался в поиск смысла слов²³.

¹⁹ Там же. С. 72, 73.

²⁰ См.: там же. С. 73, 74, 79.

²¹ Там же. С. 80.

²² См.: там же. С. 79–81.

²³ См.: там же. С. 82, 91, 92.

¹⁸ См.: Маркузе Г. Указ. соч. С. 134, 135.

Высокое искусство заявляло стремление к свободе, отказ повиноваться, подавить который можно было только с помощью компенсации, обещающей большее удовлетворение, чем сам отказ. Такой компенсацией стало материальное удовлетворение, позволившее заменить высокое искусство массовой культурой. В этом и состоял, по Маркузе, механизм стремительной десублимации. Если художественное отчуждение является сублимацией, то перевод искусства на язык быта и рекламы означал десублимацию. Удовольствие, получаемое от удовлетворения материальными благами, побеждает хотя и сублимированные, но великие истины человеческой жизни, открываемые высоким искусством. В этом смысле принцип удовольствия побеждает принцип реальности, а десублимация становится результатом репрессивных форм культуры. Налицо парадокс: за сублимацией стоит стремление к свободе, за десублимацией — репрессивная культура. Десублимация высокой культуры оказывается побочным продуктом установления социального контроля со стороны индустриальной цивилизации, внешне вроде бы расширяющей свободу, но на самом деле усиливающей господство всех ее институтов²⁴.

В обобщенном виде противостояние высокого искусства и массовой культуры предстает у Маркузе как противопоставление сублимации десублимации. Он ставит перед собой цель показать связь между технологическим обществом, десублимацией и социальным использованием инстинктов. Маркузе ссылается на позднего Фрейда, который, с его точки зрения, различал сексуальность (специализированное, генитальное влечение) и эротику (влечение всего организма). Технологическое (одномерное) общество сужает действие либидо, сводит эротику до простого сексуального удовлетворения. Уменьшая эротическую и увеличивая сексуальную энергию, технологическое общество ограничивает объем сублимации и сокращает потребность в ней. Напряжение между желанием и запретом значительно снижается, и принцип реальности больше не требует болезненной трансформации влечений. В результате мир уже не кажется индивиду таким враждебным, требующим от него отказ от глубинных желаний. Данное восприятие действительности подготавливает организм к спонтанному принятию предложенного. Расширение внешней свободы ведет к сужению, а не к расширению инстинктивных потребностей, что способствует утверждению существующего порядка институционального подавления. Это и есть, по Маркузе, механизм институционализированной десублимации, который становится важнейшим

фактором формирования авторитарной личности и авторитарного режима²⁵.

Индустриальная цивилизация, рассуждает Маркузе, ослабляет сексуальные запреты в том смысле, что делает сексуальность товаром, включая ее в производственные отношения. «Не прекращая быть инструментом труда, тело получает возможность проявлять свои сексуальные качества в мире повседневного труда и в трудовых отношениях... Сексуальные секретарши и продавщицы, красивые мужественные молодые исполнители и администраторы стали товаром с высокой рыночной стоимостью; даже правильно выбранная любовница — что раньше было привилегией королей, принцев и лордов — получает значение фактора карьеры и в не столь высоких слоях делового сообщества»²⁶. Таким образом, секс, интегрированный в трудовые и публичные формы поведения, все больше попадает в зависимость от контролируемого удовлетворения. На выходе — более контролируемый индивид. Технологическое общество, расширяя рамки дозволенной сексуальности, обуздывает инстинкты, что порождает уступчивость, подчинение и ослабляет протест²⁷.

В противоположность десублимации, заверяет Маркузе, сублимация сохраняет в сознании потребность в освобождении. Сублимация, будучи результатом действия социальных запретов, в то же время рождает отчуждение, в котором потенциально заложено преодоление этих запретов. «Сверх-Я», осуществляя цензуру бессознательного и порождая совесть, подвергает цензуре также и цензора, т.е. общество. Сублимация, требуя высокой степени автономии, осуществляет связь между сознанием и бессознательным, отказом и бунтом. В искусстве сублимация «становится познавательной силой, которая, уступая подавлению, одновременно наносит ему удар». Десублимация, напротив, расширяя рамки дозволенного, влечет упадок автономии, утрату совести, ведет к развитию счастливого сознания, готового согласиться с любыми преступлениями общества. Освобождение сексуальности значительно снижает ощущение обездоленности и недовольства, но непрочность этого ощущения легко поддается политической мобилизации, что может стать источником фашизма. Счастливое сознание есть своего рода результат трансформации скрытого чувства несчастья, что служит основой твердого социального порядка. Десублимация, нацеленная на подавление «способности к трансцендированию» (т.е. к истинам высокой культуры), создает одномерное мышление,

²⁵ См.: там же. С. 93–96.

²⁶ Там же. С. 96, 97.

²⁷ См.: там же. С. 96–98.

²⁴ См.: Маркузе Г. Указ. соч. С. 93, 94.

не способное видеть альтернативы и ведущее к росту «счастливого сознания». Важнейшая установка счастливого сознания — гегелевский тезис «все действительное разумно», создающий «мир необходимости», где нет чувства вины и оправдываются любые преступления власти²⁸.

Управляемая десублимация, заключает Маркузе, предполагает возможность одновременного освобождения подавленной сексуальности и агрессивности. Он признает, что Фрейд устанавливает другую зависимость: расширение возможности для удовлетворения сексуальности снижает уровень агрессии и наоборот. Однако Маркузе привлекает здесь тезис о расщеплении либидо на сексуальность и эротику: расширение сексуальности ведет к сжатию эротической энергии, что влечет рост агрессии (сублимированной и десублимированной). Сублимированная форма агрессии бурно распространяется в современном индустриальном обществе, ее яркий пример — риск самоуничтожения в результате ядерной войны. В подготовке к ядерной войне Маркузе усматривает действие инстинкта смерти, который принял вид рациональной деятельности. Иными словами, управляемая десублимация предстает как неудачная попытка овладеть инстинктами и поставить их на службу общества. На самом деле, убежден Маркузе, такая десублимация оборачивается движением в сторону смерти²⁹.

Негативное и позитивное сознание. Маркузе как философ и политический мыслитель — наследник и представитель западноевропейского рационализма. Одна из стойких тенденций рационалистической философии — стремление к иррационализму (А. Шопенгауэр, С. Кьеркегор, Ф. Ницше), характерному критикой разума, его способности постичь истину и создать на ее основе гармоничную социальную организацию. В известном смысле иррационализм — естественное следствие рационализма, так как он представляет собой попытку рациональными средствами доказать ложность базовых установок рационализма. Во франкфуртской школе установка на иррационализм приняла форму критики гегелевской диалектики, используя ее же идейный и методологический аппарат. Пример тому — «негативная диалектика» Т. Адорно, где диалектика Гегеля была признана консервативной, в конечном счете отрицающей противоречивое развитие мира. «Негативная диалектика», напротив, предложила порвать с традиционной рациональностью и выйти к подлинным, т.е. принципиально нелогичным основам бытия. В этом случае «негативная диалектика» становилась подлинно революционной, преображающей мир силой.

Примерно такой же позиции придерживался и Маркузе, доказывая связь рационального мышления с одномерной культурой, сопряженной с несправедливой системой социального господства. Он предлагает различать позитивное сознание и негативное: первое одномерно (отождествляет идеал и действительность), второе двумерно (идеал противостоит действительности). Мыслить в соответствии с истиной, утверждает Маркузе, означает решимость существовать в соответствии с истиной, что предполагает возможность ниспровержения порядка, противоречащего истине. Ниспровергающий характер истины придает сознанию императивность: предикат «есть» подразумевает «должно быть». «Этот основывающийся на противоречии двухмерный стиль мышления составляет внутреннюю форму не только диалектической логики, но и всей философии, которая вступает в схватку с действительностью»³⁰. Диалектическое мышление понимает напряжение между «есть» и «должно» как онтологическое состояние, относящееся к структуре бытия. Формальная логика Аристотеля неспособна к трансцендированию, она не делит бытие на «есть» и «должно быть», а потому не угрожает действительности. Диалектическое мышление, напротив, является суждением о действительности, вынося ей свой приговор³¹.

Порочность рациональности индустриального общества, убеждает Маркузе, состоит в том, что создается социальная структура, лишенная стремления к трансцендированию, т.е. к обретению истин, освобождающих человека. Трансформация негативной оппозиции (идеал и действительность противостоят друг другу) к позитивной (идеал и действительность совпадают) ведет к организации одномерной тоталитарной социальной системы, лишаящей общество альтернатив. Способ такого «позитивного» мышления и поведения выражает ложное сознание, воплощенное в господствующем техническом аппарате, который, в свою очередь, его воспроизводит. Рациональность технического аппарата парадоксальным образом совмещает в себе негативное в позитивном, бесчеловечное — в гуманизме, поражение — в освобождении. Такова динамика действительности, где научное сознание сыграло решающую роль в объединении теоретического и практического разума³².

Согласно Маркузе, между наукой и социальной жизнью существует тесная взаимосвязь, — оба феномена подчиняются одной и той же логике и рациональности господства. Рациональность, наука с неизбежностью трансформируются в социальную

²⁸ См.: Маркузе Г. Указ. соч. С. 99, 100, 103.

²⁹ См.: там же. С. 101, 103.

³⁰ Там же. С. 174.

³¹ См.: там же. С. 175, 183, 184.

³² См.: там же. С. 189–192.

практику, процесс технологической рациональности — это политический процесс. Трансформация природы включает в себя трансформацию человека, осознанное человеком снова возвращается в общество, т.е. технологическое по своей природе является политическим³³. «Когда техника становится универсальной формой материального производства, она определяет границы культуры в целом; она задает проект исторического целого — мира»³⁴.

Рациональность чистой науки, продолжает Маркузе, нейтральна к любым внешним ценностям и изначально не предполагает никаких практических целей, но эта нейтральность носит позитивный характер, т.е. наука структурирует и формализует общественное сознание, а оно уже непосредственно влияет на социальную практику. Наука придает общественному сознанию функционализм и операционализм, что предопределяет свойства социальной (политической) практики. Наука задает технологическое отношение к природе в форме контроля и господства, что в полной мере воспринимается социальной действительностью: она также строится по технологическим лекалам, в форме контроля и господства. Теоретический разум, констатирует Маркузе, поступил в услужение к практическому разуму. Технология, рожденная наукой, обеспечивает легитимацию расширяющейся политической власти, подчиняющей себе все сферы культуры. Технологическая рациональность устанавливает все более разнообразные ограничения свободы, ставит барьеры человеку определять свою жизнь самому, т.е. открывает путь тоталитарному обществу. Поскольку технический прогресс пронизан политическим содержанием, освобождающая сила технологии обернулась новым порабощением человека. Развитие науки, рациональности с неизбежностью ведет к повышению эффективности социального управления, а с ним — ко все большему порабощению человека³⁵.

Наука, заключает Маркузе, замыслила проект универсума, где господство над природой тесно связано с господством над человеком. Эта связь может оказаться роковой для современного общества. В этом смысле общество, организованное на началах разума, готовит ниспровержение идеи разума. Возможность такого ниспровержения присутствовала в истории мысли с самого начала. Позитивное мышление, подчеркивает он, рождает конформизм, негативное — утопизм, но утопизм такого рода, который ориентирует на разрыв

с одномерной культурой и существующей системой господства³⁶.

Метафизика, наука, политика. Тема рационального и иррационального, позитивного и негативного сознания конкретизируется в проблеме соотношения метафизической философии и позитивистской, метафизики и науки. В ходе своего развития, рассуждает Маркузе, одномерное общество изменяет отношение между рациональным и иррациональным. Болезненная рациональность индустриального общества уступает место иррациональности, представленной в метафизике и трансформированной в новую рациональность.

Позитивизм (Маркузе имеет в виду прежде всего философию языка Л. Витгенштейна) отнимает у философии право мыслить в понятиях, отличных от обыденных. Позитивистская философия устанавливает свой собственный самодостаточный мир, закрытый и защищенный от вторжения внешних беспокоящих факторов. Позитивистское сознание, реализуясь внутри эмпирики, разрушает ее, поскольку опирается на обыденный, а не универсальный опыт. Объектом позитивистского анализа является эмпирический опыт индивида, его субъективный мир, сам ставший объектом манипулирования. Исследуется только то, что индивиду дано, а не движущие силы, определяющие его сознание. Позитивное мышление и его позитивистская философия сопротивляются историческому содержанию рациональности³⁷.

Маркузе выступает за метафизическую философию, многие категории которой, с его точки зрения, никогда не смогут стать обыденными. Точность и ясность недостижимы для подлинной философии. Позитивистская философия, играя роль психотерапевтического средства, нацелена на излечение от иллюзий, неясностей, загадок, призраков и привидений. Однако философ — не врач, его дело не лечить индивида, а познавать мир и его влияние на человека. Подлинная философия по-прежнему продолжает включать в себя призраки, фикции и иллюзии, поскольку они являются понятиями, распознающими ограниченность и обманчивость господствующей рациональности. Пренебрежение позитивизмом «призраков» философии ведет к созданию еще более призрачного мира³⁸.

Центральная тема метафизической философии, по Маркузе, — статус универсалий, так как именно их трактовка выявляет место философии в духовной культуре и ее историческую функцию. Подлинно философские универсалии содержат неочищенный первичный опыт, в котором чувствуется

³³ См.: Маркузе Г. Указ. соч. С. 192, 204, 221.

³⁴ Там же. С. 203.

³⁵ См.: там же. С. 206–209.

³⁶ См.: там же. С. 218–220.

³⁷ См.: там же. С. 234, 239, 295, 324.

³⁸ См.: там же. С. 235, 241, 245.

неясное, скрытое, метафизическое содержание. В этом опыте отражаются качества самого мира, с которым человек постоянно сталкивается. Данные универсалии вызывают стихийный протест, поскольку они потенциально могут нести в себе угрозу привычности, надежности и безопасности, т.е. всему тому, что предлагает здравый смысл. Метафизические универсалии рожают первобытную тревогу, которая стала основой перехода от мифа и религии (они содержали трансцендентную истину) к логике и позитивистской философии³⁹.

Метафизика, согласно Маркузе, не просто должна сменить позитивистскую философию, ей следует включить в себя научное знание, метафизика должна стать объектом науки. У Сен-Симона, рассуждает он, метафизическая стадия предшествует научной, однако рациональные основания последней с необходимостью рожают стремление к метафизике, к поиску (трансцендированию) нового идеала. Таким образом, метафизика, взросшая на основе науки, приобрела бы строгий научный характер. Метафизические истины, как и научные, могут быть верифицированы, но только в рамках более широкого исторического универсума. Поскольку истинность метафизических аксиом определяется их историческим содержанием (т.е. степенью определения ими исторических возможностей), то отношение между метафизикой и наукой является историческим⁴⁰.

Наука, пронизанная метафизикой, делает вывод Маркузе, с неизбежностью будет политизирована, превратится в идеологию и политику, так как ее целью станет разработка исторических альтернатив, социальных проектов будущего. В этом случае ценности, постулируемые метафизикой, должны трансформироваться в технические возможности нового общества. По сути, это есть акт освобождения: подлинная философия освобождает мышление от порабощения обществом. В этом качестве философия призвана обнаруживать объективные свойства действительности, получать знание о подлинном человеческом бытии и указывать преграды на пути к нему. Трансформация ценностей, открытых метафизикой, в технологические достижения потребует политических перемен. Технологический прогресс, совершающийся на основе метафизики, повлечет за собой количественное и качественное ослабление власти, что обусловлено необходимостью освобождения труда⁴¹.

Проект общества будущего. Маркузе, предлагая совместить метафизику и науку и на этой основе создать подлинно революционную теорию,

преобразующую мир, имеет в виду себя и свою «критическую теорию» общества. Его учение об одномерном западном обществе и нерепрессивной цивилизации — не только академический трактат, это также претензия еще на один проект «земного рая». В основе проекта лежит идея Великого Отказа, т.е. отвержение ценностей одномерной индустриальной культуры и порожденной ею либеральной демократии. Как утверждает Маркузе, «налицо все факты, которые могут служить обоснованием критической теории этого общества и его гибельного развития: возрастающая иррациональность целого; расточительная и требующая ограничений производительность; потребность в агрессивной экспансии; постоянная угроза войны; усиливающаяся эксплуатация; дегуманизация». Все эти факты указывают на возможность исторической альтернативы. Поскольку буржуазия и пролетариат, делает вывод Маркузе, перестали быть революционной силой, таковой становятся студенчество, интеллектуалы, т.е. в конечном счете он сам и такие, как он⁴².

Согласно Маркузе, философия, представленная в виде идеологии и политики, всегда есть исторический проект, соответствующий определенной стадии и уровню развития общества. Проект общества будущего должен быть построен на гармонии человека и природы. Поскольку борьба за существование есть признак страданий и нужды, в условиях нового общества эксплуатация природы будет актом не подавления природы и человека, а освобождения и человечества, и природы. Метафизика предполагает приближение природы к себе самой на основе ее бережного включения в процесс человеческой истории⁴³.

Маркузе называет два точных, как ему представляется, критерия истинности проекта: признание невыносимости существующего социального строя и наличие условий, необходимых для реализации нового проекта. Предлагаемый им проект он считает проявлением некоей высшей рациональности, логики и стремления к свободе (речь идет о «негативной» свободе, т.е. свободе от «угнетающей и идеологической власти» отжившего общества). Истинность исторического проекта, убежден Маркузе, не доказывается успехом, фактом его принятия обществом. Так, марксистская теория была истинной еще во времена «Манифеста Коммунистической партии», а фашизм, даже будучи на пике своего развития, был изначально ложным проектом. В настоящее время, полагает он, существуют два главных проекта — капитализм и коммунизм. Жизнеспособность каждого из них будет зависеть от двух факторов: 1) степени разрушительности

³⁹ См.: Маркузе Г. Указ. соч. С. 267, 277, 278.

⁴⁰ См.: там же. С. 301–303.

⁴¹ См.: там же. С. 262, 263, 305–307.

⁴² См.: там же. С. 331, 335, 338.

⁴³ См.: там же. С. 285, 309, 310.

* * *

проекта (негативные последствия его реализации); 2) степени его производительности (созидательные последствия его реализации). Ближе к истине тот проект, который предложит большее умиротворение, т.е. окажется ближе к идеалу нерепрессивной цивилизации⁴⁴.

Конкретные предложения проекта отчасти абстрактны, отчасти банальны, отчасти удивляют, а в целом вполне вписываются в стандартную утопию. Люди, рассуждает Маркузе, должны освободиться от энергии, предназначенной для разрушительных действий, что понизит уровень их зависимости от технической рациональности и позволит перейти к рациональности, строящей жизнь на основе «всеобщей умиротворенности». Непременное условие проекта — соблюдение блага целого вопреки частным интересам. Предлагается отказаться от стандартов общества потребления (т.е. от избытия) и установить пределы индивидуальных потребностей. Действенным средством в деле ограничения болезненных (репрессивных) потребностей могло бы стать отключение телевидения, иных средств информации и массовых развлечений, что повернуло бы человека к самому себе⁴⁵.

Новый жизненный стандарт предполагает также сокращение населения. Индустриальная цивилизация, нацеленная на войну и требующая миллионы жертв, нуждается в значительном приросте населения. Рост населения усиливает борьбу за существование, за расширение «жизненного пространства» как внутри общества, так и на международной арене. Рост населения сужает личное пространство индивида, не дает ему возможности сосредоточиться на себе⁴⁶.

В обществе будущего необходимы централизованное планирование и эффективный общественный контроль над производством и распределением предметов первой необходимости. Предполагается сочетание централизованной власти и прямой демократии.

Основной упор делается на формирование новой этики: поскольку общество избытия строится на основе всеобщей мобилизации сил и ресурсов, влекущей за собой политическую манипуляцию, тяжелый труд, рост неудовлетворенности и порабощающего потребительства, необходима этика отказа от расточительности и бережного отношения к природе.

В конечном счете, убежден Маркузе, такие меры привели бы к полному крушению индустриальной (репрессивной) культуры⁴⁷.

В известном смысле Маркузе — верный ученик Маркса, поскольку подобно своему учителю попытался создать теорию на основе метафизики, науки и идеологии. Так называемый научный социализм Маркса изначально включал в себя два компонента: науку (политико-экономический анализ буржуазного общества) и метафизику (философию истории, где конечной целью развития человечества объявлялся коммунизм). Как верно указывал Э. Бернштейн, научный социализм не является наукой в строгом смысле слова. Теория социализма, партийная по своей природе, имеет в себе внутреннее противоречие: в качестве идеологии она отстаивает интересы рабочего класса, а как наука — подчинена познанию истины. Классовая борьба постоянно уводит социалистическую теорию от чистой науки и превращает ее в инструмент политики. Научный социализм не может в полной мере считаться наукой также потому, что в значительной мере опирается не на факты действительности, а на идеал, который должен осуществиться в будущем. Иначе говоря, теория социализма, включая в себя гипотезу о коммунистическом обществе, с неизбежностью приобретает черты утопии⁴⁸.

Метафизика представляет собой философию, опирающуюся на аксиомы, признаваемые без доказательств, берущиеся на веру. Маркузе, зная опыт «реального социализма» с его партийной диктатурой и практикой массовых репрессий, намеренно вводит метафизику в политическую теорию, «соединяет науку с политической борьбой». В основу своей теории он кладет ряд метафизических аксиом, взятых из марксизма и психоанализа, и предлагает внедрить их в жизнь. Не считаясь с фактами действительности, противоречащими его теории, он выступает как типичный утопист, верящий в провозглашенные им идеи. Метафизика, включенная в политическую теорию и породившая политический идеал, должна стать, по Маркузе, средством и целью политической борьбы. Иными словами, повторяется формула В.И. Ленина: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно»⁴⁹. Критерий истинности учения здесь один: соответствие интересам пролетариата, делу его освобождения. Цели политической борьбы подчиняют себе науку, теорию, а сама наука становится придатком идеологии, средством ее рациональной обработки. Предложения Маркузе о централизованном планировании на основе ограничения

⁴⁴ См.: Маркузе Г. Указ. соч. С. 293, 294.

⁴⁵ См.: там же. С. 319, 322, 323, 329.

⁴⁶ См.: там же. С. 319–322.

⁴⁷ См.: там же. С. 317, 318, 322, 323, 329, 330.

⁴⁸ См.: Бернштейн Э. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. М., 2011. С. 226–228; *Его же*. Возможен ли научный социализм? Ответ Г. Плеханова. М., 1991. С. 36–39.

⁴⁹ Ленин В.И. Три источника и три составные части марксизма // Ленин В.И. Избр. произв.: в 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 31.

потребления, жестком контроле над распределением материальных благ, о лишении людей средств коммуникации, развлечений, о сокращении населения и, конечно, о формировании новой этики очень напоминают проекты Платона и коммунистические диктатуры XX в., особенно культурную революцию в Китае, ставшую одним из источников творческого вдохновения студенческого протеста 1968 г. и таких интеллектуалов, как Маркузе.

Основа тоталитарных диктатур XX в. — идеологические клише, выработанные партийными фанатиками и при помощи террора внедренные в социальную действительность. Здесь метафизика в полной мере переходит в политику, становится средством установления тоталитарной власти и подавления инакомыслия. «Гуманистический психоанализ» Маркузе, его проект «нерепрессивной цивилизации» потенциально содержит в себе такую опасность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бернштейн Э.* Возможен ли научный социализм? Ответ Г. Плеханова. М., 1991. С. 36–39.
2. *Бернштейн Э.* Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. М., 2011. С. 226–228.

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; эксперт РАН

3. *Ленин В.И.* Три источника и три составные части марксизма // Ленин В.И. Избр. произв.: в 3 т. М., 1976. Т. 1. С. 31.
4. *Маркузе Г.* Одномерный человек. Киев, 1994. С. XI, XII, XV, XVI, XVIII, XIX, 1, 2, 4–10, 12–16, 19, 20, 24, 25, 28, 29, 42–44, 63–65, 68, 69, 71–74, 79–82, 91–100, 103, 109, 124, 125, 128, 134, 135, 174, 175, 183, 184, 189–192, 203, 204, 206–209, 218–221, 234, 235, 239, 241, 245, 262, 263, 267, 277, 278, 285, 293–295, 301–303, 305–307, 309, 310, 317–324, 329–331, 335, 338.

REFERENCES

1. *Bernstein E.* Is scientific socialism possible? The answer of G. Plekhanov. M., 1991. Pp. 36–39 (in Russ.).
2. *Bernstein E.* Conditions of the possibility of socialism and the tasks of social democracy. M., 2011. Pp. 226–228 (in Russ.).
3. *Lenin V.I.* Three sources and three components of Marxism // Lenin V.I. Selected works: in 3 vols. M., 1976. Vol. 1. P. 31 (in Russ.).
4. *Marcuse G.* One-dimensional man. Kiev, 1994. Pp. XI, XII, XV, XVI, XVIII, XIX, 1, 2, 4–10, 12–16, 19, 20, 24, 25, 28, 29, 42–44, 63–65, 68, 69, 71–74, 79–82, 91–100, 103, 109, 124, 125, 128, 134, 135, 174, 175, 183, 184, 189–192, 203, 204, 206–209, 218–221, 234, 235, 239, 241, 245, 262, 263, 267, 277, 278, 285, 293–295, 301–303, 305–307, 309, 310, 317–324, 329–331, 335, 338 (in Russ.).

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia; Chief Researcher, Sector of Philosophy of Law, Theory and History of the State and Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; RAS expert

УДК 342.56

О СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕХАНИЗМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ ЗА ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОСТУПОК: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА, ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

Часть 2. О ПРОБЛЕМАХ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СУДОВ (разд. 2¹)

© 2024 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mklean@bk.ru

Поступила в редакцию 05.03.2024 г.

Аннотация. В части первой настоящей статьи («Прекращение полномочий судьи за тяжкое правонарушение после конституционных нововведений 2020 г. — конституционная или дисциплинарная ответственность?») были рассмотрены современные проблемы механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок. В части второй статьи рассматриваются современные проблемы организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности руководителей (председателей и заместителей председателей) судов. Обращается внимание, что статус руководителей судов двоякий: с одной — главной — стороны, они — судьи, непосредственно осуществляющие правосудие, с другой — руководители судебного органа, наделенные полномочиями и обязанностями по организации работы суда (по обеспечению в пределах своих полномочий финансовых, материально-ресурсных, информационных и иных сторон), осуществлению общего руководства деятельностью аппарата суда, а главное — по обеспечению правосудной эффективной деятельности суда на принципах справедливости. Обращается внимание, что действующим законодательством (и даже отчасти Конституцией РФ) предусмотрена ответственность руководителей судов за грубый проступок, который не квалифицируется как дисциплинарный, да и взыскание за него одно — досрочное прекращение полномочий руководителя суда, а в отдельных случаях и полномочий судьи, без возможности применения иных, менее тяжких, мер наказания (взысканий). Предлагается официализировать некоторые новые реально существующие функции руководителей судов с установлением механизма ответственности за их неисполнение. Предлагается ввести институт присяги руководителя суда (отдельный от присяги судьи) с введением ответственности за нарушение этой присяги, в частности за вмешательство в правосудную деятельность судей суда, возглавляемого этим руководителем. Вносятся и иные предложения.

¹ Раздел 1 см.: Государство и право. 2024. № 4. С. 67–76.

Ключевые слова: руководители судов, дисциплинарная ответственность, адекватность наказания совершеному проступку, совершенствование механизма дисциплинарной ответственности руководителей судов.

Цитирование: Клеандров М.И. О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы
Часть 2. О проблемах дисциплинарной ответственности руководителей судов (разд. 2) // Государство и право. 2024. № 5. С. 28—41.

DOI: 10.31857/S1026945224050038

ON MODERN PROBLEMS OF THE MECHANISM OF JUDGES' RESPONSIBILITY FOR DISCIPLINARY MISCONDUCT: LAW ENFORCEMENT PRACTICE, GENERAL APPROACHES

Part 2. ON THE PROBLEMS OF DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF HEADS OF COURTS (section 2²)

© 2024 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mklean@bk.ru

Received 05.03.2024

Abstract. In the first part of this article (“Termination of the powers of a judge for a serious offense after the constitutional innovations of 2020 — constitutional or disciplinary liability?”) the modern problems of the mechanism of judges’ responsibility for disciplinary misconduct were considered. This second part of this article examines the current problems of the organizational and legal mechanism of disciplinary responsibility of heads (chairmen and deputy chairmen) of courts. Attention is drawn to the fact that the status of heads of courts is twofold: on the one hand, they are judges who directly administer justice, on the other hand, heads of a judicial body with powers and responsibilities to organize the work of the court (to ensure, within their powers, financial, material, resource, information and other parties), the implementation of general management of the activities of the court’s staff, and most importantly, to ensure the judicial and effective operation of the court on the principles of justice. Attention is drawn to the fact that the current legislation (and even partly the Constitution of the Russian Federation) provides for the responsibility of heads of courts for gross misconduct, which does not qualify as disciplinary, and the penalty for it is one — early termination of the powers of the head of the court, and in some cases the powers of a judge, without the possibility of applying other, less severe, penalties (penalties). It is proposed to formalize some new, real-life functions of the heads of courts with the establishment of a mechanism for their non-fulfillment. It is proposed to introduce the institution of the oath of the head of the court (separate from the oath of the judge) with the introduction of liability for violation of this oath, in particular for interference in the judicial activities of judges of the court headed by this head. Other proposals are also being made.

Key words: heads of courts, disciplinary responsibility, adequacy of punishment for a committed offense, improvement of the mechanism of disciplinary responsibility of heads of courts.

For citation: Kleandrov, M.I. (2024). On modern problems of the mechanism of judges’ responsibility for disciplinary misconduct: law enforcement practice, general approaches

Part 2. On the problems of disciplinary responsibility of heads of courts (section 2) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 28—41.

² Section 1 see: State and Law. 2024. No. 4, pp. 67—76.

В части 1 настоящей статьи был рассмотрен вопрос о том, следовало ли было конституционными нововведениями 2020 г. возлагать на Совет Федерации ФС РФ квазисудебные функции — досрочно прекращать, по представлению Президента РФ, полномочия судей высших, кассационных и апелляционных судов за совершение ими грубых проступков.

Еще одним подтверждением несвойственности для Совета Федерации применять ответственность судьям в виде досрочного прекращения их полномочий за грубейший проступок служит следующее обстоятельство. На состоявшемся 18–19 июня 2023 г. восьмом (внеочередном) заседании ВККС РФ (в связи с ее 30-летием — это был семинар — совещание с председателями ККС субъектов Российской Федерации) ее председатель Н.В. Тимошин отметил, в частности: «В 2019 году реализована инициатива Высшей квалификационной коллегии о праве изменить вид дисциплинарного взыскания, если по результатам рассмотрения жалобы она придет к выводу о несоразмерности наложенного на судью дисциплинарного взыскания тяжести совершенного им дисциплинарного проступка. Это полномочие, наряду с расширением видов дисциплинарных взысканий, позволяет более адекватно реагировать на допущенные судьями нарушения. Судебные инстанции таким правом не наделены»³. Ну так и Совет Федерации таким правом не наделен, у него — в данном контексте — одно право: прекращать, по представлению Президента РФ, полномочия судьи. Но — не автоматически же! Ведь такое положение дел напрочь лишает возможности соответствующего правоприменителя адекватно наказать нарушителя за содеянное. И справедливость здесь никак не торжествует, она здесь вообще отсутствует. Это как уголовным кодексом установить: или ничего или расстрелять. И что делать, какое принимать Совету Федерации решение, если в ходе детального рассмотрения представления Президента РФ (с приложенными к нему документами) он (соответствующие его подразделения, а затем и полный состав сенаторов) убедится — данный судья заслуживает не досрочное прекращение полномочий, а одно из более мягких наказаний. То есть, по сути, не конституционной, а дисциплинарной ответственности. Правда, тем самым Совет Федерации признает ошибочность соответствующего решения Президента РФ (его аппарата), но ведь и такое вполне может быть, иначе Совет Федерации рискует превратиться в орган, просто «штампующий» представление Президента РФ, а для этого никакой проверки (исследования) представления с документами Президента РФ проводить не требуется.

Однако, как в своем выступлении на этом семинаре-совещании отметил заместитель Председателя Верховного Суда РФ С.В. Рудаков, процесс привлечения судьи к дисциплинарной ответственности включает стадию проверочных действий жалобы или сообщения о совершении судьей дисциплинарного проступка и стадию рассмотрения материалов дисциплинарного дела. По целям, задачам, порядку производства и принимаемых решений эти стадии дисциплинарного производства принципиально отличаются друг от друга. Проверочные действия жалобы или сообщения направлены на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по дисциплинарному делу судьи. С этой целью запрашиваются справки, характеристики и иные документы от федеральных государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, должностных лиц, организаций, берутся объяснения по доводам жалобы или сообщений, получаются консультации у специалистов по вопросам, связанным с проверкой жалобы или представления; приобщаются относящиеся к делу документы и материалы. По итогам этих действий составляется соответствующее заключение, а в последующем принимается решение⁴.

И необходимость изменения вида дисциплинарного наказания судье — не редкое исключение. В том же выступлении заместитель Председателя Верховного Суда РФ С.В. Рудаков указал: иногда имеет место не совсем верная оценка фактических обстоятельств, которые признаются дисциплинарным проступком. Так, ККС одного из субъектов Российской Федерации расценила обращение судьи в органы судейского сообщества как дисциплинарный проступок и наложила на судью дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения его полномочий. Между тем ККС не учла, что решение вопросов по обращениям судей (в том числе разрешение конфликтных ситуаций), во-первых, является одной из задач органов судейского сообщества, а во-вторых, такой порядок служит сохранению авторитета судебной власти. Кроме того, сами тексты обращений судьи не содержали признаков оскорбления, клеветы, обмана или иных злоупотреблений, которые могли бы оцениваться как противоправное или неэтичное поведение судьи. Жалобы и обращения судьи имели в значительной степени оценочный характер и по существу сводились к изложению обстоятельств, подтверждающих конфликтные отношения судьи со своим непосредственным руководителем. По другому делу основанием для привлечения судьи районного суда к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения его полномочий послужило нарушение требований

³ Вестник ВККС РФ. 2023. № 4 (90). С. 7.

⁴ См.: там же. С. 10.

ст. 165 УПК РФ при рассмотрении уведомления об обыске. ККС признала допущенные судьей нарушения процессуального законодательства исключительными и определила вид дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения его полномочий. Дисциплинарная коллегия отменила указанное решение и признала, что в данном случае в действиях судьи отсутствует признак систематичности нарушений законодательства, допущенное нарушение единично и не повлекло тяжких последствий⁵.

Может быть, поэтому грубые дисциплинарные проступки судей высших апелляционных и кассационных судов в юрисдикции Совета Федерации ФС РФ, насколько автору этих строк известно, не оказывались (во всяком случае — в открытых источниках информации об этом не встречалось), зато ВККС РФ этими вопросами по-прежнему занимается. Например, широкую известность обрели махинации с землей председателя одного из кассационных судов общей юрисдикции А.Н., которого ВККС РФ за это в марте 2023 г. досрочно лишила судейских полномочий. Передача об этом прошла 30 декабря 2023 г. в одном из новостных каналов Центрального телевидения, где также рассказывалось о судебном процессе по изъятию земли, показывались (с воздуха) строения на участке и т.д.

А дело в отношении судьи одного из кассационных судов общей юрисдикции А.Н. (это иной, не указанный выше, судья), прошло три инстанции: Решение ВККС РФ от 22 сентября 2022 г., Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 21 ноября 2022 г. № ДК22-105 и Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 14 февраля 2023 г. № АПЛ22-10Д⁶. Кроме того, вряд ли Совету Федерации свойственно (будет?) пересматривать свое решение о досрочном прекращении полномочий судьи по вновь открывшимся обстоятельствам. А ККС такими полномочиями наделены, и эти полномочия не остаются вкупе. Главный критерий для отмены и пересмотра ранее принятого решения — наличие таких обстоятельств, которые не были известны ККС и сами по себе или вместе с ранее установленными обстоятельствами дают основание для принятия другого решения. За период с начала 2017 г. по сентябрь 2022 г. (между IX и X Всероссийскими съездами судей) ВККС РФ рассмотрела 18 таких ходатайств, пять из которых (28%) удовлетворены. Региональные коллегии, в свою очередь, рассмотрели 117 таких ходатайств, из них 52 (44%) удовлетворены.

Примером изменения вида дисциплинарного взыскания, наложенного на судью, может

поступить следующее. Решением ККС от 18 мая 2021 г. полномочия судьи Т. прекращены с лишением пятого квалификационного класса, в связи с допущенных ею грубых нарушений, норм материального и процессуального права при осуществлении правосудия, а также ненадлежащей организации работы судей в период исполнения обязанностей председателя суда.

При выборе дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи ККС учла грубый и систематичный характер нарушений, которые повлекли искажение принципов судопроизводства, нарушение прав и законных интересов участников процесса, умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи.

Однако при рассмотрении жалобы судьи Т. на это решение ВККС РФ пришла к выводу, что наложенное на дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи несоразмерно тяжести дисциплинарного проступка, в связи с чем имеются основания для изменения вида дисциплинарного взыскания, что возможно на основании п/п. 10¹ п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации». ВККС РФ учла, что за период работы судьи с 2017 г. по первый квартал 2021 г. стабильность принятых ею решений по делам об административных правонарушениях и материалам значительно превышает показатель как по районному суду, так и по краю в целом. Стабильность решений по уголовным делам превышает показатель по суду и краю в 2018—2020 гг. Среднемесячная нагрузка судьи по рассмотрению судебных дел превышает среднюю нагрузку по суду и по краю. В 2016 г. награждена Почетной грамотой Судебного департамента при Верховном Суде РФ и благодарственным письмом председателя суда субъекта Российской Федерации. Таким образом, ККС оставлены без внимания хорошие показатели работы при высокой служебной нагрузке, положительные характеристики, отсутствие обоснованных жалоб участников процесса, а также привлечение к дисциплинарной ответственности впервые. Оценивая в совокупности обстоятельства, приведенные в решении ККС, данные о личности судьи, показатели качества ее работы и служебной нагрузки, принимая во внимание факты грубого и неоднократного нарушения норм материального и процессуального законодательства при отправлении правосудия, повлекшее умаления авторитета судебной власти и нарушение прав участников процесса, являющиеся дисциплинарным проступком, ВККС РФ сочла обоснованным наложение на судью дисциплинарного взыскания в виде предупреждения, с восстановлением её в пятом квалификационном классе⁷.

⁵ См.: Вестник ВККС РФ. 2023. № 4 (90). С. 10.

⁶ См.: там же. № 2 (88). С. 40—45.

⁷ См.: там же. 2022. № 3 (83). С. 24—27.

Кроме того, следует обратить внимание: правоприменительная практика уверенно считает, что судья не обязан доказывать невиновность в совершении им дисциплинарного проступка. Например, в Решении ККС Курской области от 25 марта 2022 г. № 3 однозначно указано: «Обязанность по доказыванию обстоятельств, свидетельствующих о нарушениях положений Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” и (или) Кодекса судейской этики и виновности судьи, возлагается на орган судейского сообщества, направивший обращение о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности». И далее подчеркнуто: «Согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2016 г. № 13 “О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей” все неустраняемые сомнения в доказанности совершения судьей дисциплинарного проступка толкуются в пользу судьи»⁸. Другим примером недоказанности дисциплинарного проступка судьи может послужить следующее. ККС... области, рассмотрев представленные дисциплинарной комиссией Совета судей этой области материалы в отношении судьи У., пришла к выводу о необходимости применения к У. дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения его судейских полномочий, поскольку совершенные им действия свидетельствуют об исключительности нарушения, несовместимого с высоким званием судьи и позволяют усомниться в соответствии судьи У. высоким стандартам морали и нравственности. И своим решением от 26 января 2021 г. удовлетворила обращение Совета судей ... области о привлечении судьи У. к дисциплинарной ответственности и наложила на судью У. за совершение им дисциплинарного проступка дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения его полномочий судьи.

Однако Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ при рассмотрении жалобы У. на это решение ККС отметила, что в силу публичности обвинения в совершении дисциплинарного проступка лицом, замещающим государственную должность Российской Федерации, состав допущенного им правонарушения должен быть доказан с такой степенью вероятности, чтобы исключить все разумные сомнения в совершении судьей правонарушения и его виновности. И пришла к выводу, что при установлении факта совершения судьей дисциплинарного проступка ККС ... области вышла за пределы вменяемых У. в вину обстоятельств, а по вменяемым ему обстоятельствам не доказан состав дисциплинарного проступка, и привлечение У. к дисциплинарной ответственности не может

считаться правильным. Поэтому своим Решением от 30 марта 2021 г. № ДК21-14 Дисциплинарная коллегия жалобу У. удовлетворила, а решение ККС Брянской области от 26 января 2021 г. о досрочном прекращении полномочий судьи У. за совершение Дисциплинарного проступка отменила⁹.

И если проводить параллель (или даже аналогию) с новыми, с 2020 г., полномочиями Совета Федерации о наделенными правом досрочно прекращать полномочия судей Высших судов страны, а также судей кассационных и апелляционных судов за грубый проступок, то возникает вопрос: кто должен доказывать, во всей полноте, обстоятельства совершения судьей данного грубого проступка: Президент РФ (его аппарат) или сам Совет Федерации? Но насколько это им свойственно?

Заслуживает внимания такой вид дисциплинарного взыскания, как понижение в квалификационном классе, введенным изменением Закона о статусе судей Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 243-ФЗ. В силу п. 4 ст. 12¹ Закона о статусе судей это взыскание может налагаться за существенное нарушение этого закона и (или) кодекса судейской этики, если судья ранее подвергался дисциплинарному взысканию. А само понижение судьи в квалификационном классе осуществляется ККС путем принятия решения о понижении квалификации судьи до квалификационного класса, непосредственно предшествующего квалификационному классу, имеющемуся у такого судьи на момент принятия указанного решения. При этом п. 7 ст. 12¹ Закона о статусе судей предусмотрел, что судья, к которому применено такое дисциплинарное взыскание, считается не привлекавшимся к дисциплинарной ответственности в случае, если он не совершил нового дисциплинарного проступка в случае предусмотренного п. 4 ст. 20² названного Закона срока пребывания в квалификационном классе (в 7–9-м классе — два года, в 5-м и 6-м — три года, в 1–4-м — четыре года), присвоенном ему в результате применения указанного дисциплинарного взыскания. По истечении этого срока повторная квалификационная аттестация судьи осуществляется в порядке, предусмотренном ст. 20² Закона о статусе судей (то есть в общем порядке).

И условие наложения на судью дисциплинарного взыскания в виде понижения в квалификационном классе лишь если он ранее привлекался к дисциплинарной ответственности не всегда выполняется в правоприменительной практике. Так, решением региональной ККС от 25 июня 2020 г. на судью суда субъекта Российской Федерации было наложено дисциплинарное взыскание в виде понижения в квалификационном классе с 5-го

⁸ См.: Вестник ВКС РФ. 2022. № 5 (85). С. 23.

⁹ См.: там же. № 3 (83). С. 27–31.

на 6-й. Но ВККС РФ своим Решением от 29 сентября 2020 г. изменила по той причине, что он ранее не привлекался к дисциплинарной ответственности, и наложило на С. дисциплинарное взыскание в виде предупреждения, а в связи с изменением вида дисциплинарного взыскания ему был восстановлен пятый квалификационный класс судьи.

В какой мере иногда этот вид дисциплинарного взыскания распространяется на руководителя суда? В той мере и тогда, когда речь идет о дисциплинарном проступке руководителя суда в чисто судебской сфере его полномочий. Считать иначе — значит освободить руководителя суда от дисциплинарной ответственности за совершение допущенного им как судьей дисциплинарного проступка, влекущего, по убеждению ККС, дисциплинарного проступка именно в виде понижения в квалификационном классе.

Сама эффективность этого вида дисциплинарной ответственности судьи была рассмотрена автором в части 1 данной статьи. Ситуация для руководителей судов усугубляется, как минимум — в морально-этическом плане, тем обстоятельством, что после понижения у руководителя суда может его квалификационный класс судьи оказаться равным или даже более низким, чем у некоторых судей (а у председателя суда — по отношению к своему заместителю). Такая ситуация не может не сказаться, причем — серьезно, на авторитете наказанного руководителя суда, как и на его личном морально-этическом состоянии. А с недавнего времени это наглядно проявляется и внешне — судьи и руководители судов теперь в определенных случаях должны быть облачены в специальные судебские мундиры с четко обозначенными знаками различий, обусловленных именно квалификационным классом.

И вот интересный момент. Нередко одновременно с применением дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи выносится решение и о лишении данного судьи квалификационного класса. То есть в этом случае лишение квалификационного класса (полностью, а не его понижение на один класс) является вспомогательным, дополнительным к основному виду дисциплинарного взыскания, а понижение на один класс является основным видом дисциплинарного взыскания.

Представляется, что признать руководителя суда, судью 1-го квалификационного класса судьей 2-го квалификационного класса это все равно, что постановить: данный руководитель окончил не магистратуру, а бакалавриат. Делать это можно в режиме дисциплинарного преследования. Сам квалификационный класс судьи — любого по номеру — лишь

свидетельство о том или ином уровне его профессионализма, не больше и не меньше.

Но ведь вопрос об уровне квалификации руководителя суда не как судьи, а именно как руководителя суда, даже не рассматривается. Более того — насколько автору этих строк известно, даже не поднимался. А жаль, в этом есть острая объективная потребность, что даже обосновывать нет необходимости, настолько это очевидно.

Определенную аналогию в этом вопросе можно усмотреть в случае лишения классного чина, воинского и специального звания, что предусмотрено ст. 48 УК РФ при осуждении преступника за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. В юридической литературе подчеркивается: наказание в виде лишения классного чина, воинского и специального звания является исключительно дополнительным видом наказания, в связи с чем в каждом конкретном случае суд отдельно рассматривает вопрос о целесообразности и необходимости его применения¹⁰.

Довольно близко к такому виду дисциплинарного взыскания судей, налагаемые за дисциплинарный проступок, как понижение в квалификационном классе является, с морально-психологических позиций, оставление судьи в прежнем квалификационном классе при проведении им очередной аттестации. Пунктом 13 ст. 20² Закона о статусе судей предусмотрены лишь два варианта решений ККС по результатам квалификационной аттестации судей: 1) о присвоении судье очередного (внеочередного) квалификационного класса; 2) об оставлении судьи в ранее присвоенном ему квалификационном классе. При этом повторная квалификационная аттестация судьи, в силу п. 14 названной статьи, проводится по представлению председателя соответствующего суда или по заявлению судьи (это — для самого председателя суда) не ранее чем через один год и не позднее чем через три года после принятия решения по результатам квалификационной аттестации соответствующей ККС.

В отчетном докладе Председателя ВККС РФ Н.В. Тимошина на X Всероссийского съезда судей было сказано: решение об отказе в присвоении очередных квалификационных классов приняты в отношении 770 судей (1%)¹¹. Но это очень даже немало.

В каких случаях судья (а равно в данном случае и руководитель суда) может не «пройти» аттестацию и остаться в прежнем квалификационном классе? Это когда соответствующая ККС при рассмотрении документов, представленных в отношении

¹⁰ См.: Ковтков Д. И. К вопросу о лишении гражданского служащего классного чина и восстановления в нем // Журнал рос. права. 2018. № 2. С. 72.

¹¹ См.: Вестник ВККС РФ. 2023. № 1 (87). С. 29.

аттестуемого (характеристики, содержащей оценку профессиональной деятельности, деловых и нравственных качеств аттестуемого судьи, справку о количестве рассмотренных судебных дел за период, прошедший со дня последней аттестации, справку о количестве судебных дел, рассмотренных с нарушением процессуальных сроков, количестве отмененных или измененных судебных актов с указанием причин нарушения сроков и причин отмены или изменения судебных актов и др. документы) придёт к выводу, что аттестуемый судья не достоин более высокого квалификационного класса.

Есть и определенная правоприменительная практика об оспаривании решений ККС, оставляющих, при проведении аттестации, судей в прежнем квалификационном классе. Так, региональная ККС своим Решением от 28 мая 2021 г. при проведении аттестации судьи районного суда *Г.* оставила ее в ранее присвоенном ей 6-м квалификационном классе. ВККС РФ, рассмотрев жалобу судьи *Г.* на это Решение, своим Решением от 23 сентября 2021 г. оставило названное решение ККС без изменения, а жалобу *Г.* без удовлетворения. Отметив при этом, в частности, что: ККС дала неудовлетворительную оценку деятельности судьи *Г.* за аттестуемый период, поскольку допущенные ею при рассмотрении судебных дел ошибки свидетельствуют об отсутствии систематической работы судьи над повышением квалификации и профессионального уровня, о недостаточном уровне профессиональной подготовки, в связи с чем пришла к выводу о преждевременности присвоения ей 5-го квалификационного класса. Ведь анализ причин отмены и изменения судебных актов *Г.* свидетельствует о необходимости повышения уровня ее профессиональных знаний и умения применять их при осуществлении правосудия. А периодическое прохождение судьей *Г.* обучения (повышение квалификации) и занятие преподавательской деятельностью не является безусловным основанием для присвоения очередного квалификационного класса при отсутствии совокупности иных оснований, указанных в п. 1 ст. 20² Закона о статусе судей, поскольку квалификационная аттестация судей является индивидуальной оценкой степени профессионализма судьи и уровня результатов его судебной деятельности¹².

Подобные решения по жалобам судей на решения региональных ККС об оставлении, при проведении аттестации, судей рассматривались ВККС и в других случаях с вынесением аналогичных решений (например, Решения ВККС от 15 июля 2020 г., от 25 ноября 2020 г.).

Представляется целесообразным для руководителей судов ввести свой, отдельный институт аттестации, — не как судьи, а как именно руководителей суда. И в качестве решения соответствующей ККС (естественно, более высокого уровня звенности, т.е. для руководителей судов субъектов Российской Федерации — ВККС РФ) по результатам аттестации выносить решения: 1) соответствует занимаемой должности; 2) может быть рекомендован к занятию более высокой должности; 3) указать на неполное служебное соответствие; 4) подлежит прекращению полномочий как руководитель суда.

Словом (пока) — хорошо поработал судья (а руководитель суда — как судья) в конкретном периоде — аттестуется, плохо поработал — остается в прежнем квалификационном классе. Но разве это — во втором случае — для него не наказание? Ведь кроме морально-психологической стороны вопроса здесь присутствует и финансовая — ожидание более высоких выплат за более высокий (по квалификации — более низкий) квалификационный класс не сбываются.

В принципе, видимо, можно рассматривать период, предшествующий неудачной для судьи, тем паче — руководителя суда, аттестации, как длящийся дисциплинарный проступок, а решение ККС об оставлении его при аттестации в прежнем квалификационном классе как своеобразный, особый вид дисциплинарного взыскания. А как иначе это трактовать? Во всяком случае данный вопрос требует дальнейшего осмысления и научной проработки.

Отдельного и принципиально значимого разговора заслуживает вопрос о присяге руководителей суда. Разумеется, каждый судья, впервые назначенный на должность, приносит присягу на основании ст. 8 Закона о статусе судей.

Но, во-первых, в соответствии с п. 4 ст. 8 этого Закона (в ред. Федерального закона от 18.07.2019 г. № 181-ФЗ) «судья приводится к присяге в течение одного месяца со дня назначения (избрания) на должность». А за этот месяц многое может произойти. В юридической литературе отмечается: «Назначенный судьей указом Президента РФ не получает полномочий по осуществлению правосудия, если он не приведен к присяге... Практика работы квалификационной коллегии судей... области показала, что в период между изданием указа Президента РФ о назначении гражданина судьей и приведением его к присяге уже могут возникать основания для привлечения к дисциплинарной ответственности. Так, после издания Указа Президента РФ о назначении гр. С. судьей районного суда... области председателю... областного суда стали известны обстоятельства привлечения С. в прошлом к уголовной ответственности по жалобе, поданной в порядке частного обвинения. Уголовное преследование

¹² См.: Вестник ВККС РФ. 2023. № 2 (88). С. 31–33.

С. было прекращено в связи с примирением сторон, т.е. не по реабилитирующим его основаниям. Кроме того, инцидент был освещен в региональных СМИ и вызвал общественный резонанс. При таких обстоятельствах председатель... областного суда обратился с соответствующим представлением в ККС, которая привлекла назначенного судьей гр. С. к дисциплинарной ответственности за совершение действий, умаляющих авторитет судебной власти и порочащих судью. В то же время лицо, приглашенное на работу, в том числе и в порядке перевода из одной организации в другую, не может быть привлечено к дисциплинарной ответственности работодателем до момента возникновения между ними трудовых отношений»¹³.

Во-вторых: в подавляющем большинстве случаев руководителями судов становятся уже имеющие немалый судейский стаж и опыт судейской работы судьи. Но бывают и исключения, например, Председателем Высшего Арбитражного Суда РФ стал, как известно, после ухода в отставку по возрасту В.Ф. Яковлева А.А. Иванов, не имевший до этого никакого судейского стажа и судейского опыта.

В-третьих, руководители судов, как и любой судья, присягу приносили именно как судьи, но не как руководители суда. Важна здесь и позиция Конституционного Суда РФ о сути присяги судьи, сформулированная им в Постановлении от 20 июля 2011 г. № 19-П, где сказано: Принятие присяги как юридический факт, с которым закон связывает наделение судьи особым конституционно-правовым статусом (п. 5 ст. 11 Закона о статусе судей), означает, что судья выражает готовность придерживаться установленных законом требований и соблюдать возлагаемые на него ограничения, т.е. публично принимает на себя обязательства независимо и беспристрастно и исключительно на основе профессиональных знаний и внутреннего убеждения осуществлять правосудие. Е.В. Резников вообще считает, что одним из важных моментов, обуславливающих первоначальное формирование идентичности, является принесение присяги¹⁴.

Но функции, полномочия, обязанности, ответственность и иные параметры статуса судьи и статуса руководителя суда (как именно руководителя, за минусом судейских) очень разнятся. Поэтому есть основания считать необходимым создание института присяги руководителя (именно так, без судейских) суда, что руководитель суда, немедленно

по назначению на должность, не приступая еще к исполнению своих руководящих обязанностей, должен принести присягу, в которой торжественно и публично поклясться (в т.ч. в присутствии судей своего суда), что будет руководить честно, добросовестно, справедливо, не вмешиваясь ни в коем случае в непосредственную правосудную деятельность судей своего суда.

Разумеется, полномочия руководителей судов разнообразны. В их числе важное место занимает функция по непосредственному осуществлению ими, в личном качестве, правосудия. Но не все руководители судов так считают. Например, основанием прекращения ВККС РФ полномочий председателя одного из судов как судьи послужило то, что он, будучи председателем соответствующего суда, в течение длительного времени не участвовал в отправлении правосудия. Жалоба И. на это решение ВККС РФ решением Верховного Суда РФ от 23 ноября 2004 оставлена без удовлетворения, определением кассационной коллегией Верховного Суда РФ от 25 января 2005 г. данное решение оставлено без изменения. Не лишено любопытства то обстоятельство, что в обращении в Конституционный Суд РФ этот заявитель, в прошлом председатель арбитражного суда одной из республик, прямо указывал, что, по его мнению, оспариваемое им законоположение (п. 1 ст. 6² Закона о статусе судей) как предполагающее, что председатель суда, наряду с осуществлением своих полномочий, должен осуществлять полномочия судьи, противоречит ряду положений Конституции РФ¹⁵. Похоже, он искренне считал, что председатель суда — уже не судья, и участвовать в судебных процессах он не должен (видимо, даже «боковым» в «тройке»).

Научно-технический прогресс вообще не стоит на месте, в т.ч. в вопросах объема функций руководителей судов, а следовательно, и в вопросах дисциплинарной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение новых функций. Одной из таких функций является обеспечение руководителем суда защиты судей при их травле в различных СМИ. Как отмечает проф. Т.Н. Нешатаева, судья Суда Евразийского экономического союза¹⁶, на сайте pravo.ru появилась информация о том, что 78% юристов считают, что наиболее значимой (читай — эффективной) формой давления на суд являются публикации в СМИ и интернет-изданиях

¹³ Казакова Г.В. Проблемы дисциплинарной ответственности судей // Росс. ежегодник трудового права. 2006. № 2 / под ред. Е.Б. Хохлова. СПб., 2007.

¹⁴ См.: Резников Е.В. К вопросу о профессиональной идентичности судьи // Вестник Пермского ун-та. 2012. № 3.

¹⁵ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2010 № 319-ОО // В официальных источниках опубликовано не было.

¹⁶ См.: Нешатаева Т.Н. О независимости суда и судей в цифровую эпоху: интеграционный опыт // Охрана и защита гражданских и семейных прав в современных условиях: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Михайлова. М., 2022. С. 33.

(моббинг, буллинг)¹⁷. Во-первых, приходится констатировать, что виртуальные формы воздействия на судью и влияние на его независимость являются сегодня наиболее действенными, и, на наш взгляд, опасными. Во-вторых, новые формы, по сути, не регламентированы законодательно, и, следовательно, не предусмотрены средства наказания за давление на судью в таких формах. В-третьих, дело осложняется еще и тем, что каждый раз заказные публикации в СМИ и на интернет-ресурсах маскируются под что-то иное, например, под научное исследование или борьбу за справедливость, против конкретного судьи или еще какую-либо высокую политико-гуманитарную цель. Но в конечном счете целью таких публикаций являются не решение названных задач, а влияние на суд с целью изменения судебных актов путем появления «нужного» решения или с целью ликвидировать авторитет конкретного судьи или суда в целом, или, что особо опасно, с целью формирования ложного авторитета нечистоплотного или амбициозного человека, облаченного в судейскую мантию.

Можно, конечно, предположить, отмечает Т.Н. Нешатаева, что судьи должны уметь противостоять любому давлению. Чаше всего так и происходит. Но не всегда, потому что судьи не боги, а люди и, конечно, отличаются друг от друга и по психологической стойкости, равно как и в первую очередь по компетентности, во-вторых, по морально-этическим качествам, в-третьих, по вопросам понимания, что такое конфликт интересов и добросовестность, отрицающая сговор, обман, формализм, зависть, хитрость, стяжательство и т.д.

В настоящее время самыми опасными следует считать те формы, которые используются в интернет-ресурсах, потому что к органам СМИ все же можно предъявить какие-либо претензии, доказать недостоверность фактов, приведенных в публикации, и наоборот. Закрывать такой интернет-ресурс за появление в нем информации по делу, которое находится в рассмотрении, или запретить проведение интернет-конференций, если в них участвуют судьи-докладчики по делу (несмотря на то, что такое требование с точки зрения морали понятно и обосновано), с точки зрения права нереально: запрета, как и наказания, не существует. Поэтому, пока право не нашло адекватного механизма реагирования на новые явления в виртуальной среде, говорить всерьез о санкционном механизме в этой части невозможно¹⁸.

Но можно и нужно говорить именно всерьез о необходимости защиты судей от травли в интернет-ресурсах. И кто, кроме руководителей судов, может обеспечить эту защиту? Конечно, необходимы законодательно-нормативные возможности для этого и соответствующая, более-менее разработанная и официально утвержденная методика. То есть необходимо законодательно официализировать эти функции руководителя суда в отношении судей возглавляемого им судебного органа. Даже больше: такая же функция должна быть официализирована у председателя районного суда по отношению к мировым судьям, дислоцирующихся в его районе; у председателя суда субъекта Российской Федерации в отношении руководителей районных и городских судов, дислоцирующихся в данном субъекте Федерации, и у Председателя Верховного Суда РФ — в отношении руководителей судов субъектов Российской Федерации.

Есть еще одна функция у руководителей судов, которая должна быть официализирована с наделением руководителей судов соответствующей методологией и полномочиями. Речь идет о профессиональном (моральном и т.п.) выгорании судей суда, которым они руководят. Профессиональному выгоранию, как известно, подвержены и учителя и медицинские работники и другие категории граждан, непосредственно работающие с людьми, но для судей, во власти которых судьбы, в прямом смысле, людей — подсудимых, оно наиболее опасно.

Вызвано оно у судей (не у всех, разумеется, но ведь психодиагностирование вообще, а на стрессоустойчивость в особенности проходит лишь малая доля кандидатов на должность судей, и то — неофициально, в порядке эксперимента в нескольких судах) крайне высокой судебной нагрузкой, бешеным ритмом многочасового рабочего дня, усталостью, рутиной каждодневного рабочего процесса и множеством иных факторов.

А проявляется оно равнодушием к судебной деятельности, равнодушием к осознанной необходимости соблюдения судебных процедур, в выраженной усталости и быстрой утомляемости, потерей интереса к тому, что раньше казалось важным, самоустранения от проявления инициативы, нарушении сна и вследствие этого некоторой заторможенности при ведении судебного процесса, подавленности, разочарованности от результатов своей судебной деятельности, повышенной раздражительности, появления чувства безысходности, категорического нежелания рассматривать новые для себя категории судебных дел, утраты веры изменить для себя и в целом в обществе что-то либо в лучшую сторону. В быту таких судей считают наплевательски относящимися к чужой беде, бесчувственными и т.п.

¹⁷ См.: Выиграть нельзя проиграть: перспективы судебного PR. URL: <https://pravo.ru/story/231404/>

¹⁸ Нешатаева Т.Н. Указ. соч. С. 37.

Такого демотивированного судью можно сравнить с батареей, у которой сел заряд. Главное — он становится равнодушным к участникам процесса. А отсюда — странные, вызывающие удивление и негодование в обществе отдельные судебные акты.

Руководитель суда не только может, он прямо обязан не оставаться равнодушным к профессиональному (моральному) выгоранию судей своего суда, и при появлении его отчетливых признаков принимать соответствующие меры. Есть, к сожалению, и случаи хорошо скрываемого отдельными судьями хронического алкоголизма, наркомании, лудомании и иных пороков. Это ситуации, когда «не пойман — не вор», признаки проявления таких пороков косвенные, но на справедливость осуществления судьями с такими пороками они не могут не сказываться. Здесь вообще большой простор и важная задача для юридической, медицинской и иных отраслей науки. Впрочем, и сами руководители судов не гарантированы от этой беды, и в отношении их также должны приниматься соответствующие меры.

Далее — о новых, неофициализированных функциях руководителей судов. В последние несколько лет у руководителей судов появилась (в принципе — довольно неожиданно) новая функция, связанная с использованием судьями и работниками аппаратов судов Искусственного Интеллекта (нейросеть). Но в Канаде, например, к этому относятся резко отрицательно. Например, председатель Федерального суда Канады считает недопустимым применение нейросетей при вынесении решений, поскольку неизвестны принципы работы ИИ. А Федеральный суд Канады даже опубликовал резолюцию об использовании нейросетей в работе судей и в судебных разбирательствах. Этот суд выразил опасения об использовании ИИ при подготовке или подаче документов. Стороны, включая адвокатов, будут обязаны включить в такой текст специальную пометку о том, что он подготовлен с использованием ИИ, чтобы предупредить суд и других лиц об этом. Такое требование должно обеспечить честность судебного разбирательства, поддержать доверие общества к системе правосудия и верховенство закона. Согласно резолюции, Федеральный суд обеспокоен использованием нейросетей в делах, где есть этические вопросы, например в миграционных спорах, и риском фальсификации искусственным интеллектом юридической практики. Ведомство просит руководствоваться принципом *human in the loop*, т.е. юрист-человек будет проверять все подготовленные ИИ документы. Председатель Федерального суда Канады Пол Крэмптон считает, что использование судьями программ типа ChatGPT при подготовке решений вызывает серьезные вопросы. По его мнению, в настоящее время нет

достаточного понимания, какие принципы лежат в основе алгоритмов нейросетей. Крэмптон указывает: использование ИИ в делах, касающихся беженцев, воссоединения семей, студенческих виз или виз для квалифицированных рабочих, недопустимо, поскольку юридическую оценку по таким спорам должен давать только человек. При этом нейросети можно и нужно использовать для перевода судебных решений, считает судья. Технологический комитет суда может уже в ближайшее время одобрить применение технологий в этой сфере. После ИИ юрист будет проверять машинный перевод, чтобы избежать ошибок¹⁹.

А поскольку в нашей стране нет закона или иного обобщающего нормативного правового акта об использовании искусственного интеллекта (нейросетей) в механизме правосудия, но эти технические новшества прямо «стучатся в двери», да и определенный эффект от их использования в различных сферах осуществления правосудия очевиден, решение этого вопроса волей-неволей вынуждены брать на себя руководители судов. Конечно — пока. Но ведь и за время этого «пока» есть риск для руководителей судов оценки их действий как дисциплинарного проступка, влекущего дисциплинарную ответственность.

Совершенствование организационно-правового механизма и правоприменительной практики дисциплинарной ответственности руководителей судов невозможно без глубоких, многосторонних и фундаментальных научных исследований. Между тем эта конкретная сфера отечественной правовой науки необходимой полнотой не блещет. Больше того, научная правовая литература о статусе руководителей судов невелика²⁰. Научная литература по самой проблематике дисциплинарной ответственности руководителей судов не обширна. Интерес в плане рассматриваемой в настоящей работе проблемы представляет статья Е.В. Королёвой²¹, в которой этим автором рассматривается практика применения такой меры дисциплинарной ответственности, как досрочное прекращение полномочий в отношении председателей судов. По итогам анализа решений ряда ККС ею выделены признаки и особенности (в сравнении с основаниями прекращения полномочий судей, не обладающих властно-распорядительными полномочиями) привлечения к дисциплинарной ответственности председателей судов. Автор статьи акцентирует внимание на том, что риск и основания привлечения

¹⁹ См.: Право.ру (дата обращения: 15.01.2024).

²⁰ См., напр.: Жолобов Я.Б. Правовой статус председателя суда общей юрисдикции: историко-правовой аспект // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. 2020. № 2 (38). С. 20–29.

²¹ См.: Королёва Е.В. Досрочное прекращение полномочий председателя суда: отечественный опыт // Росс. судья. 2021. № 9.

к такой исключительной мере дисциплинарного взыскания наступают при совершении виновными деяний/бездействий, совершенных в ходе осуществления организации работы суда, или при несоблюдении/пренебрежении иными административно-хозяйственными, организационными и другими полномочиями, находящимися в ведении председателя суда.

А ведь настоятельно необходимо существенно, как вытекает из изложенного выше, усовершенствовать организационно-правовой механизм дисциплинарной ответственности руководителей судов. Прежде всего необходимо филигранно определить, что такое дисциплинарный проступок руководителя суда, поскольку это и есть ключевое звено организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности руководителей судебных органов. Здесь должны быть решены следующие задачи: а) формула, скорее всего — сложносоставная, должна по максимуму охватывать все составы именно дисциплинарного (не смежного, например — этического) проступка руководителя суда; б) обязательно включать нарушения его сложных и не всегда урегулированных нормативно взаимоотношений с судьями его суда; в) гарантированно обеспечивать уверенность каждому руководителю суда, что он не будет привлечен к дисциплинарной ответственности не за именно дисциплинарный проступок (т.е. будет привлечен именно за дисциплинарный проступок, а не за нарушение этических норм); г) он будет привлечен за совершение дисциплинарного проступка, совершенного им в качестве именно руководителя суда, а не судьи, что не исключает возможности привлечения его к дисциплинарной ответственности за совершение дисциплинарного проступка именно как судьи.

Формула дисциплинарного проступка судьи была автором данных строк с критических позиций рассмотрена в части 1 настоящей статьи. Там речь шла о таком дефекте этой формулы, как отождествление юридической (дисциплинарной) и не юридической (этической) ответственности судьи, соответственно — отождествление и самого проступка судьи как нарушение отдельных положений Закона о статусе судей²² (в ред. Федерального закона от 15.12. 2001 № 169-ФЗ) и/или (в этом — и ядро названной дефектности) Кодекса судейской этики. По глубокому убеждению автора этих строк нарушение положений Кодекса судейской этики должно влечь этическую ответственность, которая в принципе не юридическая, а то обстоятельство, что в действующем Кодексе судейской этики (последнее изменение в который было внесено Постановлением X Всероссийского съезда судей

от 1 декабря 2022 г. № 4²³ и рассматриваемую проблему не устранило) и там нет норм об этической ответственности судьи, ничего по сути не значит. Необходим механизм этической ответственности судей за совершение судьей «чистого», без «примеси» дисциплинарного проступка, нарушения положений Кодекса судейской этики.

В какой мере сказанное относится к проблематике механизма дисциплинарной ответственности председателей и заместителей председателей судей (далее — руководителей суда)? При этом стоит попутно отметить, что в структуре руководства много составных судебных органов есть еще один вид руководителей — председатели судебных составов. Если, образно, председателей и заместителей председателей судов можно приравнять к командному составу, то председателей составов — к младшему командному составу. При этом, что важно: руководителей судов на должность назначают и от должности освобождают в особом, законодательством установленном порядке, а председатели судебных составов (любой судья прекрасно знает, кто это — по должностным и организационным функциям — председатель «своего» судебного состава). И стоило бы задуматься о целесообразности выделения этой группы руководителей в судебных органах в структуре руководителей, в т.ч. и в вопросах дисциплинарной ответственности. Ведь у председателей судебных составов есть определенные, а в отдельных случаях и значимые организационно-руководящие полномочия. И при их реализации иногда возникают (не могут вообще не возникать) дисциплинарные нарушения в сфере этих полномочий, именно в этой, не связанной с судейскими. Но такого субъекта дисциплинарной ответственности, как председатель судебного состава, нет.

Но вернемся к проблемам механизма дисциплинарной ответственности руководителей судов.

Полномочия руководителей апелляционных и кассационных судов прекращаются на основании, соответственно, ст. 23¹⁷ и ст. 23⁸⁻¹ Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 08.12.2020 № 7-ФКЗ), где установлено, что полномочия этих руководителей «в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а так же в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий, могут быть прекращены Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по представлению Президента Российской Федерации». Характерно, что в положениях указанного Федерального конституционного закона

²² См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

²³ См.: Вестник ВКС РФ. 2023. № 1 (87). С. 23.

руководители Верховного Суда РФ не названы. А полномочия руководителей иных судов (за исключением судей Конституционного Суда РФ) досрочно прекращаются на основании п/п. 11¹ п. 11 ст. 6¹ Закона о статусе судей (ст. 6¹ «Порядок наделения полномочиями и прекращения полномочий председателей и заместителей председателей судов» Закона была введена Федеральным законом от 16.12.2001 № 169-ФЗ). В п. 11 этой нормы Закона сказано, что полномочия председателей и заместителей председателей судов прекращаются по истечении срока, на который они были назначены. Указанные полномочия могут быть также досрочно прекращены решением соответствующей коллегии судей в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением председателями, заместителями председателей судов своих должностных обязанностей, предусмотренных федеральными конституционными законами и настоящим Законом. По прекращении полномочий председателя, заместителя председателя суда за ними сохраняются полномочия судьи суда, в котором они замещали должность председателя, заместителя председателя суда. Полномочия председателей и заместителей председателей судов прекращаются в случае прекращения полномочий указанных лиц в качестве судей соответствующих судов.

А после конституционных нововведений 2020 г. ст. 6¹ Закона была дополнена Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 426-ФЗ пунктом 11.1, в соответствии с чем полномочия Председателя Конституционного Суда РФ и заместителя Председателя Конституционного Суда РФ, Председателя Верховного Суда РФ и заместителей Председателя Верховного Суда РФ, председателей и заместителей представителей кассационных судов общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, кассационного военного суда, апелляционного военного суда, арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, Суда по интеллектуальным правам могут быть также прекращены Советом Федерации ФС РФ по представлению Президента РФ в случаях, предусмотренных федеральными конституционными законами и настоящим Законом. При этом прекращаются полномочия указанных лиц в качестве судей соответствующих судов.

При этом в п. 13 ст. 6¹ Закона о статусе судей предусмотрено: председатель, заместитель председателя районного суда вправе обжаловать решение о досрочном прекращении их полномочий в Высшую квалификационную коллегию судей Российской Федерации в течение 10 дней после получения копии указанного решения. Председатель, заместитель председателя иного федерального суда вправе обжаловать решение о досрочном прекращении их полномочий в Верховный Суд РФ в течение 10 дней после получения копии указанного

решения. Решение Высшей квалификационной коллегии судей РФ может быть обжаловано в Верховный Суд РФ в тот же срок.

Что получилось? Получилось, что прекращение полномочий руководителей высших судов государства, кассационных и апелляционных судов влекут за собой прекращение их полномочий как судей. А прекращение полномочий руководителей иных судов последствий в виде прекращения их полномочий в качестве судей этих судов не влекут, за исключением руководителей высших, кассационных и апелляционных судов, да и то в случае прекращения их полномочий Советом Федерации. А ведь это — разрыв единства статуса судей, провозглашенный ст. 12 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»²⁴, которая так и называется «Единство статуса судей», где сказано: «Все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией. Особенности правового положения отдельных категорий судей определяются федеральными законами, а в случаях, ими предусмотренных, — также законами субъектов Российской Федерации» (сегодня о последних — лишь относительно мировых судей).

Важно при этом учесть, что единство статуса судьи в нашей стране (а правовой статус судьи — это глубинное единство судейских прав, обязанностей и ответственности) — величайшее достижение юридической науки и правоприменительной практики, нашедшее законодательное закрепление. Член-корреспондент РАН, Председатель Высшего Арбитражного Суда РФ В.Ф. Яковлев, ныне, к сожалению, покойный, еще двадцать лет назад указал: статус судьи формируется и складывается не одномоментно, это категория историческая, и высокий статус судьи есть только в тех государствах, где пройден определенный исторический путь, сложились традиции формирования судейского корпуса и отправления правосудия²⁵.

До конституционных нововведений 2020 г. было более-менее ясно: руководитель суда обязательно должен быть судьей, больше того, неофициально считается, что он в первую очередь судья, а уж потом — председатель или заместитель председателя суда. И совершив он дисциплинарный проступок как судья, дисциплинарная его ответственность наступает именно как для судьи. И если к нему применяются такой вид дисциплинарного наказания, как досрочное прекращение полномочий судьи, он автоматически прекращает быть председателем

²⁴ См.: СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 1.

²⁵ См.: Яковлев В.Ф. Статус судьи есть статус власти // Государство и право. 2004. № 11. С. 5.

(заместителем председателя суда). Но если он подлежит, однозначно (встречаются такие ситуации) дисциплинарной ответственности за совершенный им проступок именно в качестве руководителя суда — его за это в дисциплинарном порядке (получается так) наказать нельзя.

Теперь же ясность в этом вопросе утрачена. Еще на стадии обсуждения в 2020 г. предполагаемых поправок в Конституцию РФ 2020 г. проф. Л. Воскобитовой было высказано мнение, что председатель суда — это не конституционно-властная, а административно-представительская функция. Председатель и его заместители должны быть назначаемы из числа судей, судейского статус которых выше, чем административный статус председателя. Поэтому текст действующего п. «е» ст. 83 более точен, чем предлагаемые изменения, поскольку поправка поднимает статус председателей высших судебных органов и их заместителей до уровня конституционно значимого, возвышающегося над статусом судьи. Порядок назначения председателей высших судов и их заместителей должен определяться на уровне федерального законодательства как ординарный организационный вопрос. Предлагаемая редакция только усилит зарождающуюся тенденцию превращения судей из независимых носителей судебной власти в подчиненных председателя суда, усилит элементы административной управляемости судей²⁶.

А Т. К. Андреева, заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ на том же форуме также посчитала возможным отметить: в предложении о ломке существующей концепции дисциплинарного преследования судей (п. «е»⁴ ст. 83, п. «м» ч. 1 ст. 102) усматривается усиление зависимости судей от других ветвей государственной власти и умаление конституционных принципов независимости и несменяемости судей, что само по себе создает угрозу осуществлению независимого и беспристрастного правосудия. Изъятие полномочий по досрочному прекращению полномочий судей как меры дисциплинарной ответственности у органов судейского сообщества (квалификационных коллегий судей) и передача их Президенту и Совету Федерации без закрепления надлежащей процедуры отрешения судей от должности, гарантирующей защиту основных прав, в т.ч. право на судебную защиту, создает серьезные риски и угрозы, связанные с ограничением прав не только отрешаемых от должности судей, но и граждан. Зависимые от власти судьи не могут осуществлять независимое правосудие. К тому же в отношении судей высших судов один и тот же орган будет и назначать судей, и отстранять их от должности, нарушая и без того зыбкий баланс сдержек и противовесов

в условиях разделения властей. Вызывает сомнение также неопределенность и размытость оснований прекращения полномочий судьи: совершение поступка, порочащего честь и достоинство судьи, и иные предусмотренные федеральным конституционным законом случаи, свидетельствующие о невозможности осуществления судьей своих полномочий. Очевидно, что такая оценочная правовая конструкция значительно расширяет возможности увольнения судей по сравнению с тем, как они определены в законодательстве о статусе судей, что снижает достигнутый уровень гарантий защиты прав граждан, умаляет их права²⁷.

В 2016 г. в СМИ²⁸ сообщалось, что Минюстом России подготовлены поправки к Закону «О противодействии коррупции», куда предлагалось ввести «виды дисциплинарной ответственности» для лиц, замещающих государственные должности, а также порядок ее наложения. В частности, предлагалось ввести норму о специальной комиссии, состоящей из представителей законодательной, исполнительной и судебной властей, а состав ее будет утверждать Президент РФ, которая сможет применять взыскания по отношению к председателям Государственной Думы и Совета Федерации ФС РФ, а также председателям Конституционного и Верховного судов РФ.

Это предложение не получило путевку в жизнь. Однако нужно искать и иные меры совершенствования механизма дисциплинарной ответственности руководителей суда. Например: а) президиум суда субъекта Российской Федерации решает вопрос об освобождении председателей нижестоящих судов от должности при неудовлетворительных результатах оценки работы возглавляемых ими судов с организационно-распорядительной точки зрения; б) Президиумы апелляционных судов принимают аналогичные решения относительно председателей судов субъектов Российской Федерации; в) Президиумы кассационных судов принимают аналогичные решения относительно председателей апелляционных судов; г) Пленум (или Президиум) Верховного суда РФ принимает аналогичное решение в отношении председателей судов субъектов Российской Федерации.

При этом очевидно, что само совершенствование организационно-правового механизма дисциплинарной ответственности руководителей: а) должно быть радикальным (слишком много в нем недостатков); б) комплексным, иначе оно будет “лоскутным”, что и происходило раньше; в) опираться на научно-правовые (и иные сопряженные с правом) исследования.

²⁶ См.: Жуikov В., Воскобитова Л., Яков В. и др. Конституционные поправки и независимость суда // Закон. 2020. № 2.

²⁷ См.: там же.

²⁸ См.: Коммерсантъ. 2016. 4 авг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жолобов Я. Б. Правовой статус председателя суда общей юрисдикции: историко-правовой аспект // Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки. 2020. № 2 (38). С. 20–29.
2. Жуйков В., Воскобитова Л., Ярков В. и др. Конституционные поправки и независимость суда // Закон. 2020. № 2.
3. Казакова Г. В. Проблемы дисциплинарной ответственности судей // Росс. ежегодник трудового права. 2006. № 2 / под ред. Е. Б. Хохлова. СПб., 2007.
4. Ковтков Д. И. К вопросу о лишении гражданского служащего классного чина и восстановления в нем // Журнал росс. права. 2018. № 2. С. 72.
5. Королёва Е. В. Досрочное прекращение полномочий председателя суда: отечественный опыт // Росс. судья. 2021. № 9.
6. Нешатаева Т. Н. О независимости суда и судей в цифровую эпоху: интеграционный опыт // Охрана и защита гражданских и семейных прав в современных условиях: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Михайлова. М., 2022. С. 33, 37.
7. Резников Е. В. К вопросу о профессиональной идентичности судьи // Вестник Пермского ун-та. 2012. № 3.
8. Яковлев В. Ф. Статус судьи есть статус власти // Государство и право. 2004. № 11. С. 5.

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович —
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

REFERENCES

1. Zholobov Ya. B. The legal status of the chairman of the court of general jurisdiction: historical and legal aspect // Herald of the Moscow State Pedagogical University. Ser.: Legal Sciences. 2020. No. 2 (38). Pp. 20–29 (in Russ.).
2. Zhuikov V., Voskobitova L., Yarkov V. et al. Constitutional amendments and the independence of the court // Law. 2020. No. 2 (in Russ.).
3. Kazakova G. V. Problems of disciplinary responsibility of judges // Russ. the yearbook of Labor Law. 2006. No. 2 / ed. by E. B. Khokhlov. SPb., 2007 (in Russ.).
4. Kovtkov D. I. On the issue of depriving a civil servant of a class rank and restoration in it // Journal of Russ. law. 2018. No. 2. P. 72 (in Russ.).
5. Koroleva E. V. Early termination of the powers of the chairman of the court: domestic experience // Russ. judge. 2021. No. 9 (in Russ.).
6. Neshataeva T. N. On the independence of the court and judges in the digital age: integration experience // Protection and protection of civil and family rights in modern conditions: collection of scientific works / ed. by E. V. Mikhailova. M., 2022. Pp. 33, 37 (in Russ.).
7. Reznikov E. V. On the issue of professional identity of a judge // Herald of the Perm University. 2012. No. 3 (in Russ.).
8. Yakovlev V. F. The status of a judge is the status of power // State and Law. 2004. No. 11. P. 5 (in Russ.).

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. —
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 347

РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЗЫСКАНИЯ СТОИМОСТИ ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ В ОТСУТСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО (МУНИЦИПАЛЬНОГО) КОНТРАКТА

© 2024 г. А.А. Трофимов

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: albert.trofimov@gmail.com

Поступила в редакцию 09.01.2023 г.

Аннотация. Статья представляет собой исследование судебной практики по вопросу взыскания неосновательного обогащения частными субъектами (поставщиками, подрядчиками, исполнителями) с государственных (муниципальных) заказчиков в отсутствие заключенного государственного (муниципального) контракта, предусмотренного законодательством о контрактной системе.

Ключевые слова: контрактная система, государственный контракт, дополнительные работы, неосновательное обогащение, публичные нужды, публичный интерес, баланс публичных и частных интересов, участие государства в экономике, принцип эффективности использования бюджетных средств.

Цитирование: Трофимов А.А. Развитие судебной практики взыскания стоимости товаров, работ, услуг в отсутствие государственного (муниципального) контракта // Государство и право. 2024. № 5. С. 42–51.

DOI: 10.31857/S1026945224050046

THE EVOLUTION OF THE LEGAL PRACTICE OF COLLECTING THE COST OF GOODS, WORKS, SERVICES IN THE ABSENCE OF A STATE (MUNICIPAL) CONTRACT

© 2024 A. A. Trofimov

St. Petersburg State University

E-mail: albert.trofimov@gmail.com

Received 09.01.2023

Abstract. The article is a study of judicial practice on the issue of recovery of unjustified enrichment by private entities (suppliers, contractors, performers) from state (municipal) customers in the absence of a concluded state (municipal) contract provided for by the legislation on the contract system.

Key words: contract system, 44-FZ, state contract, extra works, unjustified enrichment, public needs, public interest, balance of public and private interests, state participation in the economy, the principle of efficient use of budget money.

For citation: Trofimov, A.A. (2024). The evolution of the legal practice of collecting the cost of goods, works, services in the absence of a state (municipal) contract // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No 5, pp. 42–51.

Данное исследование посвящено анализу правоприменительной практики арбитражных судов Российской Федерации по спорам о взыскании поставщиками (подрядчиками, исполнителями) с государственных (муниципальных) заказчиков стоимости поставленных товаров (выполненных работ, оказанных услуг) в отсутствие государственного (муниципального) контракта.

В качестве объекта исследования выступили, в первую очередь, судебные акты арбитражных судов кассационной инстанции на всей территории Российской Федерации, Верховного Суда РФ за период с 2017 по 2022 г. Судебные акты, принятые арбитражными судами первой и апелляционной инстанций, не рассматривались как приоритетные объекты исследования, поскольку они не могут в полной мере претендовать на практикообразующее значение. Тем не менее, в исследовании учтены отдельные судебные акты таких арбитражных судов, в которых сформулированы правовые позиции, имеющие значение в разрезе поставленной проблемы.

Выбор указанных судебных актов обусловлен их доступностью в системе «Картотека арбитражных дел».

Начало выбранного периода исследования предопределено опубликованием Верховным Судом РФ Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 28 июня 2017 г. (далее — Обзор).

Длительность периода исследования представляется достаточной (более пяти лет), поскольку с момента опубликования Обзора состоялось значительное количество судебных актов, в которых имело место применение и развитие правовых позиций, изложенных в Обзоре. По предварительной оценке, объем доступной судебно-арбитражной практики превышает несколько сотен единиц. При этом для целей исследования были отобраны лишь те, которые содержат в себе оригинальные (несовпадающие) аргументы в развитие правовых позиций, изложенных в Обзоре, либо иные правовые позиции, в которых предпринималась попытка сформулировать иные критерии для разрешения конкретного спора. Критериями отбора судебных актов послужили: наличие в мотивировочной части правовой позиции, носящей полемический характер в контексте поставленных вопросов; отражение в судебном акте той или иной тенденции, складывающейся в правоприменительной практике.

В условиях отсутствия полной законодательной определенности в том, по каким единым правилам следует разрешать возникающие в практике споры,

в свете сохранения тенденции по не уменьшению количества рассматриваемых арбитражными судами дел данной категории, с учетом цен исковых требований, превышающих сотни миллионов рублей¹, актуальность проводимого исследования становится достаточно осознанной.

Целью проведения мониторинга стало выявление и анализ правовых проблем в правоприменительной практике в выбранной области, выявление тенденций развития судебно-арбитражной практики, а также противоречий для целей формирования предложений о повышении (устранении) правовой определенности, определение степени и существа влияния правовых позиций, изложенных в Обзоре на правоприменительную практику. Гипотезой исследования выступает то, что несмотря на то, что в Обзоре изложены примеры (критерии) разрешения споров, суды толкуют их расширительно.

Постановка проблемы. После замены Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 94-ФЗ) новым Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе) сохранилась и продолжила развиваться практика предъявления исков частными субъектами о взыскании стоимости поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг с государственных (муниципальных) заказчиков при отсутствии заключенного государственного (муниципального) контракта.

В связи с принятием Закона № 94-ФЗ было принято два важных постановления Президиума ВАС РФ от 28 мая 2013 г. № 18045/12 и от 4 июня 2013 г. № 37/13, в которых была сформирована правовая позиция о недопустимости в отсутствие государственного (муниципального) контракта взыскания в качестве неосновательного обогащения стоимости поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг для государственных или муниципальных нужд в пользу контрагентов, которые вправе вступать в договорные отношения с бюджетными учреждениями исключительно посредством заключения контрактов в соответствии с требованиями Закона № 94-ФЗ².

¹ Так, например, в деле № А40-135106/2020 сумма иска превышала 452 млн руб., в деле № А40-184393/2020 — 300 млн руб., в деле № А40-110003/2019 — 151 млн руб.

² См.: Ковалькова Е.Ю. К вопросу о взыскании стоимости поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг при отсутствии государственного (муниципального) контракта // Ученые записки Казанского филиала РГУП. 2017. Т. 13. С. 192–203.

Упомянутыми судебными актами был придан уверенный толчок практике для ее смещения в сторону уменьшения случаев взыскания стоимости товаров, работ, услуг в отсутствие контракта. Через некоторое время в подтверждение указанного подхода было опубликовано Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25 февраля 2014 г. № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными», в п. 7 которого была проведена, казалось бы, четкая грань между двумя принципиально разными ситуациями, зависящими от того, кто выступает на стороне заказчика: частное лицо или публичный заказчик. Выведенная формула о недопустимости взыскания неосновательного обогащения за фактически выполненные при отсутствии государственного контракта работы не имела никаких исключений: такое взыскание открывало бы для недобросовестных исполнителей работ и государственных заказчиков возможность приобретать незаконные имущественные выгоды в обход законодательства о размещении государственного заказа.

Впоследствии Верховным Судом РФ была сформулирована уточняющая правовая позиция, изложенная в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 января 2015 г. № 308-ЭС14-2538 по делу № А77-602/2013 (далее — Определение от 21.01.2015 № 308-ЭС14-2538), согласно которой фактическое оказание услуг для государственных нужд без государственного контракта влечет возникновение неосновательного обогащения у государственного заказчика в случае, если отношения между заказчиком и исполнителем носят длящийся (регулярный) характер, работы не терпят отлагательства, деятельность исполнителя направлена на защиту охраняемого публичного интереса, нет претензий со стороны заказчика относительно объема и качества оказанных услуг. Таким образом, высшей судебной инстанции в определении по конкретному делу было предложено учитывать критерии, допускающие удовлетворение исков частных субъектов: 1) длительность (регулярность) отношений сторон; 2) безотлагательность работ; 3) защита охраняемого публичного интереса; 4) отсутствие претензий заказчика.

Позднее Верховным Судом РФ было констатировано, что судебная практика исходит из того, что по общему правилу без изменения заказчиком первоначальной цены государственного контракта фактическое выполнение подрядчиком дополнительных работ, не предусмотренных условиями этого контракта, не может породить обязанность заказчика по их оплате, поскольку в ином случае будут нарушены публичные интересы (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.01.2016 № 303-ЭС15-13256, от 11.03.2020 № 303-ЭС19-21127).

Выявленная непоследовательность вырабатываемых арбитражной практикой позиций заслужила внимание Президиума Верховного Суда РФ, который 28 июня 2017 г. утвердил Обзор, в котором рассматриваемой проблеме был посвящен целый раздел (п. 20–24, а также п. 12). И хотя исходная (общая) посылка о недопустимости оплаты частному субъекту в отсутствие контракта была подтверждена (п. 20 Обзора), были предложены несколько критериев, основанных на существовавшей к тому моменту практике, которые составили исключения из общего правила о недопустимости взыскания такого неосновательного обогащения. В их число были включены следующие ситуации, когда такие иски подлежат удовлетворению:

1) когда невыполнение дополнительных работ грозит годности и прочности результата выполняемой работы или работ, необходимых для завершения технологического цикла (**критерий «годности и прочности»**) (п. 12 Обзора). Одновременно с указанными к дополнительным работам, подлежащим оплате заказчиком, также могут быть отнесены исключительно те работы, которые в соответствии со ст. 743 ГК РФ, исходя из имеющейся информации на момент подготовки документации и заключения контракта, объективно не могли быть учтены в технической документации, но должны быть произведены, поскольку без их выполнения подрядчик не может приступить к другим работам или продолжать уже начатые, либо ввести объект в эксплуатацию и достичь предусмотренного контрактом результата (**критерий «неучтенных, но необходимых работ»**). При этом как для первого, так и для второго случая необходимо: 1) наличие согласования заказчиком действий по проведению дополнительных работ; 2) чтобы выполненные работы не являлись самостоятельными по отношению к заключенному контракту; 3) отсутствие оснований полагать, что выполнение работ в сложившейся ситуации иным лицом было бы возможно без увеличения их стоимости;

2) когда из закона следует, что поставка товаров, выполнение работ или оказание услуг являются обязательными для соответствующего исполнителя вне зависимости от его волеизъявления (**критерий «обязательности для исполнителя»**) (п. 21 Обзора). Отсутствие надлежащим образом оформленного контракта не должно препятствовать непрерывности процессов, на поддержание которых направлены действия исполнителя;

3) в случаях экстренного осуществления поставки товаров, выполнения работ или оказания услуг в связи с аварией, иной чрезвычайной ситуацией природного или техногенного характера, а также угрозой их возникновения (п. 22 Обзора). В данной категории был сформулирован **критерий «чрезвычайности и объективной необходимости»**, который

позволяет не допустить причинения существенно-го вреда жизни и здоровью населения. При этом: 1) оказание услуг/выполнение работ должно носить разовый характер; 2) они должны быть направлены исключительно на устранение/предотвращение аварии; 3) должен отсутствовать факт сговора и иных злоупотреблений в целях обойти законодательство о контрактной системе;

4) когда из существа обязательства (например, договора хранения) следует невозможность для исполнителя односторонними действиями прекратить исполнение после истечения срока действия государственного (муниципального) контракта или при превышении его максимальной цены (п. 23 Обзора);

5) когда обязательство собственника помещения в здании по оплате расходов по содержанию и ремонту общего имущества, которое возникает в силу закона и не обусловлено наличием договорных отношений и заключением государственного (муниципального) контракта (п. 24 Обзора).

Следует отметить, что перечисленные в п. 12, 21–24 Обзора ситуации рассматриваются арбитражными судами именно как исключения из общего правила о недопустимости взыскания стоимости поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг в отсутствие государственного (муниципального) контракта. Суды признают, что взыскание неосновательного обогащения с заказчиков возможно только в исключительных случаях, однако практика показывает, что количество таких исключительных случаев претендует на формирование новых правил.

Категория споров о взыскании неосновательно-го обогащения в отсутствие публичного контракта является одним³ из участков тонкой грани между публичными и частными интересами, которая обнаруживает проблему встраивания частного интереса в реализацию публичных функций и согласования таких интересов в ситуациях отсутствия специальных закупочных процедур. В условиях отсутствия четкого законодательного регулирования критерии разрешения данной категории споров, выработанные практикой, показывают, какие правовые гарантии имеются у частного субъекта, привлекаемого в некоторых особых случаях публичными субъектами для выполнения публично значимых целей. Ответ на данный вопрос является важным в том числе с точки зрения обеспечения конституционных гарантий права собственности, но и создания условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния

³ См.: *Кикавец В.В.* Правовая форма финансового обеспечения публичных закупок // Государство и право. 2022. № 3. С. 89–98.

граждан, взаимного доверия государства и общества (ст. 35, 75¹ Конституции РФ).

1. Критерий годности и прочности результата работ. Содержание данного критерия следует признать недостаточно определенным по своему содержанию и предполагающим высокую степень оценочности при его применении судами.

Наравне с тем, что дополнительные работы: 1) должны исключать нарушение годности и прочности результата выполняемой работы; 2) на момент подготовки документации и заключения контракта объективно не могли быть учтены в технической документации; 3) должны быть произведены, поскольку без их выполнения подрядчик не может приступить к другим работам или продолжать уже начатые, либо ввести объект в эксплуатацию и достичь предусмотренного контрактом результата, в описании критерия в Обзоре (п. 12) упоминаются и иные категории. В их числе: 4) необходимость согласования заказчиком действий по проведению дополнительных работ; 5) необходимость отсутствия доказательств того, что подрядчиком фактически выполнены самостоятельные по отношению к заключенному контракту работы; 6) должны отсутствовать основания полагать, что выполнение работ в сложившейся ситуации иным лицом было бы возможно без увеличения их стоимости.

Такие формулировки, изложенные в Обзоре, не позволяют как сторонам спора, так и арбитражным судам однозначно определить, обязательно ли наличие всех упомянутых требований, или же достаточно хотя бы одного или нескольких из них, а также, является ли указанный перечень исчерпывающим. Обобщение практики в п. 12 Обзора не может быть признано всецело направленным на ее консолидацию и обеспечение единообразия.

Судебная практика иллюстрирует различные примеры частичного применения судами требований, сформулированных в содержании рассматриваемого критерия. В одном деле⁴ суд, обратившись к анализу описанного в п. 12 Обзора содержания критериев, констатировал наличие в деле нескольких позиций (невозможность предусмотреть работы в документации, невозможность выполнения работ иным лицом без увеличения стоимости, а также то, что невыполнение этих работ негативно влияет на результат основных работ). В другом

⁴ См.: Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 05.02.2020 по делу № А41-43947/2019 (постановлением Арбитражного суда Московского округа от 23.07.2020 данное постановление оставлено без изменения. Определением Верховного Суда РФ от 02.11.2020 № 305-ЭС20-17691 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

деле⁵ суд указал, что все выполненные истцом дополнительные работы отвечают сразу нескольким из условий. При таком подходе отсутствует необходимость констатации соответствия одновременно всем требованиям при возможности проверки соответствия лишь «нескольким». Одновременно с этим суд констатировал наличие **потребительской ценности** для заказчика, факт **выполнения дополнительных работ в период срока действия контракта**, что не упоминалось в п. 12 Обзора, но вошло в предмет доказывания по конкретному делу.

Как указывают в ряде дел кассационные суды⁶, критерием отнесения дополнительных работ к оплачиваемым либо неоплачиваемым является не их необходимость в целом для завершения работ по договору, поскольку такая необходимость в любом случае предполагается, а необходимость их проведения немедленно в интересах заказчика, в частности в связи с тем, что приостановление работ могло привести к гибели или повреждению объекта строительства. При этом бремя доказывания того, что имела необходимость немедленных действий в интересах заказчика, должно возлагаться именно на подрядчика.

Неопределенность содержания рассматриваемого критерия закономерно предопределила выработку в практике и иных требований, включаемых в содержание критерия, которые не предусмотрены ни Гражданским кодексом РФ, ни Законом о контрактной системе, ни Обзором. В некоторых судебных актах судами принимались во внимание аргументы частного субъекта о том, что дополнительные работы были выполнены без согласования с заказчиком во избежание «**значительных затрат заказчика**»⁷. В другом деле, хотя в иске было

отказано, суд кассационной инстанции⁸ указал, что доказательств «**безотлагательного характера дополнительных работ либо выполнения их в целях предотвращения большего ущерба**» материалы дела не содержат. В другом деле⁹ судами было установлено, что выполнение дополнительных работ было необходимо для выполнения спорного контракта, они не выполнялись истцом произвольно по своей инициативе, а осуществлялись по согласованию с заказчиком, что ответчиком и не оспаривалось, и без их выполнения объект в целом не был бы принят приемочной комиссией последнего; результат выполненных работ, представляет собой потребительскую ценность для заказчика; спорные работы напрямую связаны с предметом контракта, являлись социально значимыми и не носят самостоятельный характер. Таким образом, судами были применены критерий социальной значимости и критерий потребительской ценности для заказчика результата работ.

Распространенным, хотя и не всеми судами одинаково поддерживаемым¹⁰, стало сформулированное практикой требование о наличии **потребительской ценности** результата дополнительных работ для заказчика. Так, в деле¹¹ суды, констатируя согласие дополнительных работ заказчиком, также указали на то, что заказчик не оспаривает потребительскую ценность результата работ, а претензии по недостаткам отсутствуют. Тем самым суды переложили бремя доказывания по делу на муниципального заказчика, однако ни критерий годности и прочности, ни требование о наличии неучтенных, но необходимых работ не были описаны в судебных актах как доказанные

рассмотрение). Впоследствии данный кейс был включен в п. 35 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2020), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020 г.

⁸ См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.09.2021 по делу № А45-13638/2020 (Определением Верховного Суда РФ от 14.02.2022 № 304-ЭС21-23902 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

⁹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.06.2021 по делу № А41-23149/2020 (Определением Верховного Суда РФ от 19.10.2021 № 305-ЭС21-18352 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ).

¹⁰ Довод отклонен: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.06.2022 по делу № А46-7931/2021. Довод поддержан: постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.06.2021 по делу № А41-23149/2020.

¹¹ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.12.2021 по делу № А09-11363/2020 (Определением Верховного Суда РФ от 01.04.2022 № 310-ЭС22-2957 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

⁵ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17.08.2021 по делу № А41-78376/2019 (Определением Верховного Суда РФ от 17.11.2021 № 305-ЭС21-20989 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.03.2019 по делу № А80-477/2017 (Определением Верховного Суда РФ от 22.07.2019 № 303-ЭС19-10947 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ); постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.09.2021 по делу № А56-129011/2019; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.01.2022 по делу № А76-14480/2020 (Определением Верховного Суда РФ от 30.05.2022 № 309-ЭС22-7016 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ), постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26.05.2022 по делу № А51-18634/2021.

⁷ См.: Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 22.05.2019 и постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 06.08.2019 по делу № А73-16916/2018 (отменены Определением Верховного Суда РФ от 11.03.2020 № 303-ЭС19-21127, направлены на новое

подрядчиком. В другом деле¹² суд, удовлетворяя иск также сослался на то, что дополнительные работы представляют для ответчика потребительскую ценность. При этом требование годности и прочности было сформулировано по-иному: данные работы было необходимо выполнить для обеспечения требований технической безопасности и достижения объектом гарантированных эксплуатационных показателей и его надежной и безопасной эксплуатации. Аргумент о наличии потребительской ценности результата дополнительных работ для заказчика не был поддержан Верховным Судом РФ¹³ в одном из определений по конкретному делу со ссылкой на п. 20 Обзора и постановление Президиума ВАС РФ от 28 мая 2013 г. № 18045/12, т.е. ссылкой на общее правило о недопустимости удовлетворения требований.

Анализ правоприменительной практики приводит к неизбежности постановки вопроса о том, какими средствами доказывания стороны обосновывают наличие/отсутствие критерия для разрешения такого рода споров. Во многих (хотя и не во всех) судебных делах¹⁴ назначалась судебная экспертиза, в которой перед экспертами ставились различные вопросы, предопределенные предметом доказывания в конкретных делах. В одном из дел¹⁵ суд кассационной инстанции, направляя дело на новое рассмотрение, признал преждевременным вывод судов об удовлетворении иска, поскольку при наличии возражений государственного заказчика было необоснованно отклонено его ходатайство о назначении судебной экспертизы, без которой не были полно исследованы обстоятельства, относящиеся к предмету доказывания. В другом деле суд

кассационной инстанции, отменяя судебные акты об удовлетворении иска, указал, что «перед судебной строительно-технической экспертизой перед экспертом вместо вопроса об угрозе невыполнения дополнительных работ годности и прочности объекта был поставлен вопрос о необходимом для достижения результата количестве песка, что неоднозначно»¹⁶. Таким образом, суды неверно определили бремя доказывания по указанному делу, что было исправлено в суде кассационной инстанции. В другом деле суд¹⁷ в отсутствие проведенной судебной экспертизы не раскрывал подробно того, как истцом был доказан весь набор критериев, а также содержание данных критериев, ограничившись ссылкой на положения закона и Обзора.

В случаях же, когда экспертиза не проводилась, в ряде дел рассматривался вопрос о том, достаточно ли признания факта выполнения дополнительных работ со стороны заказчика, или же законодатель не придает юридического значения поведению заказчика в данном вопросе. В этой части развитие правовой позиции из п. 12 Обзора получило в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 марта 2020 г. № 303-ЭС19-21127 по делу № А73-16916/2018. Было констатируемо, что фактическое одобрение своими действиями заказчиком выполнения подрядчиком дополнительного объема работ не может быть признано надлежащим. Подтверждением одобрения заказчика на изменение условий контракта могло быть только явное и утвердительное его согласие на увеличение стоимости контракта¹⁸. Однако данная позиция не была единодушно воспринята судами кассационной инстанции, которые в некоторых делах не поддерживали подход,

¹² См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.07.2020 по делу № А41-102313/2018 (Определением Верховного Суда РФ от 11.11.2020 № 305-ЭС20-17255 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

¹³ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.03.2020 № 303-ЭС19-21127 по делу № А73-16916/2018 (Определением Верховного Суда РФ от 11.08.2020 № 198-ПЭК20 по делу отказано в передаче надзорной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда РФ).

¹⁴ См., напр.: Определение Верховного Суда РФ от 28.01.2022 № 306-ЭС21-26927 по делу № А55-11571/2019; определение Верховного Суда РФ от 14.05.2021 № 309-ЭС21-5157 по делу № А07-11356/2016; определение Верховного Суда РФ от 05.04.2021 № 303-ЭС21-2334 по делу № А73-11851/2017; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 26.05.2022 по делу № А83-18976/2019.

¹⁵ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.05.2022 по делу № А56-160676/2018; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.06.2022 по делу № А56-37716/2021 (аналогичный подход - постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.05.2022 по делу № А56-160676/2018).

¹⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.09.2021 по делу № А21-7220/2019 (Определением Верховного Суда РФ от 17.12.2021 № 307-ЭС21-23854 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

¹⁷ См.: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.02.2022 по делу № А56-29670/2021 (Постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.06.2022 данное постановление оставлено без изменения).

¹⁸ Хотя при этом в практике обнаруживаются и примеры применения правила эстоппеля (например, в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.02.2019 по делу № А70-3507/2018 было установлено, что Межрегиональное территориальное управление, являясь осведомленным об отсутствии контракта, продолжало пользоваться услугами истца; ответчик не предпринял никаких действий по заключению контракта, не прекратил пользование услугами по хранению и уклонился от их оплаты, ссылаясь на проведение мероприятий по изысканию средств федерального бюджета, необходимых для проведения конкурсных процедур в рамках Закона о контрактной системе, в связи с чем требования о взыскании задолженности по договору на отстой теплохода были удовлетворены).

согласно которому письменное согласие заказчика не признавалось как достаточное согласование или поручение выполнить дополнительные работы¹⁹. В такой ситуации при наличии разных подходов в судебной практике нередко обнаруживаются примеры, когда подробное обоснование данного вопроса в мотивировочной части судебных актах не находит отражения²⁰.

2. Критерий обязательности для исполнителя.

Применение критерия обязательности для исполнителя наряду с рядовыми ошибками обнаруживает неоправданно широкую вариативность наполнения содержания данного критерия, выходящего за пределы описанной в Обзоре формулы, а также смешение (объединение) с критерием, предусмотренным п. 24 Обзора.

В одном деле суд удовлетворил требования о взыскании стоимости поставленных товаров, обосновав тем, что поставка топлива осуществлялась без контракта с социально значимой целью обеспечения бесперебойного энергоснабжения населения района в условиях ограниченных возможностей по устранению недостатка запасов топлива. В судебном постановлении²¹ было отражено, что исключения возможны в ситуациях, когда оказываемые услуги (выполняемые работы, поставляемый товар) носят **социально значимый характер** и являются **необходимыми для повседневного удовлетворения публичных нужд**; в частности, это касается ситуаций, когда существо предоставленного частноправовым субъектом исполнения является обязательной и социально значимой функцией заказчика, выполняемой им на постоянной основе и обусловленной жизненно важными потребностями и интересами людей, связанными с их неотъемлемыми правами и свободами, гарантированными государством (на жизнь, свободу передвижения, труд, отдых, социальное обеспечение, охрану здоровья и медицинскую помощь, образование и т.д.), поэтому при отсутствии экстраординарных обстоятельств эта деятельность не подлежит прекращению, следовательно, соответствующие услуги,

работы, товары должны быть оплачены. Аналогичная позиция неоднократно встречается в других судебных актах, в которых социально значимыми функциями признавалась деятельность по обращению с твердыми коммунальными отходами²², осуществление пассажирских перевозок по регулярным муниципальным маршрутам по регулируемым тарифам²³, поставка товара (стульев для школы)²⁴, выполнение ремонтных работ помещений пожарных частей²⁵, выполнение работ по ремонту табло остановок общественного транспорта²⁶ и т.п.

Таким образом, суды, ссылаясь на п. 21 Обзора, дополняют его категорией социально значимой цели при условии необходимости повседневного удовлетворения публичных нужд (непрерывности). Содержание данных категорий все так же остается неопределенным: не исключается полная подмена содержания понятия «публичные нужды» категорией социально значимой цели, которая не имеет легального определения. Предоставление частным субъектом товаров, работ, услуг при необходимости повседневного удовлетворения публичных нужд (непрерывности), по сути, может представлять собой другую категорию — чрезвычайности (п. 22 Обзора), которая предполагает другой предмет доказывания по делу в случае спора.

Рассматриваемый критерий также был существенно расширен в другом деле, в котором суд апелляционной инстанции, отменяя решение нижестоящего суда об отказе в иске²⁷, со ссылками на п. 21 и 22 Обзора и Определение от 21 января 2015 г. по делу № 308-ЭС14-2538 применил критерии: **длительности и регулярного характера отношений** между заказчиком и подрядчиком, основанных до выполнения спорных работ на контракте; **выполнение работ в условиях, не терпящих отлагательства** до момента заключения государственного (муниципального) контракта; **направленность действий подрядчика на защиту охраняемых законом публичных интересов**; отсутствие претензий со стороны заказчика относительно объема

¹⁹ См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22.12.2021 по делу № А55-24107/2020; постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.09.2021 по делу № А41-75730/2020.

²⁰ См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.12.2021 по делу № А78-11534/2020; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.10.2021 № Ф04-5217/2021 по делу № А81-275/2021.

²¹ См.: Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 19.12.2019 по делу № А69-187/2019 (постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 09.06.2020 данное постановление оставлено без изменения; определением судьи Верховного Суда РФ от 15.10.2020 № 302-ЭС20-14607 отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ).

²² См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 23.05.2022 по делу № А70-16092/2021.

²³ См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.12.2021 по делу № А46-1971/2020.

²⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.05.2020 по делу № А81-3951/2019.

²⁵ См.: Постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30.01.2020 от 22.12.2020 по делу № А27-7655/2019.

²⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.03.2022 по делу № А67-1111/2021.

²⁷ См.: Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 13.04.2021 по делу № А73-17577/2020 (постановлением Арбитражного суда Дальневосточного округа от 09.07.2021 данное постановление оставлено без изменения).

и качества выполненных работ. При этом судами не было учтено, что актуальность позиции, изложенной в Определении от 21 января 2015 г. по делу № 308-ЭС14-2538, была частично утрачена в связи с изданием Обзора, а также прямым противоречием ряда указанных в нем критериев Обзору (например, длительности и регулярного характера отношений, указанных в Определении от 21.01.2015 по делу № 308-ЭС14-2538, и разовый характер выполнения работ, указанный в п. 22 Обзора).

Применение рассматриваемого критерия связано с рядом различных судебных ошибок. Так, например, в одном деле²⁸ суд неверно толкует положения п. 21 Обзора, делая вывод о том, что п. 21 Обзора является применимым, когда своевременное заключение контракта невозможно. Однако такой вывод не просто отсутствует в п. 21 Обзора, но прямо противоречит самому смыслу контрактной системы и ее принципам (ст. 6–8 Закона о контрактной системе²⁹).

В другом деле суды трех инстанций³⁰ удовлетворили иск о взыскании задолженности по оплате услуг по перевозке военнообязанных. Истец оказал ответчику услуги по перевозке военнообязанных для проведения совместных стратегических учений. Суды мотивировали следующим: «доставка граждан, пребывающих в запасе, на проверочные сборы для участия в стратегических учениях, свидетельствует о **срочном характере** оказанных услуг, который исключал соблюдение предусмотренной законом процедуры заключения государственных контрактов ввиду длительности ее проведения». Однако ни законодательством, ни Обзором такое основание как срочность оказания услуг не предусмотрено.

Не во всех случаях в равной степени надлежащим образом в мотивировочных частях судебных актов можно обнаружить описание наличия действительной обязанности истца по оказанию услуг. В конкретном деле суды³¹ удовлетворили требование о взыскании стоимости услуг по выполнению полетов по оказанию скорой медицинской помощи на основе просьбы заказчика по завершеному контракту, однако обязанность исполнителя не была обоснована наличием нормативного правового акта или иного основания возникновения.

²⁸ См.: Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14.02.2019 по делу № А70-3507/2018.

²⁹ См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» / пред. редкол. И.Ю. Артемьев. М., 2015. С. 45–50.

³⁰ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.04.2019 по делу № А56-42069/2018.

³¹ См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26.02.2019 по делу № А33-15614/2018.

В другом деле суды всех инстанций³² удовлетворили иск о взыскании неосновательного обогащения стоимости оказанных услуг по промывке канализационного коллектора, выполненных в отсутствие муниципального контракта на основании гарантийного письма заказчика. В обоснование решения судами была приведена ссылка на п. 21 Обзора и упоминание неконкретизированной специфики отношений в сфере энергоснабжения, однако судами не было обосновано то, что исполнитель не был вправе отказаться от оказания таких услуг.

3. Чрезвычайная ситуация или угроза ее возникновения. Применение критерия **чрезвычайности и объективной необходимости** в целом обнаруживает довольно ограниченное применение. Следует признать, что арбитражные суды не склонны широко применять данное основание для удовлетворения исковых требований. Как справедливо указано в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 20 февраля 2019 г. № Ф06-42957/2019 по делу № А65-7812/2018, требование чрезвычайности подразумевает исключительность рассматриваемого обстоятельства, наступление которого не является обычным в конкретных условиях. Само по себе введение режима чрезвычайной ситуации не означает необходимости выполнения любого вида работ в указанный период без заключения муниципального контракта в порядке, предусмотренном Законом о контрактной системе, с использованием конкурентных способов размещения заказа³³.

В то же время обнаруживаются и противоположные подходы арбитражных судов к схожим спорам. Так, суд³⁴ удовлетворил требования о взыскании стоимости оказанных услуг по уборке снега, оказанных сверх согласованных объемов по муниципальному контракту, мотивировав это тем, что в данном случае необходимость быстрого реагирования на обильные снегопады для обеспечения жизнедеятельности населенного пункта в виде уборки снега сверх объемов, предусмотренных

³² См.: Решение Арбитражного суда Калининградской области от 25.11.2019 по делу № А21-6820/2019 (оставлено без изменений постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.02.2020 и Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.05.2020, определением Верховного Суда РФ от 10.08.2020 № 307-ЭС20-10127 отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

³³ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.05.2021 по делу № А32-39560/2020 (определением Верховного Суда РФ от 03.08.2021 № 308-ЭС21-12035 отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

³⁴ См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.09.2021 по делу № А07-12319/2020.

муниципальным контрактом, имеет экстренный характер, поскольку оказываемые услуги направлены на недопущение чрезвычайной ситуации. В других делах суды³⁵ преимущественно отклоняли довод истцов о том, что выполненные ими работы были направлены на недопущение возникновения чрезвычайной ситуации на дорогах, следовательно, подлежали оплате вне зависимости от наличия контракта. Как указывали суды, сама по себе необходимость выполнения спорных работ не свидетельствует о том, что такая необходимость носила экстренный характер. В одном из дел³⁶ суд признал скапливание снега и наледи и необходимость их удаления в зимний период общеизвестным фактом, который не нуждается в доказывании (ч. 1 ст. 69 АПК РФ), а значит, данные работы могли быть запланированы заранее.

Спорным представляется подход, при котором категория чрезвычайности применяется к разработке или корректировке проектной документации для выполнения работ, поскольку в таком случае производится подмена исключительного случая, предусмотренного п. 12 Обзора (со своими требованиями), п. 22, а также поскольку сама по себе может отсутствовать чрезвычайность.

В одном деле³⁷ суд исходил из того, что стороны не отрицали, что истец выполнял работы **в срочном порядке, не имелось времени на проведение торгов** по данному предмету (корректировка проектной документации) контракта, в связи с чем иск был удовлетворен. Однако ни срочность выполнения работ, ни длительность проведения торгов, ни сама по себе необходимость выполнения работ не являются основаниями для удовлетворения подобных исковых требований, поскольку они не предусмотрены законодательством.

Заключение

Исследованный массив правоприменительной практики демонстрирует, что судебная практика по рассмотренному вопросу не является однородной, стабильной и в одинаковой степени достаточно аргументированной. Правовые позиции Верховного

Суда РФ не всегда воспринимаются нижестоящими судами, подвергаются расширительному или ограничительному толкованию и применению. Неопределенность рассмотренных критериев и требований для удовлетворения исков рассмотренной категории дел влияет на определение предмета доказывания, распределение бремени доказывания, а также на иные процессуальные вопросы.

Выявлено, что в условиях отсутствия четких законоположений перечень исключений, вырабатываемых самостоятельно судебной практикой, не является исчерпывающим, а также определенным по своему содержанию. Это наравне с отсутствием четкого понимания судами соотношения между значением Обзора и определений Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ по конкретным делам предопределяет выработку судебной практикой иных критериев, которые прямо не предусмотрены ни законодательством, ни Обзором. Также это ориентирует суды по-разному толковать не только само законодательство о контрактной системе, но и текст Обзора.

В то же время представляется, что случаи удовлетворения исковых требований о взыскании неосновательного обогащения в отсутствие государственного (муниципального) контракта, должны продолжаться рассматриваться как исключительные, а их количество должно стремиться к минимальному. Предлагаемые судебной практикой новые критерии (в частности, потребительской ценности, избежание значительных затрат заказчика, безотлагательный или срочный характер работ, социальной значимости, необходимости для повседневного удовлетворения публичных нужд, направленности действий на защиту охраняемых законом публичных интересов), при наличии которых иски о взыскании неосновательного обогащения в отсутствие публичного контракта подлежат удовлетворению, не могут быть немотивированно поддержаны. Это обосновывается тем, что такие критерии не наполнены недвусмысленным содержанием, являются оценочными. Признавая саму ценность разрабатываемых судами новых подходов необходимо учитывать их при дальнейшей настройке параметров современной контрактной системы.

Следует оценить позитивно предпринятую Верховным Судом РФ попытку систематизировать типовые случаи рассматриваемых споров. Однако в условиях, когда такой перечень казусов не является исчерпывающим, а следовательно, суды имеют возможность расширительно использовать данные критерии, то более обоснованным представляется подход, при котором было бы закреплено единое правило толкования, которое содержало в себе соответствующие критерии. Таким образом, представляется целесообразным обеспечить изложение исчерпывающего и в достаточной

³⁵ См.: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29.01.2020 по делу № А28-2002/2019; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.08.2020 по делу № А13-13204/2019; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 25.11.2021 по делу № А42-9687/2020; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.12.2021 по делу № А42-2419/2021.

³⁶ См.: Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30.05.2022 по делу № А62-4293/2021.

³⁷ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 05.02.2020 по делу № А32-16939/2019 (Определением Верховного Суда РФ от 15.05.2020 № 308-ЭС20-5738 отказано в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

степени конкретного перечня исключений, при которых рассмотренная категория дел подлежит удовлетворению.

Выявленное расширение судебной практикой перечня и содержания критериев, изложенных в Обзоре, приводит к поощрению недобросовестного поведения со стороны участников контрактной системы (как заказчиков, так и исполнителей). Одновременно с этим негативный эффект усматривается и в части снижения эффективности планирования закупок (гл. 2 Закона о контрактной системе) и бюджетных ассигнований (ст. 174² БК РФ), а также увеличению рисков неэффективного использования бюджетных средств (ст. 34 БК РФ).

Отметим также, что проведенное исследование не включало в себя рассмотрение вопросов о наличии и эффективности существующей публично-правовой ответственности участников контрактной системы и иных лиц при реализации рисков казны по выплате неосновательного обогащения, процентов за неправомерное пользование чужими денежными средствами, судебных расходов

(включая оплату судебных экспертиз), что может стать предметом отдельного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кикавец В.В.* Правовая форма финансового обеспечения публичных закупок // Государство и право. 2022. № 3. С. 89–98.
2. *Ковалькова Е.Ю.* К вопросу о взыскании стоимости поставленных товаров, выполненных работ, оказанных услуг при отсутствии государственного (муниципального) контракта // Ученые записки Казанского филиала РГУП. 2017. Т. 13. С. 192–203.

REFERENCES

1. *Kikavets V.V.* The legal form of financial support for public procurement // State and Law. 2022. No. 3. Pp. 89–98 (in Russ.).
2. *Kovalkova E. Yu.* On the issue of recovery of the cost of goods delivered, works performed, services rendered in the absence of a state (municipal) contract // Scientific notes of the Kazan branch of the Russian State Unitary Enterprise. 2017. Vol. 13. Pp. 192–203 (in Russ.).

Сведения об авторе

ТРОФИМОВ Альберт Алексеевич — кандидат юридических наук, ассистент кафедры административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; 199034 г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9
ORCID: 0000-0002-3575-6743

Authors' information

TROFIMOV Albert A. — PhD in Law, Assistant of the Department of Administrative and Financial Law, Faculty of Law, St. Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya Emb., 199034 St. Petersburg, Russian

УДК 347.4

О ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОКУПАТЕЛЯ И КРЕДИТОРОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ДОЛЖНИКА ПО ДЕЛУ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

© 2024 г. Л. В. Борисова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: lilya-borisova@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.07.2023 г.

Аннотация. В статье определены проблемы обеспечения сбалансированного соотношения прав и законных интересов как государства, так и покупателя и кредиторов по делу о несостоятельности (банкротстве) стратегического предприятия и организации, даны предложения по их решению. Исследован аспект защиты прав кредиторов при оспаривании сделок несостоятельного должника – стратегического предприятия или организации. Выделены отдельные особенности, отличающие понятие сделки в гражданско-правовом значении и в рамках правоотношений при банкротстве. Показана проблема вариативности подходов судов к оценке сделок стратегического должника, совершаемых в процессе обычной хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, кредитор, должник, стратегическое предприятие или организация, защита, права, законные интересы, обычная хозяйственная деятельность, сделка.

Цитирование: Борисова Л. В. О защите прав и законных интересов покупателя и кредиторов стратегического должника по делу о несостоятельности (банкротстве) // Государство и право. 2024. № 5. С. 52–58.

DOI: 10.31857/S1026945224050053

ON PROTECTION OF THE RIGHTS AND LEGAL INTERESTS OF THE BUYER AND CREDITORS OF THE STRATEGIC DEBTOR IN THE CASE ON INCONVENTION (BANKRUPTCY)

© 2024 L.V. Borisova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: lilya-borisova@yandex.ru

Received 04.07.2023

Abstract. The article defined problems of ensuring a balanced ratio of the rights and legitimate interests of both the state and the buyer and creditors in the case of insolvency (bankruptcy) of a strategic enterprise and organization and offers suggestions for their solution. The aspect of protecting the rights of creditors when challenging the transactions of an insolvent debtor — a strategic enterprise or organization has been studied. Separate features are singled out that distinguish the concept of a transaction in the civil law sense and within the framework of bankruptcy legal relations. The problem of the variability of court approaches to the evaluation of transactions of a strategic debtor made in the course of ordinary business activities is shown.

Key words: insolvency, bankruptcy, creditor, debtor, strategic enterprise or organization, protection, rights, legitimate interests, ordinary economic activity, transaction.

For citation: Borisova, L.V. (2024). On protecting the rights and legitimate interests of the buyer and creditors of a strategic debtor in an insolvency (bankruptcy) case // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5. pp. 52–58.

Ключевыми участниками процедуры несостоятельности (банкротства) стратегических предприятий и организаций являются кредиторы, имеющие согласно ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ по отношению к должнику права требования по денежным или иным обязательствам.

Правовое положение кредиторов в делах о банкротстве, в том числе стратегических должников, регламентировано не только нормами Закона о банкротстве, который является специальным актом, но и Арбитражным процессуальным кодексом РФ². Так, в силу ст. 41 АПК РФ кредиторы как лица, участвующие в деле о банкротстве (ст. 20⁴ Федерального закона о банкротстве) имеют право знакомиться с материалами дела, делать выписки из них, представлять доказательства, заявлять отводы и др.

В правоотношениях банкротства объем правовых возможностей для защиты своих прав и законных интересов зависит от типа кредитора (очередные и внеочередные, мелкие и крупные и др.)³. Так, особое правовое положение имеют кредиторы по текущим

платежам, залоговые и конкурсные кредиторы, т.е. кредиторы по денежным обязательствам (ст. 12, 15, 20⁴, 134, 138 Федерального закона о банкротстве и др.). На практике подобное деление кредиторов обеспечивает движение дела о несостоятельности (банкротстве) при условии соблюдения прав и законных интересов всех лиц, участвующих в данной процедуре.

Оценивая правовое положение кредиторов по делам о несостоятельности (банкротстве) стратегических предприятий и организаций, следует отметить, что в России состояние дел в работе значительного числа таких организаций внушает серьезное беспокойство. По указанию главы госкорпорации «Ростехнологии» С.В. Чемезова треть российских предприятий оборонно-промышленного комплекса признаны или находятся в процессе банкротства⁴ (в их числе АО «Восточная верфь», АО «751 ремонтный завод средств заправки и транспортирования горючего», ПАО «Мотовилихинские заводы» и др.).

Бесспорно, непростое финансовое состояние предприятий стратегического назначения и ОПК может существенно ослабить обороноспособность нашей страны, а потому требует принятия дополнительных мер по предупреждению их банкротства и улучшению

¹ См.: СЗ РФ. 2002. № 43, ст. 4190.

² См.: СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012.

³ См. подр.: Карелина С.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб.-практ. пособие. М., 2008. С. 56–58; Попондопуло В.Ф. Банкротство. Правовое регулирование: науч.-практ. пособие. М., 2013. С. 78–83; см. также: Галузо В.Н. О некоторых проблемах комплексного правоприменения к отношениям, связанным с несостоятельностью

(банкротством) в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2020. № 6. С. 101–104; и др.

⁴ См.: Яковлев М. Каким образом российская оборонка оказалась на грани банкротства. URL: <https://versia.ru/kakim-obrazom-rossijskaya-oboronka-okazalas-na-grani-bankrotstva> (дата обращения: 18.05.2023).

правового положения должника, включая меры по созданию единого перечня стратегических предприятий и организаций, совершенствованию реабилитационных процедур, системы подготовки и переподготовки арбитражных управляющих и др.⁵

В то же время принимаемые государством меры должны учитывать не только интересы должника, но и его кредиторов, которые, как следует из материалов судебной практики, заключаются «в максимально полном удовлетворении их требований за счет имущества должника»⁶, а также иных участников банкротной процедуры, в частности покупателя стратегического должника при продаже его бизнеса. На наш взгляд, законодательство и правоприменительная практика в рассматриваемой сфере должны основываться на принципе сбалансированного соотношения прав и законных интересов как государства, так и покупателя и кредиторов по делу о несостоятельности (банкротстве) стратегического предприятия и организации. В литературе соблюдение такого соотношения (гармоничного сочетания) рассматривается как некий идеал, к которому правовое регулирование в данной сфере должно стремиться⁷.

К сожалению, действующее законодательство о банкротстве стратегических предприятий и организаций не исключает случаев нарушения указанного баланса.

Так, одну из теоретико-практических проблем, нуждающихся в научном и законодательном решении, представляет предусмотренная п. 9 ст. 195 Федерального закона о банкротстве возможность безвозмездной передачи в федеральную собственность предприятия должника — стратегической организации, выполняющей работы по государственному оборонному заказу, обеспечению федеральных государственных

нужд в области поддержания обороноспособности и безопасности Российской Федерации, в случае существенного нарушения или неисполнения покупателем соглашения об исполнении условий конкурса по купле-продаже такого предприятия.

Недостаток указанной правовой нормы заключается в том, что при расторжении арбитражным судом соглашения об исполнении условий конкурса и договора купли-продажи предприятия, оно подлежит передаче в федеральную собственность. О выплате какой-либо встречной денежной компенсации покупателю в данном случае не говорится.

В юридической литературе высказываются противоположные взгляды на обоснованность такого законодательного регулирования. Так, по мнению В.Н. Ткачева, отсутствие в законе указания на то, что государство не обязано платить за передачу в федеральную собственность предприятия, нарушает права покупателя. На стороне государства в результате такой передачи возникает неосновательное обогащение⁸.

Аналогичного мнения придерживается Президент Российского союза промышленников и предпринимателей А.Н. Шохин, указывая, что даже нарушение покупателем своей обязанности «не может служить основанием для безвозмездной передачи имущества в государственную собственность без выплаты компенсации»⁹.

О.А. Москвитин также отмечает, что при расторжении договора купли-продажи государство, получив обратно свое имущество, должно возратить покупателю уплаченные за него денежные средства. Возврат «стратегов» в казну не должен быть безвозмездным¹⁰.

Партнер Forward Legal К.Р. Файзрахманов называет безвозмездную передачу в федеральную собственность в чистом виде национализацией, используя которую государство закладывает в законодательство «крючок» на случай необходимости истребовать имущество в доход государства¹¹.

Отдельные исследователи отстаивают противоположное мнение. Например, как полагает В.В. Витрянский, изъятие предприятия у покупателя и передача его в федеральную собственность как последствие расторжения договора является мерой

⁵ См., напр.: Ростех внес предложения по корректровке законодательства о банкротстве предприятий ОПК. URL: <https://finance.rambler.ru/other/43891543-rosteh-vnes-predlozheniya-po-korrektirovke-zakonodatelstva-o-bankrotstve-predpriyatiy-opk/> (дата обращения: 18.05.2023).

⁶ См., напр.: Обзор судебной практики по спорам об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателей (утв. Президиумом ВС РФ 21.12.2022 г.) // В официальных источниках опубликован не был; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20.09.2017 г. // В официальных источниках опубликовано не было.

⁷ См., напр.: Пахаруков А.А. Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц: вопросы теории и практики. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 89; Мишаков О.Г. О соотношении частных и публичных интересов при продаже имущества стратегических предприятий и организаций в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) // Вестник военного права. 2016. № 2. С. 86; Михайлова Е.В., Летова Н.В., Чуча С.Ю., Соловьяненко Н.И. Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // Государство и право. 2022. № 9. С. 66–74.

⁸ См.: Ткачев В.Н. Особенности внешнего управления имуществом стратегических предприятий и организаций // Законодательство. 2007. № 11. С. 39.

⁹ Цит. по: Штыкина А. Крупный бизнес напугали поправки о банкротстве стратегических предприятий. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/09/2015/55f705479a79474155327294> (дата обращения: 21.05.2023).

¹⁰ См.: там же.

¹¹ См.: Россия готовит почву для конфискации стратегических активов у иностранных инвесторов. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/rossiya_gotovit_pochvu_dlya_konfiskacii_strategicheskikh_aktivov_u_inostrann/ (дата обращения: 21.05.2023).

конфискационного характера и не предполагает выплаты компенсации¹².

Представители Минэкономразвития акцентируют внимание на том, что безвозмездная передача предприятия должника в федеральную собственность возможна только при существенном нарушении покупателем условий конкурса, поскольку это «может повлечь угрозу национальной безопасности или создать риски невыполнения государственного оборонного заказа»¹³.

На наш взгляд, предусмотренный в п. 9 ст. 195 Федерального закона о банкротстве подход законодателя к последствиям расторжения договора купли-продажи предприятия стратегического назначения предоставляет федеральной собственности излишнюю защиту, нарушая права покупателя. Во-первых, в случае изъятия предприятия в собственность государства все затраты на его приобретение и развитие у покупателя обнуляются, он ничего не получает, тогда как государству возвращается предмет договора.

Во-вторых, из содержания ст. 566 ГК РФ следует применение к договору купли-продажи предприятия правил о последствиях недействительности сделок или об изменении, или о расторжении договора, если это существенно не нарушает права и охраняемые законом интересы кредиторов продавца и покупателя, других лиц и не противоречит общественным интересам. Как указано в п. 5 приложения к Информационному письму Президиума ВАС РФ от 21 февраля 2001 г. № 60, «при рассмотрении иска о расторжении, изменении, признании недействительным договора продажи предприятия и возврате в натуре полученного по этому договору суду надлежит исследовать возможные последствия такого решения для вышеуказанных лиц»¹⁴. То есть расторжение договора купли-продажи предприятия должно являться основанием для возврата покупателю средств, затраченных на его приобретение.

В-третьих, регламентируя процедуру расторжения договора купли-продажи имущества должника — субъекта естественной монополии, непосредственно используемого для производства и (или) реализации товаров (работ, услуг), законодатель применяет иной

подход: «имущество передается в федеральную собственность, а покупателю за счет средств федерального бюджета возмещаются средства, затраченные на покупку имущества и осуществление за истекший период инвестиций» (п. 3 ст. 201 Федерального закона о банкротстве).

Представляется, что с целью защиты прав и законных интересов покупателя имущества стратегического должника, соблюдения принципа равенства и сбалансированного учета прав и законных интересов должника и кредиторов необходимо в ст. 195 Федерального закона о банкротстве использовать аналогичный подход, дополнив абз. 4 п. 9 после слов «предприятие должника подлежит передаче в федеральную собственность в порядке, установленном федеральным законом» словосочетанием «а покупателю за счет средств федерального бюджета возмещаются средства, затраченные на его приобретение».

Заметим также, что в последнее время арбитражными судами формируется новая практика удовлетворения исков о признании недействительными сделок и изъятии в доход государства, приобретенных с нарушением закона акций, которые предоставляют иностранному инвестору прямой или косвенный контроль над стратегическим предприятием или организацией.

По одному из таких дел было установлено, что группа лиц, в которую входят иностранные инвесторы, установила косвенный контроль над АО «Мурманский морской рыбный порт», имеющим стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности России, посредством совершения действий с нарушением Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»¹⁵.

По данному делу суд с учетом необходимости обеспечения безопасности, в т.ч. в оборонной промышленности, не нашел оснований для лишения акционеров права голоса на собрании данного стратегического общества и применил последствия недействительности сделки в виде взыскания акций АО «Мурманский морской рыбный порт» в доход Российской Федерации¹⁶.

Аналогичные решения были приняты в отношении акций стратегических организаций ООО «Ловозерский ГОК», АО «Порт Пермь»¹⁷, что, по мне-

¹² См.: Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / под ред. В.В. Витрянского. М., 2003. С. 36.

¹³ Стенограмма к законопроекту № 497144-5 «О внесении изменений в федеральные законы “О несостоятельности (банкротстве)” и “Об исполнительном производстве” в части совершенствования процедур, применяемых в деле о банкротстве стратегических организаций» // В официальных источниках опубликована не была.

¹⁴ См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.02.2001 № 60 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением арбитражными судами Федерального закона “О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации”» // В официальных источниках опубликовано не было.

¹⁵ См.: СЗ РФ. 2008. № 18, ст. 1940.

¹⁶ См.: Решение АС Мурманской области от 22.04.2022 по делу № А42-671/2022 // В официальных источниках опубликовано не было.

¹⁷ См.: Постановление АС Северо-Западного округа от 10.10.2022 по делу № А42-10735/2019 // В официальных источниках опубликовано не было.

нию экспертов, может навредить инвестиционному климату России. Иностранные инвесторы не станут вкладывать в российскую экономику, поскольку изъятие в пользу государства акций или долей — это в чистом виде национализация¹⁸.

На наш взгляд, применение в рассматриваемом аспекте отстаиваемого нами подхода о выплате инвесторам встречной денежной компенсации было бы более разумным, тем более, как верно заметил К.Р. Файзрахманов, «иногда под действие закона № 57-ФЗ попадают не только иностранные инвесторы, но и граждане Российской Федерации, которые неудачно структурировали сделку через офшорные компании, но не угрожают безопасности нашего государства»¹⁹.

Немалую роль в защите прав и законных интересов кредиторов играют действия по возврату выведенных активов в конкурсную массу посредством оспаривания сделок несостоятельного должника — стратегического предприятия или организации (гл. III¹ Федерального закона о банкротстве).

Уместно заметить, что в правовой доктрине вопрос об определении значения термина «сделка» в законодательстве о банкротстве остается до настоящего времени дискуссионным²⁰. Ученые полагают, что в правоотношениях, сопряженных с банкротством, данное понятие следует определять как более широкое, нежели в гражданско-правовом значении, включая в него действия по исполнению судебных актов и налоговых платежей²¹.

На наш взгляд, очевидно, что понятие «сделка» по законодательству о банкротстве имеет свои особенности и более широкий спектр применения: они не обязательно должны быть совершены самим должником, но и например, супругом должника или банком при списании денежных средств со счета должника-организации. В случаях, предусмотренных законом, с заявлением о признании таких сделок недействительными вправе обратиться: арбитражный управляющий, представитель собрания кредиторов или конкурсный кредитор, а также уполномоченный орган.

Особенностью является учет при признании таких сделок недействительными не только общегражданских (предусмотренных Гражданским кодексом РФ)

оснований недействительности, но и пороков в сделках, имеющих значение исключительно в рамках банкротных правоотношений. В частности, к специальным «банкротным» составам недействительности сделок отнесены сделки с подозрением и сделки с предпочтением (ст. 61², 61³ Федерального закона о банкротстве). Традиционно предпочтение в сделке рассматривается как разновидность причинения вреда имущественным правам кредиторов. По верному замечанию С.А. Карелиной, «каждый из кредиторов несостоятельного должника должен одинаково пострадать от такой несостоятельности, равно как и одинаково получить из массы несостоятельного должника»²². Получив больше при распределении конкурсной массы, кредитор находится в преимущественном перед другими кредиторами положении.

Важно отметить, что в применении рассматриваемых составов сделок доказательственное значение имеет критерий добросовестности, определяемый в правовой доктрине и судебной практике в качестве стандарта оценки поведения обычного честного участника хозяйственного оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны и осуществляющего разумную и обоснованную реализацию своих законных прав с соблюдением баланса интересов всех сторон и цели процедуры банкротства²³.

При оспаривании сделок должника — стратегического предприятия или организации о добросовестности свидетельствуют: не осведомленность контрагента по сделке о неплатежеспособности или недостаточности имущества должника, причинении вреда имущественным правам кредиторов (п. 2 ст. 61², п. 3 ст. 61³ Федерального закона о банкротстве), совершение сделки должником в процессе обычной хозяйственной деятельности (п. 2 ст. 61⁴ Федерального закона о банкротстве).

Федеральный закон о банкротстве не определяет критерии осведомленности контрагента по сделке, а также критерии совершения должником сделок в процессе обычной хозяйственной деятельности. Отдельные факты для подтверждения данных обстоятельств приведены в Постановлении Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63²⁴ (далее — Постановление № 63) и в Постановлении Пленума ВАС

¹⁸ См.: ФАС предложила изымать акции стратегических предприятий у иностранцев. URL: <https://www.rbc.ru/business/21/01/2022/61ea3d799a79475588c25ac4?ysclid=li33r8z2jl583549557> (дата обращения: 27.05.2023).

¹⁹ Там же.

²⁰ См., напр.: Коробков О.А. Проблема толкования понятия «сделка» в рамках процедур несостоятельности (банкротства) // Вестник магистратуры. 2019. № 6—1 (93). С. 56, 57.

²¹ См. подр.: Химичев В.А. Защита прав кредиторов при банкротстве. М., 2005. С. 93.

²² Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М., 2008. С. 78.

²³ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 04.08.2022 № 305-ЭС21-21196 // В официальных источниках опубликовано не было.

²⁴ См.: постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

РФ от 30 июля 2013 г. № 59²⁵. Так, осведомленность контрагента может подтверждаться наличием карточки по банковскому счету должника, неоднократным обращением должника к кредитору с просьбой об отсрочке долга, осведомленностью кредитора о подаче должником заявления о признании себя банкротом (п. 12 Постановления № 63). При этом из судебной практики следует, что контрагент должен знать об обращении с заявлением о несостоятельности должника, если данная информация размещена в открытых источниках: в свободном доступе в сети Интернет, в интернет-версии газет и др.²⁶.

При определении того, была ли сделка совершена в процессе обычной хозяйственной деятельности должника судам необходимо оценить отличается ли нет такая сделка по своим основным условиям от аналогичных сделок, «неоднократно совершаемых до этого должником в течение продолжительного периода времени» (п. 14 Постановления № 63). Так, внесение должником — стратегическим предприятием или организацией обязательных платежей не будет выходить за рамки обычной хозяйственной деятельности если они по размеру и срокам уплаты существенно не отличаются от аналогичных платежей, которые должник совершал ранее²⁷.

Значение имеет типичность формы расчетов стратегического предприятия по сделке. Так, в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) ФГУП «Главное военно-строительное управление № 6» и признании недействительной заключенной им сделки с ЗАО «Комплексная проектная компания», суд указал, что расчеты с подрядчиками посредством передачи прав на квартиры в строящемся доме признаются обычной формой расчетов, поскольку до сдачи объекта заказчику у застройщика отсутствуют оборотные средства²⁸.

Кроме того, для оценки рассматриваемых сделок стратегических должников суды принимают во внимание такие общие критерии, как не превышение размера принятых обязательств по оспариваемой

сделке 1% стоимости активов стратегического должника; совершение сделки в сфере, относящейся к основным видам деятельности стратегического должника в соответствии с учредительными документами (п. 14 Постановления № 63).

* * *

Научный анализ материалов судебной практики показал, что дополнительными критериями, которые суды могут учитывать при решении вопроса о совершении должником — стратегической организацией сделки в процессе обычной хозяйственной деятельности, являются: длительность правоотношений и типичность совершения сделок с контрагентом²⁹; совершение стратегическим должником сделки во исполнение требований законодательства, например положений Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 213-ФЗ³⁰, предписывающего таким организациям расторгнуть договоры банковского счета в кредитных организациях, не включенных в перечень Банка России³¹; совершение сделки по выводу денежных средств при очевидной перспективе прекращения деятельности финансовой организации³² и др.

Перечень критериев, подлежащих учету для квалификации сделки, как совершаемой в процессе обычной хозяйственной деятельности, остается открытым, что обуславливает вариативность подходов судов к применению п. 2 ст. 61⁴ Федерального закона о банкротстве в отношении стратегических предприятий и организаций. Зачастую в рамках постановлений одного суда отсутствует единая практика по разрешению данного вопроса³³, что, безусловно, негативно влияет на защиту прав и законных интересов кредиторов и иных участников таких правоотношений. Необходим единый подход к пониманию правовой природы таких сделок, в том числе и посредством подготовки дополнительных разъяснений Верховного Суда РФ по применению критериев для их оценки.

²⁵ См.: постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 59 «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 “О некоторых вопросах, связанных с применением главы 3.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» // Солидарность. 2013. 28 авг. — 4 сент.

²⁶ См.: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.11.2018 № 13АП-9408/18 // В официальных источниках опубликовано не было.

²⁷ См.: пункт 16 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утв. Президиумом ВС РФ 20.12.2016 г. // В официальных источниках опубликован не был.

²⁸ См.: Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 23.08.2019 № 06АП-3732/19 // В официальных источниках опубликовано не было.

²⁹ См.: Определение Арбитражного суда Саратовской области от 01.11.2019 по делу № А57-23130/2016 // В официальных источниках опубликовано не было.

³⁰ См.: СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. 1), ст. 4214.

³¹ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.02.2018 № Ф05-4335/17 по делу № А40-31573/2016 // В официальных источниках опубликовано не было.

³² См.: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 30.11.2018 № 13АП-9408/18 // В официальных источниках опубликовано не было.

³³ В качестве примера можно привести практику Арбитражного суда Московского округа об отнесении зачета к рассматриваемым сделкам (см.: постановления Арбитражного суда Московского округа: от 20.11.2019 по делу № А40-129372/2016; от 03.12.2018 по делу № А41-91844/15; от 17.09.2019 по делу № А40-230298/2017 // В официальных источниках опубликованы не были).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. *Галузо В.Н.* О некоторых проблемах комплексного правоприменения к отношениям, связанным с несостоятельностью (банкротством) в Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2020. № 6. С. 101–104.
2. *Карелина С.А.* Механизм правового регулирования отношений несостоятельности. М., 2008. С. 78.
3. *Карелина С.А.* Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб.-практ. пособие. М., 2008. С. 56–58.
4. *Коробков О.А.* Проблема толкования понятия «сделка» в рамках процедур несостоятельности (банкротства) // *Вестник магистратуры*. 2019. № 6–1 (93). С. 56, 57.
5. *Михайлова Е.В., Летова Н.В., Чуча С.Ю., Соловяненко Н.И.* Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // *Государство и право*. 2022. № 9. С. 66–74.
6. *Мишаков О.Г.* О соотношении частных и публичных интересов при продаже имущества стратегических предприятий и организаций в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) // *Вестник военного права*. 2016. № 2. С. 86.
7. Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / под ред. В.В. Витрянского. М., 2003. С. 36.
8. *Пахаруков А.А.* Правовое регулирование конкурсного производства юридических лиц: вопросы теории и практики. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 89.
9. *Попондопуло В.Ф.* Банкротство. Правовое регулирование: науч.-практ. пособие. М., 2013. С. 78–83.
10. *Ткачев В.Н.* Особенности внешнего управления имуществом стратегических предприятий и организаций // *Законодательство*. 2007. № 11. С. 39.
11. *Химичев В.А.* Защита прав кредиторов при банкротстве. М., 2005. С. 93.
12. *Штыкина А.* Крупный бизнес напугали поправки о банкротстве стратегических предприятий. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/09/2015/55f705479a79474155327294> (дата обращения: 21.05.2023).
13. *Яковлев М.* Каким образом российская оборонка оказалась на грани банкротства. URL: <https://versia.ru/kakim-obrazom-rossijskaya-oboronka-okazalas-na-grani-bankrotstva> (дата обращения: 18.05.2023).
1. *Galuzo V.N.* On some problems of complex law enforcement to relations related to insolvency (bankruptcy) in the Russian Federation // *Agrarian and Land Law*. 2020. No. 6. Pp. 101–104 (in Russ.).
2. *Karelina S.A.* Mechanism of legal regulation of insolvency relations. M., 2008. P. 78 (in Russ.).
3. *Karelina S.A.* Legal regulation of insolvency (bankruptcy): study-practice handbook. M., 2008. Pp. 56–58 (in Russ.).
4. *Korobkov O.A.* The problem of interpretation of the concept of “transaction” in the framework of insolvency (bankruptcy) procedures // *Herald of Magistracy*. 2019. No. 6–1 (93). Pp. 56, 57 (in Russ.).
5. *Mikhailova E.V., Letova N.V., Chucha S. Yu., Solovyanenko N.I.* Judicial and non-judicial protection of civil, family and labor rights in the context of globalization and digitalization of the state and society // *State and Law*. 2022. No. 9. Pp. 66–74 (in Russ.).
6. *Mishakov O.G.* On the ratio of private and public interests in the sale of property of strategic enterprises and organizations in the framework of insolvency (bankruptcy) proceedings // *Herald of Military Law*. 2016. No. 2. P. 86 (in Russ.).
7. Scientific and practical commentary (article-by-article) to the Federal Law “On Insolvency (bankruptcy)” / ed. by V.V. Vitryansky. M., 2003. P. 36 (in Russ.).
8. *Pakharukov A.A.* Legal regulation of bankruptcy proceedings of legal entities: issues of theory and practice. dis. ... PhD in Law. M., 2003. P. 89 (in Russ.).
9. *Popondopulo V.F.* Bankruptcy. Legal regulation: scientific and practical handbook. M., 2013. Pp. 78–83 (in Russ.).
10. *Tkachev V.N.* Features of external property management of strategic enterprises and organizations // *Legislation*. 2007. No. 11. P. 39 (in Russ.).
11. *Khimichev V.A.* Protection of creditors’ rights in bankruptcy. M., 2005. P. 93 (in Russ.).
12. *Shtykina A.* Big business was scared by amendments on bankruptcy of strategic enterprises. URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/09/2015/55f705479a79474155327294> (accessed: 21.05.2023) (in Russ.).
13. *Yakovlev M.* How did the Russian defense industry end up on the verge of bankruptcy. URL: <https://versia.ru/kakim-obrazom-rossijskaya-oboronka-okazalas-na-grani-bankrotstva> (accessed: 18.05.2023) (in Russ.).

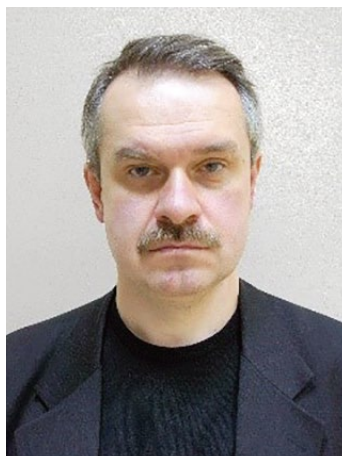
Сведения об авторе

Authors’ information

БОРИСОВА Лилия Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

BORISOVA Liliya V. — PhD in Law, Associate Professor, Senior Research Fellow of the Sector of Procedural Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 342.9

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ СЛУЖЕБНОЕ ПРАВО: НОВЕЙШАЯ ДИСКУССИЯ

© 2024 г. А. А. Гришковец

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: grishkovecz65@mail.ru

Поступила в редакцию 29.01.2024 г.

Аннотация. Статья продолжает дискуссию о так называемом служебном праве. Автором критически оценивается предложение о выделении так называемого служебного права в качестве элемента системы российского права или подотрасли административного права. Государственная служба была и остается одним из фундаментальных институтов административного права.

Ключевые слова: научная дискуссия, государственная служба, так называемое служебное право, отрасль российского права, подотрасль административного права, институт административного права, система административного права.

Цитирование: Гришковец А.А. Так называемое служебное право: новейшая дискуссия // Государство и право. 2024. № 5. С. 59–70.

DOI: 10.31857/S1026945224050067

THE SO-CALLED SERVICE LAW: THE NEWEST DISCUSSION

© 2024 A. A. Grishkovets

Institute of State and Law of Russian Academy of Science, Moscow

E-mail: grishkovecz65@mail.ru

Received 29.01.2024

Abstract. The article continues scientific discussion about the so-called Service Law. The author critically estimates proposal for the allocation the so-called Service Law as element of system of Russian Law or sub branch of Administrative Law. State service is one of fundamental institutes of Administrative Law.

Key words: scientific discussion, state service, the so-called Service Law, branch of law, sub branch of law, institute of Administrative Law, system of Russian Law, sub branch of Administrative Law.

For citation: Grishkovets, A.A. (2024). The so-called Service Law: the newest discussion // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No 5, pp. 59–70.

Несмотря на то что концепция т.н. служебного права вернулась в научный оборот после многолетнего забвения во второй половине 1990-х годов, широкая научная дискуссия по этому поводу долгое время не велась, хотя повод для этого объективно был вполне подходящий. Проблема государственной службы выдвинулась в тот период в число едва ли ни одной из приоритетных, требующих незамедлительного решения. Намечалась масштабная реформа.

Открытие дискуссии. Широкая научная дискуссия о т.н. служебном праве была открыта только в 2013 г. после публикации на страницах журнала «Государство и право» статьи «К вопросу о служебном праве»¹. В ней анализировалась и критически оценивалась концепция т.н. служебного права. Не будет лишним сказать, что ранее специальных научных работ, полностью посвященных данной проблеме, не публиковалось.

Напомним, почти забытая концепция служебного права (права государственной службы) была возвращена в научный оборот и активно продвигалась Ю.Н. Стариловым с середины 1990-х годов. Первоначально он разрабатывал эту концепцию в своей докторской диссертации² и в подготовленной на ее основе монографии³, а наиболее полно раскрыл в учебнике «Служебное право»⁴. Как отмечалось в аннотации к изданию, книга — первый отечественный учебник служебного права (или права государственной службы), в котором систематизированы научные знания в области организации и функционирования государственной службы. Выбор Ю.Н. Стариловым темы исследования был сделан чрезвычайно удачно и своевременно. В 1992–1993 гг. в Верховном Совете РФ шла активная работа по подготовке проекта Основ законодательства Российской Федерации о государственной службе. В ходе проведения поэтапной конституционной реформы Указом Президента

РФ от 22 декабря 1993 г. № 2267 утверждается Положение о федеральной государственной службе⁵. Наконец, принимается и вступает в силу Федеральный закон от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации»⁶, разворачивается работа над проектом федерального закона «О федеральной государственной службе» (законопроект был разработан, но так и не был принят. — *Авт.*). Подчас опережая федерального законодателя, субъекты Российской Федерации начинают массово принимать законы о государственной службе⁷.

Проблема государственной службы выдвинулась в число приоритетных, требующих незамедлительного решения. Намечалась масштабная реформа. Подтверждением чему является то, что в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию 1997, 1998 и 1999 гг. государственной службе неизменно уделялось значительное внимание. Например, в послании 1997 г. «Порядок во власти — порядок в стране» (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)⁸ впервые говорилось о целесообразности кодифицировать все акты, регулирующие вопросы государственной службы, и в перспективе принять кодекс государственной службы. Тем не менее интерес к кодификации законодательства о государственной службе сохранялся в президентских посланиях 1998 и 1999 гг. Правда, в послании 1999 г. «Россия на рубеже эпох» (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)⁹ шла речь уже только о кодексе государственной гражданской службы. Будущий

⁵ См.: САПП РФ. 1993. № 52, ст. 5073.

⁶ См.: СЗ РФ. 1995. № 31, ст. 2990.

⁷ См., напр.: Закон Республики Саха (Якутия) от 26.03.1993 № 1417-ХІІ «О государственной службе Республики Саха (Якутия)» // Якутские ведомости. 1993. 20 апр.; Закон Республики Татарстан от 08.02.1994 № 2101-ХІІ «О государственной службе» // Ведомости Верховного совета Татарстана. 1994. № 3–4, ст. 30; Областной закон от 18.10.1995 № 26-ОЗ «О государственной службе Свердловской области» // Ведомости Свердловской областной Думы. 1995. № 10.

⁸ См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36355> (дата обращения: 01.09.2023).

⁹ См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/22400/page/6> (дата обращения: 21.09.2023).

¹ Гришковец А.А. К вопросу о служебном праве // Государство и право. 2013. № 4. С. 5–12.

² См.: Старилов Ю.Н. Государственная служба (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1996.

³ См.: Старилов Ю.Н. Государственная служба в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование. Воронеж, 1996.

⁴ Старилов Ю.Н. Служебное право: учеб. М., 1996.

федеральный закон, отмечал И.А. Базилевский, призван осуществлять прямое законодательное регулирование государственной гражданской службы. Он впервые комплексно регулирует вопросы, связанные с организацией и управлением федеральной государственной гражданской службой и гражданской службой субъектов Российской Федерации, а также правовым положением федеральных гражданских служащих и гражданских служащих субъектов Российской Федерации¹⁰. Сразу скажем, что надеждам, возлагаемым на кодекс, не суждено было сбыться. В конечном счете от идеи кодификации законодательства пусть хотя бы об одном из видов государственной службы отказались. Тем не менее бурное развитие законодательства привлекло внимание ученых-юристов, научные исследования в области государственной службы заметно активизировались.

Концепция т.н. служебного права, предложенная в середине 1990-х годов Ю.Н. Стариловым, хорошо известна и детально воспроизводить ее, думается, нет необходимости. Все же напомним, что после долгих лет забвения ее успешно вернул в научный оборот именно Ю.Н. Старилов. С его легкой руки идея так называемого «служебного права» обрела вторую жизнь уже в постсоветской России. При этом следует знать и помнить, что авторство идеи т.н. служебного права, как порой ошибочно полагают некоторые авторы, принадлежит не Ю.Н. Старилову. В дореволюционной России право государственной службы (служебное право) упоминалось, к примеру, в работах государственоведа Ф.Ф. Кокошкина¹¹ и полицейиста И.Т. Тарасова¹². Так, последний, говоря о праве государственной службы (*Staatsdienstrecht*), отмечал, что Лоренц Штейн совершенно основательно указывает на сравнительно весьма слабое развитие этого права не только в законодательстве, но и в теории, при весьма частом ошибочном отождествлении государственной службы со службой по договору¹³. Служебное право — конструкция теоретическая. Если упрощенно, то первоначально Ю.Н. Старилов отстаивал точку зрения о том, что служебное право — это отрасль российского права. Масштабность и комплексность общественных отношений, регулируемых нормами служебного права, отмечал ученый, позволяя говорить о том, что оно претендует на звание самостоятельной отрасли

права, находящейся в системе административно-правового регулирования. В будущем, делает далеко идущий прогноз Ю.Н. Старилов, служебное право станет, очевидно, частью Особенного административного права¹⁴. Сразу скажем, что прогноз этот не сбылся. Государственная служба продолжает изучаться и преподаваться в качестве учебной дисциплины (специального учебного курса «Государственная служба») в рамках Общей части административного права. Остается также не вполне понятно, если служебное право — самостоятельная отрасль права, то каким образом оно может находиться в системе административно-правового регулирования? Наконец, Ю.Н. Старилов заключает: «Право государственной службы (служебное право) представляет собой молодую отрасль российского права, обоснованно претендующую на выделение из системы административного права Российской Федерации»¹⁵. Получается как-то противоречиво. С одной стороны, служебное право находится в системе административно-правового регулирования, а с другой — претендует на выделение из системы административно-правового регулирования. Воззрения Ю.Н. Старилова на служебное право со временем корректируются. Сегодня он стоит на позиции, что служебное право — подотрасль административного права¹⁶. В решающей степени существование служебного права объяснялось наличием значительного по объему и достаточно качественного законодательства о государственной службе, а также развитием доктрины. Основные аргументы против выделения служебного права будь то самостоятельная отрасль права или подотрасль административного права сводились к тому, что, исходя из положений теории государства и права, каждая отрасль права должна иметь свой предмет и метод, а у служебного права их нет, так как соответствующие общественные отношения и метод их регулирования те же, что и у административного права, а именно такой его подотрасли, как управленческое право. Наконец, исходя из опыта ряда зарубежных стран, той же Германии, к которому нередко обращается Ю.Н. Старилов, мало иметь собственно обширное законодательство о государственной службе, чтобы утверждать о существовании в стране служебного права как самостоятельной отрасли или пусть даже подотрасли административного права. Государственная служба страны должна обладать следующими признаками:

1) наличие обширного и детально разработанного законодательства о государственной службе,

¹⁰ См.: Базилевский И.А. Каким быть кодексу государственной гражданской службы? // Бюллетень МЮ РФ. 1998. № 11. С. 78.

¹¹ См.: Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственно-му праву. М., 2004. С. 137, 138.

¹² См.: Тарасов И.Т. Учебник науки полицейского права. М., 1891. Вып. 1. С. 341.

¹³ См.: там же.

¹⁴ См.: Старилов Ю.Н. Служебное право: учеб. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 33.

¹⁶ См.: Старилов Ю.Н. Государственная служба и служебное право: учеб. пособие. М., 2015. С. 207–215.

предпочтительно имеющего высокую степень систематизации;

2) существующий де-юре и достаточно широко используемый де-факто конкурсный порядок замещения должностей государственной службы, включая должности руководящие;

3) стабильное положение государственного служащего, на которое не влияют изменения структуры органов и сопутствующие им организационно-штатные мероприятия; статус государственного служащего трудно получить, для этого требуется пройти сложную, относительно длительную по времени многоступенчатую процедуру отбора; гарантии от увольнения по субъективным причинам, не основанным на противоправном поведении государственного служащего;

4) служебная карьера, т.е. гарантированный должностной рост в зависимости от результатов всесторонней и объективной оценки служебной деятельности и с учетом выслуги лет на государственной службе;

5) наличие корпоративного начала в среде государственных служащих, ощущающих принадлежность к определенному сообществу, которое отстаивает интересы каждого своего члена в случае их нарушения со стороны любых лиц, но прежде всего руководителей всех уровней;

6) престиж государственной службы в обществе, основанный на сравнительно высоком уровне оплаты, стабильном положении и широком спектре государственных гарантий, который предполагает желание и (что особенно важно) реальную возможность для наиболее способных и профессионально подготовленных граждан поступить на государственную службу;

7) наличие государственного органа (системы органов) по делам государственной службы осуществляющего (осуществляющих) контрольно-надзорные, а также юрисдикционные полномочия на государственной службе¹⁷;

8) особый судебный порядок рассмотрения споров, вытекающих из государственно-служебных отношений, в частности споров о служебной карьере, которые являются самостоятельным видом административных дел¹⁸.

Анализ действующего законодательства и практики его применения позволяет однозначно утверждать, что государственная служба Российской Федерации таких признаков не имеет и отдаленно. Тем более не было их в середине 1990-х годов,

когда соответствующее законодательство еще только начинало формироваться и перспективы его развития были не ясны.

Следует сказать, что идея т.н. служебного права получила определенную поддержку и имела ряд немногочисленных последователей, которые, как представляется, не вдаваясь в тонкости теории, восприняли ее буквально «на ура» и так или иначе пытались развивать в своих публикациях, посвященных государственной службе¹⁹.

Изначально концепцию т.н. служебного права однозначно поддержали, пожалуй, только Б.Н. Габричидзе и А.Г. Чернявский, издавшие вслед за Ю.Н. Стариловым учебник для юридических вузов «Служебное право»²⁰. Причем поддержали столь усердно и так своеобразно, что фактически переписали и выдали за свои многие положения работ Ю.Н. Старилова, посвященных служебному праву. На это обратил внимание и сам Ю.Н. Старилов, который назвал не иначе, как «весьма удручающим фактором «методику» цитирования» указанных авторов. Можно без труда увидеть, с горечью сетует Ю.Н. Старилов, что «цитирование» превращается на многих страницах издания в сплошной плагиат²¹. Таким образом, позиция Б.Н. Габричидзе и А.Г. Чернявского относительно служебного права на проверку оказывается взглядами все того же Ю.Н. Старилова! Вместе с тем Б.Н. Габричидзе допускал, что при обсуждении вопросов служебного права мнения будут различными. Кто-то вообще выступит против термина «служебное право» и предложит ограничиться традиционным понятием «государственная служба». Другие, признавая важность спора, будут считать, что служебное право является подотраслью административного права. Третьи исследователи отнесут государственную службу к комплексным отраслям. Будут и мнения, согласно которым право государственной службы возможно признать самостоятельной отраслью права²². В конечном счете так и произошло.

По прошествии трех лет после издания первой статьи, полностью посвященной т.н. служебному праву, в 2016 г. публикуется моя статья «Служебное право: итоги дискуссии»²³, в которой дается

¹⁹ См., напр.: Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Служебное право: учеб. для юрид. вузов. М., 2003; Догадайло Ю.Р. Служебное право: учеб. практикум, нормативные правовые акты, образцы документов. Ростов н/Д., 1998.

²⁰ Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Указ. соч.

²¹ См.: Старилов Ю.Н. Административное право — на уровень правового государства. Воронеж, 2003. С. 21.

²² См.: Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Административное право России: учеб. для вузов. М., 2001. С. 214.

²³ Гришкoveц А.А. Служебное право: итоги дискуссии. С. 41–53.

¹⁷ См.: Гришкoveц А.А. Указ. соч. С. 12.

¹⁸ См.: Гришкoveц А.А. Служебное право: итоги дискуссии // Государство и право. 2016. № 12. С. 53.

оценка результатам дискуссии. В частности, констатировалось, что проблема т.н. служебного права не привлекла внимания широкого круга ученых-административистов. Свое компетентное мнение тогда высказали только Л.В. Акопов²⁴, Ю.Н. Старилов²⁵ и С.Е. Чаннов²⁶. В дальнейшем в дискуссии целенаправленно продолжили участвовать только Ю.Н. Старилов и отчасти С.Е. Чаннов.

После публикации моих статей в 2013 и 2016 гг., я не планировал возвращаться к проблеме т.н. служебного права, поскольку для этого не было ни правовых, ни каких-либо иных оснований. Российская государственная служба принципиально не изменилась для того, чтобы появились малейшая возможность говорить о существовании в современной России т.н. служебного права. Сколько-нибудь существенно и принципиально, еще раз это специально подчеркнем, законодательство не менялось, какие-либо важные политические решения, влияющие на сложившуюся ранее систему государственной службы, не принимались. Поводом вернуться к обсуждению проблемы т.н. служебного права стала научная позиция Ю.Н. Старилова, который уже после 2016 г. упорно продолжает обращаться к данному вопросу, что убедительно свидетельствует о заинтересованности ученого продолжать дискуссии, его стремлении последовательно отстаивать свою научную позицию²⁷, прямо скажем, весьма спорную в плане ее теоретической состоятельности.

Развитие доктрины. В пользу состоятельности той или иной концепции служит то, какой отклик она получает и как развивается в доктрине. Возвращение в научный оборот и дальнейшее развитие концепции т.н. служебного права при всей ее спорности и неоднозначности — заметный вклад Ю.Н. Старилова в доктрину административного права, которая является важным элементом предмета науки административного права. Поскольку концепция т.н. служебного права есть положение доктринальное (*лат. doctrina* — учение, научная или философская теория), то, очевидно, для ее

разработки нужны и исключительно важные теоретические исследования, проводимые в этой области административистами, а также представителями других отраслевых юридических наук. Наука государственного (публичного) управления и государственной публичной службы, пишет Ю.Н. Старилов, ежегодно прирастала в течение последних 20 лет значительным числом научных трудов, подготовленных как учеными-теоретиками, так и специалистами-практиками²⁸. Далее он приводит список из 18 фамилий тех авторов, которые в последние два десятилетия защитили кандидатские и докторские диссертации, посвященные административно-правовым проблемам государственной службы. После чего заключает: «Высокий научный уровень проводимых указанными авторами исследований в области государственной службы, несомненно, позволяет сделать вывод о влиянии этих работ на формирование общей правовой картины относительно законченной сформированности в России служебного права»²⁹. Такой вывод вызывает недоумение, поскольку Ю.Н. Старилов известен тем, что основательно изучает и хорошо знает специальную литературу по любой теме, попадающей в круг его обширных научных интересов, будь то государственная служба, административное судопроизводство или административный процесс. Работы большинства из перечисленных 18 фамилий достаточно хорошо известны автору настоящей статьи, а к некоторым из докторских диссертаций в том или ином качестве имел самое непосредственное отношение, а потому изучал их весьма основательно, что позволяет судить о том, такой ли уж «высокий научный уровень исследований» демонстрируют их авторы. Речь идет о докторских диссертациях Н.М. Антошиной³⁰, Д.С. Измайлова³¹ и Д.Б. Миннегуловой³². По первой давался отзыв на автореферат. Работа была действительно очень серьезная, что неудивительно, поскольку диссертант занимал ответственную должность в аппарате полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном

²⁴ См.: Акопов Л.В. Проблемы становления российского служебного права (по поводу статьи А.А. Гришкова) // Государство и право. 2013. № 11. С. 5–9.

²⁵ См.: Старилов Ю.Н. Служебное право: уже реальность или пока научная гипотеза? // Правовая наука и реформа юрид. образования. 2013. № 3. С. 99–116.

²⁶ См.: Чаннов С.Е. Вновь к вопросу о служебном праве // Государство и право. 2015. № 3. С. 5–11.

²⁷ См., напр.: Старилов Ю.Н. Действительно ли наступила эпоха ренессанса государственного управления в России? К юбилею профессора Льва Леонидовича Попова // Административное право и процесс. 2020. № 7. С. 33, 34; Его же. Служебное право в России: многозначие новеллы законодательства о государственной службе // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2022. № 4. С. 366–391.

²⁸ См.: Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. Т. VIII. Административное право в системе современного российского права / под ред. Р.Л. Хачатурова, А.П. Шергина. М., 2022. С. 104.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Антошина Н.М. Административно-правовые основы формирования кадрового состава государственной гражданской службы Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

³¹ См.: Измайлов Д.С. Режимы государственной службы в Российской Федерации и их роль в реализации правоохранительной функции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

³² См.: Миннегулова Д.Б. Административно-правовой статус государственных гражданских служащих и проблемы его реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.

округе и был хорошо знаком не только с теорией, но и с практикой государственной гражданской службы. Докторская диссертация Н.М. Антошиной, по моему глубокому убеждению, действительно вносила весомую лепту в доктрину отечественной государственной службы. По докторской диссертации Д.С. Измайлова я выступал одним из официальных оппонентов. Ее научный уровень можно охарактеризовать одним словом: скромно. Поэтому говорить о ее вкладе в доктрину государственной службы едва ли приходится. Наконец, по докторской диссертации Д.Б. Миннегуловой автор настоящей статьи по личной инициативе выступал в качестве неофициального оппонента, поэтому изучил работу досконально. Защита прошла успешно. Однако, по моему мнению, докторская представляется крайне слабой, а ее теоретическая состоятельность вызывает большие сомнения. Кстати, эта работа единственная из трех вышеназванных, в которой был параграф, специально посвященный служебному праву, — «Определяющая роль служебного права в регулировании административно-правового статуса государственных служащих». Правда, ничего нового в нем обнаружить не удалось. Д.Б. Миннегулова лишь воспроизвела положения о служебном праве, ранее высказанные Ю.Н. Стариловым. Совершенно очевидно, что говорить о «высоком научном уровне» подобных работ решительно не допустимо. И здесь хотелось бы процитировать Ю.Н. Старилова: «Диссертационные исследования (тем более докторские. — *Авт.*) должны “наращивать” уже достигнутый уровень научных представлений о государственной службе, способствовать развитию теории и улучшению практики государственно-служебного строительства, создавать основу для конструктивной критики тех или иных идей»³³. Сказано глубоко верно. Тогда возникает резонный вопрос: как диссертации Д.Б. Миннегуловой и того же Д.С. Измайлова оказались в числе работ в области государственной службы «высокого научного уровня», да еще и «повлиявших на формирование общей правовой картины относительно законченной сформированности в России служебного права»? Видимо, таково и само «служебное право»! Очевидно, что незначительное количество диссертаций, посвященных государственной службе, даже диссертаций докторских, а исключительно их качество, убедительность научной аргументации содержащихся в них выводов, — единственное основание в пользу или, напротив, не в пользу концепции т.н. служебного права. Только за счет качественных работ происходит формирование доктрины административного права и обогащение науки административного права в целом. Творцов

доктрины всегда немного. Это наиболее авторитетные административисты, работы которых отличаются глубиной мысли и убедительностью аргументации. В их узкий круг, безусловно, входит проф. Ю.Н. Старилов. Однако включать в число не то что творцов, но даже тех, кто внес в доктрину хотя бы минимальный вклад, всех чьими трудами в течение последних 20 лет «ежегодно прирастала наука государственного (публичного) управления и государственной публичной службы» и таким образом подтверждать законченность сформированности в России служебного права, вряд ли правильно. Большое количество работ — не слишком убедительный аргумент. Их научный уровень, как показано на приведенных выше примерах, очень и очень разный.

Следует отметить, что по прошествии немало-го числа лет у некоторых давних adeptов т.н. служебного права возникли сомнения относительно реальности его существования. В доктрине (преимущественно административного права) широкое распространение получила идея формирования служебного права как подотрасли административного права, регулирующего государственно-служебные отношения, констатируют М.Б. Добробаба, М.В. Пресняков, С.Е. Чаннов. С принятием в ходе административной реформы Закона о системе государственной службе, а также законов об «отдельных видах» государственной службы (по сути, о правоохранительной службе) была предпринята практическая попытка сформировать служебное право³⁴. Прежде всего следует сказать, что М.Б. Добробаба, М.В. Пресняков, С.Е. Чаннов выдают желаемое за действительное. Никакого «широкого распространения» идея формирования служебного права, вопреки утверждению указанных авторов, не получила. Более того, эта идея изначально оценивалась критически многими авторитетными административистами, которые решительно отвергли возможность и необходимость выделения «служебного права», будь то в виде подотрасли административного права и тем более самостоятельной отрасли российского права. Ю.Н. Старилов в 2004 г. писал: «Появляющиеся время от времени в научной литературе рассуждения об отсутствии смысла в формировании публичного служебного права не базируются на весомых аргументах и должном доктринальном обосновании. Развитие законодательства о государственной и муниципальной службе осуществляется быстро, что позволяет создать основу для дальнейшего развития и самого служебного

³³ Старилов Ю.Н. Административное право — на уровень правового государства. С. 13.

³⁴ См.: Добробаба М.Б., Пресняков М.В., Чаннов С.Е. Дисциплинарная ответственность: правовые механизмы обеспечения эффективности в системе государственной службы. М., 2023. С. 21.

права»³⁵. Правда, чьи именно эти «рассуждения», он почему-то предпочел умолчать. Восполним этот пробел, тем более что рассуждали по этому поводу весьма авторитетные административисты. Достаточно назвать таких авторов, как Ю.Е. Аврутин, А.П. Коренев, Ю.А. Тихомиров. Они прямо высказались о том, что попытка выделить служебное право не имеет под собой объективных оснований. К примеру, Ю.Е. Аврутин и его соавторы, не разделяя идею о необходимости умножения отраслей российского права, которая, по их мнению, как правило, сопровождается искусственным конструированием их предмета и метода, в качестве примера такого умножения приводили работы Ю.Н. Старилова, обосновывающего необходимость формирования самостоятельной отрасли права — служебного права³⁶. В свою очередь, А.П. Коренев, анализируя соотношение административно-правовых институтов и отрасли административного права, задавался вопросом: «Следует ли выделять в качестве самостоятельных основные институты отрасли и на их базе создавать, как предлагают некоторые авторы, самостоятельные отрасли, т.е. произвести “отпочкование” основных институтов от отрасли административного права, объявив их самостоятельными отраслями российского права?»³⁷. Далее ученый пояснял, что в диссертационных исследованиях и работах последних лет иногда обосновывается необходимость выделения из административного права новых отраслей, в частности служебного права. На поставленный им же вопрос А.П. Коренев дал однозначный ответ: «Представляется, что для этого (т.е. для выделения служебного права. — *Авт.*) нет объективных оснований. Все перечисленные отрасли имеют общий предмет правового регулирования — управленческие отношения — и являются составными частями (институтами) единой суперотрасли административного права»³⁸. Наконец, Ю.А. Тихомиров отмечал, что предложение выделить служебное право явно преждевременно, ибо развитие государственной службы как комплексного института административного и трудового права еще не достигло степени зрелости. Его органическая связь с «материнскими отраслями»

не дает пока надежд на выделение тем более в отрасль права³⁹. Конечно, противники служебного права того периода ограничивались, по сути, лишь отдельными высказываниями о преждевременности или сомнительной теоретической состоятельности концепции служебного права и всестороннего анализа с обстоятельной аргументацией этих высказываний и, здесь Ю.Н. Старилов вполне прав, действительно не давали. Конечно, Ю.Е. Аврутин, А.П. Коренев, Ю.А. Тихомиров рассуждали о служебном праве на рубеже 1990-х и 2000-х годов, когда вектор развития государственной службы был не вполне понятен, а законодательство о ней только начинало формироваться и его расцвет в результате мероприятий по системному реформированию государственной службы был еще впереди. Тогда, напомним, Ю.Н. Старилов отстаивал положение о том, что служебное право является не иначе, как самостоятельной отраслью российского права. Такое понимание служебного права не без основания могло показаться слишком смелым, если не сказать больше, радикальным.

Многие авторитетные ученые, те же К.С. Бельский, Ю.М. Козлов или В.М. Манохин, не поддерживали т.н. служебное право, что называется, по умолчанию, т.е. хотя против его идеи прямо и не высказались, но в своих работах, затрагивая вопросы государственной службы, продолжали придерживаться ее традиционного понимания, а именно как института административного права. Например, В.М. Манохин, кстати, один из официальных оппонентов Ю.Н. Старилова по докторской диссертации и рецензент по его монографии «Государственная служба в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование» (1996 г.), очевидно, хорошо знакомый с идеями диссертанта о служебном праве, ни единым словом не обмолвился о них в своей крупной монографии «Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование»⁴⁰, изданной в 1997 г. В свое время Ю.Н. Старилов даже специально подчеркнул, что в числе исследований теоретических проблем государственной службы именно эта книга «привлекает особое внимание»⁴¹. Однако в ней не нашлось места, повторимся, даже для простого упоминания служебного права в качестве возможной теоретической конструкции, положения доктрины. Хотелось бы отметить, что в январе 2024 г. автору представилась возможность в ходе личной беседы со своим учителем проф. К.С. Бельским

³⁵ Старилов Ю.Н. Что происходит с институтом российской государственной службы? // Журнал рос. права. 2004. № 9. С. 13.

³⁶ См.: Аврутин Ю.Е., Кикоть В.Я., Сыдорук И.И. Правопорядок (организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации). Теоретическое административно-правовое исследование. М., 2003. С. 10.

³⁷ См.: Коренев А.П. О соотношении административно-правовых институтов и отрасли административного права // Институты административного права: сб. ст. / отв. ред. И.Л. Бачило, Н.Ю. Хаманева. М., 1999. С. 41, 42.

³⁸ Там же. С. 42.

³⁹ См.: Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М., 1998. С. 308, 309.

⁴⁰ Манохин В.М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М., 1997.

⁴¹ Старилов Ю.Н. Административное право — на уровень правового государства. С. 13.

все же узнать, что называется из первых уст, мнение ученого относительно т.н. служебного права. К.С. Бельский высказался однозначно против выделения в каком бы то ни было виде т.н. служебного права и тем самым окончательно развеял любые возможные сомнения относительно его позиции по этому вопросу. Конечно, нельзя исключать и того, что ученые, которые не поддерживали идею т.н. служебного права по умолчанию, все же так или иначе ее принимали, тот же В.М. Манохин, если соглашались выступать в качестве официального оппонента и рецензента по соответствующим работам Ю.Н. Старилова. Вспоминая древних: “Que tacet – consentire videtur”⁴².

Ю.Н. Старилов вполне прав, когда говорит, что дискуссия предполагает анализ не только одного из сторонников той или иной идеи. Тогда как статья «Служебное право», сетует ученый, принципиально посвящена изучению трудов лишь одного из участников дискуссии?! Однако более впечатляющие выводы основываются на анализе мнений представителей различных научных школ. И здесь хотелось бы напомнить Ю.Н. Старилову, что автор настоящей статьи в своих работах, посвященных т.н. служебному праву, всякий раз призывал коллег-административистов принять участие в дискуссии⁴³. Однако приходится констатировать, что особого энтузиазма эти призывы не вызвали и понимания не встретили. Кроме Ю.Н. Старилова, пожалуй, только представители саратовской научной школы С.Е. Чаннов и его коллега М.В. Пресняков приняли в дискуссии достаточно активное участие⁴⁴. Правда, некоторые авторы, как уже отмечалось выше, восприняли т.н. служебное право как данность и, не вдаваясь в подробности, стали просто использовать данный достаточно удобный термин в своих работах. Как представляется, причин тому как минимум две. Основная состоит в том, что проблема государственной службы после всплеска интереса к ней во второй половине 1990-х и до середины 2010-х годов постепенно отошла на второй план и особого интереса, по наблюдениям автора настоящей статьи, к ней уже не проявляется. Кстати, на данное обстоятельство еще в 2017 г. обратил

внимание и С.Е. Чаннов. Он констатировал, что в последнее время идея формирования служебного права постепенно отходит на второй план как в российском законодательстве, так и в правовой науке⁴⁵. Действительно, весьма объемное законодательство о государственной службе и ее видах к тому времени вполне сформировалось и, констатировали Ю.Е. Аврутин и В.М. Манохин, стабилизировалось⁴⁶, а если и корректировалось, то лишь точно, масштабных и, специально это подчеркиваем, принципиальных изменений в нем не происходило. Пожалуй, последним масштабным и значимым законодательным актом стал Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об органах и учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы”»⁴⁷, объективная необходимость принятия которого, справедливо отмечает А.М. Бобров, назрела еще два десятилетия назад⁴⁸, но в силу ряда обстоятельств процесс этот затянулся на 20 лет, т.е. задел для принятия указанного федерального закона был сделан еще на рубеже 1990-х и 2000-х годов. В настоящее время законодательство о государственной службе стало еще полнее. Вторая причина, думается, кроется в том, что идею служебного права активно отстаивает именно проф. Ю.Н. Старилов, который хорошо известен не только в нашей стране, но и за ее пределами, пользуется заслуженным авторитетом и уважением среди административистов. Уместно предположить, что вступать с ним в дискуссию многие просто не решаются, даже если кто-то и не разделяет его взгляды на служебное право. И здесь можно вспомнить великого физика Альберта Эйнштейна, который как-то сказал: «Бездумное уважение к авторитетам – главный враг истины»⁴⁹. Однако вдумчивое и даже критическое отношение к мнению авторитетов, как представляется, не только вполне допустимо, но и весьма продуктивно, тем более, если речь идет о сфере науки. Вот почему дискуссия

⁴² Молчание – знак согласия (см.: Словарь латинских крылатых слов / под ред. Я.М. Боровского. 3-е изд., стер. М., 1988. С. 925).

⁴³ См.: Гришковец А.А. К вопросу о служебном праве. С. 12; *Его же*. Служебное право: все еще научная гипотеза // Административное и муниципальное право. 2015. С. 994–1014; *Его же*. Служебное право: итоги дискуссии. С. 53.

⁴⁴ См.: Пресняков М.В., Чаннов С.Е. Служебное право Российской Федерации: учеб. пособие. М., 2011; Чаннов С.Е. Указ. соч. С. 5–11; *Его же*. Системное построение законодательства о противодействии коррупции в контексте формирования служебного права // Государство и право. 2017. С. 45–52.

⁴⁵ См.: Чаннов С.Е. Системное построение законодательства о противодействии коррупции в контексте формирования служебного права. С. 49.

⁴⁶ См.: Аврутин Ю.Е., Манохин В.М. Рец. на учебное пособие Ю.Н. Старилова «Государственная служба и служебное право». М.: Норма: ИНФРА-М, 2015 // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 87.

⁴⁷ См.: СЗ РФ. 2018. № 30, ст. 4532.

⁴⁸ См.: Бобров А.М. Комментарий к Федеральному закону от 19 июля 2018 года № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об органах и учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы”» (постатейный). Пермь, 2019. С. 9.

⁴⁹ The private lives of Albert Einstein by Roge Highfield and Paul Canter (1993). P. 79.

о т.н. служебном праве фактически свелась, увы, к полемике в формате диалога между Ю.Н. Стариловым и автором настоящей статьи.

Опора на теорию. Очевидно, что, выдвигая ту или иную идею, тем более создавая новую теоретическую правовую конструкцию, например, о формировании новой отрасли права или подотрасли права, всякий автор не может не опираться на достижения теории государства и права. Не случайно во введении к учебнику «Служебное право» Ю.Н. Старилов говорит, что комплексный характер института государственной службы, цитируем, «предопределил обращение автора к литературе по общей теории государства и права»⁵⁰. В списке использованной литературы (приложение 3 учебника) действительно указаны труды таких известных теоретиков, как М.И. Байтин, А.В. Малько, Н.И. Матузов. Вот только их работы не были специально посвящены системе права, ее элементам, той же проблеме отраслеобразования. Поэтому применительно к т.н. служебному праву надлежащая теоретическая база, опираясь на которую можно было делать вывод о том, что служебное право является отраслью российского права или же подотраслью административного права, подведена не была. Поэтому вызывает недоумение утверждение Ю.Н. Старилова о том, что трудно представить, что при построении концепции служебного права не брались во внимание все традиционные научные представления о предмете и методе правового регулирования, структуре системы отраслей права, сочетании отрасли и подотрасли и многие-многие иные разграничительные правовые характеристики⁵¹. Однако так ли это? Чтобы ответить на данный вопрос обратимся к трудам ученого. В его монографии «Государственная служба в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование» есть параграфы «6.3. Служебное право как отрасль российского права» и «6.5. Предмет и методы служебного права». Автора настоящей статьи немало удивило, что, обосновывая совсем не очевидное существование т.н. служебного права, Ю.Н. Старилов практически игнорирует теоретиков права. Лишь однажды, говоря о методах служебного права, он ссылается на единственную и далеко не самую значимую работу С.С. Алексеева «Государство и право: начальный курс»⁵². Вот и вся теория. Аналогичное положение сохранилось и в учебнике «Служебное право». В книге также есть параграфы «3. Служебное право как отрасль российского права» и «5. Предмет и методы служебного права», которые включены в гл. I.

⁵⁰ Старилов Ю.Н. Служебное право: учеб. С. XIII.

⁵¹ См.: Старилов Ю.Н. Государственная служба в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование. С. 352–356.

⁵² Там же. С. 369.

«Служебное право как отрасль права и как учебный курс». И опять же единственная ссылка на все ту же работу С.С. Алексеева, а текстуально в монографии и в учебнике соответствующие параграфы практически идентичны по содержанию. Огромный пласт литературы по теории права, посвященный системе права и отраслеобразованию оказался не задействован. В результате осталось неясно, как и почему традиционный административно-правовой институт государственной службы с легкой руки Ю.Н. Старилова превратился первоначально в самостоятельную отрасль российского права, а затем трансформировался уже в подотрасль административного права.

Возможно, Ю.Н. Старилов, подобно некоторым выдающимся математикам (таким, например, как акад. М.В. Келдыш, который проводил сложнейшие расчеты и вычисления просто в уме), все теоретические обоснования концепции служебного права сделал таким же образом, т.е. в уме, а аудиторию ознакомил лишь с конечными результатами своих умозаключений. Их плодом и стало обоснование концепции т.н. служебного права. Вот только юриспруденция не математика, где те или иные расчеты либо однозначно точны, либо нет. Поэтому нужны убедительные аргументы, подтверждающие обоснованность этих умозаключений. По сути, единственным аргументом Ю.Н. Старилова в пользу выделения служебного права первоначально как самостоятельной отрасли, а позднее уже как подотрасли административного права стало наличие значительного по объему законодательства о государственной службе. Таким образом, ставился знак равенства между законодательством о государственной службе и служебным правом. Такой подход представляется чрезвычайно упрощенным, свидетельствующим о достаточно поверхностном понимании таких элементов системы права как отрасль права или его подотрасль. Начинать, думается, нужно именно с этих фундаментальных теоретических положений. По мнению автора настоящей статьи, под т.н. служебное право изначально не был подведен необходимый прочный теоретический фундамент, который обосновывал бы эту теоретическую конструкцию в качестве либо самостоятельной отрасли российского права, либо подотрасли административного права. Таким образом, государственная служба была и продолжает оставаться важнейшим, причем весьма крупным институтом административного права, входящим в управленческое право как подотрасль административного права.

Общий вывод. В Российской Федерации не было и нет т.н. служебного права ни как отрасли права, ни как подотрасли административного права. Сформировавшаяся в ходе системного реформирования система государственной службы не обладает теми признаками, наличие которых позволяет говорить о существовании в стране в том или ином виде служебного права. Государственная служба была

и поныне остается одним из фундаментальных институтов административного права, который входит в такую его подотрасль, как управленческое право.

Немногочисленные активные участники дискуссии о т.н. служебном праве, тот же Ю.Н. Старилов, знакомые с научной позицией автора настоящей статьи, могут упрекнуть его в том, что ничего принципиально нового в ней нет, а лишь повторяется хорошо известная точка зрения, высказанная в работах прошлых лет. С этим спорить трудно. Вместе с тем сторонники выделения т.н. служебного права, тот же Ю.Н. Старилов, в работах последних лет каких-либо новых аргументов в пользу своей правоты также не приводят. И это неудивительно. Правовых оснований для этого просто нет. Цель статьи видится в том, чтобы вернуть внимание научного сообщества к проблеме т.н. служебного права и тем самым продолжить соответствующую научную дискуссию в условиях новых конституционных реалий. Потребность в этом есть, в чем автор имел возможность убедиться лично. 22 декабря 2023 г. на юридическом факультете Воронежского государственного университета состоялась научно-практическая конференция, посвященная 30-летию создания российского законодательства о государственной службе и 20-летию Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации». Автор настоящей статьи не преминул воспользоваться возможностью очно выступить на данном мероприятии с докладом «Так называемое “служебное право”: продолжение научной дискуссии»⁵³. Судя по реакции аудитории, доклад вызвал значительный интерес.

Пользуясь случаем, хотел бы поблагодарить Ю.Н. Старилова за то, что во многом с его подачи удалось четче сформулировать название данной статьи, в точности которого, исходя из ее содержания, теперь, думается, каких-либо сомнений возникать не должно. Автор некоторое время размышлял: продолжить ли традицию публикаций, посвященных т.н. служебному праву, на страницах авторитетнейшего академического научного журнала «Государство и право» или изменить ей и опубликовать статью в журнале «Административное право и процесс», т.е. в издании, безусловно, уважаемом, но все же узкопрофильном и куда менее известном и авторитетном? В целях привлечения внимания широкой целевой аудитории административистов к проблеме и вовлечения их в новейшую дискуссию о т.н. служебном праве предпочтение было отдано журналу «Административное право и процесс». Однако возникли неожиданные трудности, причина которых, как оказалось, имела отдаленное отношение к науке.

⁵³ URL: <http://igpran.ru/about/subjects/snews/10191/> (дата обращения: 02.01.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврутин Ю.Е., Кикоть В.Я., Сыдорук И.И. Правопорядок (организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации). Теоретическое административно-правовое исследование. М., 2003. С. 10.
2. Аврутин Ю.Е., Манохин В.М. Рец. на учебное пособие Ю.Н. Старилова «Государственная служба и служебное право». М.: Норма: ИНФРА-М, 2015 // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 87.
3. Акопов Л.В. Проблемы становления российского служебного права (по поводу статьи А.А. Гришкова) // Государство и право. 2013. № 11. С. 5–9.
4. Антошина Н.М. Административно-правовые основы формирования кадрового состава государственной гражданской службы Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.
5. Базилевский И.А. Каким быть кодексу государственной гражданской службы? // Бюллетень МЮ РФ. 1998. № 11. С. 78.
6. Бобров А.М. Комментарий к Федеральному закону от 19 июля 2018 года № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об органах и учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы”» (постатейный). Пермь, 2019. С. 9.
7. Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Административное право России: учеб. для вузов. М., 2001. С. 214.
8. Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Служебное право: учеб. для юрид. вузов. М., 2003.
9. Гришковец А.А. К вопросу о служебном праве // Государство и право. 2013. № 4. С. 5–12.
10. Гришковец А.А. Служебное право: все еще научная гипотеза // Административное и муниципальное право. 2015. С. 994–1014.
11. Гришковец А.А. Служебное право: итоги дискуссии // Государство и право. 2016. № 12. С. 41–53.
12. Добробаба М.Б., Пресняков М.В., Чаннов С.Е. Дисциплинарная ответственность: правовые механизмы обеспечения эффективности в системе государственной службы. М., 2023. С. 21.
13. Догадайло Ю.Р. Служебное право: учеб. практикум, нормативные правовые акты, образцы документов. Ростов н/Д., 1998.
14. Измайлов Д.С. Режимы государственной службы в Российской Федерации и их роль в реализации правоохранительной функции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
15. Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 2004. С. 137, 138.
16. Корнев А.П. О соотношении административно-правовых институтов и отрасли административного права // Институты административного права: сб. ст. / отв. ред. И.Л. Бачило, Н.Ю. Хаманева. М., 1999. С. 41, 42.
17. Манохин В.М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М., 1997.
18. Миннегулова Д.Б. Административно-правовой статус государственных гражданских служащих и пробле-

- мы его реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
19. *Пресняков М.В., Чаннов С.Е.* Служебное право Российской Федерации: учеб. пособие. М., 2011.
 20. Словарь латинских крылатых слов / под ред. Я.М. Боровского. 3-е изд., стер. М., 1988. С. 925.
 21. *Старилов Ю.Н.* Административное право – на уровень правового государства. Воронеж, 2003. С. 13, 21.
 22. *Старилов Ю.Н.* Государственная служба (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 1996.
 23. *Старилов Ю.Н.* Государственная служба в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование. Воронеж, 1996. С. 352–356, 369.
 24. *Старилов Ю.Н.* Государственная служба и служебное право: учеб. пособие. М., 2015. С. 207–215.
 25. *Старилов Ю.Н.* Действительно ли наступила эпоха ренессанса государственного управления в России? К юбилею профессора Льва Леонидовича Попова // Административное право и процесс. 2020. № 7. С. 33, 34.
 26. *Старилов Ю.Н.* Служебное право в России: многозначные новеллы законодательства о государственной службе // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2022. № 4. С. 366–391.
 27. *Старилов Ю.Н.* Служебное право: уже реальность или пока научная гипотеза? // Правовая наука и реформа юрид. образования. 2013. № 3. С. 99–116.
 28. *Старилов Ю.Н.* Служебное право: учеб. М., 1996. С. XIII, 5, 33.
 29. *Старилов Ю.Н.* Что происходит с институтом российской государственной службы? // Журнал рос. права. 2004. № 9. С. 13.
 30. *Тарасов И.Т.* Учебник науки полицейского права. М., 1891. Вып. 1. С. 341.
 31. *Тихомиров Ю.А.* Курс административного права и процесса. М., 1998. С. 308, 309.
 32. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. Т. VIII. Административное право в системе современного российского права / под ред. Р.Л. Хачатурова, А.П. Шергина. М., 2022. С. 104.
 33. *Чаннов С.Е.* Вновь к вопросу о служебном праве // Государство и право. 2015. № 3. С. 5–11.
 34. *Чаннов С.Е.* Системное построение законодательства о противодействии коррупции в контексте формирования служебного права // Государство и право. 2017. С. 45–52.
 35. The private lives of Albert Einstein by Roge Highfield and Paul Canter (1993). P. 79.
 2. *Avrutin Yu. E., Manokhin V.M.* Reference to the textbook Yu.N. Starilov “Public service and official law”. M.: Norma: INFRA-M, 2015 // Administrative Law and Process. 2015. No. 4. P. 87 (in Russ.).
 3. *Akopov L.V.* Problems of the formation of Russian service law (concerning the article by A.A. Grishkovets) // State and Law. 2013. No. 11. Pp. 5–9 (in Russ.).
 4. *Antoshina N.M.* Administrative and legal bases for the formation of the personnel of the state civil service of the Russian Federation: abstract ... Doctor of Law. M., 2011 (in Russ.).
 5. *Bazilevsky I.A.* What should be the code of the state civil service? // Bulletin of the Ministry of Justice of the Russian Federation. 1998. No. 11. P. 78 (in Russ.).
 6. *Bobrov A.M.* Commentary to Federal Law No. 197-FZ dated July 19, 2018 “On Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation “On Bodies and Institutions Executing Sentences of Imprisonment” (article by article). Perm, 2019. P. 9 (in Russ.).
 7. *Gabrichidze B.N., Chernyavsky A.G.* Administrative Law of Russia: textbook for universities. M., 2001. P. 214 (in Russ.).
 8. *Gabrichidze B.N., Chernyavsky A.G.* Service law: textbook. M., 2003 (in Russ.).
 9. *Grishkovets A.A.* On the issue of official law // State and Law. 2013. No. 4. Pp. 5–12 (in Russ.).
 10. *Grishkovets A.A.* Service law: still a scientific hypothesis // Administrative and Municipal Law. 2015. Pp. 994–1014 (in Russ.).
 11. *Grishkovets A.A.* Service law: results of the discussion // State and Law. 2016. No. 12. Pp. 41–53 (in Russ.).
 12. *Dobrobaba M.B., Presnyakov M.V., Channov S.E.* Disciplinary responsibility: legal mechanisms for ensuring efficiency in the public service system. M., 2023. P. 21 (in Russ.).
 13. *Guessing Yu.R.* Service law: textbook workshop, regulatory legal acts, sample documents. Rostov-on-Don, 1998 (in Russ.).
 14. *Izmailov D.S.* Modes of public service in the Russian Federation and their role in the implementation of law enforcement functions: abstract ... Doctor of Law. M., 2006 (in Russ.).
 15. *Kokoshkin F.F.* Lectures on General State Law. M., 2004. Pp. 137, 138 (in Russ.).
 16. *Korenev A.P.* On the relationship of administrative legal institutions and the branch of Administrative Law // Institutes of Administrative Law: collection of articles / ed. by I.L. Bachilo, N. Yu. Khamaneva. M., 1999. Pp. 41, 42 (in Russ.).
 17. *Manokhin V.M.* Service and employee in the Russian Federation: legal regulation. M., 1997 (in Russ.).
 18. *Minnegulova D.B.* The administrative and legal status of state civil servants and the problems of its implementation: abstract ... Doctor of Law. M., 2013 (in Russ.).
 19. *Presnyakov M.V., Channov S.E.* Official law of the Russian Federation: textbook. M., 2011 (in Russ.).
 20. Dictionary of Latin winged words / ed. by Ya.M. Borovsky. 3rd ed., ster. M., 1988. P. 925 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Avrutin Yu. E., Kikot V. Ya., Sydoruk I.I.* Law and order (organizational and legal support in the Russian Federation). Theoretical administrative and legal research. M., 2003. P. 10 (in Russ.).

21. *Starilov Yu. N.* Administrative Law — at the level of the Rule of Law. Voronezh, 2003. Pp. 13, 21 (in Russ.).
22. *Starilov Yu. N.* Public service (theoretical and legal research): dis. ... Doctor of Law. Dr. Voronezh, 1996 (in Russ.).
23. *Starilov Yu. N.* Public service in the Russian Federation: a theoretical and legal study. Voronezh, 1996. Pp. 352–356, 369 (in Russ.).
24. *Starilov Yu. N.* Civil service and service law: textbook. M., 2015. Pp. 207–215 (in Russ.).
25. *Starilov Yu. N.* Has the era of the renaissance of public administration in Russia really begun? To the anniversary of Professor Lev Leonidovich Popov // Administrative Law and Process. 2020. No. 7. Pp. 33, 34 (in Russ.).
26. *Starilov Yu. N.* Official law in Russia: significant novelties of legislation on public service // Herald of the VSU. Ser.: Law. 2022. No. 4. Pp. 366–391 (in Russ.).
27. *Starilov Yu. N.* Official law: is it already a reality or is it still a scientific hypothesis? // Legal Science and reform of legal education. 2013. No. 3. Pp. 99–116 (in Russ.).
28. *Starilov Yu. N.* Service law: textbook. M., 1996. Pp. XIII, 5, 33 (in Russ.).
29. *Starilov Yu. N.* What is happening with the Institute of Russian Public Service? // Journal of Russ. law. 2004. No. 9. P. 13 (in Russ.).
30. *Tarasov I. T.* Textbook of the science of Police Law. M., 1891. Iss. 1. P. 341 (in Russ.).
31. *Tikhomirov Yu. A.* Course of Administrative Law and Process. M., 1998. Pp. 308, 309 (in Russ.).
32. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 vols. Vol. VIII. Administrative Law in the system of modern Russian law / ed. by R. L. Khachaturov, A. P. Shergin. M., 2022. P. 104 (in Russ.).
33. *Channov S. E.* Revisiting the issue of service law // State and Law. 2015. No. 3. Pp. 5–11 (in Russ.).
34. *Channov S. E.* Systemic construction of anti-corruption legislation in the context of the formation of official law // State and Law. 2017. Pp. 45–52 (in Russ.).
35. The private lives of Albert Einstein by Roge Highfield and Paul Canter (1993). P. 79.

Сведения об авторе

ГРИШКОВЕЦ Алексей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119091 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

GRISHKOVETS Aleksey A. — Doctor of Law, Professor, Leader Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Institute of State and Law of the Russian Academy of Science; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 343.9

ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

© 2024 г. А. Ф. Волынский

*Московский университета МВД России им. В.Я. Кикотя;
Московская академия Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева*

E-mail: prmosu@mvd.ru

Поступила в редакцию 05.02.2024 г.

Аннотация. В статье излагаются результаты анализа и критическая оценка истории развития и современного состояния судебно-экспертной и экспертно-криминалистической видов деятельности, как важнейших элементов системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства; отмечается их рациональная и перспективная организация в Следственном комитете России; показаны причины их ведомственных обособлений соответственно в Минюсте России и МВД России, характеризующихся длительными дискуссиями и принятием сомнительных организационных и правовых решений; сформулирован комплекс принципов, которым должна отвечать указанная система, а также перечень прогнозируемых организационных и правовых мер, направленных на ее формирование.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебная экспертиза, специалист-криминалист, исследование специалиста, следователь-криминалист, криминалистическая деятельность, дифференциация криминалистических знаний, цифровизация, электронное судопроизводство.

Цитирование: Волынский А. Ф. Экспертно-криминалистическая деятельность в системе научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства // Государство и право. 2024. № 5. С. 71–77.

DOI: 10.31857/S1026945224050074

FORENSIC EXPERT ACTIVITY IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL SUPPORT OF CRIMINAL PROCEEDINGS

© 2024 A. F. Volynsky

*Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*

E-mail: prmosu@mvd.ru

Received 05.02.2024

Abstract. The article presents the results of the analysis and critical assessment of the history of development and the current state of forensic and forensic activities as the most important elements of the system of scientific and technical support of criminal proceedings; their rational and promising organization in the Investigative Committee of Russia is noted; the reasons for their departmental separations, respectively, in the Ministry of Justice of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia, characterized by lengthy discussions and the adoption of questionable organizational and legal decisions; a set of principles has been formulated that the specified system should meet, as well as a list of projected organizational and legal measures aimed at its formation and organization of functioning.

Key words: criminal proceedings, forensic examination, forensic specialist, specialist investigation, forensic investigator, forensic activity, differentiation of forensic knowledge, digitalization, electronic legal proceedings.

For citation: Volynskiy, A.F. (2024). Forensic expert activity in the system of scientific and technical support of criminal proceedings // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 5, pp. 71–77.

1. Экспертно-криминалистическая деятельность — одно из основных направлений исторически сформировавшихся направлений деятельности органов внутренних дел. Начало ее формированию в системно организованном виде было положено введением в Российской Империи уголовной регистрации: антропологической в 1890 г., дактилоскопической — в 1906 г.

Для ее осуществления в местах лишения свободы, находившихся в ведении Министерства юстиции, были созданы регистрационные бюро, в обязанности которых входило производство сравнительных (идентификационных) исследований (по внешнему облику и отпечаткам пальцев рук) вновь поступающих на регистрацию объектов с теми, что уже имелись в базе данных. Фактически проводились экспертные исследования¹.

Только через 18 лет пришло понимание, что уголовная регистрация это средство, прежде всего, раскрытия и расследования преступлений, а не формального учета лиц, отбывающих наказание за совершение преступления, в целях их розыска в случаях побега. В 1908 г. уголовная регистрация передается в ведение органов полиции, в губернских управлениях которой были созданы те же регистрационные бюро, но с расширенным кругом задач, решаемых их сотрудниками. Им вменялось в обязанность, по вызову представителей полиции, принимать участие в осмотрах мест происшествий и производстве иных следственных действий, а затем проводить исследования изымаемых с их участием следов преступлений и иных объектов².

Так было положено начало формированию в России ЭКД и развитию осуществляющих ее экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел. При этом юридически в одном лице совмещались и до сих пор совмещаются функции специалиста и эксперта-криминалиста. Попытка организационно обособить выполнение этих функций, предпринятая в 1919 г., когда в Центророзыске был создан Кабинет судебных экспертиз, не имела успеха — через два года Кабинет был преобразован

в научно-технический подотдел, а затем в отдел. Аналогичные отделы стали создаваться по территории России, а с образованием СССР и в союзных республиках. Таким образом, фактически была реанимирована система ранее действовавших в государстве регистрационных бюро полиции, с теми же задачами и функциями³.

К концу 50-х годов прошлого века НТО милиции составляли основу всей системы научно-технического обеспечения деятельности правоохранительных органов. На их долю приходилось около 80% судебных экспертиз, проводимых в стране по уголовным делам, ими практически полностью удовлетворялись потребности следственной практики по участию их сотрудников в качестве специалистов в производстве осмотров мест происшествия, иных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

В свою очередь, система судебно-экспертных учреждений (СЭУ) органов юстиции активно не развивалась. Только в 1944 г. в Наркомате юстиции СССР была создана Центральная криминалистическая лаборатория, которая через два года была передана в состав Всесоюзного института юридических наук, а в 1962 г. на ее базе был создан Центральный НИИ судебных экспертиз Минюста СССР (с 1991 г. — Федеральный центр судебных экспертиз Минюста России). В то же время аналогичные судебно-экспертные учреждения в органах юстиции стали создаваться в союзных республиках⁴.

Для того чтобы придать особую значимость вновь формируемой системы судебно-экспертных учреждений и обосновать необходимость ее укрепления и развития, следовало (судя по всему, так считали представители Минюста и других правоприменительных министерств и ведомств государства) дискредитировать сложившуюся систему НТО милиции. Этому способствовала обстановка, сложившаяся в стране в условиях идеологизированной кампании «борьбы с культом личности и преодоления его последствий» (середина 1950-х — 1960-е годы).

¹ См. подр.: Волынский А. Ф. Судебная экспертиза перед «судом истории» (заключение специалиста) // Судебная экспертиза и исследования. 2022. № 1. С. 26–36.

² См. подр.: Колдаев В. М. Из истории практической криминалистики в России: применение научных методов работы в розыске и расследовании преступлений: факты, документы. М., 2005. С. 52–74.

³ См. подр.: Волынский А. Ф. К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 90–100.

⁴ См. подр.: Белкин Р. С. История отечественной криминалистики. М., 1999; Крылов И. Ф. Очерки криминалистики и криминалистической экспертизы. Л., 1975.

В это время НТО милиции, голословно обвиняемые в нарушениях «социалистической законности» и даже в причастности к репрессиям 1930-х годов, фактически были расформированы, а их штаты, на четверть сокращенные, переданы в состав оперативно-технических подразделений республиканских министерств охраны общественного порядка (МВД СССР было ликвидировано в 1960 г. по тому же обвинению)⁵.

2. В условиях этой же кампании была инициирована дифференциация криминалистических знаний — вычленение из них в виде самостоятельной науки судебной экспертизы. При этом цель и условия предопределяли методы и способы соответствующих действий. Ссылаясь на общие закономерности развития науки, включая диалектически взаимосвязанные процессы интеграции и дифференциации научных знаний, сторонники научной самостоятельности судебной экспертизы проигнорировали особенности дифференциации знаний прикладных наук, к числу которых относится криминалистика.

Не было учтено, что когда в таких науках дифференцируются научные категории, понятия, теории, вместе с этим разрываются, разрушаются практически значимые интеграционные связи, в данном случае сформировавшиеся в системе отношений: следователь — оперативник — специалист — эксперт⁶. Дифференцируя криминалистические знания, следовало бы дифференцировать и организационно-правовые формы их применения. Не подумали также о том, что возложенные на органы внутренних дел задачи по раскрытию и расследованию преступлений без использования научно-технических средств в целях собирания и исследования доказательств просто не решаемы. Проигнорирован опыт зарубежных государств, в которых наряду с судебной экспертизой, средством доказывания признавалось научно-техническое исследование специалиста-криминалиста⁷.

Отпочковавшись от криминалистики, судебная экспертиза, в лице ведущих представителей этой науки, занялась проблемами ее самоутверждения и формирования общей теории. При этом доказывалось исключительное право на производство экспертиз судебно-экспертных учреждений

системы Минюста СССР, и недопустимость участия в этой деятельности ЭКП ОВД.

Примерами реализации указанного подхода стали законодательные предписания о недопустимости назначения в качестве судебных экспертов лиц, принимавших участие по тому же делу в осмотре места происшествия в статусе специалиста по факту экспертов ЭКП ОВД (ст. 67 п. 3а УПК РСФСР 1966 г.); о понятии процессуальной независимости судебного эксперта, определяемой с акцентом на его ведомственную принадлежность (ст. 7 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»); о возможности назначения судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела (ст. 195 УПК РФ), что, как правило, сопряжено с осмотром места происшествия. При этом ранее (в 1966 г.) Минюстом СССР был издан приказ, запрещавший судебным экспертам этого Министерства принимать участие в производстве следственных действий.

При обсуждении вопроса о дифференциации криминалистических знаний против выступали ученые, за плечами которых были годы практической деятельности в правоохранительных органах (А.Н. Васильев, Н.А. Селиванов, Б.М. Комаринец, С.П. Митричев и др.). По их мнению, в криминалистике следовало оставить традиционные криминалистические экспертизы. Возобладал иной подход, поскольку в то время еще слабо были развиты иные виды судебных экспертиз и вычленять из криминалистики, кроме зародившейся в системе и на основе ее знаний криминалистической экспертизы, было нечего⁸.

В научных публикациях появляются, как представляется, ошибочные суждения, что из криминалистики в то время следовало бы выделить не судебно-экспертную деятельность, а экспертно-криминалистическую⁹. По существу, это и было сделано. Проблема заключается в том, что сделано это было якобы с целью созидания, но путем разрушения и в порядке поспешно формируемой (условия упомянутой кампании обязывали) новой науки — «судебной экспертологии». К чему это привело — предмет до сих пор продолжающихся дискуссий.

3. Тем не менее следует признать, что необходимость вычленения из криминалистики судебной

⁵ См. подр.: *Волинский А. Ф.* К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории. С. 90–100.

⁶ См. подр.: *Волинский А. Ф.* Экспертиза и специальные научно-технические исследования по новому УПК Социалистической Республики Румынии // Сов. юстиция. 1970. № 24. С. 25, 26.

⁷ См.: там же.

⁸ См. подр.: *Волинский А. Ф.* Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 175–185.

⁹ См. подр.: *Кардашевская М. В.* Понятие экспертно-криминалистической деятельности и ее соотношение с криминалистикой и судебной экспертизой // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт: сб. науч. тр. М., 2020. Ч. 2. С. 35–43.

экспертизы назревала объективно и имела положительный результат. Это способствовало более широкому ее публичному признанию как средства доказывания в уголовном и гражданском судопроизводстве, инициировало законодательную регламентацию судебно-экспертной деятельности. В условиях глобализации экономических отношений роль судебной экспертизы заметно возросла, особенно в гражданском и арбитражном судопроизводстве. При этом она приобрела черты политико-правовой формы использования специальных знаний, например, при расследовании международных военных конфликтов, или межгосударственных экономических споров¹⁰.

Однако уже в то время отмечались конъюнктурно-корпоративные представления (взгляды) на перспективы развития судебно-экспертной деятельности, что особенно наглядно проявилось в условиях формирования в нашей стране рыночных социально-экономических отношений. В то время никто не мог предвидеть, что принимаемые организационные и правовые решения станут причиной длительных и бесплодных дискуссий, предопределяющих противоречивые межведомственные отношения по вопросам судебно-экспертной и экспертно-криминалистической видов деятельности. Дискуссий разрушительных, а не созидательных, негативно влияющих на процесс развития системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

В этом контексте объяснимо, почему до сих пор не согласована классификация судебных экспертиз; почему только в 2011 г. признан факт существования экспертно-криминалистической деятельности, как одного из основных направлений деятельности органов внутренних дел; почему более десяти лет обсуждается проект нового закона о судебно-экспертной деятельности, которым предполагалось имплементировать в отечественное законодательство положение резолюции «О судебно-экспертной деятельности», принятой Комиссией ООН по профилактике преступлений и уголовному правосудию еще в 2010 г.

4. Таким образом, система научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства в основе своей представлена в виде двух организационно обособленных, взаимно не согласованных разномедомственных видов деятельности — судебно-экспертной и экспертно-криминалистической. Первая из них, после отпочкования от криминалистики, была обособлена, а затем и абсолютизирована в этой системе, явно в ущерб второй, причем, что

представляется парадоксальным, даже в ЭКП ОВД системы МВД России.

Об этом убедительно свидетельствует Наставление по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России, объявленное приказом от 28 ноября 2009 г. № 7¹¹. По существу, это была первая попытка, спустя восемь лет, на ведомственном уровне определиться с содержанием этой деятельности. Однако удивляет не только запоздалая реакция на подписание упомянутого закона, но и положения Наставления, определяющие сущность и порядок осуществления ЭКД, с явно выраженным акцентом на государственную судебно-экспертную деятельность. В Наставлении не дается определение, не раскрываются задачи экспертно-криминалистической (по существу, поисково-познавательной) деятельности специалиста-криминалиста, осуществляемой им, начиная от участия в осмотре места происшествия.

Вне должного внимания авторов Наставления остались вопросы, касающиеся, так называемых экспрессных и предварительных исследований, а также современных информационных технологий. Криминалистические учеты в нем представлены в виде системы информационного обеспечения деятельности ЭКП ОВД (?), а не как одна из задач по научно-техническому обеспечению раскрытия и расследования преступлений¹². Назывными остались в Наставлении проблемы экспертно-криминалистической деятельности при расследовании высокотехнологичных преступлений, в сфере электронных средств связи и компьютерной информации, которые в настоящее время доминируют в общей структуре преступности, обуславливая существенное снижение количества традиционных предварительных исследований и экспертиз, проводимых в ЭКП ОВД.

Фактически ЭКП ОВД оказались не готовы к такому развитию ситуации. При довольно значительной общей штатной численности (около 18 тыс. человек) сегодня эксперты-криминалисты на постоянной основе есть только в одном из трех территориальных ОВД, а высокотехнологичные преступления совершаются фактически повсеместно. Следовательно, традиционно сложившаяся система экстенсивного развития этих подразделений (расширилась по территории их сеть, увеличились их штаты) в этих условиях и таких объемах не срабатывает. Необходима принципиально иная, под стать уровню развития техники, организация и правовая регламентация экспертно-криминалистической деятельности и в целом научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства.

¹⁰ См. подр.: Волынский А. Ф. Судебная экспертиза: системные проблемы требуют системных подходов к их решению: сб. материалов междунар. форума 7–8 июня 2017 г. М., 2017. С. 78–85.

¹¹ В официальных источниках опубликован не был.

¹² См. подр.: Кардашевская М. В. Указ. соч. С. 35–43.

Нельзя успешно использовать в борьбе с преступностью XXI века современные достижения науки и техники в организационно-правовых формах XIX века.

5. Следует учитывать, что в настоящее время речь идет об освоении криминалистикой не отдельных достижений физики, химии, биологии и других наук, а результатов их интеграции в виде цифровизации. Это социально-технологическое явление, сложный по своему содержанию процесс, познание которого и обеспечение реализации его результатов в уголовном судопроизводстве (в т.ч. электронном) требует соответствующих организационных и правовых решений.

В поиске таких решений необходимо обратить внимание на отечественный и зарубежный опыт, причем в историческом аспекте и непременно с позиции общего государственного, а не узковедомственного подхода. В этом отношении, как представляется, пример прогрессивного, а как следствие, и перспективного решения проблем научно-технического (технокриминалистического) обеспечения уголовного судопроизводства показывает Следственный комитет РФ, где традиционно и довольно успешно действует криминалистическая служба, основу которой составляют следователи-криминалисты¹³.

Созданная при этом ведомстве система судебно-экспертных учреждений Федеральным законом от 20 июля 2019 г. № 224-ФЗ организационно обособлена от криминалистической службы. Казалось бы пример, достойный подражания в МВД России и других правоохранительных министерствах и ведомствах страны. Однако можно предположить, что со временем каждое из них будет стремиться создать свою систему судебно-экспертных учреждений, расширяя их сеть в регионах. Это означает расточительное рассредоточение дорогой, в основном импортной исследовательской техники и соответствующих специалистов, а как следствие, прогнозируемая крайне низкая эффективность их деятельности и используемой ими техники.

Уместно отметить, что соображения экономичности системы судебно-экспертных учреждений во многом предопределили особенности их реформирования в Республике Беларусь, где в 2011 г. создан Государственный комитет судебных экспертиз¹⁴, и в Республике Казахстан, где фактически в то же время все

судебно-экспертные учреждения, в том числе системы МВД, переданы в ведение Минюста. Аналогичные предложения обсуждались в нашей стране, но возобладало понимание ее территориальных, демографических, экономических и иных особенностей, исключающих копирование такого опыта.

Однако оставлять без изменений сложившуюся более века назад организационно-правовую систему использования современных достижений науки и техники в уголовном судопроизводстве невозможно. Необходимость таких изменений наглядно актуализировалась в условиях всеобщей цифровизации общественных и экономико-правовых отношений и с учетом программно обозначенной задачи формирования электронного судопроизводства.

6. Считаем важным изначально определить и межведомственно согласовать основные принципы, которым должна соответствовать такая система, и которыми следует руководствоваться при ее разработке. В их числе конституционные или общие принципы законности, защиты прав и свобод граждан, обеспечения безопасности общества и государства, и специальные:

научности, т.е. обоснование предложенных мер математическими расчетами реальных потребностей и с учетом объективной оценки возможностей;

эффективности, т.е. достижение максимально возможного результата при минимальных затратах времени и средств;

рациональности, т.е. достижение тактических целей с использованием более простых методов средств, соответствие организационно-правовых форм их применения задачам, решаемым на определенных стадиях уголовного судопроизводства;

практицизма, т.е. ориентации всей системы и ее элементов, включая СЭД и ЭКД, на конечный результат деятельности правоохранительных органов;

альтернативности, т.е. возможности повторного, в том числе иноведомственного экспертного исследования доказательств, как средства, гарантирующего достоверность и объективность их результатов;

экономичности, т.е. обоснованность расходов на формирование такой системы и обеспечение ее функционирования¹⁵.

Все эти принципы должны реализовываться во взаимосвязи, в комплексе, причем с учетом сложившейся в нашей стране полисистемы правоохранительных органов, вместо ранее существовавшей моносистемы (КГБ + МВД). Применительно к судебно-экспертной деятельности следует учитывать еще и соответствующие потребности Минздрава

¹³ См.: Техно-криминалистическое сопровождение расследования преступлений: учеб. пособие / под ред. А.М. Багмета. М., 2015.

¹⁴ См.: *Волынский А. Ф.* Республика Беларусь реформировала систему судебно-экспертных учреждений. А Россия? // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22–23 января 2015 г.). М., 2015.

¹⁵ См. подр.: *Волынский А. Ф.* Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства: опыт прошлого, проблемы дня настоящего и взгляд в будущее // *Интер-политех-2022*. 2022. 20 окт.

России, где традиционно действуют учреждения судебно-медицинской экспертизы. Кстати сказать, когда формировалась идея отпочкования судебной экспертизы от криминалистики, аналогичные предложения высказывались и по поводу судебно-медицинской экспертизы, но вопрос отпал.

7. С позиций указанных принципов и с учетом результатов изучения истории возникновения и развития отечественной криминалистики есть основания предварительно, как информацию для обсуждения, сформулировать следующую систему мер, направленных на модернизацию организационно-правовых основ научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства:

а) создать, с учетом опыта организации деятельности судебно-экспертных учреждений в Следственном комитете России, единую для всех правоохранительных министерств и ведомств страны судебно-экспертную службу (научно-практическое объединение или центр), действующую при одном из них;

б) признать необходимой специализацию деятельности такого центра в области уголовного судопроизводства, а судебно-экспертных учреждений Минюста в области гражданского (арбитражного) судопроизводства, при их взаимной обязанности по производству альтернативных судебных экспертиз;

в) законодательно определить сущность, задачи и порядок осуществления экспертно-криминалистической деятельности, включая производство предварительных исследований, возможности и условия признания доказательственного значения их результатов;

г) изучить опыт работы следователей-криминалистов в Следственном комитете РФ, оценивая возможность его применения в деятельности других правоохранительных министерств и ведомств. В МВД России таким образом может быть решена проблема специалистов-криминалистов в территориальных (и объектовых) органах внутренних дел, в штатах которых в настоящее время их нет;

д) организовать в учебных учреждениях МВД России и других правоохранительных министерств и ведомств (с учетом их практической потребности) подготовку не судебных экспертов (как сейчас), а специалистов по экспертно-криминалистической (поисково-познавательной и экспертно-исследовательской) деятельности, в том числе в области компьютерной техники и информационных технологий, учитывая, что высокотехнологичные преступления сегодня совершаются практически повсеместно;

е) провести системный анализ сложившейся практики профессиональной подготовки судебных экспертов гражданских высших учебных

учреждениях и их последующего трудоустройства, оценить рациональность и эффективность такой практики;

ж) восстановить ранее действовавший порядок комплектации штатов государственных судебно-экспертных учреждений и экспертно-криминалистических подразделений по нетрадиционным видам экспертиз лицами, имеющими необходимое базовое образование. Такой порядок сохраняется в Минздраве России, где лица, получившие высшее медицинское образование, могут продолжить обучение в двухгодичной ординатуре по специальности 31.08.10 «Судебно-медицинская экспертиза»¹⁶.

* * *

Изложенный перечень мер, направленных на формирование государственной системы научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства, дискуссионный и далеко не исчерпывающий. В нем нет главного — предложения об организации соответствующей разработки на уровне государственной научно-технической политики обеспечения безопасности общества и государства, на основе специально разработанной и на соответствующем уровне утвержденной программы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белкин Р.С.* История отечественной криминалистики. М., 1999.
2. *Волынский А.Ф.* К столетию экспертно-криминалистической службы МВД России: невыученные уроки истории // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52). С. 90–100.
3. *Волынский А.Ф.* Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства: опыт прошлого, проблемы дня настоящего и взгляд в будущее // Интер-поли-тех-2022». 2022. 20 окт.
4. *Волынский А.Ф.* Предмет криминалистики и «научный сепаратизм»: последствия и возможности их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 175–185.
5. *Волынский А.Ф.* Республика Беларусь реформировала систему судебно-экспертных учреждений. А Россия? // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22–23 января 2015 г.). М., 2015.
6. *Волынский А.Ф.* Судебная экспертиза перед «судом истории» (закключение специалиста) // Судебная экспертиза и исследования. 2022. № 1. С. 26–36.

¹⁶ *Хрусталёв В.Н.* Как обеспечить достоверность доказательств, полученных экспертным путем? // Судебная экспертиза. 2016. Вып. 3 (47). С. 156–171.

7. *Волынский А. Ф.* Судебная экспертиза: системные проблемы требуют системных подходов к их решению: сб. материалов междунар. форума 7–8 июня 2017 г. М., 2017. С. 78–85.
8. *Волынский А. Ф.* Экспертиза и специальные научно-технические исследования по новому УПК Социалистической Республики Румынии // Сов. юстиция. 1970. № 24. С. 25, 26.
9. *Кардашевская М. В.* Понятие экспертно-криминалистической деятельности и ее соотношение с криминалистикой и судебной экспертизой // Раскрытие и расследование преступлений: наука, практика, опыт: сб. науч. тр. М., 2020. Ч. 2. С. 35–43.
10. *Колдаев В. М.* Из истории практической криминалистики в России: применение научных методов работы в розыске и расследовании преступлений: факты, документы. М., 2005. С. 52–74.
11. *Крылов И. Ф.* Очерки криминалистики и криминалистической экспертизы. Л., 1975.
12. Техничко-криминалистическое сопровождение расследования преступлений: учеб. пособие / под ред. А. М. Багмета. М., 2015.
13. *Хрусталёв В. Н.* Как обеспечить достоверность доказательств, полученных экспертным путем? // Судебная экспертиза. 2016. Вып. 3 (47). С. 156–171.
- present day and a look into the future: materials scientific-practical Conference “Inter-polytech-2022”. М., 2022 (in Russ.).
4. *Volynsky A. F.* The subject of criminology and “scientific separatism”: consequences and possibilities of their overcoming // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (45). Pp. 175–185 (in Russ.).
5. *Volynsky A. F.* The Republic of Belarus has reformed the system of forensic institutions. And Russia? // Theory and practice of forensic examination in modern conditions. М., 2015 (in Russ.).
6. *Volynsky A. F.* Forensic examination before the “court of history” (conclusion of a specialist) // Forensic examination and research. 2022. No. 1. Pp. 26–36 (in Russ.).
7. *Volynsky A. F.* Forensic examination: systemic problems require systemic approaches to their solution: collection of materials of the International Forum on June 7–8, 2017. М., 2017. Pp. 78–85 (in Russ.).
8. *Volynsky A. F.* Expertise and special scientific and technical research on the new Criminal Procedure Code of the Socialist Republic of Romania // Soviet Justice. 1970. No. 24. Pp. 25, 26 (in Russ.).
9. *Kardashevskaya M. V.* The concept of forensic activity and its relationship with criminalistics and forensic examination // Disclosure and investigation of crimes: science, practice, experience. М., 2020. Pp. 35–43 (in Russ.).
10. *Koldaev V. M.* From the history of practical criminology in Russia: the application of scientific methods of work in the search and investigation of crimes: facts, documents, comments. М., 2005. Pp. 52–74 (in Russ.).
11. *Krylov I. F.* Essays on criminology and forensic examination. L., 1975 (in Russ.).
12. Technical and forensic support of crime investigation / ed. by A. M. Bagmet. М., 2015 (in Russ.).
13. *Khrustalev V. N.* How to ensure the reliability of evidence obtained by expert means? // Forensic examination. 2016. Iss. 3 (47). Pp. 156–171 (in Russ.).

REFERENCES

Сведения об авторе

ВОЛЫНСКИЙ Александр Фомич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя; 117437 г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12; профессор кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации им. А.Я. Сухарева; 115172 г. Москва, Новоспасский переулок, д. 11

Authors' information

VOLYNSKY Aleksandr F. — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of Russian Federation, Professor of the Department of Criminology of Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 12 Akademika Volgina str., 117437 Moscow, Russia; Professor of the Department of Forensic Expertise and Operational Investigative Activities of Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; 11 Novospassky Lane, 115172 Moscow, Russia

УДК 349.3

СОГЛАШЕНИЯ О СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ГРАЖДАН ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

© 2024 г. Н. В. Колотова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: kolotova.n@gmail.com

Поступила в редакцию 19.02.2024 г.

Аннотация. В статье отмечается, что развитие трансграничной миграции и интернационализация рынка труда ведут к тому, что все большее число людей постоянно или длительно проживают вне государств своего происхождения и гражданства. Наиболее активным образом миграционные процессы развиваются в региональных интеграционных объединениях. Чтобы при переезде из одного государства-участника в другое граждане не испытывали трудностей с реализацией своих социальных прав, в них заключаются многосторонние соглашения, направленные на сохранение приобретенных социальных прав и оснований для их получения. Анализ таких соглашений, действующих в интеграционных объединениях, созданных в Европе (ЕС), на Евразийском пространстве (ЕАЭС), в Латинской Америке (Общий рынок стран Южной Америки МЕРКОСУР и Андское сообщество), государствах Карибского бассейна (Карибское сообщество КАРИКОМ), межрегиональном Иbero-Американском сообществе, а также складывающихся в Африке (Межафриканская конференция социального страхования СИРПЕС) позволяет выделить общее и различное в правовых механизмах, используемых для обеспечения социальных прав мигрантов. Все эти соглашения способствуют координации социальной политики государств-участников в целях обеспечения равного доступа к социальным правам и непрерывности их предоставления в случае межгосударственной миграции в пределах интеграционного объединения, но не предполагают гармонизации социального законодательства.

Ключевые слова: региональные интеграционные объединения, трансграничная мобильность, сохранение (maintenance) социальных прав, координация социального обеспечения.

Цитирование: Колотова Н.В. Соглашения о социальном обеспечении граждан государств – членов региональных интеграций // Государство и право. 2024. № 5. С. 78–88.

DOI: 10.31857/S1026945224050086

SOCIAL SECURITY AGREEMENTS CITIZENS OF THE MEMBER STATES INTEGRATION ASSOCIATIONS

© 2024 N. V. Kolotova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: kolotova.n@gmail.com

Received 19.02.2024

Abstract. The article notes that the development of cross-border migration and the internationalization of the labor market leads to the fact that an increasing number of people permanently or permanently reside outside their countries of origin and citizenship. Migration processes are developing most actively in regional integration associations. In order for citizens not to experience difficulties in exercising their social rights when moving from one participating State to another, multilateral agreements are concluded in them aimed at preserving acquired social rights and the grounds for obtaining them. Analysis of such agreements in force in integration associations established in Europe (EU), in the Eurasian Space (EAEU), in Latin America (the Common Market of South American Countries MERCOSUR and the Andean Community), the Caribbean States (Caribbean Community CARICOM), the interregional Ibero-American Community, as well as emerging in Africa (Inter-African The SIRPES Social Insurance Conference makes it possible to identify common and different legal mechanisms used to ensure the social rights of migrants. All these agreements contribute to the coordination of the social policy of the participating States in order to ensure equal access to social rights and the continuity of their provision in the case of interstate migration within the integration association, but do not imply the harmonization of social legislation.

Key words: regional integration associations, cross-border mobility, maintenance of social rights, coordination of social security.

For citation: Kolotova, N.V. (2024). Social security agreements citizens of the member states integration associations // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 5, pp. 78–88.

Для развития рынков труда и создания условий для трудовой миграции во многих региональных интеграционных объединениях заключаются многосторонние соглашения о социальном обеспечении граждан государств-участников. Они призваны гарантировать равенство социальных прав граждан для всех государств-членов вне зависимости от страны пребывания и гражданства путем предоставления социального обеспечения на принципах сохранения приобретенных и приобретаемых социальных прав и отказа от сугубо территориального подхода к их реализации. Это позволяет при переезде продолжать получение выплат, на которые лицо имело право в государстве, их назначившем, либо продолжать учет оснований для их будущего приобретения (например, страхового стажа для его последующего суммирования). Тем самым для граждан стран – членов объединения по сравнению с иными иностранными гражданами устанавливается преференциальный режим обеспечения социальных прав¹ и предоставляются гарантии продолжения социального обеспечения, начавшегося в ином государстве.

Формирование правовых механизмов для сохранения социальных прав и оснований для их приобретения может происходить на международном, региональном и национальном уровнях. В рамках

региональных интеграционных объединений эта задача особенно актуальна, постольку равный доступ к социальному обеспечению является условием для свободного передвижения людей между государствами, что прямо влияет на развитие общих рынков труда и стимулирование трудовой миграции. На фоне трудностей, сопровождающих этап глобализации, исследователи часто прогнозируют повышение значения региональной интеграции, которое выражается в развитии всех форм экономического, политического и социального сотрудничества в прежних и новых региональных альянсах². Проведение общей социальной политики на началах координации имеет большой интеграционный потенциал, значение которого трудно переоценить³. Соглашения о социальном обеспечении в рамках региональных организаций являются одним из эффективных инструментов координации социального законодательства в государствах-членах.

Исследования регионализма и регионального управления фиксируют многомерность, сложность и изменчивость форм интеграционных организаций. Сложившиеся модели существенно отличаются друг от друга по целям и глубине экономико-правового сближения, типу сотрудничества (наднациональный либо координационный), форме обеспечения

¹ При ратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах часть стран (Франция, Кувейт, Бельгия и Монако) сделали оговорки, касающиеся уточнения возможности экстерриториального применения ст. 9, устанавливающей право социального обеспечения и распространения ее требований на иностранцев и лиц без гражданства (см.: Status of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights and Reservations, Withdrawals, Declarations and Objections under the Covenant // E/C.12/1993/3/Rev.5. (2001). URL: <https://digitallibrary.un.org/record/459633> (дата обращения: 12.01.2024)).

² См.: Дуткевич П., Казаринова Д.Б. Конец эпохи глобализации // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2017. Т. 19. № 1. С. 12; Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века / под ред. В.И. Михайленко. Екатеринбург, 2018. С. 40.

³ См.: Wrschraegen G. Social security and social integration: The multiple functions of welfare policies // Invisible Social Security Revisited: Essays in Honour of Jod Berghman Hardcover / eds: W.V. Oorschot, H. Peeters, K. Boos. Lannoo Campus Publishers, 2015. P. 55.

интеграции и др.⁴ Начавшаяся с середины 1980-х годов «вторая волна» регионализма (т.н. новый регионализм) предопределила развитие новых типов региональных объединений. Интеграционные объединения могут существовать не только в форме межгосударственных союзов: некоторые из них образуются негосударственными субъектами, действуют вне формальных институциональных рамок, используют методы не только прямого регулирования, но и различные консультативные форматы⁵. Анализ показывает, что соглашения о социальном обеспечении могут заключаться в любых образованиях независимо от типа интеграции и географического расположения региона, но в каждом из них могут иметь место свои особенности применения общих принципов.

Примеры действия соглашений в области социального обеспечения можно найти в разных регионах мира: Европе (Европейский Союз, ЕС), Евразийском пространстве (Евразийский экономический союз, ЕАЭС), Латинской Америке (МЕРКОСУР⁶, действующий на основе Асунсьонского договора о его создании⁷, КАРИКОМ⁸, Андское сообщество⁹). В таких нетипичных формах региональной интеграции как Иберо-Американское сообщество¹⁰, на базе которого действует Иберо-Американская ассоциация социального обеспечения (OISS)¹¹, и Межафриканская конфе-

ренция социального страхования (CIPRES)¹², также есть подобные соглашения, но силу особенностей этих региональных организаций их действие не подкреплено поддержкой институционально оформленной межгосударственной ассоциации¹³.

Все эти региональные объединения имеют различный опыт межгосударственного сотрудничества в сфере координации социальной политики, а на Африканском континенте оно только складывается. Многосторонняя конвенция о социальном обеспечении государств СИПРЕС¹⁴ пока не вступила в силу из-за отсутствия ратификаций; в Сообществе развития Юга Африки (SADC)¹⁵, по сообщениям исследователей, рассматривается возможность создания такого механизма¹⁶.

Соглашения о сотрудничестве в сфере социального обеспечения фактически отсутствуют в региональных альянсах Азии и Океании¹⁷. В странах АСЕАН, где только с недавнего времени стали обращаться к вопросам защиты прав человека¹⁸, основные усилия направлены на повышение мобильности высококвалифицированной рабочей силы, достигаемое при помощи соглашений о взаимном признании квалификации в конкретных востребованных профессиях¹⁹. Среди торговых соглашений АСЕАН только

⁴ См.: Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2 (63). С. 103.

⁵ См.: Theories of New Regionalism / ed. by Söderbaum Fredrik and Shaw Tim. N.Y., 2003. P. 4.

⁶ Постоянные члены МЕРКОСУР — государства Южной Америки Аргентина, Бразилия, Парагвай и Уругвай (см.: URL: <https://www.mercosur.int/en/> (дата обращения: 02.07.2023)).

⁷ См.: Tratado de Asunción para la Constitución de un Mercado Común. URL: <https://www.mercosur.int/documento/tratado-asuncion-constitucion-mercado-comun/> (дата обращения: 09.10.2023).

⁸ Полноправными участниками объединения КАРИКОМ являются 15 государств Карибского бассейна (см.: URL: <https://caricom.org/> (дата обращения: 02.07.2023)).

⁹ В Андское сообщество входят из четырех действительных и пяти ассоциированных государств региона (см.: URL: <https://www.comunidadandina.org/> (дата обращения: 02.12.2023)).

¹⁰ Участниками Иберо-американского сообщества наций (Comunidad Iberoamericana de Naciones) являются два иберийских государства — Испания и Португалия и 19 латиноамериканских стран (см.: URL: <https://www.cancilleria.gov.co/international/consensus/ibero-america> (дата обращения: 30.11.2023)).

¹¹ В Конвенции в настоящее время участвуют 14 государств из числа членов Иберо-Американской ассоциации социального обеспечения (OISS), которая включает в себя испано- и португалоговорящие страны Латинской Америки, Испании, Португалии и Андорры (см.: Ibero-American Social Security Organisation (OISS) URL: <https://oiss.org/> (дата обращения: 10.07.2023)).

¹² В Межафриканской конференции по вопросам социального страхования (Conférence Interafricaine de la Prévoyance Sociale, CIPRES) участвует 14 африканских государств из возглавляемого Францией валютного союза «Зона франка» (см.: URL: <https://lacipres.org/presentation/> (дата обращения: 30.11.2023)).

¹³ См.: Sánchez-Rodas Navarro C. Aproximación a la coordinación de regímenes de seguridad social en el reglamento 883/2004 y en el Convenio Multilateral Iberoamericano de Seguridad Social // e-Revista Internacional de la Protección Social. 2016. No. 1 (1). Pp. 1–11.

¹⁴ См.: URL: https://lacipres.org/wp-content/uploads/2021/07/Convention_Multilaterale_de_Securite_Sociale.pdf (дата обращения: 30.11.2023).

¹⁵ Сообщество развития Юга Африки (Southern African Development, SADC). URL: <https://www.sadc.int/competitions> (дата обращения: 12.12.2023).

¹⁶ См.: Zavando Cerda D., Gómez Urquijo L. Improving the protection of migrant workers with work histories in the European Union and Ibero-America: Enhancing the coordination of international social security instruments // International Social Security Review. 2023. Vol. 76. Iss. 3. P. 45.

¹⁷ Ассоциация государств в Юго-Восточной Азии (АСЕАН). URL: <https://asean.org/> (дата обращения: 12.01.2024).

¹⁸ В Декларации прав человека АСЕАН (2012) предусмотрен широкий перечень социальных и экономических прав (ст. 26–33), но специально оговаривается (ст. 34), что неграждане могут быть исключены из числа приобретателей этих прав (см.: URL: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2019/02/2012-ASEAN-Human-Rights-Declaration.pdf> (дата обращения: 12.01.2024)).

¹⁹ См.: Костюнина Г.М. Интеграционная модель АСЕАН+1: основные положения соглашений и влияние на внешнеэкономические связи // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 444.

соглашение с Австралией и Новой Зеландией затрагивает вопросы перемещения физических лиц²⁰, но оно не касается социального обеспечения²¹.

С учетом этих предварительных замечаний, материалом для анализа региональных инструментов в сфере координации социального обеспечения будут служить следующие документы международных альянсов: Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза (ЕС) 883/2004 от 29 апреля 2004 г. о координации систем социальной защиты²² (далее — Регламент ЕС 883/2004); Соглашение по социальному обеспечению государств Карибского бассейна CARICOM 1996 г. (Соглашение КАРИКОМ)²³; Многостороннее соглашение о социальном обеспечении таможенного союза стран Южной Америки MERCOSUR 1997 г.²⁴ (Соглашение МЕРКОСУР); Документ о социальном обеспечении Андского сообщества²⁵ 2004 г. (Андское соглашение); Многосторонняя конвенция о социальном обеспечении CIPRES 2006 г. (Конвенция СИПРЕС)²⁶; Многосторонняя Иbero-Американская конвенция по социальному обеспечению²⁷ 2007 г. (Иbero-Американская кон-

венция); Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС²⁸ 2019 г. (Соглашение ЕАЭС).

При сравнении этих документов необходимо иметь в виду два важных момента. Во-первых, принципиальное значение имеет институциональная форма региональной интеграции, сложившаяся в заключившем такое многостороннее соглашение объединении государств — наднациональная или координационная. Большинство региональных объединений представляют собой межгосударственные организации координационного типа²⁹. В них согласованные решения принимаются большинством голосов, с дальнейшим утверждением достигнутых договоренностей внутренним правом подписавших их государств³⁰. Многие из таких объединений, понимая важность социального измерения интеграционных процессов, видят свою задачу в проведении общей социальной политики, упрощающей свободное перемещение трудовых мигрантов между странами-участницами и способствующей сохранению прочных связей между государствами и проживающими в них людьми.

Союзы государств наднационального типа базируются на праве сообщества принимать обязательные для государств-членов решения, которые оформляются нормами прямого действия и не нуждаются в отдельных процедурах для их трансформации в национальное право. Такая форма интеграции имеет иные качественные характеристики, которые увеличивают возможности проведения скоординированной политики в любой сфере, включая социальную. Поэтому в наднациональном сообществе формируется и проводится не общая, а единая политика³¹, что увеличивает эффективность совместных усилий государств-членов по решению экономических, политических и социальных вопросов. И хотя, как видно на примере ЕС, поиск необходимой степени координации социальной сферы неизменно является сложной проблемой и дискуссионным вопросом взаимодействия государств³², настаиваю-

²⁰ См.: *Putri Ratu Danielle*. Australias' membership in the Association of Southwest Asian Nation in the Relation with Human Rights Policies // *Padjadjaran Journal of International Law*. 2020. Vol. 4. Iss. 1. Pp. 94–113.

²¹ См.: Agreement Establishing the ASEAN-Australia-New Zealand Free Trade Area (AANZFTA). URL: <https://aanzfta.asean.org/agreement-establishing-the-aanzfta>. Обязательства временного пребывания физических лиц определены каждой стороной в приложении к соглашению) Agreement Establishing the AANZFTA. Annex 4: Schedules of Movement of Natural Persons Commitments URL: <https://aanzfta.asean.org/index.php?page=annex-4-schedules-of-movement-of-natural-persons-commitments>).

²² См.: Regulation (EC) No 883/2004 of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004 on the coordination of social security systems (Text with relevance for the EEA and for Switzerland) // *OJ L 166*, 30.4.2004. P. 1–123; Regulation (EC) No 987/2009 of the European Parliament and of the Council of 16 September 2009 laying down the procedure for implementing Regulation (EC) No 883/2004 on the coordination of social security systems (Text with relevance for the EEA and for Switzerland) // *OJ L 284*, 30.10.2009. Pp. 1–42.

²³ См.: CARICOM Agreement on Social Security Act. URL: <http://agc.gov.ms/wp-content/uploads/Caribbean-Organisations-Acts-1.pdf> (дата обращения: 02.07.2023).

²⁴ См.: Acuerdo Multilateral de Seguridad Social del MERCOSUR. URL: https://www.argentina.gob.ar/sites/default/files/2_acuerdo-y-reglamento_multilateral_de_seguridad_social_del_mercosur_1997.pdf (дата обращения: 12.12.2023).

²⁵ См.: El Instrumento Andino de Seguridad Social (Decisión 583). URL: <https://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC583.pdf> (дата обращения: 02.12.2023).

²⁶ См.: Convention Multilaterale de Securite Sociale. URL: https://lacipres.org/wp-content/uploads/2021/07/Convention_Multilaterale_de_Seurite_Sociale.pdf (дата обращения: 05.01.2024).

²⁷ См.: Конвенция и Соглашение по ее применению: Convenio Multilateral Iberoamericano de Seguridad Social; Acuerdo de Aplicación han sido publicados // *Boletín Oficial del Estado* de 8 de enero de 2011.

²⁸ См.: Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов ЕАЭС от 20.12.2019 г. Ратифицировано Российской Федерацией Федеральным законом от 09.11.2020 № 354-ФЗ // *СЗ РФ*. 2021. № 11, ст. 1716.

²⁹ См.: Курс международного права: в 7 т. Т. 7: Международно-правовые формы интеграционных процессов в современном мире. М., 1993. С. 26.

³⁰ О различиях региональных интеграционных объединений и их типологизации см.: *Рафалюк Е.Е., Залюило М.В., Владова Н.В.* Указ. соч. С. 104.

³¹ См.: *Зуев В.Н.* Методология классификации и оценки форм региональной интеграции // *Евразийская экономическая интеграция*. 2014. № 3 (24). С. 36.

³² См.: *Бортко Ю.А., Биссон Л.С.* Европейская интеграция: перезапуск идеи «Социальной Европы» // *Современная Европа*. 2019. № 6. С. 5–17.

щих на сохранении своей самостоятельности при определении принципов действия систем социального обеспечения³³, нельзя не признать успехи интеграции такого типа по уровню социального обеспечения всех граждан вне зависимости от государства проживания. Это обстоятельство делает опыт Евросоюза в области построения единого социального пространства практически эталонным для других интеграционных объединений, решающих задачи и трансграничной мобильности социальных прав граждан на общем пространстве³⁴.

Во-вторых, при сравнении документов необходимо учитывать, когда в различных регионах сложились и в течение какого времени действуют механизмы сохранения социальных прав граждан государств-участников. С этим обстоятельством связана возможность накопления практического опыта и прецедентной практики решения спорных вопросов в этой сфере. Так, в ЕС общие социальные стандарты для трудящихся-мигрантов и членов их семей были введены еще в 1958 г.³⁵ Регламентом (ЕЭС) 1408/71 в 1971 г. эти правила распространены на иные категории граждан, находящихся на территории Сообщества на законных основаниях (занятых, самозанятых, студентов, лиц без гражданства, а также их наследников)³⁶. Вопросы трансграничного социального обеспечения граждан государств ЕС часто оказывались в поле зрения Суда Европейских сообществ³⁷, и на основе этой практики были разработаны еще более объемные и подробные правила регулирования

по каждому из видов сохраняемых социальных пособий, вступившие в силу в 2010 г. (Регламент 883/2004 и имплементирующий Регламент 987/2009).

Практический опыт применения вопросов рассматриваемых соглашений в иных интеграционных объединениях не столь обширен: многие из них вводились в действие совсем недавно и практика применения таких норм только начинает складываться. Так, Консультативным заключением Суда ЕАЭС³⁸ по ст. 3 принятого в 2019 г. Соглашения ЕАЭС по запросу кыргызской стороны-участницы было разъяснено, что принцип равенства пенсионных прав трудящихся непосредственно относится также к условиям и порядку формирования их пенсионных взносов (п. 3) и является основанием для уравнивания ставок тарифных взносов трудящихся-мигрантов относительно граждан государства трудоустройства (п. 5.1). В Заключении было обращено внимание, что для дальнейшего развития практики применения Соглашения ЕАЭС необходимо решить системную проблему определения места его норм среди иных источников права и обеспечить его прямое действие и непосредственное применение в национальных государствах-членах³⁹.

Иными словами, условия для формирования и развития сотрудничества в области социального обеспечения в региональных интеграционных объединениях, на базе которых складываются инструменты сохранения и трансграничной мобильности приобретенных и приобретаемых социальных прав при переезде внутри стран-участниц, существенно различаются, и единообразного подхода не существует. Однако все рассматриваемые соглашения основаны **на общих принципах** и похожих **механизмах действия**, которые базируются на международных стандартах социального обеспечения, отраженных в конвенциях и рекомендациях Международной организации труда (МОТ)⁴⁰.

³³ См.: Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council amending Regulation (EC) No 883/2004 on the coordination of social security systems and regulation (EC) No 987/2009 laying down the procedure for implementing Regulation (EC) No 883/2004 (Text with relevance for the EEA and Switzerland) – Opinion on the application of the Principles of Subsidiarity and Proportionality. ST 6753 2017 INIT – 2016/0397 (OLP).

³⁴ См.: Holzmann R. The Cross-Border Portability of Social Benefits // Ifo Institute – Leibniz Institute for Economic Research at the University of Munich. München. 2018. Vol. 16. Iss. 1. P. 18; Sánchez-Rodas Navarro C. Op. cit. P. 5; Пименова О.И. Правовая интеграция в Европейском Союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ // Вестник междунар. организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 83.

³⁵ См.: Regulation (EEC) No. 3 concerning social security for migrant workers // OJ № 30. 16.12.1958. Pp. 561–596; Regulation No. 4 laying down the implementing rules and supplementing the provisions of Regulation No. 3 concerning social security for migrant workers // OJ. No. 30. 16.12.1958. Pp. 597–664.

³⁶ См.: Regulation (EEC) No 1408/71 of the Council of 14 June 1971 on the application of social security schemes to employed persons and their families moving within the Community // OJ L 149, 5.7.1971. Pp. 2–50.

³⁷ О судебной практике по вопросам реализации социальных прав граждан, проживающих на территории других государств ЕС см.: Васильева Т.А. Проблемы реализации социальных прав в условиях интеграции и экономического кризиса: практика государств – членов ЕС // Трансформации прав человека в современном мире / отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2018. С. 154–166.

³⁸ См.: Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 18.10.2022 № СЕ 2-1/2-22-БК «О разъяснении положений ст. 3 Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов ЕАЭС от 20.12.2019 г.» // В официальных источниках опубликовано не было.

³⁹ См.: Особое мнение судьи Чайки К.Л. по Консультативному заключению Суда ЕАЭС от 18.10.2022 № СЕ 2-1/2-22-БК «О разъяснении положений ст. 3 Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов ЕАЭС от 20.12.2019 г.» // В официальных источниках опубликовано не было.

⁴⁰ См.: Конвенция МОТ от 28.06.1962 № 118 «О равноправии граждан страны и иностранцев и лиц без гражданства в области социального обеспечения» // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957–1990 гг. Т. II. Женева, 1991. С. 1330–1366; Конвенция МОТ от 21.06.1982 № 157 «Об установлении международной системы сохранения прав в области социального обеспечения» // Там же. С. 1999–2030; Рекомендация МОТ от 20.06.1983 № 167 «Об установлении международной системы сохранения прав в области социального страхования» // Там же. Т. II. С. 2030–2036.

Сохранение и трансграничная мобильность социальных прав предусматривают формирование: (а) доступа трудящихся-мигрантов к системе социального обеспечения страны проживания, с возможностью внесения в нее страховых взносов и пользования предоставляемыми льготами и преимуществами; (б) сохранения приобретенных социальных прав с учетом уплаченных страховых взносов при переезде в другую страну-участницу и возможность получения назначенных выплат через компетентные учреждения страны проживания или трудоустройства; (с) признания приобретенных в иных странах соглашения страховых периодов и начисление социальных выплат на основании принципов суммирования оснований для их получения⁴¹.

Общими принципами, в той или иной степени отраженными во всех рассматриваемых соглашениях, являются следующие:

запрет дискриминации и принцип *равного обращения* с гражданами государств-членов как со своими гражданами, включая равное обращение с фактами и обстоятельствами, являющимися условиями для предоставления социальных услуг и выплат, так, как если бы они имели место на территории того государства, чье законодательство подлежит применению;

принцип *единого применимого законодательства*, согласно которому получатель социального пособия подпадает под действие законодательства только одной страны, что позволяет избежать коллизионного регулирования, двойного налогообложения и дублирования пособий⁴². Единым применимым законодательством, как правило, является законодательство государства трудоустройства (принцип *lex locis laboris*) для трудовых мигрантов или проживания, если речь идет о экономически неактивных группах населения⁴³. По отношению к отдельным категориям лиц, как правило, соглашениями устанавливаются специальные правила, определяющие критерии применимости законодательства в каждом отдельном случае (часто такие правила устанавливаются в отношении работников международных перевозок всех видов транспорта, командированных работников, сотрудников дипломатических и консульских миссий, пограничных работников и др.). При этом каждое государство самостоятельно формирует принципы, правила и формы своих систем социального обеспечения, какой-либо унификации или

изменения национальных законов в связи с вступлением в силу норм региональных соглашений не предполагается;

принцип *суммирования (или агрегирования)*, т.е. учет и объединение всех периодов страхования (занятости, samozанятости или постоянного проживания), принимаемых во внимание в соответствии с национальным законодательством для приобретения права на социальное обеспечение и исчисления размера пособия. Данный принцип имеет первостепенное значение, если предоставление права на пенсию или пособие в национальном праве обусловлено соблюдением сроков (периодов страхования, занятости, выплаты взносов и т.д.). В этом случае все периоды, учитываемые для их исчисления в соответствии с законодательством любой из стран-участниц, при необходимости могут быть приняты во внимание при обращении за пособием компетентными учреждениями страны проживания (пребывания);

принцип *экспорта (трансграничной мобильности)* пособий, который предполагает, что их получение не зависит от того, в какой стране из государств соглашения проживает его получатель, т.е. получение пособия происходит независимо от места жительства. Этот принцип отменяет общий территориальный принцип начисления пособий (*отказ от правила проживания*) и предусматривает запрет на их сокращение, приостановку, изменение, отмену или конфискацию только на том основании, что лицо, получающее пособие, проживает в ином государстве, отличном от того, где находится учреждение, его выплачивающее. Данный принцип распространяется на общие системы социального обеспечения, и, как правило, не охватывает действие специальных систем страхования, предусмотренных для государственных служащих, жертв войны, специальных форм социальной и медицинской помощи, компенсаций жертвам противоправных действий и др. Такие выплаты являются выполнением определенных обязательств государства на своей территории и не подлежат переносу на территорию другого государства (п. 5 ст. 3 Регламента ЕС 883/2004). Часто из числа сохраняемых социальных пособий исключаются пособия, не связанные с уплатой взносов (ст. 5 Иберо-Американской конвенции).

Общие принципы, лежащие в основе региональных соглашений о социальном обеспечении граждан государств-участников, обеспечивают возможность их сравнения между собой и выявление специфики применяемых подходов. **Различия** в подходах наглядно можно увидеть при сравнении по трем параметрам: 1) материально-правовая область применения соглашений (т.е. те отрасли социального законодательства, на которые

⁴¹ См.: Zavando Cerda D., Gómez Urquijo L. Op. cit. P. 25–45.

⁴² См.: Международные и российские нормы пенсионного обеспечения: сравнительный анализ / отв. ред. Э.Г. Тучкова, Ю.В. Васильева. М., 2013. С. 306.

⁴³ См.: Sánchez-Rodas Navarro C. Op. cit. P. 6.

распространяются правила трансграничной мобильности и сохранения социальных прав); 2) персональный охват (категории лиц, которые подпадают под действие этих правил); 3) схема распределения расходов между странами-участницами соглашений.

Рассмотрим эти позиции по отдельности.

1. Материально-правовой охват. Теоретическая возможность трансграничной передачи и сохранения социальных прав при изменении страны проживания может быть предусмотрена для всех девяти основных отраслей социального обеспечения⁴⁴, однако самой распространенной и практически востребованной сферой является пенсионное обеспечение по старости, инвалидности и потере кормильца или несчастному случаю на производстве⁴⁵. Сохранение пенсионных прав застрахованных лиц и членов их семей при переезде внутри стран-участниц предусмотрено во всех рассматриваемых многосторонних договорах, а некоторые из них (Андское соглашение, Соглашение ЕАЭС) специально посвящены обеспечению пенсионных прав трудовых мигрантов.

Самый широкий набор вариантов видов пособий, которые сохраняются при переездах граждан внутри территории регионального объединения, предусмотрен в документах ЕС. В рамках Сообщества подлежат трансграничному перемещению все виды денежных пособий (как обусловленные взносами, так и не обусловленные): по болезни, материнские (отцовские) пособия, пособия по инвалидности, старости, по случаю потери кормильца, в связи с несчастными случаями на производстве или профессиональными заболеваниями, а также выплаты в случае смерти, приобретенные в соответствии с законодательством государств — членов ЕС (ст. 3 Регламента 883/2004). Данный Регламент впервые включил в круг применимых областей предпенсионное обеспечение (п. “i” ст. 3), что в настоящий момент не предусмотрено ни одним из иных рассматриваемых соглашений.

В иных региональных объединениях область применения рассматриваемых договоров уже. Соглашение КАРИКОМ применяется по отношению

к пенсионным правам по инвалидности, старости или выслуге лет, потере кормильца (ст. 3). Область применения Соглашения МЕРКОСУР касается не только пособий по социальному обеспечению, обусловленных денежными взносами, но и медицинских услуг (ст. 3). Однако последние предоставляются работникам, если государство происхождения компенсирует затраты (ст. 6).

В Андском соглашении речь идет о праве мигрантов на получение медицинских пособий и денежных пособий по социальному обеспечению (ст. 4), но основное внимание опять-таки уделяется пенсионным правам, приобретаемым по различным национальным пенсионным системам (распределительным, накопительным, смешанным) (ст. 9). Под действие Соглашения не подпадают пособия, не основанные на взносах.

Иберо-Американская конвенция распространяется на социальное законодательство, связанное с установлением пособий по инвалидности, старости, потере кормильца, производственным травмам и заболеваниям, начисляемым по общим и специальным схемам страхования, но только на основании выплаты взносов (ст. 3–5).

Конвенция СИПРЕС предполагает сохранение приобретенных или находящихся в процессе приобретения прав граждан в области пособий по старости, инвалидности, потери кормильца (ст. 13–22); в связи с производственными травмами и профессиональными заболеваниями (ст. 23–32); семейные пособия и пособия по беременности и родам (ст. 33–35); пособия по болезни (ст. 36–38).

Сфера применения Соглашения ЕАЭС касается пенсионного обеспечения граждан стран-участниц. Особенностью Соглашения является четкое указание на виды пенсионных выплат, подлежащие сохранению по данному договору. Так, для граждан Армении это будет трудовая пенсия по возрасту, выслуге лет, потери кормильца, инвалидности, а также обязательная накопительная пенсия; Казахстана — пенсионные выплаты из единого пенсионного фонда за счет сформированных пенсионных взносов, в т.ч. по возрасту, 1 и 2 группам инвалидности, единовременная выплата наследникам; России — страховая пенсия (по старости, инвалидности, потере кормильца), фиксированная выплата к страховой пенсии, накопительная пенсия (п. 1, 3, 5 ст. 2).

Таким образом, основные усилия региональных сообществ в сфере развития социальной защищенности своих граждан сосредоточены на обеспечении пенсионных прав (приобретаемых как по возрасту, так и по любым иным основаниям). Именно для них, в первую очередь, сформированы механизмы непрерывности и получения

⁴⁴ Девять аспектов социального обеспечения перечислены в Конвенции МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» от 28 июня 1952 г.: медицинская помощь, болезнь, преклонный возраст, безработица, трудовое увечье или профессиональное заболевание, беременность и роды, наличие детей, инвалидность, потеря кормильца (см.: Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1919–1956. Т. I. Женева, 1991. С. 1055–1086. Конвенция ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 03.10.2018 № 349-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 41, ст. 6189).

⁴⁵ См.: Чирков С. А. Сохранение пенсионных прав граждан при их переселении в другие страны: теоретические основы // Росс. ежегодник трудового права. 2010. № 5. С. 496.

выплат независимо от страны, в которой они работали или работают пенсионеры. Пособия по болезни и временной нетрудоспособности, семейные пособия и другие социальные выплаты требуют специальной регуляции, установления правил взаимной компенсации расходов между странами-участницами соглашения, которые целесообразно рассматривать в дополнительных двусторонних договорах, поэтому они часто остаются за скобками общих соглашений.

2. Персональный охват — субъекты, на которых распространяются правила о сохранении социальных прав. Развитие международного сотрудничества в социальной сфере с самого начала было направлено на защиту прав и социальное обеспечение трудящихся-мигрантов, их родственников и наследников⁴⁶. Круг субъектов, на которых могли быть распространены правила сохранения и передачи социальных прав, расширился постепенно. Соглашения, принимаемые в последнее время, чаще адресованы широкому кругу лиц, обладающих различным статусом — трудящиеся, самозанятые, лица, ищущие работу и экономически неактивные граждане, но также по-прежнему принимаются и договоры, прямо ориентированные на трудящихся-мигрантов и членов их семей (Соглашение ЕАЭС, ст. 3 Документа о социальном обеспечении Андского сообщества⁴⁷). Главным критерием относимости субъекта к защищенным лицам в соответствии с рассматриваемыми соглашениями является тот факт, что лицо подпадает или когда-либо подпадало под действие социального законодательства одной или нескольких стран-участниц.

В ЕС действующая система сохранения социальных норм фактически охватывает всех лиц, пребывающих на территории Сообщества на законных основаниях, в том числе и тех, кто не относится к экономически активному населению. По общему правилу Регламент 883/2004 применяется к гражданам государств-членов, лицам без гражданства и беженцам, законно проживающим на территории Сообщества, членам их семей и наследникам (ст. 2).

⁴⁶ Первая конвенция МОТ по этому вопросу от 04.06.1935 г. «Об установлении системы международного сотрудничества по сохранению прав, вытекающих из страхования по инвалидности, старости и на случай потери кормильца» была адресована трудящимся-мигрантам (см.: Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1919–1956 г. Т. I. С. 259–323).

⁴⁷ См.: El Instrumento Andino de Seguridad Social (Decisión 583). URL: <https://www.comunidadandina.org/StaticFiles/DocOf/DEC583.pdf> (дата обращения: 02.12.2023).

Также широкая формулировка круга защищенных лиц, на которых распространяется правила трансграничной мобильности социальных пособий, содержится в Иберо-Американской конвенции, которая использует нейтральный термин «лицо», не упоминая понятие гражданства. Тем самым нормы Конвенции распространяются не только на граждан подписавших ее государств, но и на иностранцев, беженцев и лиц без гражданства, на которых распространяется соответствующее законодательство одного или нескольких государств-участников⁴⁸. То есть необходимым условием применения норм Конвенции, как и в случае законодательства ЕС, является пребывание или трудоустройство на территории стран-участниц защищаемого лица на законных основаниях. При этом трудоустроенными будут считаться как занятые на работах по найму, так и самозанятые лица (ст. 3).

В иных рассматриваемых соглашениях круг лиц, на которых будут распространяться установленные ими нормы, определен более узко. Соглашение КАРИКОМ рассчитано на застрахованных лиц — как занятых, так и самозанятых (ст. 2); Соглашение МЕРКОСУР определяет защищенных лиц как «работников, которые работали и работают в любом из государств участников», а также трудящихся любых государств Соглашения, проживающих на территории иного государства, если они являлись получателями социальных услуг.

По Андскому соглашению получателем пособия может быть любой мигрант и член его семьи, приехавший из другой страны — участницы соглашения, независимо от его гражданства и формы трудовой занятости (ст. 4). Таким же образом определена сфера персонального применения Соглашения ЕАЭС, однако вопрос о самозанятых лицах в нем не оговаривается (ст. 1). Конвенция СИПРЕС распространяется на работников, которые подпадают под действие соответствующего национального законодательства и являются гражданами одной из сторон Конвенции.

Тем самым в отношении лиц, переезжающих в границах региональных интеграционных объединений, правила, позволяющие им сохранить и продолжить приобретение социальных прав, в первую очередь затрагивают трудящихся (как работающих по найму, так и самозанятых), их семей и в необходимых случаях — наследников. Гражданство одного из государств-членов является важным условием для получения социальных услуг на их территории, но его отсутствие в определенных случаях не исключает возможность включения в их число иностранцев, лиц без гражданства, беженцев, пребывающих на территории страны на законных

⁴⁸ См.: Sánchez-Rodas Navarro C. Op. cit. P. 8.

основаниях⁴⁹. Пенсионные права, в том числе в отношении экономически неактивного населения, находятся на особом положении — они защищены как права лиц, подпадавших под законодательство о пенсионном обеспечении одного из государств-членов соглашения, и их выплата сопровождается определением размера пенсии, исчисляемой в соответствии с принципом суммирования и пропорциональным расчетом.

3. Принципы распределения расходов между сторонами-участниками. Как правило, многосторонние соглашения по вопросам трансграничной мобильности социальных прав при определении механизма выплат ориентируются на принцип пропорционального распределения расходов между государствами-участниками. В этом случае определение права на пособие производится с помощью пропорционального исчисления вклада каждой страны в общий размер выплаты, рассчитываемый соответственно вкладу работника, сделанному на территории данной страны, и суммирования периодов занятости, завершающихся в соответствии с национальным законодательством.

Кроме пропорционального для взаимных расчетов может быть применен интеграционный принцип, согласно которому правила и основания выплат определяются по законодательству страны проживания, которая в данном случае будет нести расходы по назначению и выплате социальных пособий целиком⁵⁰. Данный принцип в международном праве встречается редко. На принципе интеграции было основано действие Соглашения о гарантиях прав граждан государств — участников СНГ (Соглашение СНГ)⁵¹ в области пенсионного обеспечения от 13 марта 1992 г.,⁵² где этот принцип применялся до момента его денонсации Российской Федерацией в 2022 г.⁵³

Такой подход в рамках СНГ был обусловлен необходимостью обеспечения пенсионных прав граждан ранее единой страны, сформированных общей пенсионной системой. В этой связи пенсии гражданам государств СНГ назначались и выплачивались по законодательству государства постоянного проживания, независимо от гражданства лица и без взаимных расчетов между странами (ст. 3, 6 Соглашения СНГ). С течением времени форма региональной интеграции, на которой строилось Содружество, существенно изменилась; развитие пенсионных систем входящих в него государств шло различными путями, и интеграционный принцип стал обременителен для бюджета принимающей страны (в большинстве случаев — Российской Федерации)⁵⁴. Сейчас этот принцип применяется в Соглашении ЕАЭС только в части учета стажа, приобретенного гражданами СНГ до 1 января 2021 г.

Все государства-участники рассматриваемых соглашений строят свои взаимоотношения на основе пропорционального принципа. При этом компетентное учреждение сначала определяет размер пособия, как если бы оно было полностью рассчитано в соответствии с национальным законодательством, а затем устанавливает фактический размер пособия, применив к полученной возможной сумме пропорциональный расчет завершающихся на территории страны страховых периодов (п. 2, 3 ст. 19 Соглашения КАРИКОМ, п/п. б п. 1 ст. 13 Иберо-Американской Конвенции). Суммирование периодов стажа работы, полученных на территориях разных государств-членов, происходит в случае недостаточности стажа, приобретенного в стране, назначающей пенсию, за исключением случаев, когда такой стаж совпадает по времени (п. 2 ст. 7 Соглашения ЕАЭС).

В части взаимных финансовых обязательств государств-участников и расчета пособий каждое соглашение устанавливает свои правила, уточняющие общий порядок применения пропорционального принципа. Например, в Соглашении ЕАЭС определяется, что специальный стаж, полученный в связи с работой по определенной специальности, должности или в определенных условиях, не суммируется с аналогичным стажем, а учитывается на общих основаниях (п. 4 ст. 7). А ст. 7 Иберо-Американской конвенции предусматривает возможность индексации пенсионных выплат, которая может назначаться при удорожании

⁴⁹ См.: Regulations Regulation (EU) No 1231/2010 of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010 extending Regulation (EC) No 883/2004 and Regulation (EC) No 987/2009 to nationals of third countries who are not already covered by these Regulations solely on the ground of their nationality // OJ L 344. 29.12.2010. Pp. 1–3.

⁵⁰ См.: Рекомендация МОТ от 20.06.1983 № 167 «Об установлении международной системы сохранения прав в области социального страхования» // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1957–1990. Т. II. С. 1999–2030.

⁵¹ См.: Акатнова М. И. Сохранение права на пенсионное обеспечение трудящихся государств — членов ЕАЭС // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 11. С. 153.

⁵² См.: Бюллетень МД. 1993. № 4.

⁵³ См.: Федеральный закон от 11.06.2022 № 175-ФЗ «О денонсации Российской Федерацией Соглашения о гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения» // СЗ РФ. 2022. № 24, ст. 3935.

⁵⁴ См.: Пояснительная записка к законопроекту № 9967-8 «О денонсации Российской Федерацией Соглашения о гарантиях прав граждан государств — участников Содружества Независимых Государств в области пенсионного обеспечения» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/99667—8> (дата обращения: 11.06.2023).

стоимости жизни, изменении уровня дохода или по другим значимым причинам. Эта Конвенция также определяет вариативность подхода к установлению правил расчета и выплаты пособий в целях обеспечения наибольшей защищенности лиц, подпадающих под ее действие: если помимо данной Конвенции на конкретное лицо распространяются положения других двусторонних или многосторонних межгосударственных соглашений, то применяются нормы, наиболее выгодные для получателя социальных услуг (п. 2 ст. 8).

Иными словами, соглашения о социальном обеспечении в рамках различных региональных интеграционных объединений строятся на координационных началах: каждое государство-член определяет правила получения пособий в соответствии со своим законодательством, и исчисляет размер выплаты исходя из стажа работы, который приобретен на его территории. Для определения общего размера пособия используется принцип суммирования.

* * *

Таким образом, сравнение многосторонних соглашений о социальном обеспечении в различных региональных интеграционных объединениях показывает, что все они признают важность равного и непрерывного социального обеспечения для граждан государств-участников, их семей, иных лиц, пребывающих на территории государства на законных основаниях. Становление общих подходов в этой сфере углубляет региональную интеграцию и координацию в сфере социальной деятельности, способствует функционированию общих рынков. Рассмотренные соглашения защищают социальные права граждан государств-участников, предоставляя им гарантии сохранения и трансграничной мобильности приобретенных и находящихся в процессе приобретения прав, и тем самым способствуют преодолению негативных последствий бедности и социальной дифференциации как в принимающих обществах, так и в государствах выезда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акатнова М. И.* Сохранение права на пенсионное обеспечение трудящихся государств — членов ЕАЭС // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 11. С. 153.
2. Асимметрии региональных интеграционных проектов XXI века / под ред. В. И. Михайленко. Екатеринбург, 2018. С. 40.
3. *Бортко Ю. А., Биссон Л. С.* Европейская интеграция: перезапуск идеи «Социальной Европы» // Современная Европа. 2019. № 6. С. 5–17.
4. *Васильева Т. А.* Проблемы реализации социальных прав в условиях интеграции и экономического кризиса: практика государств — членов ЕС // Трансформации прав человека в современном мире / отв. ред. А. Н. Савенков. М., 2018. С. 154–166.
5. *Дуткевич П., Казаринова Д. Б.* Конец эпохи глобализации // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2017. Т. 19. № 1. С. 12.
6. *Зуев В. Н.* Методология классификации и оценки форм региональной интеграции // Евразийская экономическая интеграция. 2014. № 3 (24). С. 36.
7. *Костюнина Г. М.* Интеграционная модель АСЕАН+1: основные положения соглашений и влияние на внешнеэкономические связи // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 444.
8. Курс международного права: в 7 т. Т. 7: Международно-правовые формы интеграционных процессов в современном мире. М., 1993. С. 26.
9. Международные и российские нормы пенсионного обеспечения: сравнительный анализ / отв. ред. Э. Г. Тучкова, Ю. В. Васильева. М., 2013. С. 306.
10. *Пименова О. И.* Правовая интеграция в Европейском Союзе и Евразийском экономическом союзе: сравнительный анализ // Вестник междунар. организаций. 2019. Т. 14. № 1. С. 83.
11. *Рафалюк Е. Е., Залоило М. В., Власова Н. В.* Правовые модели интеграционных объединений государств Евразии и Латинской Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2 (63). С. 103, 104.
12. *Чирков С. А.* Сохранение пенсионных прав граждан при их переселении в другие страны: теоретические основы // Росс. ежегодник трудового права. 2010. № 5. С. 496.
13. *Holzmann R.* The Cross-Border Portability of Social Benefits // Ifo Institute — Leibniz Institute for Economic Research at the University of Munich. München. 2018. Vol. 16. Iss. 1. P. 18.
14. *Putri Ratu Danielle.* Australia's membership in the Association of South East Asian Nations in the Relation with Human Rights Policies // Padjadjaran Journal of International Law. 2020. Vol. 4. Iss. 1. Pp. 94–113.
15. *Sánchez-Rodas Navarro C.* Aproximación a la coordinación de regímenes de seguridad social en el reglamento 883/2004 y en el Convenio Multilateral Iberoamericano de Seguridad Social // e-Revista Internacional de la Protección Social. 2016. No. 1 (1). Pp. 1–11.
16. Theories of New Regionalism / ed. by Söderbaum Fredrik and Shaw Tim. NY, 2003. P. 4.
17. *Wrschraegen G.* Social security and social integration: The multiple functions of welfare policies // Invisible Social Security Revisited: Essays in Honour of Jod Berghman Hardcover / eds: W. V. Oorschot, H. Peeters, K. Boos. Lannoo Campus Publishers, 2015. P. 55.
18. *Zavando Cerda D., Gómez Urquijo L.* Improving the protection of migrant workers with work histories in the European Union and Ibero-America: Enhancing the coordination of international social security instruments // International Social Security Review. 2023. Vol. 76. Iss. 3. P. 25–45.

REFERENCES

1. *Akatnova M.I.* Preservation of the right to pension provision for workers of the EAEU Member States // Herald of Kutafin University (MGUA). 2019. No. 11. P. 153 (in Russ.).
2. Asymmetries of regional integration projects of the XXI century / ed. by V.I. Mikhailenko. Yekaterinburg, 2018. P. 40 (in Russ.).
3. *Bortko Yu. A., Bisson L.S.* European integration: restarting the idea of a "Social Europe" // Modern Europe. 2019. No. 6. Pp. 5–17 (in Russ.).
4. *Vasilieva T.A.* Problems of the realization of social rights in the context of integration and economic crisis: the practice of the EU member states // Transformation of human rights in the modern world / ed. by A.N. Savenkov. M., 2018. Pp. 154–166 (in Russ.).
5. *Dutkevich P., Kazarinova D.B.* The end of the era of globalization // Herald of the RUDN. Ser.: Political Science. 2017. Vol. 19. No. 1. P. 12 (in Russ.).
6. *Zuev V.N.* Methodology of classification and assessment of forms of regional integration // Eurasian economic integration. 2014. No. 3 (24). P. 36 (in Russ.).
7. *Kostyunina G.M.* The ASAEN+1 integration model: the main provisions of the agreements and the impact on foreign economic relations // Herald of the RUDN. Ser.: International Relations. 2017. Vol. 17. No. 3. P. 444 (in Russ.).
8. Course of International Law: in 7 vols. Vol. 7: International legal forms of integration processes in the modern world. M., 1993. P. 26 (in Russ.).
9. International and Russian norms of pension provision: a comparative analysis / ed. by E.G. Tuchkova, Yu. V. Vasilieva. M., 2013. P. 306 (in Russ.).
10. *Pimenova O.I.* Legal integration in the European Union and the Eurasian Economic Union: a comparative analysis // Herald of the International organizations. 2019. Vol. 14. No. 1. P. 83 (in Russ.).
11. *Rafalyuk E.E., Zaloilo M.V., Vlasova N.V.* Legal models of integration associations of the states of Eurasia and Latin America // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2017. No. 2 (63). Pp. 103, 104 (in Russ.).
12. *Chirkov S.A.* Preservation of pension rights of citizens during their resettlement to other countries: theoretical foundations // Russ. the yearbook of Labor Law. 2010. No. 5. P. 496 (in Russ.).
13. *Holzmann R.* The Cross-Border Portability of Social Benefits // Ifo Institute – Leibniz Institute for Economic Research at the University of Munich. München. 2018. Vol. 16. Iss. 1. P. 18.
14. *Putri Ratu Danielle.* Australias' membership in the Association of Southwest Asian Nation in the Relation with Human Rights Policies // Padjadjaran Journal of International Law. 2020. Vol. 4. Iss. 1. Pp. 94–113.
15. Sánchez-Rodas Navarro C. Aproximación a la coordinación de regímenes de seguridad social en el reglamento 883/2004 y en el Convenio Multilateral Iberoamericano de Seguridad Social // e-Revista Internacional de la Protección Social. 2016. No. 1 (1). Pp. 1–11.
16. Theories of New Regionalism / ed. by Söderbaum Fredrik and Shaw Tim. N.Y., 2003. P. 4.
17. *Wrschraegen G.* Social security and social integration: The multiple functions of welfare policies // Invisible Social Security Revisited: Essays in Honour of Jod Berghman Hardcover / eds: W.V. Oorschot, H. Peeters, K. Boos. Lannoo Campus Publishers, 2015. P. 55.
18. *Zavando Cerda D., Gómez Urquijo L.* Improving the protection of migrant workers with work histories in the European Union and Ibero-America: Enhancing the coordination of international social security instruments // International Social Security Review. 2023. Vol. 76. Iss. 3. P. 25–45.

Сведения об авторе

КОЛОТОВА Наталья Валерьевна —
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
и.о. заведующей сектором прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KOLOTOVA Natalia V. —
PhD in Law, Associate Professor,
Leading Researcher, Acting Head
of the Sector of Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 347.1

О ФОРМЕ СОБСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ КОМПАНИЙ И НОВОМ ТИПЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

© 2024 г. В. К. Андреев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: andlaw@mail.ru

Поступила в редакцию 05.02.2024 г.

Аннотация. В статье отмечается, что в Гражданском кодексе РФ неполно отражены конституционные положения о формах собственности, о содействии государства развитию предпринимательства. Система юридических лиц построена без учета в их классификации государственных юридических лиц, в частности государственных корпораций и публично-правовых компаний. Отнесение последних к некоммерческим организациям не раскрывает их существа как мощных производителей высокотехнологичной продукции, активных участников в проведении государственной экономической политики. Установление в законах, что государственные корпорации и публично-правовые компании являются собственниками закрепленного за ними государственного имущества, означает, что они вправе осуществлять право федеральной государственной собственности в пределах, установленных законодательством. Это — разновидность федеральной государственной собственности, а не самостоятельная форма собственности.

В связи с тем, что законодатель не принял положения Концепции развития гражданского законодательства о широком толковании вещного права, включающего право собственности и различные разработки римских юристов, учитывая, что понятие юридического лица ныне не включает в качестве обязательного элемента наличие права собственности либо вещного права, следовало бы обсудить вопрос, не ограничивается ли вещное право только правом собственности.

Ключевые слова: Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, форма права собственности, юридическое лицо, государственная корпорация, публично-правовая компания, государственное юридическое лицо.

Цитирование: Андреев В. К. О форме собственности государственных корпораций и публично-правовых компаний и новом типе юридического лица // Государство и право. 2024. № 5. С. 89–96.

DOI: 10.31857/S1026945224050098

ON THE FORM OF OWNERSHIP OF STATE CORPORATIONS AND PUBLIC LAW COMPANIES AND A NEW TYPE OF LEGAL ENTITY

© 2024 V. K. Andreev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: andlaw@mail.ru

Received 05.02.2024

Abstract: The article notes, that the Civil Code of the Russian Federation does not fully reflect the constitutional provisions on forms of public ownership, on state assistance to the development of entrepreneurship. The system of legal entities is built without taking into account in their classification of state-owned legal entities, in particular, state corporations and public law companies. The attribution of the latter to non-profit organizations does not reveal their essence as powerful manufacturers of high-tech products, active participants in the implementation of state economic policy. The establishment in the laws, that state corporations and public law companies are the owners of state property assigned to them means that they have the right to exercise the right of federal state ownership within the limits established by laws and decrees of the President of the Russian Federation and decisions of the Government of the Russian Federation. This is a kind of federal state property, not an independent form of ownership. Due to the fact that the legislator did not adopt the provisions of the Concept of the Development of civil legislation on the broad interpretation of property law, including the right of ownership and various developments of Roman lawyers, given that the concept of a legal entity now does not include as a mandatory element the existence of property rights or property rights, it would be necessary to discuss the question of whether property law is.

Key words: Constitution of the Russian Federation, Civil Code of the Russian Federation, form of ownership, legal entity, state corporation, public law company, state legal entity.

For citation: Andreev, V.K. (2024). On the form of ownership of state corporations and public law companies and a new type of legal entity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 89–96.

Конституция РФ 1993 г. (новая ред.)¹ ориентирует на поддержку некоммерческих организаций и других институтов гражданского общества в обеспечении их участия в проведении государственной политики, на государственное содействие развитию предпринимательства, что обязывает предусмотреть в Гражданском кодексе РФ формы участия государственных организаций в экономике. Представляется, что обозначение Российской Федерации и других государственных и муниципальных образований субъектами гражданского права и рассмотрение их участия в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с гражданами и юридическими лицами противоречит самой природе публичного права. Более того, провозглашение такого тезиса не отрицает, что имущественные и личные неимущественные права органов государственной власти и местного самоуправления, приобретаемых и осуществляемых их действиями от имени субъектов гражданского права. Конструкция представительства, предусмотренная ст. 182 ГК РФ, здесь не применима, поскольку гражданские

права и обязанности возникают не у самих государственных и муниципальных образований, а у их органов.

Правовое регулирование участия государства, иных государственных и муниципальных образований с появлением публично-правовых компаний, государственных корпораций (компаний), которые органами публичной власти не являются, но выполняют государственные и иные общественные функции дополнилось нормой о том, что к юридическим лицам, созданным на основании специальных законов, положения Гражданского кодекса РФ о юридических лицах применяются, поскольку иное не предусмотрено таким законом о соответствующем юридическом лице (п. 5 ст. 49). Выходит, что у таких юридических лиц есть права и обязанности, которые находятся вне действия Гражданского кодекса РФ. Большое внимание развитию корпоративного законодательства и локальных актов государственных корпораций холдингов, предприятий и организаций, в том числе оборонно-промышленного комплекса, было уделено на Всероссийской научно-практической

¹ См.: Росс. газ. 2020. 4 июля.

конференции в Институте государства и права РАН, состоявшейся 3–4 августа 2023 г.²

Конституционные положения о признании разных форм собственности и равной их защите, а также об управлении Правительством РФ федеральной государственной собственностью недостаточно учитываются в формулировании в Гражданском кодексе РФ общих положений о формах права собственности, прав собственника ввиду их различия по характеру удовлетворения интересов их носителей. Для публичной, прежде всего федеральной государственной собственности, признак присвоенности имущества не присущ самому собственнику, государству или иному публичному образованию, он скорее определяет границы собственности, поскольку в первую очередь удовлетворяются интересы третьих лиц, а не органов государственной власти и местного самоуправления. Имущественное обеспечение функционирования органов публичной власти — лишь небольшая часть средств в общем финансировании функций социального государства, создания условий для устойчивого роста экономики страны, повышения благосостояния населения, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Органы публичной власти, иные государственные и муниципальные организации действуют не в своих интересах как граждане и юридические лица, а на благо гражданского общества.

Публичная собственность в конечном счете несет в себе общественный интерес, в том числе при участии в уставном капитале хозяйственных обществ, в деятельности государственных корпораций, публично-правовых компаний, фонда промышленности и т.п. Интересы частного собственника направлены прежде всего на создание благополучия для себя.

Именно руководствуясь интересами общества, обороноспособности страны и безопасности государства, отдельных его граждан, Гражданский кодекс РФ предусматривает, что некоторые виды имущества могут находиться только в государственной или муниципальной собственности (п. 3 ст. 212). Этим обстоятельством объясняется, что законом могут быть предусмотрены случаи, когда государственные юридические лица освобождаются от ответственности за неисполнение определенных сделок, не подвергаются банкротству при наличии условий для него. Главным отличием публичной собственности является наличие в ее составе средств бюджета, земли и других природных ресурсов, золотого запаса и иных фондов, создающих основу для свободного развития общества в целом.

² См.: Бутрим И. И. Корпоративное право и управление: современное видение и решения (обзор материалов конференции) // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18 (5). С. 174–188.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 января 2019 г. № 4-П по делу о проверке конституционности ст. 19.1 Закона РФ «О средствах массовой информации» в связи с жалобой гражданина Е. Г. Финкельштейна отмечено, что частная собственность формируется не только посредством частноправовых норм, для которых характерен общедозволительный метод регулирования (включаются отдельные положения корпоративного законодательства), но и публично-правовых норм³.

Отношения собственности — это не правоотношения между двумя лицами, что характерно для обязательств. Собственник имеет непосредственную правовую связь с имуществом, которое реально существует в действительности, что обуславливает действие субъективного права собственности в отношении всех третьих лиц (нет второй стороны). Одним из способов конкретизации отношений публичной собственности, ее социализации является учреждение собственником юридических лиц.

В Гражданском кодексе РФ принципиально исключено построение института юридического лица на базе государственной или муниципальной собственности, хотя провозглашается, что Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования действуют на равных началах наряду с гражданами и юридическими лицами. В действительности гражданские права и обязанности приобретают органы государственной власти и местного самоуправления, выступая от имени последних в пределах своей компетенции. Однако оказалось, что в гражданском обороте существует необходимость участия и других юридических лиц, так или иначе связанных с государственной или муниципальной собственностью. Уже в 1999 году в Закон о некоммерческих организациях была включена такая организационно-правовая форма юридического лица, как государственная корпорация. Ею признается не имеющая членства некоммерческая организация, учрежденная Российской Федерацией для осуществления социальных и управленческих функций на основе специального федерального закона. Е. В. Трофимовой довольно полно отражен процесс создания государственных корпораций, их виды, уникальность каждой из них в проведении государственной политики, оказания государственных услуг и управления государственным имуществом. Автором также изучены правовые особенности четырех публично-правовых компаний, созданных на основе специального закона и двух публично-правовых компаний, созданных на основе Указа Президента РФ. Предлагается автором уточнить их

³ См.: СЗ РФ. 2019. № 4, ст. 359.

правовой статус по ряду параметров и обеспечить большую прозрачность их деятельности⁴.

К государственным организациям, являющимся юридическими лицами, кроме федеральных органов исполнительной власти относятся государственные корпорации, публично-правовые компании, Банк России, а также Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Счетная палата РФ и другие органы, перечисленные в приложении № 8 Федерального закона о федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов, выступающие в качестве главных администраторов доходов федерального бюджета.

Государственные корпорации и публично-правовые компании в п. 3 ст. 50 ГК РФ перечислены среди организационно-правовых форм некоммерческих организаций, однако краткая их характеристика в § 7 гл. 4 Кодекса не дана. Тем самым юридически была закреплена тенденция наделять публичными функциями юридические лица, создаваемые Российской Федерации на основании специальных федеральных законов.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» указанное выше положение было включено в Гражданский кодекс РФ (п. 5 ст. 49). В этом же нормативном правовом акте предусмотрено, что публично-правовая компания является некоммерческой унитарной организацией и наделяется функциями и полномочиями публично-правового порядка. Публично-правовая компания может быть создана и путем реорганизации государственных корпораций, за исключением ВЭБ.РФ, Агентства страхования вкладов, «Ростеха», «Росатома» и «Роскосмоса», а также акционерных обществ, единственным участником которых является государство, федеральных учреждений. Имущество компании принадлежит ей на праве собственности и используется для достижения целей деятельности и осуществления возложенных на нее функций и полномочий. Публично-правовая компания вправе создавать коммерческие и некоммерческие организации, в том числе хозяйственные общества и партнерства, для достижения целей, предусмотренных решением о ее создании.

Из ст. 3 Федерального закона о федеральном бюджете на 2024 год следует, что государственные корпорации и публично-правовые компании выступают в качестве главных администраторов

доходов федерального бюджета, а госкорпорации «Росатом» и «Роскосмос» указаны в качестве главных администраторов источников финансирования дефицита бюджета, не являющимися федеральными органами исполнительной власти.

Как в государственных корпорациях, так и в публично-правовых компаниях законом устанавливается, что названные юридические лица обладают правом собственности на свое имущество. Так, в Федеральном законе от 13 июня 2015 г. № 215-ФЗ «О государственной корпорации по космической деятельности “Роскосмос”» предусмотрено, что имущество корпорации является ее собственностью и формируется за счет имущественных взносов Российской Федерации, доходов от деятельности, субсидий и по иным основаниям. В Федеральном законе о федеральном бюджете на 2024 год «Роскосмос», равно как и «Росатом», указаны в Ведомственной структуре расходов федерального бюджета.

При подобном формировании имущества корпораций и компаний и прямом указании в законе о федеральном бюджете государственных корпораций и публично-правовых компаний как главных администраторов дохода федерального бюджета говорить об их самостоятельной форме собственности наряду с частной, государственной и муниципальной, на наш взгляд, не приходится. В качестве признаков самостоятельности иной формы собственности применительно к публично-правовой компании Ю.А. Зайцева указывает реализацию ее в публичных интересах, временный характер данного права в отношении отдельных объектов, отсутствие полной самостоятельности в осуществлении принадлежащих ей правомочий собственника⁵. Как же объяснить, что, с одной стороны, эти юридические лица обладают собственностью, а с другой — имущество является федеральным и используется по определенному назначению. Государственная корпорация «Роскосмос», как указано в Законе, является уполномоченным органом, наделенное полномочиями осуществлять от имени Российской Федерации государственное управление и руководство космической деятельностью. «Роскосмос» осуществляет права собственника имущества в отношении государственных унитарных предприятий и функции учредителя и права собственника имущества в отношении федеральных государственных учреждений, входящих в состав корпорации. Постановлением Правительства РФ от 6 июня 2020 г. № 237 утверждено Положение об осуществлении госкорпорацией «Роскосмос» прав собственника в отношении имущества казны

⁴ См.: Трофимова Е. В. Государственные корпорации и публично-правые компании. Право и реальный сектор экономики России / под общ. ред. И. В. Ершовой, В. А. Лаптева. М., 2024. С. 158–166.

⁵ См.: Зайцева Ю. А. Публично-правовая компания как форма юридического лица: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 23, 24.

Российской Федерации в установленной сфере деятельности⁶. В отношении федерального имущества, не закрепленного на праве хозяйственного ведения или оперативного управления за предприятиями или учреждениями, корпорация осуществляет от имени Российской Федерации права собственника. В целях реализации прав собственника в отношении федерального имущества корпорация от имени Российской Федерации заключает договоры, предусматривающие переход права владения и (или) пользования федеральным имуществом и не предполагающее его отчуждения или возможности его отчуждения прямо или косвенно, например заключение договора залога. Корпорация также организует оценку федерального имущества, иных прав и законных интересов Российской Федерации, а также их защиты, обращаясь в суды с исками в суды с заявлениями от имени Российской Федерации в защиту ее законных имущественных и иных прав и законных интересов по вопросам управления и распоряжения федеральным имуществом. При таком правовом регулировании обладания корпорацией федеральным имуществом нельзя в полной мере говорить, что оно является собственностью корпорации. Она лишь осуществляет право собственности имуществом, принадлежащим Российской Федерации.

Праву собственности как виду гражданских прав присущи два непеременных элемента: приобретение и осуществление в единой совокупности прав владения, пользования и распоряжения, принадлежащие собственнику, могут передаваться отдельным лицам для их осуществления в интересах собственника. Для публичной, прежде всего федеральной государственной собственности, характерно множество обособленных объектов⁷, которые служат экономической основой для деятельности министерств и ведомств, государственных корпораций, публично-правовых компаний, хозяйственных обществ с преобладающим участием в их уставном капитале, унитарных предприятий и государственных учреждений. Существует перечень из 63 организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством РФ, в котором указаны Банк России, шесть публично-правовых компаний, пять государственных корпораций, публичные акционерные общества, федеральные государственные бюджетные учреждения, в том числе Российская академия наук⁸. Задачи и цели деятельности Правительства РФ,

определенные Конституцией РФ по социально-экономическому развитию страны, выполняются не только гражданами и юридическими лицами, основанными на частной собственности, но и государственными организациями, использующие соответствующую форму собственности.

При наличии ст. 213 ГК РФ все юридические лица, кроме унитарных предприятий и учреждений, как будто обладают частной собственностью, что не соответствует действительному положению. Представляется, что организационно-правовая форма государственной корпорации и публично-правовой компании как унитарной некоммерческой организации не соответствует действительному характеру осуществляемой деятельности, которая не является предпринимательской, а только содействует предпринимательству, в то же время эти организации не являются институтами гражданского общества. Новые конституционные положения позволяют выделить третий тип юридического лица наряду с коммерческими и некоммерческими организациями — государственные публичные организации.

Представляется, что собственность государственных корпораций и публично-правовых компаний не является самостоятельной формой, а представляет разновидность федеральной государственной собственности. Как по источникам создания имущества, так и по порядку осуществления деятельности и управления (формирование наблюдательного совета) корпорации и компании являются государственными юридическими лицами, которые осуществляют право федеральной государственной собственности на условиях, установленных законом.

Ограничение конкурентоспособности государственных корпораций, которое устанавливается в федеральном законе, заключающееся в том, что для признания их банкротами необходимо специальное указание. При этом не встает вопрос об ответственности Российской Федерации, поскольку она не отвечает по обязательствам госкорпораций. В силу того, что определенные виды имущества могут находиться только в государственной собственности, на эти виды имущества не может быть обращено взыскание по обязательствам публично-правовой компании, оно также не подлежит продаже с торгов при ее ликвидации. Безусловно, эти указанные факторы повышают имущественные риски их контрагентов, но подобное правовое регулирование государственных юридических лиц основывается на особой форме государственной собственности.

По этим соображениям не могут быть приняты критические соображения Е.А. Суханова в отношении государственных корпораций и публично-правовых компаний, которые он верно называет

⁶ См.: СЗ РФ. 2020. № 21, ст. 3736.

⁷ В ведении Федерального агентства по управлению государственным имуществом находится 2,5 млн разнообразных объектов (см.: Кузьмин В. Имущество под управлением // Росс. газ. 2023. 6 июля).

⁸ См.: СЗ РФ. 2023. № 34, ст. 6588.

государственными юридическими лицами⁹. Определенная законодательством их независимость от собственника в осуществлении федеральной государственной собственности является как раз стимулом в эффективном использовании государственного имущества. Контролирование выполнения публичных функций корпорациями и компаниями осуществляется, в частности, Счетной палатой РФ и нельзя считать о невозможности их контроля не иначе, как прекращение деятельности органов управления¹⁰.

В определении понятия юридического лица ныне нет указания, что его деятельность основывается на праве собственности или ином вещном праве, достаточно иметь обособленное имущество. Исходя из того, что законодатель не принял концепцию широкого понимания вещного права, включающего и право собственности, следует обсудить, а есть ли вещные права за пределами формы права собственности и способов их осуществления, не стоит ли по-иному взглянуть на соотношение вещных и обязательственных прав. В.К. Райхер считал, что от понятия вещного права, выросшего на почве римских исковых формул, следует отказаться. Теория вещного права как непосредственного господства над вещью основана, в сущности, на непосредственном житейском воззрении на вещное право. Получается известная «фетишизация» вещи. Подавляющее большинство прав, признаваемых вещными (право застройки, право залога, право следования, право на обращение взыскания, право пользования чужой вещью) не являются таковыми, ибо не являются абсолютными. Из всех «вещных» прав абсолютными (по своей правовой структуре) является только право собственности, да еще некоторые «права присвоения». В связи с изложенным автор вообще ставил вопрос о необходимости пересмотра соответствующих определений вещного и обязательственного права¹¹.

Право собственности как вещное право имеет самостоятельное значение как категория, обозначающая абсолютное право собственника свободно совершать со своим имуществом любые действия, в том числе и по удалению его из своего фактического и юридического господства. Вещные права

лиц, не являющихся собственниками, существуют не наряду с правом собственника, а производны от него. Мною отмечалось, что право собственности является наиболее полным из имущественных прав права пользования, владения и распоряжения имуществом, но и возможность иметь возникающие из сделок обязательственные права и обязанности. В общей норме ст. 136 ГК РФ о плодах, продукции и доходах произошло отождествление их получения от использования объектов собственности либо от договора аренды, хотя природа их происхождения разная¹².

Категория принадлежности имущества (вещи) лицу является ключевой для характеристик прав владения, пользования и распоряжения, но она получает конкретное закрепление применительно к праву собственности граждан и юридических лиц. Для отношений публичной, прежде всего федеральной государственной, собственности, характерно множество объектов, находящихся в их обладании, что предполагает осуществление права собственности другими лицами. В то же время, как отмечал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 30 марта 2016 г. № 9-П, «собственность, будучи материальной основой и экономическим выражением свободы общества и личности, а право частной собственности как элемент конституционного статуса личности наряду с другими непосредственно действующими правами и свободами человека и гражданина определяет смысл, содержание и применение законов»¹³. Среди имущества, принадлежащего России, выделяется имущество, которое закрепляется за государственными предприятиями и учреждениями во владение, пользование и распоряжение в соответствии со ст. 294 и 296 ГК РФ. Право хозяйственного ведения и право оперативного управления возникает у предприятия или учреждения с момента передачи имущества, если иное не установлено законом, иными правовыми актами или решением собственника.

Возникает вопрос: как понимать формулировку п. 2 ст. 113 ГК РФ, что имущество государственного предприятия находится в государственной собственности и принадлежит такому предприятию на праве хозяйственного ведения (оперативного управления)? Применительно к праву собственности и праву хозяйственного ведения используется одно и то же слово «принадлежит». Более того, плоды, продукция и доходы от использования имущества, находящегося в хозяйственном ведении унитарного предприятия, а также имущество, приобретенное унитарным предприятием по договору или иным основаниям, поступает в хозяйственное

⁹ См.: Суханов Е.А. О гражданской правосубъектности государственных юридических лиц // Журнал рос. права. 2018. № 1. С. 5–15.

¹⁰ См.: Серова О.А. Право собственности юридических лиц публичного права: вопросы теории // Юрид. наука. 2017. № 2. С. 81–83.

¹¹ См.: Райхер В.К. Абсолютные и относительные права (К проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 150, 151, 153, 177, 199.

¹² См.: Андреев В.К. Собственность и обязательственные отношения // Росс. правосудие. 2007. № 3 (11). С. 40, 41.

¹³ См.: СЗ РФ. 2016. № 14, ст. 2044.

ведение предприятия, т.е. это имущество выходит из состава государственной собственности. Представляется излишним предоставление унитарным предприятиям, являющимися коммерческими организациями, вещных прав хозяйственного ведения или оперативного управления. Появление категории вещных прав сначала в германской пандектистике, а затем и в европейском континентальном праве в целом связано с обеспечением экономически необходимого и юридически прочного участия одного лица в праве собственности другого лица на земельный участок (в правопроявлениях с более широким пониманием недвижимости — и на иную недвижимую вещь)¹⁴. Вряд ли можно утверждать, что право оперативного управления позволяет казенному предприятию юридически прочно участвовать в праве государственной собственности, если собственник вправе изъять у него излишнее, неиспользуемое или используемое не по назначению имущество. Из приведенной выше категории вещных прав трудно представить, что в современном гражданском законодательстве представляет собой имущество, в котором участвует другое лицо. Право хозяйственного ведения (оперативного управления) существенно меняет правовой режим государственного имущества, оно перестает быть правом собственности, хотя произведенная в результате хозяйственной деятельности предприятия продукция остается государственной. При существующей трактовке имущества, принадлежащего унитарному предприятию, как самостоятельного вещного права ослабевает правовая связь с собственностью и исчезает возможность общего определения права государственной собственности с включением в него имущества унитарного предприятия. Представляется, что в нынешних условиях использование права хозяйственного ведения как вещного права невозможно не только как устаревшей правовой конструкции, но и в силу того, что при таком подходе имущество предприятия перестает быть государственной собственностью. Государственное имущество, передаваемое унитарному предприятию, не перестает быть таковым, даже если законом устанавливается, что предприятие не наделяется на это имущество правом собственности. В имущественном комплексе унитарного предприятия его имущество является неделимым и не может быть распределено по вкладам и долям. В то же время оно приумножается от деятельности предприятия как юридического лица как за счет переданного имущества, так и от приобретения по договорам и иным основаниям в порядке, установленном Гражданским кодексом РФ и иными правовыми актами для приобретения права собственности. Спрашивается, а в чем отличия права

хозяйственного ведения от права собственности, используемых одни и те же права владения, пользования и распоряжения, не точнее ли признать, что государственное имущество предоставляется унитарному предприятию как юридическому лицу для достижения государственных и общественных целей, для осуществления полномочий государственных органов, в том числе и для создания условий для экономического роста страны и благосостояния граждан, не прибегая к искусственному построению вещного права хозяйственного ведения, т.е. предоставляя инвестиции для создания и функционирования унитарного предприятия как юридического лица.

Выводы

В гл. 4 ГК РФ следует включить норму о том, что кроме коммерческих и некоммерческих организаций, существует третий тип юридического лица — государственные юридические лица, прежде всего государственные корпорации и публично-правовые компании. Они наряду с обычными гражданскими правами и обязанностями, осуществляют право федеральной государственной собственности и выполняют публично-правовые функции. Предоставляемое им государством и приобретаемое ими в ходе своей деятельности имущество является государственной собственностью, но осуществляется право собственности самостоятельно. Право собственности государственных корпораций и публично-правовых компаний не является самостоятельной формой собственности наряду с частной, государственной и муниципальной, а выступает как разновидность федеральной государственной собственности. Предлагается отказаться от права хозяйственного ведения, как дублирующего права собственника — учредителя соответствующего государственного юридического лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреев В. К.* Собственность и обязательственные отношения // *Росс. правосудие*. 2007. № 3 (11). С. 40, 41.
2. *Бутрим И. И.* Корпоративное право и управление: современное видение и решения (обзор материалов конференции) // *Труды ИГП РАН*. 2023. Т. 18 (5). С. 174–188.
3. *Зайцева Ю. А.* Публично-правовая компания как форма юридического лица: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 23, 24.
4. *Райхер В. К.* Абсолютные и относительные права (К проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву // *Вестник гражданского права*. 2007. № 2. С. 150, 151, 153, 177, 199.
5. *Серова О. А.* Право собственности юридических лиц публичного права: вопросы теории // *Юрид. наука*. 2017. № 2. С. 81–83.

¹⁴ См.: *Суханов Е. А.* Вещное право. Научно-познавательный очерк. М., 2017. С. 23.

6. *Суханов Е.А.* Вещное право. Научно-познавательный очерк. М., 2017. С. 23.
7. *Суханов Е.А.* О гражданской правосубъектности государственных юридических лиц // Журнал росс. права. 2018. № 1. С. 5–15.
8. *Трофимова Е.В.* Государственные корпорации и публично-правые компании. Право и реальный сектор экономики России / под общ. ред. И.В. Ершовой, В.А. Лаптева. М., 2024. С. 158–166.
3. *Zaitseva Yu. A.* Public law company as a form legal entity: abstract ... PhD in Law. M., 2023. Pp. 23, 24 (in Russ.).
4. *Raikher V.K.* Absolute and relative rights (On the problem of division of economic rights). Especially in relation to Soviet law // Bulletin of Civil Law. 2007. No. 2. Pp. 150, 151, 153, 177, 199 (in Russ.).
5. *Serova O.A.* The right of ownership of legal entities of public law: questions of theory // Yurid. nauka. 2017. No. 2. Pp. 81–83 (in Russ.).
6. *Sukhanov E.A.* Property law. Scientific and educational essay. M., 2017. P. 23 (in Russ.).
7. *Sukhanov E.A.* On the civil legal personality of state legal entities // Journal of Russ. law. 2018. No. 1. Pp. 5–15 (in Russ.).
8. *Trofimova E.V.* State corporations and publicly-owned companies. Law and the real sector of the Russian economy / under the general editorship of I.V. Ershova, V.A. Laptev. M., 2024. Pp. 158–166 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Andreev V.K.* Property and obligations // Russ. Justice. 2007. No. 3 (11). Pp. 40, 41 (in Russ.).
2. *Butrim I.I.* Corporate law and management: modern vision and solutions (review of Conference materials) // Proceedings of IGP RAS. 2023. Vol. 18 (5). Pp. 174–188 (in Russ.).

Сведения об авторе

АНДРЕЕВ Владимир Константинович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, ведущий научный сотрудник сектора гражданского и предпринимательского права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ANDREEV Vladimir K. — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation, Leading Researcher of the Sector Civil and Entrepreneurial Law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

УДК 343

ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В СФЕРЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА: ЭМПИРИКО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

© 2024 г. А. И. Коробеев^{1, *}, А. И. Чучаев^{2, **}

¹ Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

² Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: akorobeev@rambler.ru

**E-mail: moksha1@rambler.ru

Поступила в редакцию 14.03.2024 г.

Аннотация. В статье на основе проведенного сплошного мониторинга всех изменений, внесенных в Уголовный кодекс РФ с момента его принятия и вплоть до 1 января 2024 г., рассмотрены основные тенденции развития современной уголовно-правовой политики России в сфере законотворчества. Проанализированы криминализационные (декриминализационные), а также пенализационные (депенализационные) процессы, выявлены определенные закономерности и новые векторы развития.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, законотворчество, тенденции в сфере криминализации (декриминализации), пенализации (депенализации), общие закономерности и новые векторы развития.

Цитирование: Коробеев А.И., Чучаев А.И. Тенденции уголовно-правовой политики современной России в сфере законотворчества: эмпирико-аналитическое исследование // Государство и право. 2024. № 5. С. 97–107.

DOI: 10.31857/S1026945224050103

TRENDS IN THE CRIMINAL LAW POLICY OF MODERN RUSSIA IN THE SPHERE OF LAWMAKING: EMPIRICAL AND ANALYTICAL RESEARCH

© 2024 A. I. Korobeev^{1, *}, A. I. Chuchayev^{2, **}

¹ Far Eastern Federal University, Vladivostok

² Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: akorobeev@rambler.ru

**E-mail: moksha1@rambler.ru

Received 14.03.2024

Abstract. Based on the continuous monitoring of all changes made to the Criminal Code of the Russian Federation from the moment of its adoption and up to July 1, 2023, the article examines the main trends in the development of modern criminal law policy in Russia in the field of lawmaking. Criminalization (decriminalization), as well as penalization (depenalization) processes are analyzed, certain patterns and new vectors of their development are revealed.

Key words: criminal law policy, lawmaking, trends in the field of criminalization (decriminalization), penalization (depenalization), general patterns and new vectors of their development.

For citation: Korobeev, A.I., Chuchayev, A.I. (2024). Tendencies of the criminal law policy of modern Russia in the sphere of lawmaking: empirico-analytical research // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 97–107.

В уголовной политике современной России в рамках общей тенденции к ее гуманизации (при всей противоречивости и «волатильности» данного процесса) прослеживается постепенный переход от сугубо карательных к реабилитационным и реституционным началам. Это нашло свое выражение в принятых Уголовном кодексе РФ, Уголовно-исполнительном кодексе РФ, Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Однако данный процесс, во-первых, далеко не всеми воспринимается как безусловно позитивный, а во-вторых, развивается отнюдь не однолинейно

Особенно наглядны изъяны уголовно-правовой политики в сфере именно законотворчества. Пороки законодательства (и не только уголовного) приобрели столь масштабный и системный характер, что породили целое направление в теории права под названием «критика законодательства». Его авторы понимают под ней «отрицательное суждение индивида, государственной или общественной организации относительно отдельных юридических норм либо их комплексов, обладающее коммуникативным характером, являющееся результатом законной, творчески поисковой познавательной аналитической преобразующей мыслительной деятельности, осуществляемой на основе самобытных принципов, выполняющей своеобразные функции для повышения качества

правовых актов в целях обеспечения достойной жизни человека»¹.

С целью объективной и документальной проверки разного рода гипотез и предположений, фигурирующих в юридической литературе и касающихся тенденций развития отечественной уголовно-правовой политики, нами был осуществлен сплошной мониторинг всех изменений, внесенных в Уголовный кодекс РФ с момента его принятия в 1996 г. и вплоть до 1 января 2024 г. Полученный материал позволил провести количественный и качественный анализ указанных изменений, а на его основе – сделать ряд примечательных выводов.

Проведенный мониторинг изменений, внесенных в Уголовный кодекс РФ за последние 26 лет, дал возможность установить, что за весь изученный период в Уголовный кодекс РФ 313-ю федеральными законами были внесены 3948 поправок. Из них диспозиции подверглись изменениям 1516, санкции – 2064, примечания к статьям – 368 раз.

В результате столь бурного (и непрерывного) потока законодательных инициатив девственных нетронутых в Уголовном кодексе РФ осталось

¹ Баранов В.М., Ремизов П.В. Критика законодательства: доктрина, практика, техника. М., 2018. С. 76.

в Общей части — 41, в Особенной части — только пять статей (ст. 284, 336, 353, 356, 358).

Примечательно, что разного рода изменения уже успели коснуться и многих вновь введенных в Уголовный кодекс РФ норм (ст. 110¹, 110², 141¹, 142¹, 145¹, 151¹, 159¹, 159², 159³, 159⁵, 159⁶, 170¹, 170², 171¹, 171², 171³, 172¹, 173¹, 173², 174¹, 185¹, 185², 185³, 185⁴, 185⁵, 185⁶, 191¹, 193¹, 199¹, 199²). Есть в Уголовном кодексе РФ и нормы-рекордсмены. Так, ст. 205 подверглась корректировкам 17, ст. 104¹—48 раз.

В итоге Общая часть УК РФ по состоянию на 1 января 2024 г. обновилась на 60,6%, Особенная часть — на 96,8%. Исключены из Уголовного кодекса РФ (утратили силу) 12 статей, включены (введены) в Уголовный кодекс РФ 165 новелл. Суммарный объем Уголовного кодекса РФ достиг 525 статей. Кодекс, в который с бесконечным постоянством вносятся все новые и новые изменения, воспринимается как несовершенный не только специалистами. 79% респондентов из 800 опрошенных исследователями УрГЮУ Уральского федерального округа назвали Уголовный кодекс РФ несовершенным, а 87% респондентов — неспособным выполнять поставленные перед ним задачи. Это демонстрирует недоверие к Уголовному кодексу РФ со стороны тех, кому адресовано общепредупредительное воздействие данного нормативного акта².

На этом фоне более предпочтительным (с точки зрения стабильности нормативных положений уголовного закона и непротиворечивости его предписаний) выглядит Уголовный кодекс КНР. За почти 25-летнюю историю существования УК КНР в него было внесено всего 11 поправок³.

А теперь проанализируем на примере Уголовного кодекса РФ криминализационные (декриминализационные), а также пенализационные (депенализационные) процессы, благодаря которым репрессия (в идеале) должна постоянно приводиться в соответствие с реалиями социальной действительности, адекватно отражать в себе характер и степень общественной опасности совершаемых преступлений.

Анализ осуществленных изменений действующего уголовного законодательства Российской Федерации позволяет установить следующую закономерность: отчетливо выраженное превалирование

числа криминализированных деяний над декриминализированными: актов криминализации (полной или частичной) по состоянию на 1 января 2024 г. насчитывается 443, актов декриминализации (полной или частичной) — всего 118.

Из приведенных сведений нетрудно убедиться, что процесс криминализации и декриминализации общественно опасных деяний носит, во-первых, противоречивый, а во-вторых, взаимоисключающий характер. Между тем баланс и гармония между указанными процессами вполне достижимы, если принимать во внимание следующие соображения.

В результате объективного и закономерного процесса постоянного развития, изменения и совершенствования социальных структур, появления новых общественных отношений возникает необходимость в уголовно-правовой защите некоторых из них. Установлением уголовной наказуемости деяний, могущих причинить вред вновь возникающим общественным отношениям, и обеспечивается такая защита. Отмеченная тенденция является отражением принципа динамизма в уголовном праве. Он, как известно, требует постоянного учета изменений в системе общественных отношений и своевременного отражения их в законе.

Сказанное, разумеется, отнюдь не означает, что уголовно-правовая регламентация должна простирается на все вновь возникающие общественные отношения без исключения. Ставить под защиту уголовного закона необходимо лишь наиболее важные и ценные из них и только тогда, когда такая защита не может быть обеспечена менее репрессивными средствами. Прав акад. В.Н. Кудрявцев: «Уголовно-правовой запрет следует рассматривать как субсидиарный, — в том смысле, что наказание надо устанавливать в качестве последнего средства»⁴.

На нынешнем этапе развития уголовно-правовой политики необходимость в принятии новых и расширении границ действующих уголовно-правовых норм полностью не исключена. Более того, данный процесс пока еще нужно рассматривать не как серию эпизодических мероприятий, а как определенную тенденцию. Суммируя изложенное, следует прийти к выводу, что необходимость расширения до известных пределов сферы уголовной ответственности вполне оправдана целым рядом причин: а) выявившимися на практике пробелами в уголовной наказуемости; б) появлением новых общественных отношений, нуждающихся в уголовно-правовой защите, или новых общественно опасных деяний, требующих уголовно-правовой борьбы с ними; в) международными соглашениями, в которых участвует

² См.: *Сергеев Д.Н.* Законотворчество в системе уголовно-правового регулирования // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2018. Вып. 39. С. 128.

³ Подробнее об этом см.: Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. А.И. Чучаева и А.И. Коробеева; пер. с кит. Хуан Даосю. М., 2021; *Гао Минсюань.* Зарождение, становление и развитие, совершенствование уголовного законодательства в Китайской Народной Республике / под науч. ред. Н.А. Сидоровой, И.А. Васильева; пер. с кит. Пан Дунмэй. М., 2022.

⁴ *Кудрявцев В.Н.* Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 108.

Россия; г) укреплением гарантий защиты конституционных прав и свобод; д) целесообразностью выделения специальных составов из общих (с приданием им дополнительных криминообразующих признаков).

Очевидно, что установление уголовной наказуемости деяний при наличии упомянутых выше причин (и соблюдении всех иных условий криминализации) нельзя признать недостатком уголовного законодательства.

Что же касается «пробуксовки» тенденций в сфере декриминализации, то «консервация» в уголовном законодательстве деяний с уже, казалось бы, давно (и явно) отпавшими основаниями для их криминализации может быть результатом ряда причин. Одна из них, вероятно, кроется в отставании общественного сознания, в силу его известной традиционности, инерционности и консервативности, от бытия. Дело в том, что уже сам факт наказуемости деяния в глазах общественного мнения представляется достаточно веским аргументом против его декриминализации, поэтому отмена уголовной наказуемости требует более развернутой аргументации, чем криминализация деяния.

На позицию законодателя, возможно, оказывают соответствующее воздействие и предложения ученых-юристов, высказываемые ими *de lege ferenda*. Вряд ли мы найдем диссертацию, касающуюся исследования проблем уголовной ответственности за конкретные виды преступной деятельности, автор которой не считал бы своим долгом предложить некоторое количество рекомендаций, направленных на совершенствование действующего уголовного законодательства. Причем признаком хорошего тона считается формулирование предложений, связанных с расширением сферы уголовной репрессии. Примечательно, что из нескольких сот предложений по совершенствованию уголовного законодательства, сделанных в последнее время, более 90% сводятся к расширению ответственности и усилению наказания. В бурном потоке уголовно-правового ригоризма нередко тонут голоса тех, кто выступает за декриминализацию отдельных деяний.

Чрезмерное увлечение криминализационными процессами приводит к появлению целого ряда «квази», «эрзац», «псевдопреступлений» и ставит правоохранительные органы в положение, когда они, образно говоря, вынуждены «стрелять из пушек по воробьям». Иногда недостаточно обоснованная криминализация признается самим законодателем неоправданной, и в дальнейшем такая скоропостижно принятая норма отменяется. Нечто подобное произошло со ст. 159⁴, 173, 182, 200, 265 УК РФ. В правосознании же населения отмеченные законодательные метаморфозы могут

восприниматься как разрешающий сигнал к совершению аналогичных (но еще запрещенных) деяний.

Объективности ради следует отметить, что судебная практика давно нашла «противоядие» к таким статьям, компенсируя отсутствие декриминализации неприменением этих норм. По нашим подсчетам, за последние 25 лет около 15 статей Особенной части УК РФ ни разу не встречались в судебной и следственной практике России. Еще по 31 статье судимость в среднем не превышала одного человека в год. Неприменяемые на практике нормы получили в литературе название «мертвых».

Между тем определенная часть «неработающих» норм содержит ответственность за деяния, довольно часто совершаемые в жизни, но остающиеся безнаказанными в судебной практике в силу трудностей их выявления и доказывания (ст. 121, 125, 143, ч. 1 ст. 215, ст. 268 и др. УК РФ). Степень общественной опасности указанных преступлений еще настолько велика, что не позволяет ставить вопрос о переводе их в категорию проступков. Выходом из создавшегося положения может стать переориентация практики на более последовательное и строгое соблюдение принципа неотвратимости ответственности применительно к названным составам.

Наконец, имеется еще одна группа норм, неприменение которых обусловлено отпадением оснований для криминализации предусмотренных ими деяний при весьма высокой распространенности их в реальной действительности (ст. 171¹, 180, 326 и др. УК РФ). Разрыв между содержанием подобных запретов и реальными потребностями более чем очевиден. Он может быть преодолен только путем отмены уголовно-правовых норм, переставших соответствовать социальным ожиданиям. Сохранение в уголовном законодательстве таких норм неоправданно и даже вредно, ибо порождает у населения отношение к уголовному закону как к недействительному. Если верно, что практика — критерий истины, то следует признать и то, что массовое неприменение на практике отдельных уголовно-правовых норм означает их несостоятельность, ненужность, криминализационную избыточность. На наш взгляд, преступления этой группы подлежат декриминализации. Чтобы такая декриминализация не создавала иллюзию безнаказанности, она может быть нейтрализована введением или усилением административной ответственности.

Законодатель отчасти уже встал на этот путь. Так, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» предусмотрены: декриминализация заведомо ложной рекламы (ст. 182 УК), обмана потребителей (ст. 200 УК РФ), оставления места дорожно-транспортного происшествия (ст. 265 УК РФ), отказ от уголовной наказуемости причинения

по неосторожности вреда здоровью средней тяжести, некоторые другие нововведения, свидетельствующие уже не столько даже о гуманизации, сколько о либерализации (едва ли до конца оправданной) российской уголовно-правовой политики.

Вместе с тем упомянутый Федеральный закон содержит ряд дефектов. В литературе справедливо отмечалось, что при реформировании уголовного законодательства был нарушен принцип системности, допущено немало отступлений от законов формальной логики и требований полноты и непротиворечивости уголовного закона, включено в Уголовный кодекс РФ много нерациональных либо недостаточно определенных решений⁵. Так, нелепая ситуация сложилась со ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному). Дело в том, что в ч. 1 ст. 124 УК РФ речь идет о причинении вреда здоровью средней тяжести. Обращает на себя внимание тот факт, что с принятием Федерального закона от 8 декабря 2003 г. ст. 124 УК РФ осталась единственной нормой, в которой не декриминализовано причинение вреда здоровью средней тяжести по неосторожности. Иначе как элементарным просмотром, «зевком» законодателя это не объяснить.

Особый интерес представляют те изменения Общей части УК РФ, которые рикошетом ударили по целому ряду норм Особенной части УК РФ. Имеются в виду отказ законодателя от института неоднократности преступлений (с исключением из УК РФ ст. 16) и изменение в связи с этим понятия «совокупность преступлений» (ст. 17 УК РФ). Упомянутые законодательные метаморфозы привели к резкому изменению правил квалификации некоторых видов преступлений. Вряд ли можно отнести к достоинствам действующего законодательства наметившуюся в последнее время тенденцию ко все большей дифференциации уголовной ответственности за счет выделения из общих норм все новых и новых специальных статей. Представляется сомнительным, что изготовление и оборот материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242¹ УК РФ) настолько общественно опаснее просто незаконного распространения порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ), что действительно возникла острая необходимость в выделении первого из упомянутых преступлений в самостоятельный состав.

В целом Уголовный кодекс РФ 1996 г. страдает, по нашему мнению, ярко выраженной криминализационной избыточностью. Концептуально это было обусловлено восприятием проектантами нового Уголовного кодекса РФ идеи не «маленького и жесткого», а «большого и мягкого» Уголовного

кодекса РФ. Однако в еще большей степени дефектность Уголовного кодекса РФ проистекает от того, что в процессе его разработки и принятия практически почти полностью была проигнорирована теория криминализации и декриминализации. Без особого риска ошибиться можно утверждать, что за исключением деяний, относящихся к так называемому «ядру преступного» (убийства, кражи, грабежи, разбои, изнасилования etc), многие новеллы вводились в Уголовный кодекс РФ без какого бы то ни было учета всей суммы факторов, обуславливающих допустимость, возможность и целесообразность установления уголовно-правового запрета. Процесс законотворчества в этой части носил почти исключительно умозрительный характер. Особенно наглядно это видно на примере норм, «поселившихся» в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» УК РФ.

Псевдокриминализацией следует признать появление в Уголовном кодексе РФ таких составов преступлений, как «злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» (ст. 201¹) и «злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» (ст. 285⁴). Первое из них является «клоном» деяния, предусмотренного ст. 201 УК РФ, второе — специальной разновидностью преступления, закрепленного в ст. 285 УК РФ. Стремление законодателя усилить наказуемость вновь изобретенных преступлений можно было вполне успешно реализовать в рамках их общих составов, преобразовав их в квалифицированные виды.

Целой серией федеральных законов в 2010–2023 гг. в Уголовный кодекс РФ были внесены очередные изменения, касающиеся сферы как криминализации, так и декриминализации. Отдельные из этих нововведений можно было бы только приветствовать. Если бы имела уверенность в том, что законопроектные работы базировались на строго научной основе, прошли криминологическую экспертизу, учитывали все те требования, которые разработаны теорией криминализации и пенализации и предъявляются к такого рода деятельности. Однако хорошо известно другое: и проектанты уголовного закона, и сам законодатель в своей нормотворческой практике по-прежнему опираются на все что угодно, но только не на теорию криминализации и пенализации общественно опасных деяний в качестве ключевого элемента российской уголовно-правовой политики. Как здесь не вспомнить Г. Спенсера, который утверждал: «Ни в одном деле нет такого поразительного несоответствия между сложностью задачи и неподготовленностью тех, кто берется за ее решение. Несомненно, одно из всех чудовищных заблуждений людей, самое чудовищное, заключается в том, что для того, чтобы овладеть каким-нибудь несложным ремеслом, например, ремеслом сапожника,

⁵ См.: Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2005. С. 5 и след.; Российское уголовное право: традиции, современность, будущее. СПб., 2005. С. 15 и след.

необходимо долго учиться, а единственное дело, которого не требует никакой подготовки, — это искусство создавать законы для целого народа»⁶. Вот почему мы имеем в России тот уголовный закон, который имеем: бессистемный, фрагментарный, внутренне разбалансированный, внешне аморфный. Налицо, таким образом, кризисные явления не только в отечественном уголовном праве как отрасли, но и в уголовно-правовой политике в целом.

В результате мы получили ситуацию, когда без радикальной ломки (и чистки) Особенной части УК РФ исправить положение невозможно. Остается, по-видимому, накапливать какое-то время опыт применения (и неприменения) в судебной практике соответствующих норм с тем, чтобы в будущем, в процессе реформирования нынешнего уголовного законодательства учесть допущенные при его проектировании ошибки и сконструировать еще один Уголовный кодекс РФ уже в строгом соответствии с требованиями теории криминализации и пенализации. При этом, как думается, есть резон вернуться к идее «маленького, но жесткого УК РФ», переведя часть ныне уголовно наказуемых деяний в разряд гражданско-правовых деликтов, дисциплинарных или административных проступков.

Анализ имеющейся количественной информации, характеризующей особенности наказуемости деяний в России, позволяет обнаружить тенденцию, суть которой сводится к примату пенализации над депенализацией. Всего, по нашим подсчетам, за период действия Уголовного кодекса РФ 1996 г. (по состоянию на 1 января 2024 г.) деяния пенализировались 2084 раза, актов же депенализации насчитывается 1422. Из приведенных данных видно, что количество актов усиления наказуемости (пенализации) на 31.8% превышает число актов ее ослабления (депенализации).

Означает ли изложенное, что происходит явное ужесточение уголовной репрессии? Если ориентироваться только на характер санкций, в т.ч. и измененных, то ответ будет безусловно утвердительным. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что 92.8% санкций, содержащихся к сегодняшнему моменту в нормах Особенной части УК РФ, предусматривают в качестве вида наказания лишение свободы.

О том же говорит и факт существенного увеличения пределов срочного лишения свободы, сохранения смертной казни, включения в Уголовный кодекс РФ в качестве наказания пожизненного лишения свободы. По Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. самый большой срок лишения свободы составлял 15 лет безотносительно к тому,

назначалось ли наказание за единичное преступление, по совокупности преступлений или по совокупности приговоров. В ряде правовых ситуаций предельный срок срочного лишения свободы был еще существенно ниже. По Уголовному кодексу РФ 1996 г. лишение свободы за отдельные преступления установлено на срок от двух месяцев до 20 лет. В случае частичного или полного сложения сроков лишения свободы при назначении наказания по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы установлен в 25 лет (за ряд преступлений — в 30 лет), а по совокупности приговоров — в 30 лет (за ряд преступлений — в 35 лет). Следовательно, если даже не принимать во внимание того, что в санкциях статей появилось еще и пожизненное заключение, можно констатировать ужесточение российского уголовного законодательства, как правильно считает Д.А. Шестаков, по крайней мере в два раза, что означает существенное отступление по сравнению с более гуманным (в части лишения свободы) последним советским законодательством⁷.

Еще одним показателем (пожалуй, самым объективным) обоснованности, оптимальности и эффективности разработанных законодателем видов и размеров уголовных наказаний (а также мер уголовно-правового характера) служит практика их назначения по конкретным уголовным делам, т.е. фактическая пенализация.

В этой связи возникают отнюдь не риторические вопросы: насколько адекватны заложенные в системе виды наказаний и содержащиеся в санкциях статей их размеры характеру и истинной степени общественной опасности запрещенных деяний, насколько они соответствуют карательным притязаниям правоприменителя?

Для ответа на поставленные вопросы необходимо не только иметь общее представление о видах назначаемых наказаний, но обладать информацией об их конкретных размерах в сопоставлении с нижними и верхними значениями санкций соответствующих норм, а также их медианами. Вполне естественно, что подобного рода исследования можно проводить лишь применительно к определенным видам преступлений. Судебная статистика дает возможность для осуществления таких изысканий.

В качестве иллюстративного материала используем статистические данные о фактической пенализации по делам о преступлениях против жизни и здоровья. Так, в 2020 г. в судебной практике наказание за простое убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) в виде лишения свободы на определенный

⁶ Спенсер Г. Грехи законодателя // Соц. исследования. 1992. № 2. С. 136.

⁷ См.: Шестаков Д.А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. 1998. № 4. С. 158.

срок тяготело в основном к его ниже медианному значению (2066 осужденных), ближе к медиане наказание было назначено 15 015 осужденным, выше медианы и ближе к максимальным показателям санкции — 412 осужденным. Примечательно, что по 150 приговорам было назначено наказание ниже низшего предела, а в отношении 27 осужденных вынесен приговор в виде условного осуждения к лишению свободы. Несколько иначе дела обстояли при назначении наказаний за квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ). Медианному значению наказания соответствовало 393 приговора, выше медианы — 309, ниже — 249 приговоров.

Из соотношения приведенных данных видно, что правоприменитель общественную опасность простых убийств оценивает гораздо либеральнее, чем законодатель: 51,6% наказаний тяготеет к минимальному показателю санкции или даже выходит за ее пределы. Что касается наказуемости квалифицированных убийств, то здесь между законодателем и правоприменителем наблюдается консенсус, их позиции почти полностью совпадают: число приговоров, близких к медиане и максимальному значению санкции, составляет 73,8%.

А вот фактическая пенализация умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) характеризуется стремлением правоприменителя назначать сравнительно мягкие наказания за совершение не только простого преступления (ч. 1 ст. 111 УК РФ), но и его квалифицированных видов (с учетом, конечно, того обстоятельства, что нижний порог наказания во всех четырех частях анализируемой статьи «опущен» самим законодателем до двух месяцев лишения свободы). Так, из 8950 приговоров за совершение всех квалифицированных видов этого преступления лишь по 2,2% из них назначалось наказание ближе к максимумам соответствующих санкций, а 4048 подсудимых подверглись условному осуждению. Видимо, это тот случай, когда правоприменитель по достоинству оценил раскритикованный в доктрине уголовно-правового права и не имеющий аналогов в законодательстве других стран мира шаг отечественного законодателя по либерализации уголовной репрессии.

В целом же в практике применения норм из гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья» УК РФ наблюдается явный крен в сторону назначения наказаний, в меньшей степени совпадающих с их медианными значениями, в большей степени — тяготеющих к нижним пределам: из 22 272 приговоров к наказанию в виде лишения свободы 16 187 (или 72,7%) содержали наказание, близкое к медиане или ниже нее. А если к этому добавить 15 533 приговора, содержащих условное осуждение, то картина с характеристикой карательных

притязаний правоприменителя на фоне предлагаемых ему законодателем моделей поведения при выборе санкций станет и вовсе завершенной⁸.

Тенденция к ужесточению наказуемости деяний просуществовала вплоть до конца 2011 г. Благодаря мощному «вбросу» законодателем в Уголовный кодекс РФ такого нового вида наказания, как принудительные работы, расширению сферы возможного применения обязательных и исправительных работ отмеченная выше тенденция изменилась на прямо противоположную. По состоянию на 1 января 2012 г. суммарное число актов депенализации за минувший год достигло 670, актов же пенализации насчитывалось 236.

Снятие нижнего порога наказания в виде лишения свободы в санкциях 68 статей Уголовного кодекса РФ в 2011 г. привело к тому, что институт «судейского усмотрения» превратился, по сути, в «судебный произвол». Такое решение законодателя привело к разрыву в 30–60 раз между верхними и нижними пределами размеров наказаний за совершение одних и тех же или схожих по категории тяжести видов преступлений⁹. Нигде в мире у суда нет возможности за тяжкое преступление назначать наказание в виде лишения свободы на срок от двух месяцев до 15 лет (ч. 4 ст. 111, ч. 3 ст. 186 УК РФ).

Предоставление же судам (ч. 6 ст. 15 УК РФ) возможности по своей прихоти менять категоризацию преступлений поставило их (суды) на один уровень с самим законодателем, ибо теперь они уже сами вправе осуществлять частичную депенализацию некоторых категорий преступлений. Все это создало доселе невиданные предпосылки для коррупции в сфере осуществления уголовного судопроизводства. Несмотря на жестко негативную реакцию научного и правоприменительного сообщества, законодатель до сих пор не отступает от своей весьма сомнительной в этом вопросе позиции.

Однако гораздо дальше в этом направлении пошел нормотворец России в 2011–2023 гг. Федеральными законами внесены существенные коррективы в систему и виды уголовных наказаний, в порядок их назначения, в условия освобождения от уголовной ответственности и наказания. В пояснительных записках к некоторым из них подчеркивалось, что данные законы направлены на дальнейшую гуманизацию уголовного законодательства России.

⁸ См.: Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. II. Уголовное право и уголовно-правовая политика. Уголовный закон. СПб., 2021. С. 305–307.

⁹ См.: Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008. С. 9.

В сфере пенализации и депенализации указанные нормативные правовые акты содержат следующие новации.

1. Исключена возможность (за некоторым исключением) замены штрафа в случае злостного уклонения от его уплаты лишением свободы. Расширена возможность применения штрафа в качестве основного вида наказания. Максимальный размер штрафа увеличен до 5 млн руб. За отдельные виды преступлений штраф может быть назначен на сумму до 500 млн руб. В 2018 г. уточнена трактовка понятия штрафа применительно к субъектам некоторых новых видов преступлений.

2. Увеличен максимальный срок наказания в виде обязательных работ с 240 до 480 часов.

3. Предусмотрено, что исправительные работы суд вправе назначить осужденным, как не имеющим, так и имеющим основное место работы. Последние должны отбывать это наказание по основному месту работы.

4. В целях расширения возможности для суда назначать наказания, не связанные с лишением свободы, введен новый вид наказания — принудительные работы. Принудительные работы, предусмотренные как альтернатива лишению свободы за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, а также за совершение впервые некоторых тяжких преступлений, отбываются в специально созданных исправительных центрах. В 2018 г. расширены основания, учитываемые при замене принудительных работ лишением свободы.

5. Арест не может быть назначен лицам, не достигшим к моменту вынесения судом приговора 18-летнего возраста.

6. Установлено положение, согласно которому по общему правилу наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, впервые совершившему преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств. Вместе с тем за совершение целого ряда особо тяжких преступлений при назначении наказаний в виде лишения свободы повышен его максимальный предел до 30 лет (по совокупности преступлений) и до 35 лет (по совокупности приговоров).

7. Расширен перечень составов преступлений, за совершение которых при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы может достигать 25 лет, а по совокупности приговоров — 30 лет.

8. Расширена сфера возможного применения пожизненного лишения свободы в качестве наказания за совершение особо тяжких преступлений

против здоровья и общественной нравственности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста.

9. В ст. 63 УК РФ включены новые виды обстоятельств, отягчающих наказание: п) совершение преступления в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно педагогическим работником или другим работником образовательной организации, медицинской организации, организации, оказывающей социальные услуги, либо иной организации, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней); н) совершение преступления с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, специально изготовленных технических средств, наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых и радиоактивных веществ, лекарственных и иных химико-фармакологических препаратов, а также с применением физического или психического принуждения; 1¹) совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ; р) совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма.

10. Введены новые правила назначения наказания по совокупности преступлений, направленные на смягчение ответственности. В то же время установлен запрет на назначение наказания ниже низшего предела или более мягкого вида наказания виновным в совершении определенных видов особо тяжких преступлений.

11. Ограничена сфера условного осуждения путем исключения возможности его назначения осужденным за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, а также осужденным за преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 205¹, ст. 205², ч. 2 ст. 205⁴, ч. 1–3 ст. 206, ч. 4 ст. 210, ст. 210¹ и 360 УК РФ.

12. Уголовный кодекс РФ дополнен статьей, предусматривающей возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления экономической направленности, если эти лица полностью возместят ущерб и перечислят в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба.

13. Введена норма, согласно которой лицо, впервые совершившее преступление небольшой или

средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред (ст. 76² УК РФ). Судебный штраф отнесен законодателем к иным мерам уголовно-правового характера (гл. 15² УК РФ).

14. Предусмотрено предоставление отсрочки отбывания наказания лицу, которому впервые назначено наказание в виде лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, признанному больным наркоманией и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию. Отсрочка дается до окончания лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации, но не более чем на пять лет (ст. 82¹ УК РФ). В зависимости от результатов лечения по усмотрению суда лицо может быть освобождено от отбывания наказания или оставшейся его части.

15. Ужесточен институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в отношении некоторых категорий осужденных.

16. Ограничена возможность применения отсрочки отбывания наказания в отношении лиц, осужденных к лишению свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста.

17. Введены более строгие правила освобождения от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда в отношении осужденных, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания.

18. Увеличены сроки, учитываемые при решении вопроса о погашении судимости в отношении лиц, осужденных к лишению свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления.

19. Расширен перечень составов преступлений, за совершение которых несовершеннолетний не подлежит освобождению от наказания в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 92 УК РФ.

20. Дальнейшей экспансии (в законе, а не на практике) подвергся институт конфискации имущества.

21. Наконец, нельзя не обратить внимание на то, что начиная с 2014 г. «маятник» уголовной репрессии вновь качнулся в сторону, противоположную от линии ее гуманизации. Это выразилось прежде всего в заметном расширении законодателем круга преступного и ужесточении им же наказуемости уже существующих уголовно-правовых запретов. Так, были существенно ужесточены санкции в статьях, предусматривающих ответственность

за преступления террористической направленности (ст. 205¹, 205³, 205⁴, 205⁵ УК РФ), массовые беспорядки (ст. 212 УК), небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224 УК РФ), незаконную рубку лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), нарушение установленных правил караульной службы (ст. 342 УК РФ) и др.

22. Изменилась трактовка понятия лица, совершившего преступление в состоянии опьянения (ст. 23 УК РФ).

23. Расширен перечень преступлений, за совершение которых к их субъектам срок давности не применяется (ч. 5 ст. 78 УК РФ).

Несложно заметить, что и в новейший исторический период уголовно-правовая политика в сфере пенализации и депенализации носила зигзагообразный характер.

Из обзора изменений уголовного законодательства в последние 10 лет легко обнаружить, как практически одновременно и параллельно с гуманизацией некоторых видов уголовных наказаний, либерализацией правил назначения наказаний и освобождения от них шел обратный процесс — «точечное» (но весьма ощутимое) ужесточение уголовной репрессии.

Так, именно в этот период на фоне расширения шкалы наказаний за счет включения в нее альтернативных лишению свободы новых видов, резкого сужения сферы возможного применения лишения свободы к определенной категории лиц, совершающих преступления небольшой тяжести, введения в Уголовный кодекс РФ новых видов освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания, изменения параметров исчисления сроков наказаний и зачета наказаний, отсрочки отбывания наказания произошло усиление карательных притязаний, которое выразилось в ужесточении отдельных видов наказаний как в целом, так и при применении их к осужденным за совершение ряда конкретных преступлений, в появлении в Уголовном кодексе РФ новых видов отягчающих наказание обстоятельств, в ограничении сферы условного осуждения, в расширении перечня составов преступлений, за совершение которых может быть назначена конфискация имущества, и др.

Вместе с тем необходимо учитывать, что акты депенализации, хотя и меньшие по количеству, затрагивают тем не менее обширную сферу уголовно-правовых отношений, а потому объем уголовной репрессии в результате введения в закон и широкого применения на практике таких институтов, как условное осуждение, условно-досрочное освобождение, отсрочка исполнения приговора, иные виды освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания, заметно сокращается.

Так, именно в настоящий период мы наблюдаем расширение шкалы наказаний за счет включения в нее альтернативных лишению свободы новых видов, резкое сужение сферы возможного применения лишения свободы к определенной категории лиц, совершающих преступления небольшой тяжести, введение в уголовный закон новых видов освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания (в связи с возмещением ущерба, с назначением судебного штрафа), изменение параметров исчисления сроков наказаний и зачета наказаний, отсрочки отбывания наказания и др.

Таковы основные количественные и качественные показатели работы российского законодателя в ходе реализации им уголовно-правовой политики в сфере пенализации (депенализации) за последнюю четверть века. Оценка этих показателей позволяет констатировать, что при всей объективно наблюдаемой хаотичности, спонтанности, разнонаправленности и бессистемности внесенных в Уголовный кодекс РФ изменений реализации заложенных во вновь принятых законах предложений, по мнению их разработчиков, должна привести к существенному снижению судимости и сокращению числа лиц, содержащихся в местах лишения свободы (на 25–30%). Государство в силу целого ряда экономических и других причин неспособно обеспечить не только реальное применение всех наказаний, закрепленных в Уголовном кодексе РФ, но и фактическое отбывание наказания в виде лишения свободы всеми, кто к нему осужден¹⁰.

На этом фоне не вызывает удивления тот факт, что суммарное число актов практической депенализации приближается сегодня к отметке в 300 тыс. человек в год, что можно рассматривать как стремление правоприменителя использовать заложенные в законодательстве резервы для смягчения чрезмерной остроты и широты уголовной репрессии. Это может служить косвенным подтверждением уже высказанной ранее мысли о том, что депенализация (и в законе, и на практике) на современном этапе развития отечественной уголовно-правовой политики выбрана одним из главных инструментов удержания равновесия между завышенными ожиданиями успехов в бескомпромиссной борьбе с преступностью и реальными возможностями такой борьбы¹¹.

В результате можно, по-видимому, констатировать, что законодатель в интересующей нас сфере больше придерживается тактики «кнута» (в основном ужесточая репрессию и расширяя ее рамки)

и лишь на определенных этапах (главным образом под воздействием конъюнктурных соображений) подслащает горькую криминализационную пиллюлю депенализационным «пряником».

* * *

Таким образом, если общим трендом развития уголовно-правовой политики России в сфере законотворчества является отчетливо прослеживаемая линия на расширение уголовной репрессии и перманентное ее ужесточение, то особенностью нынешнего этапа реализации уголовно-политических установок, направленных на противодействие преступности, и одновременно новым вектором развития российской уголовно-правовой политики следует признать курс на сдерживание карательных притязаний за счет включения в уголовное законодательство и широкого применения на практике разного рода видов и мер, позволяющих освобождать виновных в совершении преступления лиц от уголовной ответственности и (или) от наказания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов В.М., Ремизов П.В. Критика законодательства: доктрина, практика, техника. М., 2018. С. 76.
2. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008. С. 9.
3. Гао Минсюань. Зарождение, становление и развитие, совершенствование уголовного законодательства в Китайской Народной Республике / под науч. ред. Н.А. Сидоровой, И.А. Васильева; пер. с кит. Пан Дунмэй. М., 2022.
4. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 309, 310.
5. Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 108.
6. Макеева Н.В. Уголовная политика в условиях модернизационных и постмодернизационных процессов: сравнительно-правовой анализ // Lex russica. 2016. № 7 (116). С. 153.
7. Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. II. Уголовное право и уголовно-правовая политика. Уголовный закон. СПб., 2021. С. 305–307.
8. Российское уголовное право: традиции, современность, будущее. СПб., 2005. С. 15.
9. Сергеев Д.Н. Законотворчество в системе уголовно-правового регулирования // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2018. Вып. 39. С. 128.
10. Спенсер Г. Грехи законодателя // Соц. исследования. 1992. № 2. С. 136.
11. Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2005. С. 5.

¹⁰ См.: Макеева Н.В. Уголовная политика в условиях модернизационных и постмодернизационных процессов: сравнительно-правовой анализ // Lex russica. 2016. № 7 (116). С. 153.

¹¹ См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 309, 310.

12. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. А.И. Чучаева и А.И. Коробеева; пер. с кит. Хуан Даосю. М., 2021.
13. Шестаков Д.А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. 1998. № 4. С. 158.
6. Makeeva N.V. Criminal policy in the context of modernization and postmodernization processes: comparative legal analysis // Lex russica. 2016. No. 7 (116). P. 153 (in Russ.).
7. The complete course of Criminal Law: in 10 vols. Vol. II. Criminal Law and criminal law policy. Criminal Law. SPb., 2021. Pp. 305–307 (in Russ.).
8. Russian Criminal Law: traditions, modernity, future. SPb., 2005. P. 15 (in Russ.).
9. Sergeev D.N. Lawmaking in the system of criminal law regulation // Herald of the Perm University. Legal sciences. 2018. Iss. 39. P. 128 (in Russ.).
10. Spencer G. Sins of the legislator // Social research. 1992. No. 2. P. 136 (in Russ.).
11. Criminal Law: development strategy in the XXI century. M., 2005. P. 5 (in Russ.).
12. Criminal Code of the People's Republic of China / under the general editorship of A.I. Chuchaev and A.I. Korobeev; transl. from China Huang Daoxiu. M., 2021 (in Russ.).
13. Shestakov D.A. Russian criminal law policy from the point of view of the historical tendency to mitigate repression // Pravovedenie. 1998. No. 4. P. 158 (in Russ.).

REFERENCES

1. Baranov V.M., Remizov P.V. Criticism of legislation: doctrine, practice, technique. M., 2018. P. 76 (in Russ.).
2. Gavrilov B. Ya. Modern criminal policy of Russia: figures and facts. M., 2008. P. 9 (in Russ.).
3. Gao Mingxuan. The origin, formation and development, improvement of criminal legislation in the People's Republic of China / under the scientific editorship of N.A. Sidorova, I.A. Vasilyev; transl. from China Pan Dongmei. M., 2022 (in Russ.).
4. Korobeev A.I. Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis. M., 2019. Pp. 309, 310 (in Russ.).
5. Kudryavtsev V.N. Law, deed, responsibility. M., 1986. P. 108 (in Russ.).

Сведения об авторах

КОРОБЕЕВ Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета; 690922 Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, д. 10

ЧУЧАЕВ Александр Иванович — доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KOROBEEV Alexander I. — Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University; 10 village Ajax, 690922 Primorsky Krai, Vladivostok, Russian Island, Russia

CHUCHAEV Alexander I. — Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340

ЗАЩИТА ВНУТРЕННЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

© 2024 г. М. М. Долгиев^{1, *}, М. М. Долгиева^{2, **}

¹ Ассоциации юристов России, г. Москва

² Генеральная прокуратура Российской Федерации, г. Москва

*E-mail: Novator11111@icloud.com

**E-mail: novator111@mail.ru

Поступила в редакцию 25.09.2023 г.

Аннотация. В статье отмечается, что обеспечение внутренней национальной безопасности страны как основы существования государства является важнейшей задачей органов власти. Этническая организованная преступность, формирующаяся вследствие неконтролируемых потоков миграции в Российскую Федерацию граждан из государств Средней Азии, является причиной дестабилизации внутриобщественных процессов. Авторами обосновываются направления уголовной политики государства в сфере нелегальной миграции, включающие комплекс мер публично-правового характера, а также выработку дополнительных механизмов в целях эффективного применения уголовно-правовых средств в указанной сфере.

Ключевые слова: национальные интересы, национальная безопасность, внутренняя национальная безопасность, нелегальная миграция, прекращение гражданства, этническая преступность.

Цитирование: Долгиев М. М., Долгиева М. М. Защита внутренней национальной безопасности уголовно-правовыми средствами // Государство и право. 2024. № 5. С. 108–113.

DOI: 10.31857/S1026945224050111

PROTECTION OF INTERNAL NATIONAL SECURITY BY CRIMINAL LEGAL MEANS

© 2024 М. М. Dolgiev^{1, *}, М. М. Dolgieva^{2, **}

¹ Association of Lawyers of Russia, Moscow

² Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow

*E-mail: Novator11111@icloud.com

**E-mail: novator111@mail.ru

Received 25.09.2023

Abstract. The article notes that ensuring the internal national security of the country as the basis of the existence of the state is the most important task of the authorities. Ethnic organized crime, which is formed as a result of uncontrolled migration flows to the Russian Federation of citizens from the countries of Central Asia, is the cause of destabilization of intra-social processes. The authors substantiate the directions of the state's criminal policy in the field of illegal migration, including a set of measures of a public legal nature, as well as the development of additional mechanisms for the effective application of criminal legal means in this area.

Key words: national interests, national security, internal national security, illegal migration, termination of citizenship, ethnic crime.

For citation: Dolgiev, M. M., Dolgieva, M. M. (2024). Protection of internal national security by criminal legal // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 108–113.

Эволюционирующие угрозы, с которыми сталкивается Россия, затрагивают широкие сферы жизни общества и государства. К ним относятся борьба с терроризмом, в т.ч. в киберпространстве, обеспечение государственной безопасности и противодействие иностранному враждебному влиянию и внутреннему экстремизму, а также другие области правоотношений, необеспечение защищенности которых может являться проблемой для государства. Но вместе с такими глобальными зонами ответственности государственной власти не менее важной областью по использованию правовых полномочий и инструментов обеспечения национальной безопасности является соблюдение права собственных граждан на безопасное существование и динамичное развитие, сохранение традиционного российского правопорядка и образа жизни.

Государственная политика прошлых лет, преследуя благие экономические цели, породила потоки неконтролируемой миграции из государств СНГ, а отсутствие должного контроля со стороны правоохранительных органов за этими процессами, обусловило возникновение новой повышенной угрозы — столкновения идеологий, традиций и образа жизни различных частей общества, что неминуемо приведет к агрессии одних по отношению к другим. При этом исторически такие агрессии не являются чем-то новым для России, однако масштабы конфликтов и их территориальная дислокация в настоящее время и в будущем, в случае их возникновения, будут иметь совершенно новые формы и последствия. К дополнительным рискам дестабилизации российского общества следует также отнести формирование неофициальных общественных объединений, т.н. национальных диаспор, которые фактически присваивают себе полномочия органов власти по формированию государственной национальной политики, становясь лишней прослойкой между человеком (гражданином России или иностранным гражданином), государством и законом.

Незаконная миграция, по мнению ученых, перестала быть хаотичной и бессистемной и давно стала управляемой индустрией как один из сверхприбыльных видов преступной деятельности¹. Опасность, исходящую от незащищенности внутренних процессов в обществе, сложно переоценить в условиях максимальной доступности Интернет-ресурсов и роста незаконной

деятельности иностранных спецслужб и агентов их влияния². В международном правовом поле мы наблюдаем усилия западных стран в изоляции России³, растущие угрозы вмешательства в политические процессы, давление на органы власти и решения, которые они принимают, посягательства на целостность российского политического дискурса. Таким образом, внутренней национальной безопасности должно быть уделено не меньшее внимание, чем внешней политике и безопасности, в первую очередь потому, что народ России является наивысшей ценностью государства.

Обращаясь к фундаментальным социалистическим учениям о самоопределении наций, следует отметить, что определение границ государства должно основываться на «симпатиях населения», что позволит устранить малейшие национальные трения и национальное недоверие⁴. Кроме того, изначальное разделение подданных государства по территориальным делениям, которое сегодня кажется естественным, стоило долгой борьбы со старой организацией по коленам и родам⁵. И здесь совершенно очевидно вырисовывается приемлемая модель построения многонационального государства, где отправной точкой являются именно симпатии коренного населения одного территориального образования к другому. При этом мы можем лишь констатировать, что увеличение числа мигрантов ничего общего с симпатиями народа России не имеет.

Однако данная проблема не является только лишь внутренним делом нашей страны. Появление неконтролируемых сил влияния (например, регулируемых диаспорами анклавов и гетто), подверженных импульсивной реакции на внутриобщественные процессы, чревато использованием этих сил против действующей государственной власти и дестабилизации политического режима со стороны иностранных правительств, не говоря уже о коррупции и о нарушениях миграционного законодательства. Таким образом, исследование вопросов внутренней национальной безопасности является на сегодняшний день одним из наиболее актуальных направлений теории права. Отсутствие четко выраженной уголовной политики в указанной области обуславливает необходимость развития комплексного подхода к противодействию

¹ См.: Буткевич С.А. Дерадикализация миграционных процессов в современных условиях: криминологический аспект // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2. С. 31–39.

² См.: Долгиева М.М., Долгиев М.М. Уголовная ответственность за нарушение законодательства об иностранных агентах // Вестник Томского гос. ун-та. 2023. № 488. С. 204–209.

³ См.: Долгиева М.М., Долгиев М.М. Правовой режим международных санкций и цифровой рубль // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 3. С. 59–65.

⁴ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 22.

⁵ См.: там же. Т. 33. С. 9.

межнациональной дестабилизации уголовно-правовыми средствами.

Законодательно закрепленное понятие «внутренняя национальная безопасность государства» в российском праве отсутствует. Однако терминология, содержащаяся в Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», а также в Стратегии национальной безопасности⁶, дает представление о том, что соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, законность и необходимость применения политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности, в том числе и предупредительных, являются постулатами внутренней национальной безопасности и основой существования государства.

Проведенные исследования в области неконтролируемой миграции и принятия в гражданство выходцев из государств Средней Азии показывают, что рост числа иностранных граждан, поставленных на миграционный учет (свыше 16 млн человек в 2022 г.) и количество совершенных ими преступлений (40,2 тыс. в 2022 г.) находятся в прямой взаимосвязи. Данный вид преступности увеличился на 10% по сравнению с 2021 г., а число поставленных на миграционный учет иностранцев возросло на 20%, при этом речь идет о преступлениях, совершенных ими в группах, организованных по национальному признаку⁷.

Население субъектов Российской Федерации, подверженных массовому притоку мигрантов, согласно исследованиям, убеждено во мнении о вхождении этих иностранных граждан в этнические группировки с целью совершения конкретных преступлений в определенных сферах (в первую очередь незаконного наркотрафика). При этом криминологическое исследование личности иностранных преступников, совершающих преступления в составе организованных моноэтнических групп, основными мотивами их незаконной деятельности называет национальную нетерпимость, корысть, а также особенности психотипа личности (вспыльчивость, агрессивность, наглость)⁸. В этой

связи, возвращаясь к тезисам о том, что отсутствие межнациональных трений возможно только на основе симпатий населения, можно сделать вывод, что этническая преступность, как следствие незаконной и неконтролируемой миграции, является максимальной угрозой внутренней безопасности государства.

Одним из инструментов для выявления причин и условий обострения миграционной ситуации называют также и мониторинг общественного мнения в отдельном субъекте Российской Федерации, в частности, в целях формирования мер по снижению факторов криминализации и профилактики преступлений. При этом мнение граждан по отношению к мигрантам не зависимо от субъекта Российской Федерации проживания и национальности опрашиваемого является резко отрицательным⁹.

Внутренняя национальная безопасность как объект охраны должна обеспечиваться в первую очередь уголовно-правовыми средствами, как наиболее действенным механизмом обеспечения законности. При этом понятие посягательства на внутреннюю национальную безопасность в широком смысле можно определить, как деятельность, которая включает в себя действия, направленные против населения Российской Федерации (как в целом, так и отдельных граждан), опасные для человеческой жизни, нарушающие уголовное законодательство, а также направленные на запугивание или принуждение к изменению традиционного уклада общества в конкретном субъекте Российской Федерации.

Ключевой компонент угрозы внутренней национальной безопасности, как было отмечено выше, исходит из наличия т.н. национальных диаспор, выступающих посредниками между своими соотечественниками и государственными органами. При этом уровень прав и полномочий, а также правовой статус этих объединений по национальному признаку не определен. Более того, возникает вопрос о том, почему в принципе правоохранительные и иные государственные органы обращаются к национальным диаспорам за помощью и консультациями в решении различных межнациональных вопросов.

В частности, деятельность т.н. диаспор регулируется Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», ст. 5 которого регламентируется, что под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование,

⁶ См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

⁷ См.: Бучакова М.А., Грязнова Т.Е. Институт гражданства: вопросы теории и правоприменительной практики // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2023. № 1. С. 115–119.

⁸ См.: Грибунов О.П., Залескина А.Н., Терещенко А.А. Характеристика личности преступников, входящих в организованные преступные группы, созданные на этнической основе: криминологический аспект // Вестник Уфимского юрид. ин-та МВД России. 2021. № 2. С. 112–118.

⁹ См.: Асмандиярова Н.Р. Мониторинг общественного мнения как инструмент в предупреждении незаконной миграции // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 2. С. 61–67.

созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения. На деле же такие организации образуют максимально обособленную закрытую общность людей по национальному признаку, использующему финансовые и политические возможности для лоббирования собственных коммерческих и национальных интересов. При этом де-факто при помощи диаспор происходит неконтролируемая легализация незаконно прибывающих иностранцев, их деятельность не прозрачна и всерьез может рассматриваться как центр переправки в Россию экстремистов из Средней Азии, а лица, находящиеся под т.н. защитой диаспор, зачастую считают, что они защищены от государственной власти и законов. Активность указанных лиц, мотивированных различными идеологиями (экстремистскими, насильственными, националистическими), можно в какой-то мере назвать внутренним терроризмом. В этой связи представляется, что деятельность национальных диаспор в том виде, в котором они существуют в настоящее время должна быть запрещена, как выходящая за рамки правоотношений, регулируемых законодательством об общественных объединениях и являющаяся прямой причиной образования национальных анклавов и гетто. Такая деятельность, на наш взгляд, должна регулироваться законодательством о некоммерческих организациях, с полным обеспечением прозрачности целей своего функционирования и условий взаимодействия с государственными органами. Обеспечение такого регулирования возможно путем внесения изменений в соответствующий Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

Комплекс уголовно-правовых мер по противодействию угрозам внутренней национальной безопасности должен заключаться в максимально жестком пресечении нелегальной миграционной деятельности, а также выявлении факторов и причин, способствующих совершению преступления иностранцами в составе организованных групп.

Высокая общественная опасность этнических организованных групп продиктована, помимо прочего, показателями масштабного ущерба, причиняемого политической и культурно-нравственной жизни общества, ростом националистических настроений (причем со всех сторон), увеличением коррупционных факторов и недоверием общества к органам государственной власти и охраны правопорядка. В свою очередь, распространенность преступлений, совершаемых мигрантами, вырабатывает в обществе стойкое убеждение неэффективности борьбы с преступностью.

Несмотря на усиление мер ответственности за нарушение миграционного законодательства, произошедшее несколько лет назад, более эффективными данные уголовно-правовые средства не стали. Нелегальная миграция увеличилась, при этом ее источниками неоднократно в средствах массовой информации были названы сами же органы правопорядка¹⁰. В этой связи наличие уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления в сфере незаконной миграции, должно быть подкреплено усилением антикоррупционного законодательства, в том числе и в практике назначения наказаний за совершение коррупционных преступлений, вследствие которых незаконно были легализованы мигранты. Совершенно справедливым представляется мнение некоторых авторов и о том, что такие преступления можно расценивать как государственную измену, так как они наносят непоправимый вред экономике и государственному управлению¹¹.

Период нахождения мигрантов на территории Российской Федерации, на наш взгляд, должен быть строго регламентирован и контролироваться органами внутренних дел, а не национальными диаспорами. Обеспечение профилактики преступности мигрантов состоит в их демотивации, основанной на внешних факторах их контроля со стороны правоохранительных органов, повышенному вниманию к личности мигранта, нарушении его связей с «неприкосновенной» диаспорой.

На наш взгляд, достижение межнационального и конфессионального согласия невозможно в том количественном составе миграционных потоков, которые существуют, и никакие программы адаптации мигрантов невозможны равным счетом потому, что в первую очередь сами мигранты не испытывают потребности в этих программах. Очевидно, что в настоящее время они даже не испытывают потребности в знании и изучении русского языка для продолжения легальной или нелегальной жизни в Российской Федерации, а необходимый уровень базовых потребностей обеспечивается их национальным сообществом (диаспорой). При этом общество развивается в условиях неприязни к коренному населению и отрицать этот факт было бы преступным. Высокий уровень нетерпимости с обеих сторон уже не получится снизить дополнительными усилиями по адаптации мигрантов, наоборот,

¹⁰ См.: В Петербурге незаконно поставили на учет 100 тысяч иностранцев. URL: <https://rg.ru/2023/07/13/v-peterburge-sotrudniki-migracionnoj-sluzhby-nezakonno-postavili-na-uchet-100-tysiachinostrancev.html>

¹¹ См.: Тишкин Д.Н., Бабенко С.В., Костенко Н.С. Организованная преступность как глобально-криминальная система // Философия права. 2023. № 2. С. 138–145.

такие усилия (особенно сопряженные с бюджетными расходами) резко повышают градус социальной напряженности. Кроме того, нелегальная миграция настолько укоренилась в общественной жизни, что в принципе исключается развитие какой-либо миграционной культуры как понятия.

На процессы миграционных взаимоотношений, как представляется, может повлиять только усиление полицейского контроля и четкое разделение направлений миграционной политики на две составляющих: 1) трудовую, строго ограниченную по времени миграцию, с наиболее полной идентификацией личности (дактилоскопией и отбором генетического материала), с обязательным возвращением трудового мигранта в страну своего постоянного проживания; и 2) отдельную политику принятия в гражданство Российской Федерации через прохождение соответствующего испытательного срока и полного соответствия критериям для его получения. Только такое разделение миграционной политики позволит правильно и эффективно реализовывать уголовно-правовую политику в сфере миграции и вопросов гражданства, осуществляя контроль на этапе въезда в страну и весь период нахождения данного лица на территории Российской Федерации до фиксации его отъезда.

Радикализация мигрантской среды должна исключаться посредством правоохранительного контроля, выражающегося в том числе и в мониторинге, а при необходимости и в блокировке различных ресурсов сети Интернет, телеграм-каналов и онлайн-сообществ, которые в большей степени администрируются из-за рубежа и замечены в организации ряда несанкционированных акций на территории России.

Кроме того, к мерам профилактики преступности мигрантов (и уже ставших гражданами их бывших соотечественников) следует отнести учет лиц, проживающих на определенной территории. Деятельность участковых уполномоченных полиции необходимо признать наиболее важной и основополагающей в формировании уголовной политики в сфере незаконной миграции. Связано это не в последнюю очередь с тем фактом, что этническая преступность исключает какую-либо возможность агентурной работы российских органов внутренних дел среди, например, выходцев из Средней Азии по очевидным причинам. В этой связи единственным сдерживающим фактором иностранной преступности и снижением общественной нетерпимости к мигрантам будет являться исключительно обеспечение законности, как гарантия защищенности граждан Российской Федерации от любых посягательств на их права и свободы, так и соблюдение законодательства России со стороны

всех остальных лиц — будь то трудовые мигранты или новые граждане страны.

При этом от эффективного выполнения правоохранительными органами своих обязанностей напрямую зависит результативность работы как по профилактике данного вида преступности, так и противодействие ей. Таким образом, структура осуществления законности представляет собой целостную систему, заключающуюся в специальной правоохранительной деятельности (контроле выполнения норм права), повышении практики применения уголовного закона, борьбе с коррупцией и развитии правовой культуры общества, что в совокупности обеспечивает гарантии безопасности всех участников миграционных правоотношений.

Законодательство о гражданстве Российской Федерации предусматривает основания его прекращения для натурализованных граждан в случае совершения ими ряда преступлений, перечисленных в законе¹². Вместе с тем уголовный закон как основной нормативно-правовой акт, устанавливающий преступность и наказуемость деяния, а также иные уголовно-правовые последствия (в данном случае прекращение гражданства) должен осуществлять и превентивную функцию. Соответственно, прекращение гражданства как вид дополнительного наказания, на наш взгляд, необходимо внести в перечень наказаний, перечисленных в ст. 44 и 45 УК РФ. Полагаем также, что прекращение гражданства в качестве дополнительного наказания должно максимально применяться к новым гражданам, нарушившим уголовное законодательство страны, в случае совершения ими любых умышленных тяжких и особо тяжких преступлений.

* * *

Таким образом, формирование эффективной уголовной политики в сфере незаконной миграции, на наш взгляд, должно состоять из трех этапов: 1) совершенствование публично-правового законодательства, регулирующего деятельность национальных диаспор и определение их правового статуса в рамках законодательства о некоммерческих объединениях, с наделением их соответствующими правами и обязанностями; 2) реализация уголовно-правовых механизмов соблюдения законности в сфере миграционных процессов, ранняя профилактика преступности, осуществляемая на этапе въезда в страну, включающая комплекс мер по полной идентификации личности (дактилоскопия и отбор генетических материалов); 3) реализация процедур прекращения гражданства

¹² См.: Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ст. 24) // СЗ РФ. 2023. № 18, ст. 3215.

в следствие совершения определенных преступлений, а также введение в уголовное законодательство дополнительного вида наказания — прекращения приобретенного гражданства.

Предложенный комплексный подход позволит качественно повысить уровень противодействия этнической преступности, формирующейся на фоне больших потоков как легальной, так и нелегальной миграции, а также снизить градус социальной напряженности, повысив уровень доверия общества к государственной власти и проводимой ею уголовно-правовой политике в данной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асмандиярова Н.Р.* Мониторинг общественного мнения как инструмент в предупреждении незаконной миграции // *Право: ретроспектива и перспектива.* 2020. № 2. С. 61–67.
2. *Буткевич С.А.* Дерадикализация миграционных процессов в современных условиях: криминологический аспект // *Вестник Волгоградской академии МВД России.* 2022. № 2. С. 31–39.
3. *Бучакова М.А., Грязнова Т.Е.* Институт гражданства: вопросы теории и правоприменительной практики // *Психопедагогика в правоохранительных органах.* 2023. № 1. С. 115–119.
4. *Грибунов О.П., Залескина А.Н., Терещенко А.А.* Характеристика личности преступников, входящих в организованные преступные группы, созданные на этнической основе: криминологический аспект // *Вестник Уфимского юрид. ин-та МВД России.* 2021. № 2. С. 112–118.
5. *Долгиева М.М., Долгиев М.М.* Правовой режим международных санкций и цифровой рубль // *Имущественные отношения в Российской Федерации.* 2023. № 3. С. 59–65.
6. *Долгиева М.М., Долгиев М.М.* Уголовная ответственность за нарушение законодательства об иностранных

агентах // *Вестник Томского гос. ун-та.* 2023. № 488. С. 204–209.

7. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 22; т. 33. С. 9.
8. *Тишкин Д.Н., Бабенко С.В., Костенко Н.С.* Организованная преступность как глобально-криминальная система // *Философия права.* 2023. № 2. С. 138–145.

REFERENCES

1. *Asmandiyarova N.R.* Monitoring of public opinion as a tool in preventing illegal migration // *Law: retrospect and perspective.* 2020. No. 2. Pp. 61–67 (in Russ.).
2. *Butkevich S.A.* Deradicalization of migration processes in modern conditions: criminological aspect // *Herald of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2022. No. 2. Pp. 31–39 (in Russ.).
3. *Buchakova M.A., Gryaznova T.E.* Institute of Citizenship: issues of theory and law enforcement practice // *Psychopedagogy in law enforcement agencies.* 2023. No. 1. Pp. 115–119 (in Russ.).
4. *Gribunov O.P., Zaleskina A.N., Tereshchenko A.A.* Personality characteristics of criminals belonging to organized criminal groups created on an ethnic basis: criminalistic aspect // *Herald of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2021. No. 2. Pp. 112–118 (in Russ.).
5. *Dolgieva M.M., Dolgiev M.M.* The legal regime of international sanctions and the digital ruble // *Property relations in the Russian Federation.* 2023. No. 3. Pp. 59–65 (in Russ.).
6. *Dolgieva M.M., Dolgiev M.M.* Criminal liability for violation of legislation on foreign agents // *Herald of Tomsk State University.* 2023. No. 488. Pp. 204–209 (in Russ.).
7. *Lenin V.I.* Complete works. Vol. 30. P. 22; vol. 33. P. 9 (in Russ.).
8. *Tishkin D.N., Babenko S.V., Kostenko N.S.* Organized crime as a global criminal system // *Philosophy of Law.* 2023. No. 2. Pp. 138–145 (in Russ.).

Сведения об авторах

ДОЛГИЕВ Магомед Муратбекович — кандидат экономических наук, член Ассоциации юристов России; 101000 г. Москва, Мясницкая ул., д. 24/1, стр. 1
ORCID: 0000-0003-2543-4502

ДОЛГИЕВА Мадина Муссаевна — доктор юридических наук, почетный работник прокуратуры РФ, старший прокурор Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации; 125993 г. Москва, ул. Б. Дмитровка, д. 15а, стр. 1
ORCID: 0000-0001-8308-6038

Authors' information

DOLGIEV Magomed M. — Candidate of Economic Sciences, Member of the Association of Lawyers of Russia; 24/1, bld. 1 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

DOLGIEVA Madina M. — Doctor of Law, Honorary Employee of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Senior Prosecutor of the Main Criminal Judicial Department of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; 15a, bld. 1 B. Dmitrovka str., 125993 Moscow, Russia

УДК 341.9

ТРАНСГРАНИЧНАЯ БЕЗБУМАЖНАЯ ТОРГОВЛЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: РАЗРАБОТКА БЛАГОПРИЯТНЫХ ДЛЯ РОССИИ ПРАВОВЫХ УСЛОВИЙ И ПРОЦЕДУР

© 2024 г. Н. И. Соловяненко

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: nina.coshkina@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.12.2023 г.

Аннотация. В статье предметом исследования являются современные юридические механизмы формирования благоприятных для России правовых условий торговли на международных рынках, осуществляемой в цифровом пространстве. В таком качестве рассматриваются положения Рамочного соглашения об упрощении процедур трансграничной безбумажной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Рамочное соглашение), которое представляет собою новейший договор ООН в области торговли и развития, полностью посвященный цифровизации торговых процессов и внедрению безбумажных технологических и юридических процедур (Россия присоединилась 10 июля 2023 г.). Автор анализирует: условия взаимного признания государствами электронных торговых документов и данных, а также обмена ими; юридические проблемы и предлагаемые решения для операционной совместимости национальных и субрегиональных систем «единого окна» и/или других систем безбумажной торговли; принципы электронного взаимодействия в коммерческих правоотношениях. В фокусе внимания автора находится комплексная юридическая, а также технологическая проблема согласования «по существу эквивалентного уровня надежности» трансграничного обмена электронными торговыми документами, который является основным условием для их взаимного признания сторонами и основным элементом трансграничного пространства доверия. В этой связи сопоставляются различные международные и национальные правовые подходы к оценке надежности, трансграничного признания, а также юридической ответственности субъектов электронного взаимодействия за неблагоприятные последствия, которые могут наступить вследствие неисполнения ими обязанностей, связанных с таким взаимодействием. Ответственность рассматривается как существенный критерий надежности электронных операций. Автор предлагает включить наличие юридического механизма ответственности в сфере цифрового торгового взаимодействия (как национального, так и трансграничного) в число критериев (показателей) «цифровой зрелости» его участников. Особое внимание уделяется позиции России по вопросам осуществления Рамочного соглашения: согласования механизмов обеспечения «эквивалентного уровня надежности» и «самостоятельной оценке готовности национального законодательства Российской Федерации». В результате анализа положений Рамочного соглашения делается вывод о том, что оно корреспондирует правам, интересам и обязательствам Российской Федерации в сфере построения трансграничного пространства доверия Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: трансграничная безбумажная торговля, электронная торговля, упрощение процедур торговли, взаимное признание электронных документов, обмен электронными документами, трансграничное пространство доверия, доверенная третья сторона, «единое окно», электронный документ, электронная подпись, электронное взаимодействие.

Цитирование: Соловяненко Н.И. Трансграничная безбумажная торговля на современном этапе: разработка благоприятных для России правовых условий и процедур // Государство и право. 2024. № 5. С. 114–123.

DOI: 10.31857/S1026945224050122

CROSS-BORDER PAPERLESS TRADE AT THE PRESENT STAGE: DEVELOPMENT OF FAVORABLE FOR RUSSIA LEGAL CONDITIONS AND PROCEDURES

© 2024 N. I. Solovyankenko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: nina.coshkina@yandex.ru

Received 11.12.2023

Abstract. In the article, the subject of the study is modern legal mechanisms for the formation of favorable legal conditions for trade in international markets carried out in the digital space for Russia. As such, the provisions of the Framework Agreement on the Simplification of Procedures for Cross-Border Paperless Trade in the Asia-Pacific Region (Framework Agreement), which is the newest UN treaty in the field of trade and development, fully dedicated to the digitalization of trade processes and the introduction of paperless technological and legal procedures (Russia joined on July 10, 2023), are considered. The author analyzes the conditions for mutual recognition by states electronic trade documents and data, as well as their exchange; legal problems and proposed solutions for the interoperability of national and sub-regional single window systems and/or other paperless trading systems; principles of electronic interaction in commercial legal relations. The author focuses on the complex legal and technological problem of agreeing on an “essentially equivalent level of reliability” of the cross-border exchange of electronic trade documents, which is the main condition for their mutual recognition by the parties and the main element of the cross-border space of trust. In this regard, various international and national legal approaches are compared to assess the reliability, cross-border recognition, as well as the legal responsibility of subjects of electronic interaction for adverse consequences that may occur as a result of their failure to fulfill obligations related to such interaction. Responsibility is considered as an essential criterion for the reliability of electronic transactions. The author proposes to include the existence of a legal mechanism of responsibility in the field of digital trade interaction (both national and cross-border) among the criteria (indicators) of the “digital maturity” of its participants. Particular attention is paid to Russia’s position on the implementation of the Framework Agreement: coordination of mechanisms to ensure an “equivalent level of reliability” and “independent assessment of readiness” of the national legislation of the Russian Federation. As a result of the analysis of the provisions of the Framework Agreement, it is concluded that it corresponds to the rights, interests and obligations of the Russian Federation in the field of building a cross-border trust space of the Eurasian Economic Union.

Key words: cross-border paperless trade, electronic commerce, trade facilitation, mutual recognition of electronic documents, exchange of electronic documents, cross-border trust space, trusted third party, “single window”, electronic document, electronic signature, electronic interaction.

For citation: Solovyankenko, N.I. (2024). Cross-border paperless trade at the present stage: development of favorable for Russia legal conditions and procedures // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 114–123.

Особо важной юридической задачей является формирование благоприятных для России правовых условий торговли на международных рынках, «которые сегодня выступают локомотивами, драйверами мировой экономики — рынках будущего»¹, в том числе в приоритетном для внешнеэкономической стратегии Российской Федерации Азиатско-Тихоокеанском регионе. На XXVI Петербургском международном экономическом форуме указывалось на кардинальное упрощение регулирования внешней торговли, использование площадок электронной торговли с целью продвижения отечественной продукции, а также на потребность в удобных для бизнеса инструментах поддержки электронной торговли. В этой связи в числе правовых инструментов такой поддержки необходимо назвать Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 288-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Рамочному соглашению об упрощении процедур трансграничной безбумажной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе»², направленному на ускорение *экспортно-импортных и транзитных операций*³. Соответствующий законопроект был внесен в Государственную Думу Правительством РФ 21 апреля 2023 г.⁴

Отношения России с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), в том числе Юго-Восточной Азии, активизировались по многим направлениям, «поскольку центр мировой политики и экономики смещается в этот регион»⁵.

¹ Выступление Владимира Путина на пленарном заседании ПМЭФ-2023. Стенограмма. 16 июня, rg.ru. власть. URL: <https://rg.ru/2023/06/16/reg-szfo/vystuplenie-vladimira-putina-na-plenarnom-zasedanii-pmef-2023-stenogramma.html> (дата обращения: 31.07.2023).

² См.: СЗ РФ. 2023. № 29, ст. 5306.

³ Текст Рамочного соглашения, финальная редакция которого была принята на 72-й сессии Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) 15–19 мая 2016 г., был согласован под председательством российской стороны и при участии 27 государств — членов ЭСКАТО 21–25 марта 2016 г. (см.: URL: <https://tass.ru/ekonomika/17582861>). Рамочное соглашение вступило в силу в феврале 2021 г. Участниками Рамочного соглашения являются также Азербайджан, Бангладеш, КГР, Иран, Монголия, Филиппины, Республика Корея, Таджикистан, Тимор-Лешти, Туркменистан и Тувалу. Рамочное соглашение открыто для присоединения других государств — членов ЭСКАТО. По информации Секретариата ЭСКАТО, порядка 15 стран, включая четыре из пяти государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), находятся в процессе присоединения к Рамочному соглашению или рассматривают такую возможность.

⁴ См.: постановление Правительства РФ от 21.04.2023 № 632 «О присоединении Российской Федерации к Рамочному соглашению об упрощении процедур трансграничной безбумажной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе» // СЗ РФ. 2023. № 17, ст. 3168.

⁵ Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова газете «Аргументы и факты», Москва, 8 октября 2022 г. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1833089/ (дата обращения: 31.07.2023).

Так, например, «объем поставок российской сельскохозяйственной продукции в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в 2023 г. увеличился на 10% и составил 8 млрд долл. Крупнейшими импортерами российской аграрной продукции в регионе являются КНР, Южная Корея, Япония и Вьетнам. В Министерстве сельского хозяйства РФ «ожидают, что КНР и Вьетнам будут наращивать закупки на фоне урбанизации и опережающего роста доходов населения»⁶. В области российско-китайского экономического сотрудничества ведущие направления охватывают увеличение масштабов и оптимизацию структуры торговли, в т.ч. за счет развития электронной торговли и иных инновационных инструментов, углубление взаимодействия в сферах цифровой экономики»⁷.

Рамочное соглашение об упрощении процедур трансграничной безбумажной торговли⁸ в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) (далее — Рамочное соглашение) является новейшим договором ООН в области торговли и развития, который полностью посвящен цифровизации торговых процессов: присоединившиеся к нему государства отдают приоритет внедрению безбумажных технологических и юридических процедур. Рамочное соглашение предусматривает создание условий для взаимного признания государствами связанных с торговлей электронных документов и данных⁹ и обмена ими; продвижение согласованных инициатив по достижению операционной совместимости национальных и субрегиональных систем «единого окна»¹⁰ и/или других систем безбумажной торговли. Данное соглашение предполагает

⁶ Линник Матвей. Россия в 2022 г. поставила сельхозпродукцию в страны АТР на 8 млрд долларов // RGRU «Экономика». 2023. 27 мая. URL: <https://rg.ru/2023/05/27/rossiya-v-2022-godu-postavila-selhozprodukciiu-v-strany-atr-na-8-mlrd-dollarov.html> (дата обращения: 31.07.2023).

⁷ См.: Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики о плане развития ключевых направлений российско-китайского экономического сотрудничества до 2030 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5919>

⁸ «Трансграничная безбумажная торговля» — осуществление торговли товарами, включая их импорт, экспорт, транзит и связанные услуги, на основе электронных сообщений, включая обмен документами и данными о торговле в электронной форме (п. «а») ст. 3 Рамочного соглашения).

⁹ «Взаимное признание» означает взаимное признание действительности торговых данных и документов в электронной форме, трансграничный обмен которыми осуществляется между двумя или большим числом стран (п. «g») ст. 3 Рамочного соглашения).

¹⁰ «Единое окно» — механизм, позволяющий сторонам, участвующим в торговых операциях, представлять данные и документы в электронной форме с использованием единого пропускного канала в целях выполнения всех регулирующих требований, касающихся импорта, экспорта и транзита (п. «h») ст. 3 Рамочного соглашения).

повышение эффективности и прозрачности международных торговых операций при строгом следовании нормативным требованиям. Безбумажная торговля обеспечивает ее участникам значительную экономию, в том числе за счет как более быстрого перемещения товаров, сокращения затрат на содержание складских запасов и оптимального использования транспортной и логистической инфраструктуры, так и уменьшения операционных издержек, связанных с соблюдением нормативных требований. Исследования ЭСКАТО показывают, что содействие цифровизации и внедрение трансграничной безбумажной торговли позволит снизить операционные издержки на 10–30%, кроме того, имеет немаловажное значение для успешного реагирования на кризисные ситуации, поскольку она сыграла ключевую роль в поддержании товарооборота при сокращении физических контактов в условиях кризиса, связанного с COVID-19¹¹.

Рамочное соглашение направлено на повышение конкурентоспособности и экономического роста в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона, которые стремятся активизировать торговые операции, в том числе путем сокращения отставания ряда стран в сфере цифровой экономики, внедрения автоматизированных таможенных систем, электронного «единого окна» и упрощения процедур торговли. Участие России в Рамочном соглашении будет также способствовать усилению инновационной активности российских IT-компаний и продвижению отечественных технологий в сфере трансграничного электронного взаимодействия¹².

Цифровизация трансграничной торговли как фактор повышения ее эффективности и прозрачности – универсальное мировое явление в экономической и правовой сфере. Экспоненциальный рост стоимостного объема коммерческой деятельности в режиме онлайн сопровождается сопоставимым увеличением количества операций с электронными документами и сообщениями. При наличии соответствующей правовой и технической базы в отдельных государствах или объединениях государств, тем не менее два вида препятствий могут помешать применению электронного документооборота на международном уровне: техническая несовместимость, ведущая к операционной несовместимости, и юридические барьеры для трансграничного признания электронных документов.

¹¹ См.: URL: <https://www.unescap.org/projects/cpta>; <https://www.digitalizetrade.org> (дата обращения: 31.07.2023).

¹² См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О присоединении Российской Федерации к Рамочному соглашению об упрощении процедур трансграничной безбумажной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/343040-8> (дата обращения: 31.07.2023).

Задача преодоления указанных препятствий неизменно является предметом исследования как юристов, так и специалистов в области высоких технологий, причем все чаще – в междисциплинарном понимании. Предлагаемые способы ее решения включают разработку международных соглашений, моделей регулирования, в том числе на базе технологии блокчейн, а также национальных и международных стандартов, обеспечивающих совместимость, интероперабельность юридических и технических конструкций¹³.

Рамочное соглашение позволяет производить трансграничный обмен юридически значимыми электронными сообщениями, документами и иными электронными данными между государственными органами (GtoG) и государственными органами и бизнесом (GtoB) в надежной (безопасной) цифровой среде. Конечной целью безбумажной торговли является дематериализация и оцифровка всех информационных потоков, связанных с коммерческими транзакциями, для всех заинтересованных сторон. В этой связи Рамочное соглашение корреспондирует документам по электронной торговле Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ)¹⁴, которая активно участвовала в разработке Рамочного соглашения. В первую очередь в нем декларируется приверженность общим принципам электронного взаимодействия в коммерческих правоотношениях:

¹³ См.: *Kustov V.N., Silanteva E.S.* Mutual Recognition Mechanism of Legally Significant E-Documents and Data in Cross-Border Document Flow // В сб.: *Journal of Physics: Conference Series*. 23. Сер. “XXIII International Conference on Soft Computing and Measurement, SCM 2020”. 2020. С. 012011; *Сабанов А.Г.* Методика формулирования задач по совершенствованию нормативно-правовой базы построения пространства доверия к электронным документам с правовыми последствиями // *Защита информации*. Инсайт. 2016. № 5 (71). С. 14–19; *Ловцов Д.А., Терентьева Л.В.* Правовое регулирование международных коммерческих электронных контрактов. Технологические и правовые аспекты электронной подписи // *Lex russica (Русский закон)*. 2000. Т. 73. № 7 (164). С. 115–126. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.164.7.115–126; *Renard R., Ortiz M.R., Kuyler O., Beck S.* Digitalizing Trade in Asia Needs Legislative Reform // *International journal of blockchain law*. Global Blockchain Business Council. Geneva. March 2022. С. 43–47. IJBL–Volume-II.pdf (gbbcouncil.org); *Weber R.H.* Legal Framework for the Single Window Concept in ASEAN: A Successful Movement towards Trade Facilitation in East Asian Countries // *Asian Journal of Law and Economics*. 2012. Vol. 2. No. 4. Pp. 1–24. DOI: 10.1515/2154-4611.1060; *Ganne E.* Blockchain’s Practical and Legal Implications for Global Trade and Global Trade Law. In: M. Burri (ed.). *Big Data and Global Trade Law*. Cambridge, 2021. Pp. 128–159. DOI: 10.1017/9781108919234.009

¹⁴ К ним относятся Типовые законы ЮНСИТРАЛ: «Об электронной торговле», «Об электронных подписях», «Об электронных передаваемых записях»; Конвенция ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах; проект типового закона «Об использовании и трансграничном признании управления идентификационными данными и удостоверительных услуг».

«недискриминации», «функциональной эквивалентности», «технологической нейтральности законодательства», с которыми непосредственно связаны принципы «повышения уровня оперативной совместимости» и «совершенствования трансграничного пространства доверия»¹⁵. Закреплен также принцип сотрудничества между государственным и частным секторами при осуществлении деятельности в рамках соглашения на национальном и региональном уровнях. Отмечая потребность в благоприятной правовой среде для трансграничной безбумажной торговли и обмена данными и документами в электронной форме, Рамочное соглашение предусматривает положение о принятии национальных законов и иных нормативных правовых актов, регулирующих применение этих принципов. В то же время подчеркивается самостоятельность сторон в разработке собственной законодательной основы безбумажной торговли. В этой связи необходимо отметить, что выше-названные принципы и ранее нашли отражение в российском законодательстве, регулирующем электронный документооборот. Так, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (п. 8 ст. 3) содержит общее положение о технологической нейтральности правового регулирования отношений в сфере информации, в том числе документированной информации. В Федеральном законе от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ст. 4) зафиксированы принципы недискриминации и технологической нейтральности в отношении использования электронных подписей в электронных документах. Подобные принципы закреплены в нормативных актах Евразийского экономического союза¹⁶.

¹⁵ «Недискриминация» означает, что «документ не будет лишен юридической силы, действительности или исковой силы только на том основании, что он создан в электронной форме; «функциональная эквивалентность» предполагает, что электронные сообщения могут выполнять ту же юридическую функцию, что и документы на бумаге (поскольку у некоторых электронных сообщений может не существовать бумажного эквивалента, в их отношении соблюдение правила функциональной эквивалентности не требуется); «технологическая нейтральность» означает, что законодательство не должно содержать предписания и не выражать предпочтения в отношении использования каких-либо конкретных технологий, благодаря чему оно позволяет учесть развитие технологий в будущем (см., напр.: Комиссия ООН по праву международной торговли. 55-я сессия. Нью-Йорк, 27–15.07.2022 г. Проект типового закона об использовании и трансграничном признании управления идентификационными данными и удостоверяющих услуг. Записка Секретариата. П. 41–46; 233–235. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V22/009/40/PDF/V2200940.pdf?OpenElement> (дата обращения: 31.07.2023)).

¹⁶ В п. 1 ст. 23 Договора о Евразийском экономическом союзе установлен принцип трансграничного пространства доверия в рамках Союза. Протокол

Сторонам Рамочного соглашения рекомендует-ся, придерживаясь указанных принципов, создавать или модернизировать системы «единого окна» в целях использования для трансграничной безбумажной торговли. Вместе с тем вслед за Яном Дювалем, руководителем секции торговой политики и упрощения процедур в ЭСКАТО ООН, необходимо указать, что Рамочное соглашение открыто с точки зрения того, как страны могут обмениваться друг с другом электронными данными и документами. Очевидно, что в нем предполагается использование «единого окна», но одним из важных замечаний, сделанных странами в ходе переговоров по соглашению, было то, что это не единственный способ безбумажного взаимодействия. Данный международный договор предоставляет пространство (платформу) для планирования и разработки решений, которые могут быть подходящими для разных стран; в целях содействия гармонизации и интероперабельности различных систем, в том числе действующих двусторонних или региональных инициатив, например Соглашения о создании и внедрении «Единого окна» АСЕАН¹⁷.

В Российской Федерации постановлением Правительства РФ от 28 января 2022 г. № 65 утверждены Правила функционирования информационной системы «Одно окно» в сфере внешнеторговой деятельности¹⁸. Посредством данной системы органы государственной власти Российской Федерации, органы валютного контроля и иные организации в соответствии с их компетенцией взаимодействуют в безбумажной (электронной) форме с участниками внешнеторговой деятельности при осуществлении государственного контроля (надзора), предоставлении государственных услуг, исполнения государственных функций, предоставления иных услуг в указанной сфере. Расходы, связанные с созданием, развитием и эксплуатацией системы «Одно окно», финансируются за счет средств федерального бюджета, предусмотренных на государственную поддержку акционерного общества «Российский экспортный центр», который является оператором данной системы, а также могут финансироваться из внебюджетных источников.

об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза (приложение № 3 к Договору о ЕАЭС) закрепил принцип недискриминации в отношении электронных документов и признание таких документов равным по юридической силе аналогичным документам на бумажном носителе.

¹⁷ Ян Дюваль, руководитель секции торговой политики и упрощения процедур в ЭСКАТО ООН, объясняет GTR, что будет означать Рамочное соглашение для оцифровки торговли и намечает следующие шаги. URL: <https://www.gtreview.com/news/asia/analysis-the-impact-of-the-unescap-agreement-on-cross-border-paperless-trade/> (дата обращения: 31.07.2023).

¹⁸ См.: СЗ РФ. 2022. № 6, ст. 876.

В соответствии с Рамочным соглашением из всей совокупности мер содействия трансграничной безбумажной торговле на практике в первую очередь требуется согласование таких комплексных юридических, а также технических вопросов как обеспечение «по существу эквивалентного уровня надежности» обмена электронными торговыми документами и сообщениями, в котором заинтересованы стороны (п. 2 ст. 8). Согласованный уровень надежности является основным условием для их трансграничного взаимного признания и представляет собой практическую реализацию принципа трансграничного пространства доверия.

Общий правовой подход к оценке надежности способа передачи электронных сообщений зафиксирован, в частности, в Конвенции ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах (Нью-Йорк, 2005 г.)¹⁹. Юридические механизмы оценки надежности, ответственности и трансграничного признания подробно рассматриваются в руководстве по правовым вопросам международного использования электронных методов удостоверения подлинности и подписания²⁰. В соответствии с ранее принятыми документами ЮНСИТРАЛ правовые подходы и механизмы оценки надежности представлены в проекте Типового закона об использовании и трансграничном признании управления идентификационными данными и удостоверительных услуг (далее — Типового закона). Ряд положений Типового закона посвящен использованию надежного метода для оказания удостоверительных услуг, подтверждающих авторство, целостность, дату и время совершения действий в отношении электронных документов, сообщений и иных цифровых данных и гарантирующих их достоверность, т.е. «качество» данных²¹, которое имеет важнейшее значение для создания доверия при обмене электронными документами и сообщениями. Доверие — необходимое условие

безбумажной, цифровой торговли²². В указанном Типовом законе продемонстрированы два различных подхода к оценке надежности. К первому относится предварительное назначение надежных удостоверительных услуг на основе перечня заранее определенных общих критериев, таких как безопасность аппаратного и программного обеспечения; финансовые и людские ресурсы, в том числе наличие активов; регулярность и объем ревизии, проводимой независимым органом; заявление надзорного (аккредитующего) органа о надежности таких услуг; соглашения между сторонами, включающее любое ограничение целей или стоимостного объема электронных операций и ряд других. Второй подход предполагает ретроспективное определение надежности.

Первый подход требует создания институционального механизма: государство указывает учреждение (частное или публичное), отвечающее за такое назначение. Так, в российском законодательстве об электронной подписи с 2021 г. предусмотрена т.н. доверенная третья сторона, являющаяся юридическим лицом, прошедшим на добровольной основе процедуру аккредитации. Деятельность доверенной третьей стороны принадлежит к числу удостоверительных услуг, используемых участниками электронного взаимодействия в целях обеспечения доверия при обмене данными и электронными документами. Она состоит в проверке электронной подписи в электронных документах в конкретный момент времени и иных предусмотренные законом функций: подтверждении полномочий участников электронного взаимодействия, хранении данных, в том числе документировании выполняемых операций и ряде других²³. Юридическая роль аккредитованной доверенной третьей стороны в сфере трансграничного электронного взаимодействия заключается в удостоверении соответствия электронных подписей, созданных в соответствии с нормами права иностранного государства и международными

¹⁹ Способ передачи электронных сообщений является настолько надежным, насколько это соответствует цели, для которой электронное сообщение было подготовлено или передано, с учетом всех обстоятельств, включая любые соответствующие договоренности; либо, как это фактически продемонстрировано на основании самого способа или с помощью дополнительных доказательств, он позволил выполнить указанные функции (п. 3 ст. 9).

²⁰ Секретариат ЮНСИТРАЛ, «Содействие укреплению доверия к электронной торговле: правовые вопросы международного использования электронных методов удостоверения подлинности и подписания» (2007), издание ООН. № R.09.V.4. 20/51 V.22-00940 A/CN.9/1112 (дата обращения: 31.07.2023).

²¹ Удостоверительные услуги включают методы создания электронных подписей, электронных печатей, электронных отметок времени, аутентификации веб-сайта, электронного архивирования и электронной регистрации доставки и управления ими.

²² См. об этом: Баранов А. П. Электронная подпись и пространство доверия // Налоговая политика и практика. 2012. № 5 (113). С. 66–69; Соловяненко Н. И. Осуществление прав физических и юридических лиц в области использования электронных подписей как условие доверия в цифровой среде // Государство и право. 2022. № 11. С. 192–196; Кустов В. Н., Станкевич Т. Л. Трансграничное пространство доверия как составная часть софт-инфраструктуры международной электронной коммерции // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. 2018. Т. 2. С. 259–262.

²³ Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» дополнен ст. 18.1 с 01.01.2021 г. (см.: Федеральный закон от 27.12.2019 № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об электронной подписи” и статью 1 Федерального закона “О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля”» // СЗ РФ. 2019. № 52 (ч. I), ст. 7794).

стандартами, условиям международных договоров Российской Федерации (ч. 3 ст. 7 Федерального закона «Об электронной подписи»), а при отсутствии международного договора Российской Федерации — условиям соглашения между участниками такого взаимодействия²⁴.

По общему правилу условия применения институционального механизма не должны приводить к установлению требований, навязывающих конкретные технологии и соответственно противоречащих принципу технологической нейтральности. Напротив, такой механизм должен быстро адаптироваться к развитию технологий, чтобы не препятствовать инновациям и не подвергать дискриминации удостоверяющие услуги, которые не входили в число назначенных, хотя являются доступными и основанными на надежных методах.

Ретроспективное определение надежности представляет собой другой возможный подход, в соответствии с которым электронные операции производятся без предварительной оценки надежности. Необходимость такой оценки ограничивается случаями возникновения спора. Данный подход обеспечивает максимальную гибкость для сторон в выборе технологий электронного документооборота. Он не требует создания какого-либо институционального механизма, что, с одной стороны, позволяет избежать сопутствующих расходов, но, с другой — может не обеспечивать высокий уровень предсказуемости в отношении используемого метода до его практического применения и тем самым подвергает стороны риску, что этот метод может быть признан ненадежным.

Указанные подходы к методам оценки надежности операций, совершаемых с электронными документами, сообщениями и иными данными обычно считаются совместимыми и взаимодополняющими. Комбинированный подход строится, например, на положениях ст. 6 и 7 Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле²⁵. В нем не отдается предпочтения какому-либо одному из механизмов, но преследуется цель объединить преимущества обоих, сведя к минимуму их недостатки, и в итоге предоставить сторонам возможность выбора предпочтительного решения.

В этой связи необходимо особо указать, что существенным критерием надежности операций, совершаемых с электронными документами, сообщениями и иными данными, является ответственность

субъектов электронного взаимодействия за неблагоприятные последствия, которые могут наступить в случае неисполнения ими обязанностей, связанных с таким взаимодействием. Режим ответственности способен оказать значительное влияние на правовое регулирование использования электронных документов как в национальном, так и международном контексте, и является одним из основных его элементов. Следует назвать различные юридические решения, включающие как отказ от специального режима ответственности, так и закрепление положений об ответственности, которые применяются ко всем субъектам обмена электронными документами, сообщениями и иными данными или только к отдельным его участникам. Распределение ответственности участников обмена электронными документами осуществляется на основе договора или в силу закона. Последнее является предпочтительным, чтобы исключить возможность отказа от ответственности по соглашению и кроме того, законодательные нормы могут применяться в отсутствие договора в интересах третьих лиц, полагающихся на надежность такого взаимодействия — получателей электронных документов и сообщений. Вместе с тем закон, как правило, позволяет участникам электронного взаимодействия ограничивать свою ответственность. Например, в проекте типового закона ЮНСИТРАЛ об использовании и трансграничном признании управления идентификационными данными и удостоверяющих услуг в отношении поставщиков таких услуг наряду с ответственностью за убытки, причиненные абоненту (лицу, заключившему соглашение об оказании услуг) или полагающейся стороне в результате невыполнения поставщиком своих обязанностей, закреплены условия ограничения ответственности (ст. 24)²⁶.

В Федеральном законе «Об электронной подписи» предусмотрена ответственность доверенной третьей стороны. Последняя в силу ч. 3 ст. 18¹ несет гражданско-правовую и (или) административную ответственность в соответствии с международными договорами Российской Федерации, законодательством Российской Федерации за неисполнение обязанностей, установленных указанным законом и иными принимаемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, а также

²⁴ См.: часть 4 ст. 7 Федерального закона «Об электронной подписи» (в ред. Федерального закона от 04.08.2023 № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») // Росс. газ. 2023. 9 авг.

²⁵ См.: Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле и Руководство по принятию 1996 г. (un.org) (дата обращения: 31.07.2023).

²⁶ Поставщик удостоверяющих услуг не несет ответственности перед абонентом за убытки, понесенные в результате использования удостоверяющей услуги, в том случае, если: такое использование выходит за рамки ограничений в отношении целей или стоимости операции, для которой используется удостоверяющая услуга и эти ограничения закреплены в соглашении между поставщиком удостоверяющих услуг и абонентом. В отношении ответственности перед полагающейся стороной, не имеющей соглашения с поставщиком удостоверяющих услуг, действует условие о том, что поставщик удостоверяющих услуг выполнил свои обязанности, предусмотренные законом, в отношении этой операции.

за нарушение порядка реализации функций доверенной третьей стороны и исполнения ее обязанностей. Если участие доверенной третьей стороны при обмене электронными документами предусмотрено международными договорами Российской Федерации, она несет ответственность за ненадлежащее исполнение своих обязательств, повлекшее причинение вреда участникам трансграничного электронного взаимодействия и иным лицам, за нарушения в области защиты персональных данных и иных обрабатываемых в соответствии с целями и задачами своей деятельности конфиденциальных сведений²⁷. Специальных положений об ограничении указанной ответственности или освобождения от нее российский закон не содержит. В Евразийском экономическом союзе согласно п. 18 Требований к созданию, развитию и функционированию трансграничного пространства доверия²⁸ предусмотрена ответственность операторов общей инфраструктуры документирования информации в электронном виде (в том числе служб доверенной третьей стороны) за ущерб, причиненный субъектам электронного взаимодействия в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей, предусмотренных названным нормативным актом ЕАЭС и законодательством государства-члена, в государственный компонент которого они входят. Представляется, что наличие юридического механизма ответственности в сфере цифрового торгового взаимодействия (как национального, так и трансграничного) должно быть включено в число критериев (показателей) «цифровой зрелости» субъектов такого взаимодействия. О необходимости таких критериев (показателей) и их закреплении в законодательстве справедливо утверждают ученые-юристы²⁹.

В Рамочном соглашении конкретные условия и механизмы обеспечения «по существу эквивалентного уровня надежности» не названы.

²⁷ В соответствии с Положением о доверенной третьей стороне при обмене электронными документами в случаях, если ее участие в таком обмене предусмотрено международными договорами Российской Федерации (приложение № 2 к приказу Минкомсвязи России от 11.04.2017 № 187). Принято в соответствии с п. 5.13 Положения о Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (утв. постановлением Правительства РФ от 02.06.2008 г. № 418 // СЗ РФ. 2008. № 23, ст. 2708).

²⁸ См.: Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 05.12.2018 № 96 «О требованиях к созданию, развитию и функционированию трансграничного пространства доверия» (вместе с «Положением о комиссии по проверке компонентов общей инфраструктуры документирования информации в электронном виде на соответствие требованиям к созданию, развитию и функционированию трансграничного пространства доверия») // В официальных источниках опубликовано не было.

²⁹ См.: Полякова Т.А., Минбалева А.В. Понятие и правовая природа «цифровой зрелости» // Государство и право. 2021. № 9. С. 107–116.

В соответствии с п. 2 ст. 8 они будут взаимно согласовываться сторонами в процессе его имплементации. Необходимо указать, что в соответствии с позицией России конкретные параметры «по существу эквивалентного уровня надежности» включают механизм юридической ответственности субъектов электронного взаимодействия, в том числе доверенной третьей стороны за неблагоприятные последствия, наступившие в результате неисполнения обязательств, возникающих в связи с трансграничным обменом торговыми данными и документами в электронной форме, что отвечает национальному законодательству Российской Федерации.

Рамочное соглашение предусматривает в целях его осуществления формирование институциональных процедур и механизмов: Совета по безбумажной торговле, его Постоянного комитета; вспомогательных рабочих групп (ст. 11), а также выполнение экспериментальных проектов, содействующих обмену опытом и передовой практикой в области трансграничного электронного торгового документооборота (ст. 13). Как было отмечено ранее, одним из семи ключевых принципов, закрепленных в соглашении, является государственно-частное сотрудничество, поэтому ожидается, что все, что делается в рамках соглашения на национальном и региональном уровнях, будет осуществляться с участием предпринимательского сектора. Проведение в жизнь Рамочного соглашения предполагается на основе комплексного плана действий, предусматривающего соответствующие задачи и графики их выполнения. Подобный график для каждой из сторон соглашения разрабатывается как часть плана действий на основе самостоятельной оценки стороной своей готовности. «Российская Федерация включает в понятие «самостоятельная оценка своей готовности» самостоятельную оценку собственного национального законодательства, которому график осуществления плана действий не может противоречить. Данная позиция Российской Федерации подчеркивает приоритетность национального законодательства каждой стороны, а также подтверждает ее право на самостоятельное определение задач и сроков разработки основ национальной политики для безбумажной торговли»³⁰.

Следует указать, что Рамочное соглашение или любые решения, принимаемые в соответствии с ним, не затрагивают права и обязательства сторон по любым действующим соглашениям или

³⁰ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О присоединении Российской Федерации к Рамочному соглашению об упрощении процедур трансграничной безбумажной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/343040-8> (дата обращения: 31.07.2023).

международным конвенциям, сторонами которых они также являются (ст. 16). Данное положение отвечает правам, интересам и обязательствам Российской Федерации в сфере построения трансграничного пространства доверия Евразийского экономического союза, осуществляемого на основе Договора о ЕАЭС³¹. Так, обмен электронными документами при трансграничном взаимодействии в сфере внешней и взаимной торговли производится в Интегрированной информационной системе (ИИС) ЕАЭС. Подключиться к данной интегрированной системе для участия в электронном взаимодействии возможно государственному органу или организации в рамках какого-либо общего процесса³². Система правового обеспечения трансграничного пространства доверия в ЕАЭС включает также возможные международные договоры в рамках ЕАЭС³³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. П. Электронная подпись и пространство доверия // Налоговая политика и практика. 2012. № 5 (113). С. 66–69.
2. Кустов В. Н., Станкевич Т. Л. Трансграничное пространство доверия как составная часть софт-инфраструктуры международной электронной коммерции // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. 2018. Т. 2. С. 259–262.

³¹ См.: Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза (приложение № 3 к Договору о Евразийском экономическом союзе) определяет трансграничное пространство доверия как совокупность правовых, организационных и технических условий, согласованных государствами-членами с целью обеспечения доверия при межгосударственном обмене данными и электронными документами между уполномоченными органами // В официальных источниках опубликован не был.

³² Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 14 апреля 2015 г. № 29 «О перечне общих процессов в рамках Евразийского экономического союза и внесении изменения в Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19 августа 2014 г. № 132» предусматривает общие процессы в таких сферах, как таможенное тарифное и нетарифное регулирование, конкурентная политика и государственные (муниципальные) закупки, прослеживаемость и маркировка товаров средствами идентификации, обращение лекарственных средств и медицинских изделий, применение ветеринарно-санитарных мер, транспортный (автомобильный) контроль и ряд других (см.: URL: https://docs.eaeunion.org/docs/gu-ru/0107533/clcd_16042015_29 (дата обращения: 31.07.2023)).

³³ См, напр.: Протокольное решение «О проекте Договора о порядке признания электронной цифровой подписи (электронной подписи) в электронном документе и обеспечения юридической силы электронных документов при трансграничном информационном взаимодействии между Российской Федерацией и Республикой Беларусь» // Правовой портал Союзного государства (xn -- clangbpdf.xn -- plai) (дата обращения: 31.07.2023).

3. Ловцов Д. А., Терентьева Л. В. Правовое регулирование международных коммерческих электронных контрактов. Технологические и правовые аспекты электронной подписи // Lex russica (Русский закон). 2000. Т. 73. № 7 (164). С. 115–126. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.164.7.115-126
4. Полякова Т. А., Минбалева А. В. Понятие и правовая природа «цифровой зрелости» // Государство и право. 2021. № 9. С. 107–116.
5. Сабанов А. Г. Методика формулирования задач по совершенствованию нормативно-правовой базы построения пространства доверия к электронным документам с правовыми последствиями // Защита информации. Инсайд. 2016. № 5 (71). С. 14–19.
6. Соловяненко Н. И. Осуществление прав физических и юридических лиц в области использования электронных подписей как условие доверия в цифровой среде // Государство и право. 2022. № 11. С. 192–196.
7. Ganne E. Blockchain's Practical and Legal Implications for Global Trade and Global Trade Law. In: M. Burri (ed.). Big Data and Global Trade Law. Cambridge, 2021. Pp. 128–159. DOI: 10.1017/9781108919234.009
8. Kustov V.N., Silanteva E.S. Mutual Recognition Mechanism of Legally Significant E-Documents and Data in Cross-Border Document Flow // В сб.: Journal of Physics: Conference Series. 23. Сер. 'XXIII International Conference on Soft Computing and Measurement, SCM 2020'. 2020. С. 012011.
9. Renard R., Ortiz M.R., Kuyler O., Beck S. Digitalizing Trade in Asia Needs Legislative Reform // International journal of blockchain law. Global Blockchain Business Council. Geneva. March 2022. С. 43–47. IJBL—Volume-II.pdf (gbbccouncil.org)
10. Weber R.H. Legal Framework for the Single Window Concept in ASEAN: A Successful Movement towards Trade Facilitation in East Asian Countries // Asian Journal of Law and Economics. 2012. Vol. 2. no. 4. Pp. 1–24. DOI: 10.1515/2154-4611.1060

REFERENCES

1. Baranov A. P. Electronic signature and the space of trust // Tax policy and practice. 2012. No. 5 (113). Pp. 66–69 (in Russ.).
2. Kustov V.N., Stankevich T.L. Cross-border trust space as an integral part of the software infrastructure of international e-commerce // International Conference on Soft Computing and Measurements. 2018. Vol. 2. Pp. 259–262 (in Russ.).
3. Lovtsov D.A., Terentyeva L.V. Legal regulation of international commercial electronic contracts. Technological and legal aspects of electronic signature // Lex russica (Russian Law). 2000. Vol. 73. No. 7 (164). Pp. 115–126. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.164.7.115-126 (in Russ.).
4. Polyakova T.A., Minbaleeva A.V. The concept and legal nature of “digital maturity” // State and Law. 2021. No. 9. Pp. 107–116 (in Russ.).
5. Sabanov A. G. Methodology for formulating tasks to improve the regulatory framework for building a space of trust in electronic documents with legal consequences // In-

- formation protection. Inside. 2016. No. 5 (71). Pp. 14–19 (in Russ.).
6. *Solovyanenko N.I.* The exercise of the rights of individuals and legal entities in the field of the use of electronic signatures as a condition of trust in the digital environment // State and Law. 2022. No. 11. Pp. 192–196 (in Russ.).
 7. *Ganne E.* Blockchain's Practical and Legal Implications for Global Trade and Global Trade Law. In: M. Burri (ed.). Big Data and Global Trade Law. Cambridge, 2021. Pp. 128–159. DOI: 10.1017/9781108919234.009
 8. *Kustov V.N., Silanteva E.S.* Mutual Recognition Mechanism of Legally Significant E-Documents and Data in Cross-Border Document Flow // В сб.: Journal of Physics: Conference Series. 23. Сер. 'XXIII International Conference on Soft Computing and Measurement, SCM 2020'. 2020. P. 012011.
 9. *Renard R., Ortiz M.R., Kuyler O., Beck S.* Digitalizing Trade in Asia Needs Legislative Reform // International journal of blockchain law. Global Blockchain Business Council. Geneva. March 2022. С. 43–47. IJBL–Volume-II.pdf (gbb-council.org)
 10. *Weber R.H.* Legal Framework for the Single Window Concept in ASEAN: A Successful Movement towards Trade Facilitation in East Asian Countries // Asian Journal of Law and Economics. 2012. Vol. 2. No. 4. Pp. 1–24. DOI: 10.1515/2154-4611.1060

Сведения об авторе

СОЛОВЯНЕНКО Нина Ивановна —
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник сектора
процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SOLOVYANENKO Nina I. —
PhD in Law,
Senior Researcher of the Procedural Law Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 342.413

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕИ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА И РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В КОНСТИТУЦИОННОЙ ДОКТРИНЕ

© 2024 г. А. В. Безруков^{1, 2, *}, А. В. Савоскин^{3, 4, **}

¹Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

²Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск

³Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург

⁴Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

*E-mail: abezrukov@bk.ru

**E-mail: savoskinav@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.02.2024 г.

Аннотация. В статье представлен аналитический обзор основных научных идей и трудов одного из ведущих российских конституционалистов, представителя уральской юридической школы, доктора юридических наук, профессора Анатолия Тихановича Карасёва в год его 70-летнего юбилея. Проведен анализ основных научных разработок ученого в сферах конституционного права, парламентаризма и парламентского права, конституционно-правового статуса российского парламентария, представительства в системе публичной власти и укрепления конституционного правопорядка. Показан весомый вклад юбиляра в развитие науки конституционного права в целом и отдельных конституционно-правовых институтов в частности (парламентского права, публичного представительства, системы публичной власти и др.). Сформулированы выводы о перспективном характере ключевых научных исследований А.Т. Карасёва, концентрации его научных изысканий на представительстве в системе публичной власти, парламентаризме и конституционно-правовом статусе российского парламентария как важнейших направлениях развития конституционной доктрины и практики.

Ключевые слова: конституционная доктрина, представительство в системе публичной власти, парламент, парламентаризм, российский парламентарий, депутат, представительная власть, законодательная власть, правопорядок.

Цитирование: Безруков А.В., Савоскин А.В. Формирование и развитие идеи представительства и российского парламентаризма в конституционной доктрине // Государство и право. 2024. № 5. С. 124–129.

DOI: 10.31857/S1026945224050138

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE IDEA OF REPRESENTATION AND RUSSIAN PARLIAMENTARISM IN THE CONSTITUTIONAL DOCTRINE

© 2024 A. V. Bezrukov^{1, 2, *}, A. V. Savoskin^{3, 4, **}

¹Siberian Federal University, Krasnoyarsk

²Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk

³Ural State University of Economics, Yekaterinburg

⁴Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg

*E-mail: abezrukov@bk.ru

**E-mail: savoskinav@yandex.ru

Received 15.02.2024

Abstract. The article presents an analytical review of the main scientific ideas and works of one of the leading Russian constitutionalists, a representative of the Ural law school, Doctor of Law, Professor Anatoly T. Karasev in the year of his 70th anniversary. The analysis of the main scientific developments of the scientist in the fields of Constitutional law, parliamentarism and Parliamentary Law, the constitutional and legal status of the Russian parliamentarian, representation in the system of public authority and strengthening the constitutional order is carried out. The author shows the significant contribution of the hero of the day to the development of the science of Constitutional Law in general and individual constitutional legal institutions in particular (Parliamentary Law, public representation, the system of public power, etc.). Conclusions are formulated about the promising nature of A.T. Karasev's key scientific research, the concentration of his scientific research on representation in the system of public power, parliamentarism and the Constitutional and legal status of the Russian parliamentarian as the most important areas of development of Constitutional doctrine and practice.

Key words: constitutional doctrine, representation in the system of public power, Parliament, parliamentarism, Russian parliamentarian, deputy, representative power, legislative power, law and order.

For citation: Bezrukov, A.V., Savoskin, A.V. (2024). Formation and development of the idea of representation and Russian parliamentarism in the constitutional doctrine // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 124–129.

Начало 2024 г. обусловлено весьма приятным событием — юридическая общественность отметила 70-летний юбилей известного ученого, доктора юридических наук, профессора Анатолия Тихановича Карасёва. Свой творческий путь тогда еще молодой, но талантливый и перспективный исследователь начал в советское время, и его пылкий ум и целеустремленный характер уже в то время предопределили его увлечение и тягу к научно-исследовательской деятельности.

Своевременное осмысление и прогнозирование тенденций развития таких конституционно-правовых институтов как парламентаризм, статус российского парламентария, публичное представительство, система публичной власти и местного самоуправления в нем — вот то, на чем всегда концентрировался юбиляр.

Мало кому из известных правоведов удалось уже в период подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук сформулировать положения об организационно-политических гарантиях депутатской деятельности как самостоятельных условиях и средствах, благоприятствующих осуществлению депутатских прав и обязанностей¹, воспринятые впоследствии в законодательных актах, в особенности на федеральном уровне при формулировании положений гл. 4 Закона РСФСР «О статусе народного депутата местного Совета народных депутатов РСФСР».

Начатое им исследование правовых гарантий деятельности муниципальных депутатов за четвертьвековой период обстоятельных исследований всех аспектов депутатской деятельности закономерно завершилось значимым научным для юридической науки и практики докторским диссертационным

исследованием, успешно защищенным еще в Уральской государственной юридической академии (ныне — Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева). В этой диссертации аккумулирован большой практический опыт и результаты научных изысканий не только самого Анатолия Тихановича, но и труд более чем двух десятков его учеников, разрабатывавших вопросы публичного представительства и организации представительной власти в России, а также отдельных элементов депутатского статуса².

В диссертации А.Т. Карасёва проведено фундаментальное конституционно-правовое исследование правового статуса депутата как ключевого элемента системы представительной власти независимо от ее уровня. Им разработана современная концепция депутатского мандата и разграничены мандаты отдельных депутатов и совокупные мандаты, а также определены особенности современных моделей императивного, свободного и полусвободного депутатских мандатов. Концепция правового статуса депутата базируется на выделении двух уровней и четырех его ключевых элементов: место депутата в представительном органе власти, права и обязанности депутата, гарантии деятельности и ответственность депутата.

И вот заслуженный результат: наука и практика по достоинству оценила научный вклад ученого. Диссертация не только послужила мощным толчком совершенствования и развития законодательства о статусе российского парламентария, она нашла отклики со стороны ученых и практиков, руководства и депутатов законодательных органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов.

В дальнейшем концепт конституционно-правового статуса депутата в системе представительной власти

¹ См.: Карасёв А.Т. Организационно-политические гарантии деятельности депутатов местных советов: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984.

² См.: Карасёв А.Т. Депутат в системе представительной власти (конституционно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009.

продолжил свое развитие в трудах ученого³, в том числе совместно с авторами этих строк⁴. При этом профессором последовательно доказано, что депутат — это не должностное лицо как таковое, а представитель граждан, осуществляющий функции публичной власти, тем самым конституционно-правовой статус депутата есть конкретизация конституционно-правового статуса гражданина.

Особое внимание в исследованиях А.Т. Карасёва уделяется правовым механизмам, обеспечивающим депутату возможность эффективно реализовывать свое призвание народного представителя. Так, им подробно исследован институт депутатского запроса в частности и депутатского обращения в целом и сформулированы выводы о существовании разных моделей депутатского запроса, в том числе «квазипарламентского» запроса депутатов. Подробно исследованы также вопросы проведения парламентского контроля и роли отдельных депутатов в нем, что стало методологической основой для принятия Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» и внесении соответствующих изменений в Конституцию РФ в 2020 г.

А.Т. Карасёв исследовал статус депутата максимально полно и комплексно, т.е. не ограничивался вопросами изучения отдельных элементов статуса депутата, но и рассматривал более широкие пласты общественных отношений, участником которых является парламентарий (прежде всего вопросы публичного представительства, парламентаризма и представительной власти в системе публичной власти в России). В его монографиях, посвященных представительной власти на федеральном уровне⁵ и на уровне субъектов Российской Федерации, сформулированы и обоснованы основополагающие признаки представительной власти: выборность и представительство интересов народа; коллегиальность по составу и порядку выработки и принятия решений; особый характер связи народных представителей с избирателями; исключительные правотворческие, кадровые, контрольные и финансовые полномочия. При этом, несмотря на относительную разобщенность представительных органов различных уровней власти, последовательно отстаивается тезис о наличии

признака системности представительной власти, протекающего из единого источника (народа), единой конституционно-законодательной основы деятельности представительных органов (за формирование которой ратует А.Т. Карасёв), а также единых целей, принципов, функций и форм их деятельности.

Немало научных изысканий ученый посвятил не только системе парламентаризма, статусу парламентария, представительства в системе публичной власти, но и обеспечению правопорядка органами публичной власти, включая представительные органы различных уровней власти.

Проводя обобщенное рассмотрение сущности правопорядка, группировка основных подходов к его правовой природе сведена исследователем к трем блокам: как система правоотношений и состояние их урегулированности; как упорядоченность общественных отношений, выраженная в правомерном поведении; как прочный и устойчивый режим законности, по сути, тождественный правопорядку⁶.

При этом верно резюмируется, что разноплановые дефиниции правопорядка объединяет один общий момент — в каждой из них правопорядок предстает как некое идеальное образование, поскольку за его пределами остаются все противоправные явления⁷.

В трудах ученого доказано, что представительная власть в целом и каждый депутат в отдельности являются обязательным элементом российского правопорядка и обладают собственными средствами обеспечения законности. Именно поэтому он последовательно отстаивает идею необходимости действенных контрольных и кадровых полномочий представительных (законодательных) органов для эффективной реализации их предназначения и представительной природы⁸. При этом особой его заслугой является рассмотрение непосредственно депутатов, а не только представительного органа власти в целом, в качестве

³ См., напр.: Карасёв А.Т. Депутатский мандат и конституционно-правовой статус депутата // Росс. юрид. журнал. 2013. № 6 (93). С. 68–72.

⁴ См.: Карасёв А.Т. Депутат в системе представительной власти (конституционно-правовое исследование); Карасёв А.Т., Савоськин А.В. Конституционно-правовой статус депутата в Российской Федерации. Екатеринбург, 2013; Безруков А.В., Карасёв А.Т. Депутат: должностное лицо или представитель власти (вопросы соотношения и отличия) // Росс. юстиция. 2020. № 2. С. 6–8.

⁵ См.: Карасёв А.Т., Савоськин А.В. Представительная (законодательная) власть в России: конституционно-правовое исследование. Екатеринбург, 2008.

⁶ См.: Карасёв А.Т., Литвинова А.В., Пивоваров А.С., Савоськин А.В. Обеспечение правопорядка депутатами представительных (законодательных) органов государственной власти в Российской Федерации. Челябинск, 2013. С. 7–10.

⁷ См.: там же. С. 9, 10.

⁸ См.: Карасёв А.Т., Крысанов А.В. Механизм парламентского контроля в системе персональной конституционно-правовой ответственности членов Правительства Российской Федерации // Вестник Московского ун-та. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2014. № 2. С. 3–14; Карасёв А.Т., Гиздатов А.Р. Парламентский контроль в системе государственного контроля в Российской Федерации // Актуальные проблемы рос. права. 2015. № 9 (58). С. 34–38; Карасёв А.Т., Кожевников О.А., Крысанов А.В. Доктринальная и правовая регламентация парламентского контроля: история развития и современность // Вестник Уральского юрид. ин-та МВД России. 2023. № 2 (38). С. 94–102.

самостоятельного субъекта не только контрольной, но и правозащитной деятельности⁹.

Анатолий Тиханович — человек активной гражданской позиции, который в своих научных трудах пишет и в ходе научных форумов откровенно говорит о проблемах отечественного конституционализма, а также выражает свое видение перспектив развития российского конституционного права и отдельных его институтов. В частности, в 2014 г. он активно выступил против упразднения Уставного суда Челябинской области, поскольку считал, что юридический механизм ликвидации подобных судов отсутствует ввиду невозможности передачи функций регионального конституционного контроля иным судам, а также видел в упразднении Уставного суда в Челябинской области подрыв всей системы региональной конституционной юстиции¹⁰. Ученый неоднократно критиковал снижение уровня независимости органов местного самоуправления и недостаточность их законодательно установленных полномочий и фактических возможностей для эффективного решения вопросов местного значения и отстаивания интересов жителей¹¹.

А.Т. Карасёв постоянно исследует новые институты и проблемы в конституционном праве. Несмотря на свой солидный возраст, не отстает от реалий времени и активно участвует в научных дискуссиях, посвященных цифровизации права¹².

В 2023 г. юбиларом проведен комплексный анализ статуса конституционных советов, пришедших на смену упраздненным конституционным (уставным) судам в субъектах Российской Федерации. Им изучены все созданные к настоящему времени конституционные советы в республиках Адыгея, Башкортостан, Татарстан и Саха (Якутия) и сформулированы определяющие выводы для всей региональной системы правовой охраны конституций (уставов) субъектов Российской Федерации о необходимости

формирования соответствующих советов в качестве самостоятельных и независимых органов государственной власти, наделенных реальными властными полномочиями¹³.

Научными разработками, ценными идеями и концептуальными выводами юбиляр щедро делится со своими коллегами и учениками, среди которых сотни студентов, магистрантов и аспирантов, десятки кандидатов и докторов юридических наук, в каждом из которых Наставник вложил не только знания и опыт, но и частицы своего мастерства, души и таланта. И разумеется, нельзя не отметить высочайшие человеческие качества Анатолия Тихановича, среди которых порядочность, добросовестность, отзывчивость, чуткое и уважительное отношение к людям, в сочетании с принципиальностью и устойчивостью сформированных жизненных и научных позиций.

* * *

Несомненно, жизнь продолжается, впереди новые научные свершения и личные достижения, достойные ученики-последователи, долгие и полные радостными событиями годы активной жизни.

Анатолий Тиханович Карасёв — Ученый, Наставник, отдающий свои творческие силы и энергию развитию конституционно-правовой науки, укреплению российской государственности и становлению российского парламентаризма, подготовке научно-педагогических кадров и повышению их научного потенциала, которому его коллеги и ученики искренне желают доброго здоровья, вдохновения и творческой активности на долгие годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безруков А.В., Карасёв А.Т. Депутат: должностное лицо или представитель власти (вопросы соотношения и отличия) // Росс. юстиция. 2020. № 2. С. 6—8.
2. Карасёв А.Т. Депутат в системе представительной власти (конституционно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009.
3. Карасёв А.Т. Депутатский мандат и конституционно-правовой статус депутата // Росс. юрид. журнал. 2013. № 6 (93). С. 68—72.
4. Карасёв А.Т. Местная власть в Российской Федерации: особенности организации и реализации // Вестник Уральского юрид. ин-та МВД России. 2014. № 2. С. 23—25.
5. Карасёв А.Т. Организационно-политические гарантии деятельности депутатов местных советов: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1984.

⁹ См.: Карасёв А.Т., Савоськин А.В. Обращение к депутату как способ защиты прав граждан // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2013. № 2. С. 107—122.

¹⁰ См.: Карасёв А.Т., Савоськин А.В. К вопросу об упразднении Уставного Суда Челябинской Области // Проблемы права. 2014. № 2 (45). С. 36—40.

¹¹ См., напр.: Карасёв А.Т. Местная власть в Российской Федерации: особенности организации и реализации // Вестник Уральского юрид. ин-та МВД России. 2014. № 2. С. 23—25; Карасёв А.Т., Гиздатов А.Р., Морозова А.С. Некоторые вопросы контроля представительных органов муниципальных образований за деятельностью полиции // Вестник ЮУГУ. Сер.: Право. 2018. Т. 18. № 1. С. 83—87; Карасёв А.Т., Коваленко К.И. Самоуправление местного самоуправления как ключевой принцип осуществления государственной и местной власти // Вестник Уральского юрид. ин-та МВД России. 2019. № 1. С. 73—76.

¹² См.: Карасёв А.Т., Кожевников О.А., Мещерягина В.А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антиномии. 2019. Т. 19. № 3. С. 99—119.

¹³ См.: Карасёв А.Т., Мещерягина В.А., Савоськин А.В. Конституционные советы республик Адыгея, Башкортостан, Татарстан и Саха (Якутия): кто в лес, кто по дрова // Росс. правообразование, практика, наука. 2023. № 2. С. 58—67.

6. *Карасёв А.Т., Гиздатов А.Р.* Парламентский контроль в системе государственного контроля в Российской Федерации // Актуальные проблемы рос. права. 2015. № 9 (58). С. 34–38.
7. *Карасёв А.Т., Гиздатов А.Р., Морозова А.С.* Некоторые вопросы контроля представительных органов муниципальных образований за деятельностью полиции // Вестник ЮУГУ. Сер.: Право. 2018. Т. 18. № 1. С. 83–87.
8. *Карасёв А.Т., Коваленко К.И.* Самостоятельность местного самоуправления как ключевой принцип осуществления государственной и местной власти // Вестник Уральского юрид. ин-та МВД России. 2019. № 1. С. 73–76.
9. *Карасёв А.Т., Кожевников О.А., Крысанов А.В.* Доктринальная и правовая регламентация парламентского контроля: история развития и современность // Вестник Уральского юрид. ин-та МВД России. 2023. № 2 (38). С. 94–102.
10. *Карасёв А.Т., Кожевников О.А., Мещерягина В.А.* Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацией отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антиномии. 2019. Т. 19. № 3. С. 99–119.
11. *Карасёв А.Т., Крысанов А.В.* Механизм парламентского контроля в системе персональной конституционно-правовой ответственности членов Правительства Российской Федерации // Вестник Московского ун-та. Сер. 21: Управление (государство и общество). 2014. № 2. С. 3–14.
12. *Карасёв А.Т., Литвинова А.В., Пивоваров А.С., Савоськин А.В.* Обеспечение правопорядка депутатами представительных (законодательных) органов государственной власти в Российской Федерации. Челябинск, 2013. С. 7–10.
13. *Карасёв А.Т., Мещерягина В.А., Савоськин А.В.* Конституционные советы республик Адыгея, Башкортостан, Татарстан и Саха (Якутия): кто в лес, кто по дрова // Росс. право: образование, практика, наука. 2023. № 2. С. 58–67.
14. *Карасёв А.Т., Савоськин А.В.* К вопросу об упразднении Уставного Суда Челябинской Области // Проблемы права. 2014. № 2 (45). С. 36–40.
15. *Карасёв А.Т., Савоськин А.В.* Конституционно-правовой статус депутата в Российской Федерации. Екатеринбург, 2013.
16. *Карасёв А.Т., Савоськин А.В.* Обращение к депутату как способ защиты прав граждан // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2013. № 2. С. 107–122.
17. *Карасёв А.Т., Савоськин А.В.* Представительная (законодательная) власть в России: конституционно-правовое исследование. Екатеринбург, 2008.
4. *Karasev A. T.* Local Government in the Russian Federation: features of organization and implementation // Herald of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 2. Pp. 23–25 (in Russ.).
5. *Karasev A. T.* Organizational and political guarantees of the activity of deputies of local councils: dis. ... PhD in Law. Sverdlovsk, 1984 (in Russ.).
6. *Karasev A. T., Gizdatov A. R.* Parliamentary control in the system of state control in the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2015. No. 9 (58). Pp. 34–38 (in Russ.).
7. *Karasev A. T., Gizdatov A. R., Morozova A. S.* Some issues of control of representative bodies of municipalities over the activities of the police // Herald of YUGU. Ser.: Law. 2018. Vol. 18. No. 1. Pp. 83–87 (in Russ.).
8. *Karasev A. T., Kovalenko K. I.* Independence of local self-government as a key principle of state and local government // Herald of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1. Pp. 73–76 (in Russ.).
9. *Karasev A. T., Kozhevnikov O. A., Krysanov A. V.* Doctrinal and legal regulation of parliamentary control: the history of development and modernity // Herald of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (38). Pp. 94–102 (in Russ.).
10. *Karasev A. T., Kozhevnikov O. A., Meshcheryagina V. A.* Digitalization of legal relations and its impact on the realization of certain constitutional rights of citizens in the Russian Federation // Antinomies. 2019. Vol. 19. No. 3. Pp. 99–119 (in Russ.).
11. *Karasev A. T., Krysanov A. V.* The mechanism of parliamentary control in the system of personal constitutional and legal responsibility of members of the Government of the Russian Federation // Herald of the Moscow University. Ser. 21: Governance (state and society). 2014. No. 2. Pp. 3–14 (in Russ.).
12. *Karasev A. T., Litvinova A. V., Pivovarov A. S., Savoskin A. V.* Ensuring law and order by deputies of representative (legislative) bodies of state power in the Russian Federation. Chelyabinsk, 2013. Pp. 7–10 (in Russ.).
13. *Karasev A. T., Meshcheryagina V. A., Savoskin A. V.* Constitutional Councils of the Republics of Adygea, Bashkortostan, Tatarstan and Sakha (Yakutia): Who goes to the forest, who goes for firewood // Russian law: education, practice, science. 2023. No. 2. Pp. 58–67 (in Russ.).
14. *Karasev A. T., Savoskin A. V.* On the question of the abolition of the Statutory Court of the Chelyabinsk Region // Problems of law. 2014. No. 2 (45). Pp. 36–40 (in Russ.).
15. *Karasev A. T., Savoskin A. V.* The constitutional and legal status of a deputy in the Russian Federation. Yekaterinburg, 2013 (in Russ.).
16. *Karasev A. T., Savoskin A. V.* Appeal to a deputy as a way to protect the rights of citizens // Problems of ensuring, implementing, protecting constitutional human rights and freedoms. 2013. No. 2. Pp. 107–122 (in Russ.).
17. *Karasev A. T., Savoskin A. V.* Representative (legislative) power in Russia: constitutional and legal research. Yekaterinburg, 2008 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Bezrukov A. V., Karasev A. T.* Deputy: an official or a representative of the Government (issues of correlation and differences) // Russian Justice. 2020. No. 2. Pp. 6–8 (in Russ.).
2. *Karasev A. T.* Deputy in the system of representative government (constitutional and legal research): dis. ... Doctor of Law. Yekaterinburg, 2009 (in Russ.).
3. *Karasev A. T.* Deputy mandate and constitutional and legal status of a deputy // Russ. law journal. 2013. No. 6 (93). Pp. 68–72 (in Russ.).

Сведения об авторах

Authors' information

БЕЗРУКОВ Андрей Викторович —
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры конституционного,
административного и муниципального права
Юридического института
Сибирского федерального университета;
профессор кафедры государственно-правовых
дисциплин Сибирского юридического
института МВД России;
660131 г. Красноярск,
ул. Рокоссовского, д. 20

BEZRUKOV Andrey V. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Constitutional,
Administrative and Municipal Law at the
Law Institute of the Siberian Federal University;
Professor of the Department
of Public Law Disciplines
of Siberian Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia; 20 Rokossovsky str.,
660131 Krasnoyarsk, Russia

САВОСЬКИН Александр Владимирович —
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой конституционного
и международного права
Уральского государственного
экономического университета;
профессор кафедры конституционного права
Уральского государственного юридического
университета им. В.Ф. Яковлева;
620066 г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

SAVOSKIN Alexander V. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Constitutional
and International Law of the Ural State University
of Economics; Professor of the Department
of Constitutional Law of Yakovlev Ural State Law
University; 21 Komsomolskaya str., 620066
Yekaterinburg, Russia

УДК 34; 355.1

РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ПРАВА КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ: ЦЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2024 г. И. В. Холиков^{1, *}, П. Ю. Наумов^{2, **}

¹ Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

² Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии
Российской Федерации, Московская обл., г. Балашиха

*E-mail: iv_kholik@mail.ru

**E-mail: petr.naumov.777@mail.ru

Поступила в редакцию 06.05.2024 г.

Аннотация. В статье, посвященной 60-летию юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, полковника юстиции запаса Александра Васильевича Кудашкина и доктора юридических наук, заслуженного юриста Российской Федерации, капитана 2 ранга запаса Владимира Васильевича Кудашкина, дан обзор их биографии, служебной и научно-исследовательской деятельности. Описываются методологические, теоретические, эмпирические и практические обобщения, которые сегодня объединяют в себе военное право как направление научных исследований благодаря творческим усилиям юбиляров. Указывается на актуальность и необходимость продолжения разработок теории военного права, содержащихся в работах А.В. Кудашкина и В.В. Кудашкина. Отмечается, что одним из путей развития науки военного права являются теоретические и практические дискуссии, которые возможно развернуть на страницах рецензируемых изданий при непосредственном редакционном и интеллектуальном участии юбиляров.

Ключевые слова: А.В. Кудашкин, В.В. Кудашкин, научная школа, концепция военного права, отрасль права, метод военного права, объективный метод, научные традиции, природа военного права, биографический метод, субъектный подход, интеллигентность.

Цитирование: Холиков И.В., Наумов П.Ю. Развитие военного права как образ жизни: ценности, проблемы, перспективы // Государство и право. 2024. № 5. С. 130–141.

DOI: 10.31857/S1026945224050141

DEVELOPMENT OF MILITARY LAW AS A WAY OF LIFE: VALUES, PROBLEMS, PROSPECTS

© 2024 I. V. Kholikov^{1, *}, P. Yu. Naumov^{2, **}

¹ Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation, Moscow

² Main Military Clinical Hospital of the National Guard Troops Russian Federation,
Moscow Region, Balashikha

*E-mail: iv_kholik@mail.ru

**E-mail: petr.naumov.777@mail.ru

Received: 06.05.2024

Abstract. In an article dedicated to the 60th anniversary of the Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Reserve Colonel of Justice Alexander V. Kudashkin and Of the Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Captain 2nd Rank Reserve Vladimir V. Kudashkin, an overview of their biography, service and research activities is given. The methodological, theoretical, empirical and practical generalizations that today combine Military Law as a direction of scientific research thanks to the creative efforts of the heroes of the day are described. The relevance and necessity of continuing the development of the theory of Military Law contained in the works of A.V. Kudashkin and V.V. Kudashkin is pointed out. It is noted that one of the ways to develop the science of Military Law is theoretical and practical discussions, which can be developed on the pages of peer-reviewed publications with the direct editorial and intellectual participation of the heroes of the day.

Key words: A.V. Kudashkin, V.V. Kudashkin, scientific school, concept of Military Law, branch of law, method of Military Law, objective method, scientific traditions, the nature of Military Law, biographical method, subjective approach, intellectuality.

For citation: Kholikov, I.V., Naumov, P. Yu. (2024). Development of Military Law as a way of life: values, problems, prospects // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 130–141.

*«Победа принадлежит самым упорным».
Наполеон Бонапарт (французский полководец
и государственный деятель)*

*«Вдохновение приходит только во время работы».
Габриэль Гарсия Маркес (колумбийский писатель,
лауреат Нобелевской премии)*

Когда мы спросим, что такое наука помимо теоретико-методологических и эмпирических конструкций, а также механизмов воспроизводства и схем трансляции научного знания, окажется, что наука — это крупный социальный институт, как никакой другой повлиявший на развитие человека¹. Дж. Бруно именовал науку героическим энтузиазмом совсем не случайно, поскольку основной субъектно-деятельной единицей воспроизводства и трансляции научного знания являются ученые, которые (чаще вопреки внешним обстоятельствам) благородно посвящают свою жизнь познанию и объяснению закономерностей функционирования явлений окружающей реальности в целях процветания будущих поколений². Потому применение биографического метода научного исследования через описание биографии выдающихся представителей различных областей знания есть эффективный эвристический инструмент и механизм передачи социальной памяти³.

¹ См.: Розов М.А. Что такое теория социальных эстафет // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 230–239.

² См.: Бруно Дж. О героическом энтузиазме / пер. с итал. Я. Емельянова, Ю. Верховского, А. Эфроса. М., 1953.

³ См.: Баранов В.М., Иудин А.А., Шпилев Д.А. Феномен «научная школа» в представлении профессорского корпуса России (опыт социологического анализа) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 10–27. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10301; Баранов В.М. Юридическая инноватика // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 7–13; Розов М.А. В поисках

27 апреля текущего года исполнилось 60 лет двум братьям, крупным ученым, видным деятелям отечественного военного права, докторам юридических наук, заслуженным юристам РФ, членам редколлегии журнала «Государство и право» РАН профессорам Александру Васильевичу и Владимиру Васильевичу Кудашкиным⁴. Совокупно применяя системный и биографический метод научного исследования, отметим, что настоящая статья посвящена биографии, служебной и научно-исследовательской деятельности двух названных блестящих представителей отечественной школы военного права в связи с их 60-летним юбилеем.

Александр Васильевич и Владимир Васильевич родились с разницей в несколько минут в д. Турдаково Ардатовского района Мордовской АССР в семье преподавателей среднего профессионально-технического училища. По окончании восьми классов средней школы оба поступили в Нахимовское военноморское училище, по окончании которого (1981 г.) решили поступать в разные военно-учебные заведения: Александр — в Высшее военноморское командное

Жар-птицы // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 63–82; Холиков И.В. К юбилею профессора Олега Валерьевича Дамаскина // Государство и право. 2019. № 8. С. 138–139. DOI: 10.31857/S013207690006256-3

⁴ См.: Безбабнов О.Г. К 60-летию докторов юридических наук А.В. Кудашкина и В.В. Кудашкина // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2024. № 4 (321). С. 2–11; Коллектив Института государства и права РАН поздравляет с юбилеем выдающихся российских ученых и общественных деятелей, Заслуженных юристов Российской Федерации Александра Васильевича и Владимира Васильевича Кудашкиных // Институт государства и права РАН [Электронный ресурс]. 2024. URL: <http://www.igpran.ru/sobytiya-direktora/10468/> (дата обращения: 27.04.2024); Доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Российской Федерации А.В. Кудашкину — 60 лет // Государство и право. 2024. № 4. С. 219; К юбилею заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук В.В. Кудашкина // Там же. С. 220.

училище им. М.В. Фрунзе (Военно-морской институт им. Петра Великого), которое окончил с золотой медалью в 1986 г., а Владимир — в Киевское высшее военно-морское политическое училище, которое окончил в 1985 г. В дальнейшем военная судьба разбросала братьев по разным уголкам нашей необъятной Родины: Александр служил на Северном флоте, а Владимир — на Тихоокеанском, оба участвовали в дальних походах и боевой службе.

В 1994 г. А.В. Кудашкин окончил с отличием Военную академию экономики, финансов и права (Военный университет) и перешел на научно-преподавательскую работу. В 1998 г. защитил в Российской академии государственной службы (РАГС) при Президенте РФ диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Конституционно-правовой статус военнослужащих в Российской Федерации». В 2003 г. получил ученое звание доцента по кафедре гражданского права и в том же году защитил в РАГС при Президенте РФ диссертацию (по специальности 20.02.03 — Военное право, военные проблемы международного права) на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Правовое регулирование военной службы в Российской Федерации». В 2005 г. ему было присвоено ученое звание профессора. Александр Васильевич много лет возглавлял диссертационный совет по военному праву на базе Военного университета Министерства обороны РФ, входил в состав специального экспертного совета Высшей аттестационной комиссии (ВАК). В настоящее время занимает должность заместителя генерального директора по правовым вопросам и корпоративному управлению АО «Объединенная двигателестроительная корпорация», является руководителем отделения военного права Академии военных наук РФ и главным редактором авторитетного научного журнала «Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение», входящим в Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки России по категории К2.

Стоит сказать, что научно-практический журнал «Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение» давно стал научно-теоретическим и практическим ориентиром для целых поколений военных юристов, выступал и выступает свободной и объективной дискуссионной площадкой. Наиболее актуальные вопросы науки военного права и острые противоречия практической военной деятельности описываются и обсуждаются именно на страницах данного издания.

А.В. Кудашкин — автор более 270 трудов по военному праву. Его основные работы посвящены исследованию признаков и обоснованию самостоятельности военного права в системе права России. Им доказано наличие обособленного предмета

и метода правового регулирования в целях достижения победы в вооруженной борьбе, исследованы основные группы военных правоотношений, на основе проведенного анализа структурированы отрасли военного права на подотрасли и самостоятельные правовые институты, обосновано, что центральным местом в структуре или его ядром является право военных конфликтов, объединяющее международно-правовые нормы и нормы национального права, регулирующие отношения, связанные с ведением боевых действий⁵. Им впервые концептуализировано понятие специальных военных операций, исследован новый институт военного права — добровольное поступление в состав Вооруженных Сил РФ, в том числе правовой статус добровольческих формирований, участвующих в специальной военной операции, и их участников, которые могут создаваться на основании решения уполномоченных государственных органов и должны быть полностью подконтрольны им⁶.

А.В. Кудашкин сформулировал концепцию научного и учебного курса военного права как системного знания соответствующей области военной науки, которая должна стать единой методологической основой для изучения учебных дисциплин и специальных учебных курсов, преподаваемых в Академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, военных академиях и военных университетах, военных образовательных организациях высшего образования, а также в учебных заведениях, в которых осуществляется обучение по программам подготовки офицеров запаса или изучаются специальные предметы (специальные курсы), связанные с военной деятельностью государства.

В.В. Кудашкин продолжил образование в 1995 г., поступив в РАГС при Президенте РФ, которую окончил с отличием. В 1999 г. закончил там же аспирантуру с защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Внешнеторговые сделки в сфере военно-технического сотрудничества Российской

⁵ См.: Кудашкин А.В., Кудашкин В.В. Право военных конфликтов: теоретические концепты и методологические подходы к исследованию // *Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение*. 2023. № 12 (317). С. 2–10; Кудашкин А.В. Профессор Чхиквалдзе В.М. — основатель советской теории военного права // *Труды ИГП РАН*. 2023. Т. 18. № 1. С. 179–195. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-1-kudashkin; Кудашкин А.В., Безбабнов О.Г. Вооруженные конфликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии // *Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение*. 2023. № 7 (312). С. 2–11; Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // *Государство и право*. 2021. № 4. С. 7–34. DOI: 10.31857/S102694520014362–9

⁶ См.: Кудашкин А., Холиков И. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // *Пути к миру и безопасности*. 2023. № 1 (64). С. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47

Федерации с иностранными государствами: гражданско-правовые аспекты» и Всероссийскую академию внешней торговли. Работал в ГК «Росвооружение» и ФГУП «Рособоронэкспорт» советником генерального директора, руководителем группы законодательного обеспечения деятельности ФГУП «Рособоронэкспорт». В 2003 г. в РАГС при Президенте РФ защитил диссертацию (по специальности 20.02.03 — Военное право, военные проблемы международного права) на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Правовое регулирование военно-технического сотрудничества Российской Федерации с зарубежными государствами». В настоящее время Владимир Васильевич остается практикеским правоприменителем и является статс-секретарем АО «Рособоронэкспорт», а также по совместительству профессором в военно-учебном центре Российского государственного университета правосудия.

В.В. Кудашкин — автор свыше 120 научных трудов, которые посвящены исследованию места военно-технического сотрудничества в системе социально-экономических отношений государства и общества, международно-договорной и внутригосударственной правовой системе в области военно-технического сотрудничества, их соотношению в рамках правового регулирования военно-экспортной политики государства. Особое внимание ученым было уделено разработке принципов государственной политики в этой сфере.

Им осуществлена глубоко-теоретическая проработка основополагающего принципа государственной политики в области военно-технического сотрудничества — государственной монополии, раскрыты природа, сущность, содержание главного разрешительного инструмента реализации государственной политики в области экспорта продукции военного назначения. В.В. Кудашкин лично провел уникальное межотраслевое исследование теоретико-правовых основ оборонно-промышленного комплекса страны (ОПК) как неотъемлемой части военной организации государства, являющегося в силу его предназначения и сути одним из доминирующих системных средств обеспечения устойчивости государства, им изучены понятие ОПК, его структура, виды и формы организаций ОПК, особенности управления такими организациями⁷.

⁷ См.: Кудашкин В.В. Международно-правовое регулирование военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами // Государство и право. 2003. № 3. С. 58–66; *Его же*. Особенности правового регулирования в области военно-технического сотрудничества: исходные начала (принципы) // Государство и право. 2020. № 4. С. 168–173. DOI: 10.31857/S013207690009321-5; *Его же*. Формально-юридический метод исследования военных отношений и военного права // Право в Вооруженных

За большой вклад в разработку и создание новой военной техники, укрепление обороноспособности страны и многолетнюю добросовестную работу Александр Васильевич в 2017 г. награжден орденом Дружбы, в 2023 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». Владимир Васильевич удостоен Благодарности Президента РФ в 2004 г. В 2012 г. за большой личный вклад в реализацию государственной политики в области военно-технического сотрудничества, укрепление обороноспособности страны и развитие военной науки награжден орденом «За военные заслуги». В 2018 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации» за вклад в правовое обеспечение деятельности оборонно-промышленного комплекса страны и многолетнюю добросовестную работу.

Кропотливый многолетний труд юбиляров в области военного права вылился в их фундаментальный вклад в развитие истории, теории и практики военного права как отрасли права. Основные идеи современной теории военного права были концептуализированы в монографии «Военное право»⁸, издание которой никогда бы не состоялось без профессоров А.В. и В.В. Кудашкиных. Появление фундаментального труда стало феноменом в военно-правовых исследованиях, его содержание и структура выступили предметом небывало широкой экспертной публикационной оценки, обсуждений и критических дискуссий, а также рецензирования философами, юристами, историками, политологами, педагогами, психологами, практическими работниками⁹. В монографии А.В. Кудашкиным

Силах — Военно-правовое обозрение. 2023. № 7 (312). С. 11–14; *Его же*. Сравнительно-правовой метод исследования военных отношений и военного права // Там же. № 8 (313). С. 2–10; *Его же*. Системный метод исследования военных отношений и военного права // Там же. № 9 (314). С. 2–10.

⁸ Военное право / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021. Т. I. История и теория военного права (с предисловием); т. II. Современное состояние военного права (институты военного права); 2022. Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований.

⁹ См.: Блажеев В.В. Трехтомная монография «Военное право» под общей редакцией А.Н. Савенкова и А.В. Кудашкина как практический результат деятельности отечественной научной школы военного права // Государство и право. 2023. № 2. С. 40–42. DOI: 10.31857/S102694520024321-4; Бозров В.М., Азаренок Н.В. Монография «Военное право» — концептуальная основа совершенствования современной военной науки // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2023. № 4 (309). С. 2–6; Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. и др. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2; Гайдамашко И.В., Наумов П.Ю.,

убедительно обоснован оригинальный историко-правовой и теоретико-правовой концепт «Ядро военного права», его структура и функции. Вклад авторов монографии в науку также связан

с обоснованием собственного метода военного права, что выделяет его как отдельную отрасль права.

Исследования в области военного права, осуществленные в указанном издании, органично вплетаются в современное военное и правовое знание, разработки в области правового регулирования военной деятельности и правового обеспечения обороны страны и безопасности государства¹⁰.

Впервые в научной литературе в монографии обоснован подход к военному праву как ценности и ценности военного права в социальном, политическом, практическом, деятельностном

Дьячков А.А. Потенциал монографии «Военное право» в обучении будущего военного юриста и развитии его личности // Государство и право. 2023. № 5. С. 68–79. DOI: 10.31857/S102694520025198-8; Глушаченко С.Б., Зеленикин Р.В. Военно-правовые знания для будущих работников сферы транспорта (рецензия на трехтомную монографию «Военное право») // Мир транспорта. 2023. Т. 21. № 1 (104). С. 134–137. DOI: 10.30932/1992-3252-2021-21-1-16; Еришов В.В., Качалов В.И. Военное право России как отрасль права // Росс. правосудие. 2023. № 2. С. 106–110; Землин А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 233–237; Исаев В.И., Бальчугов С.Г., Марков А.М. Историко-правовой анализ возникновения и развития военного права // Военно-исторический журнал. 2024. № 3 (767). С. 116–119; Картаполов А.В. «Забытая» отрасль российской правовой системы «Право вооруженных конфликтов» возрождается с выходом фундаментального научного труда трехтомной монографии «Военное право» (Некоторые комментарии в связи с выходом в свет трехтомной монографии «Военное право») // Государство и право. 2023. № 8. С. 45–50. DOI: 10.31857/S102694520027225-8; Куманьков А.Д., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Новиков Н.С. Диалог о смыслах военного права и военном праве как ценности (обсуждаем главу 5 «Социальная ценность военного права» тома I монографии «Военное право») // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2022. № 7 (300). С. 2–12; Мельков С.А. Рецензия на новое исследование военного права: критический взгляд политолога // Russian Studies in Law and Politics. 2022. Т. 6. № 3–4. С. 6–18. DOI: 10.12731/2576-9634-2022-3-4-6-18; Нагорный И.А. Право вооруженных конфликтов в эпоху глобальных перемен (некоторые аспекты его места и роли в свете выхода монографии «Военное право») // Государство и право. 2023. № 5. С. 58–62. DOI: 10.31857/S102694520025649-4; Плигин В.Н. Вышел фундаментальный научный труд, которым доказана «правовая теорема Ферма». Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина // Там же. № 3. С. 33–39. DOI: 10.31857/S102694520024772-0; Салников В.П., Большакова В.М., Захарцев С.И. Институционализация военного права как отрасли права в постнеклассической научной рациональности (рецензия на монографию «Военное право в 3-х томах. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022») // Право. Журнал ВШЭ. 2023. № 1. С. 251–261. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.251.261; Тушков А.А. К вопросу об экзпликации парадигмальных основ военного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 3 (308). С. 2–14; Его же. Теоретико-методологические проблемы и военное право (к выходу в свет монографии «Военное право») // Государство и право. 2023. № 5. С. 63–67. DOI: 10.31857/S102694520025210-2; Холиков И.В. История и теория военного права: первое фундаментальное исследование // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 222–228; Хомчик В.В. Монография «Военное право» обеспечила теоретический прорыв в фундаментальных исследованиях современных проблем военной науки // Государство и право. 2022. № 3. С. 199–203. DOI: 10.31857/S102694520019175-3; Чемезов С.В. Мощный стимул правовых исследований в военной науке. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина (М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022) // Государство и право. 2023. № 3. С. 27–32. DOI: 10.31857/S102694520024771-9; Яцкин А.В. Поиски «правового Грааля» завершены (Размышления на полях фундаментального исследования «Военное право» в эпоху трансформации действующего мирового порядка) // Там же. № 6. С. 51–55. DOI: 10.31857/S102694520025954-0

¹⁰ См.: Бараненков В.В. Правовой статус субъектов военного права: теория и актуальные проблемы в условиях проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2024. № 4 (321). С. 12–19; Батырь В.А. Право военного времени как подотрасль военного права // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 3 (184). С. 88–104. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.088-104; Землин А.И. О генезисе и перспективах развития военной администрации // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 39–46; Его же. Актуальные проблемы развития военно-правовой науки в современных условиях // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 73–76; Землин А.И., Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 49–56; Корякин В.М. Льготы в военном праве // Государство и право. 2006. № 12. С. 88–97; Его же. Эволюция диссертационных исследований по военному праву // Военное право. 2011. № 1. С. 51–79; Его же. Военное право и правосознание военнослужащих // Военное право. 2021. № 4 (68). С. 49–55; Его же. Военное право как наука // Там же. № 5 (69). С. 9–21; Его же. Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование // Государство и право. 2022. № 1. С. 207–210. DOI: 10.31857/S102694520018195-5; Кудашкин А.В., Кроткова Н.В. Современное состояние военного права и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации (Материалы научно-практической конференции) // Право и государство: теория и практика. 2004. № 1. С. 132–142; Савенков А.Н. Права и свободы военнослужащих: прокурорский надзор // Законность. 1999. № 4. С. 44; Его же. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2022. № 2. С. 103–117. DOI: 10.31857/S102694520019125-8; Савенков А.Н., Жуков В.Н. Русская идея в философии права // Государство и право. 2023. № 6. С. 7–23. DOI: 10.31857/S102694520026150-6; Туганов Ю.Н., Аулов В.К. Правовое обеспечение оценки состояния воинской дисциплины и правопорядка в войсках: современные тенденции развития военного права // Военно-юрид. журнал. 2022. № 4. С. 14–17. DOI: 10.18572/2070-2108-2022-4-14-17; Холиков И.В., Наумов П.Ю., Большакова В.М. и др. Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства в области обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: новый этап регулирования и правоприменения // Уголь. 2022. № 10 (1159). С. 66–71. DOI: 10.18796/0041-5790-2022106671; Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132–148. DOI: 10.12737/jrl.2022.122; Холиков И.В., Наумов П.Ю. Трансляция знаний и критерии научности: концепты современной теории военного права // Государство и право. 2024. № 1. С. 100–116. DOI: 10.31857/S1026945224010101

и иным аспектах. Описано и объяснено строение ценностно-смыслового слоя военного права, включающего совокупность ценностных ориентаций и фиксирующих положительную субъектную значимость данного явления.

Реализация такого подхода на основании внедрения современных аксиологических позиций и авторских разработок позволило не только обобщить конкретные идеи, но и задать вектор дальнейших разработок военного права с ценностной точки зрения¹¹.

Следует отметить, что особое внимание в работах А.В. и В.В. Кудашкиных уделяется обоснованию тезиса о монополии государства на военную деятельность¹². В исследованиях поставлены и разрешены вопросы правового регулирования деятельности частных военных компаний в современных условиях, что стало логичным дополнением и расширением предметного поля имеющихся в этой сфере разработок. Это принципиально важный тезис, который подробно разбирается и обосновывается ими, несмотря на то что частные военные компании все более широко применяются в военных конфликтах современности¹³. Авторы многократно возвращаются к нему,

поскольку стремятся подчеркнуть важность контроля над военной сферой. В настоящее время эта задача может быть эффективно решена только государством.

Отрадно, что в творчестве юбиляров находит свое отражение современная научная методология, характеризующаяся междисциплинарностью, системностью, синкретичностью знания. Труды в области военного права влияют на развитие многих отраслей права, они связаны с конституционным, гражданским, административным, медицинским, трудовым, международным и иными отраслями права. При этом военно-правовые разработки в области медицинской деятельности имеют большое значение ввиду социальной значимости вопросов восстановления и поддержания здоровья военнослужащих, оценки их профессиональной пригодности¹⁴ и проведения военно-врачебной экспертизы¹⁵. Труд профессоров А.В. и В.В. Кудашкиных дает этим когнитивным практикам широкую информационно-теоретическую и методологическую основу.

Большой вклад юбиляры внесли в развитие изучаемых направлений и предметного поля научной специальности, по которой присваиваются ученые степени по правовым наукам, ранее это 20.02.03 «Военное право, военные проблемы международного права», в настоящее время — 6.3.4 «Военное право».

* * *

От всего сердца поздравляем Александра Васильевича и Владимира Васильевича Кудашкиных с юбилеем! Желаем долголетия, творческого вдохновения, крепкого здоровья, а также дальнейших

Окоца В.А. Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал рос. права. 2020. № 12. С. 147–158. DOI: 10.12737/jrl.2020.154

¹⁴ См.: *Смирнов Д.В., Наумов П.Ю.* Организационно-правовые основы управления профессиональным психологическим отбором в войсках национальной гвардии России // Психология и право. 2024. Т. 14. № 1. С. 214–234. DOI: 10.17759/psylaw.2024140114

¹⁵ См.: *Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И., Холиков И.В.* Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283–306. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306; *Наумов П.Ю., Баранова Н.Н., Холиков И.В., Купцов С.А.* Комплексное исследование правовых основ и проблемных вопросов оказания первой помощи военнослужащим (военнослужащими) // Медицина катастроф. 2023. № 3. С. 57–64. DOI: 10.33266/2070-1004-2023-3-57-64; *Наумов П.Ю., Холиков И.В.* Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15. № 1. С. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493

¹¹ См.: *Наумов П.Ю., Захарцев С.И., Холиков И.В., Большакова В.М.* Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») // Государство и право. 2023. № 9. С. 64–72. DOI: 10.31857/S102694520024304-5; *Наумов П.Ю., Холиков И.В.* Ценностное отношение к нормам международного гуманитарного права как фактор развития личности будущего офицера // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 2 (102). С. 287–298. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-2-287-298; *Наумов П.Ю., Захарцев С.И.* Право и интеллигенция: к познанию общности социальных и психологических функций (теоретический этюд) // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15. № 1. С. 274–288. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-527; *Холиков И.В., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Зелепукин Р.В.* Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А.Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) // Государство и право. 2022. № 10. С. 51–62. DOI: 10.31857/S102694520021788-7

¹² См.: *Кудашкин А.В.* Военная служба и военнослужащий в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование. М., 2001; *Кудашкин А.В., Безбабнов О.Г.* Указ. соч. С. 2–11; *Кудашкин В.В.* Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации с иностранными государствами: понятие, принципы и правовой режим // Государство и право. 1998. № 9. С. 69–77.

¹³ См.: *Аватков В., Сбитнева А.* Один в поле не воин: ведавшие ЧВК Турции // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 219–232. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-219-232; *Наумов П.* Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 207–218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218; *Старцун В.Н.* К вопросу об актуализации законопроектной деятельности о создании частных военных компаний в Российской Федерации // Вестник военного права. 2017. № 2. С. 71–73; *Холиков И.В.,*

успехов в научной деятельности и воспитании новых поколений исследователей военно-правовых проблем и военных юристов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аватков В., Сбитнева А.* Один в поле не воин: ведущие ЧВК Турции // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 219–232. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-219-232
2. *Бараненков В. В.* Правовой статус субъектов военного права: теория и актуальные проблемы в условиях проведения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2024. № 4 (321). С. 12–19.
3. *Баранов В. М.* Юридическая инноватика // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 7–13.
4. *Баранов В. М., Иудин А. А., Шпилев Д. А.* Феномен «научная школа» в представлении профессорского корпуса России (опыт социологического анализа) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 10–27. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10301
5. *Батырь В. А.* Право военного времени как подотрасль военного права // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 3 (184). С. 88–104. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.088-104
6. *Безбабнов О. Г.* К 60-летию докторов юридических наук А. В. Кудашкина и В. В. Кудашкина // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2024. № 4 (321). С. 2–11.
7. *Блажеев В. В.* Трехтомная монография «Военное право» под общей редакцией А. Н. Савенкова и А. В. Кудашкина как практический результат деятельности отечественной научной школы военного права // Государство и право. 2023. № 2. С. 40–42. DOI: 10.31857/S102694520024321-4
8. *Бозров В. М., Азаренок Н. В.* Монография «Военное право» — концептуальная основа совершенствования современной военной науки // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2023. № 4 (309). С. 2–6.
9. *Бруно Дж.* О героическом энтузиазме / пер. с итал. Я. Емельянова, Ю. Верховского, А. Эфроса. М., 1953.
10. *Военное право* / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. М., 2021. Т. I. История и теория военного права (с предисловием); т. II. Современное состояние военного права (институты военного права); 2022. Т. III. Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований.
11. *Гаврилов С. О., Глебов И. Н., Чукин С. Г. и др.* Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2
12. *Гайдамашко И. В., Наумов П. Ю., Дьячков А. А.* Потенциал монографии «Военное право» в обучении будущего военного юриста и развитии его личности // Государство и право. 2023. № 5. С. 68–79. DOI: 10.31857/S102694520025198-8
13. *Глушаченко С. Б., Зеленукин Р. В.* Военно-правовые знания для будущих работников сферы транспорта (рецензия на трехтомную монографию «Военное право») // Мир транспорта. 2023. Т. 21. № 1 (104). С. 134–137. DOI: 10.30932/1992-3252-2021-21-1-16
14. *Ершов В. В., Качалов В. И.* Военное право России как отрасль права // Росс. правосудие. 2023. № 2. С. 106–110.
15. *Землин А. И.* Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 233–237.
16. *Землин А. И.* Актуальные проблемы развития военно-правовой науки в современных условиях // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 73–76.
17. *Землин А. И.* О генезисе и перспективах развития военной администрации // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 39–46.
18. *Землин А. И., Холиков И. В.* Некоторые проблемные вопросы деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях // Военное право. 2023. № 3 (79). С. 49–56.
19. *Исаев В. И., Бальчугов С. Г., Марков А. М.* Историко-правовой анализ возникновения и развития военного права // Военно-исторический журнал. 2024. № 3 (767). С. 116–119.
20. *Картаполов А. В.* «Забытая» отрасль российской правовой системы «Право вооруженных конфликтов» возникает с выходом фундаментального научного труда трехтомной монографии «Военное право» (Некоторые комментарии в связи с выходом в свет трехтомной монографии «Военное право») // Государство и право. 2023. № 8. С. 45–50. DOI: 10.31857/S102694520027225-8
21. *Корякин В. М.* Военное право и правосознание военнослужащих // Военное право. 2021. № 4 (68). С. 49–55.
22. *Корякин В. М.* Военное право как наука // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 9–21.
23. *Корякин В. М.* Льготы в военном праве // Государство и право. 2006. № 12. С. 88–97.
24. *Корякин В. М.* Современное состояние военного права: новое фундаментальное научное исследование // Государство и право. 2022. № 1. С. 207–210. DOI: 10.31857/S102694520018195-5
25. *Корякин В. М.* Эволюция диссертационных исследований по военному праву // Военное право. 2011. № 1. С. 51–79.
26. *Кудашкин А. В.* Военная служба и военнослужащий в Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование. М., 2001.
27. *Кудашкин А. В.* Профессор Чхиквадзе В. М. — основатель советской теории военного права // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 1. С. 179–195. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-1-kudashkin
28. *Кудашкин А. В., Безбабнов О. Г.* Вооруженные конфликты и право: еще раз возвращаясь к терминологии // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2023. № 7 (312). С. 2–11.

29. Кудашкин А.В., Кроткова Н.В. Современное состояние военного права и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации (Материалы научно-практической конференции) // Право и государство: теория и практика. 2004. № 1. С. 132–142.
30. Кудашкин А.В., Кудашкин В.В. Право военных конфликтов: теоретические концепты и методологические подходы к исследованию // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2023. № 12 (317). С. 2–10.
31. Кудашкин А., Холиков И. Опыт концептуализации специальных военных операций в современном праве // Пути к миру и безопасности. 2023. № 1 (64). С. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47
32. Кудашкин В.В. Военно-техническое сотрудничество Российской Федерации с иностранными государствами: понятие, принципы и правовой режим // Государство и право. 1998. № 9. С. 69–77.
33. Кудашкин В.В. Международно-правовое регулирование военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами // Государство и право. 2003. № 3. С. 58–66.
34. Кудашкин В.В. Особенности правового регулирования в области военно-технического сотрудничества: исходные начала (принципы) // Государство и право. 2020. № 4. С. 168–173. DOI: 10.31857/S013207690009321-5
35. Кудашкин В.В. Системный метод исследования военных отношений и военного права // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2023. № 9 (314). С. 2–10.
36. Кудашкин В.В. Сравнительно-правовой метод исследования военных отношений и военного права // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2023. № 8 (313). С. 2–10.
37. Кудашкин В.В. Формально-юридический метод исследования военных отношений и военного права // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2023. № 7 (312). С. 11–14.
38. Куманьков А.Д., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Новиков Н.С. Диалог о смыслах военного права и военном праве как ценности (обсуждаем главу 5 «Социальная ценность военного права» тома I монографии «Военное право») // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2022. № 7 (300). С. 2–12.
39. Мельков С.А. Рецензия на новое исследование военного права: критический взгляд политолога // Russian Studies in Law and Politics. 2022. Т. 6. № 3–4. С. 6–18. DOI: 10.12731/2576-9634-2022-3-4-6-18
40. Нагорный И.А. Право вооруженных конфликтов в эпоху глобальных перемен (некоторые аспекты его места и роли в свете выхода монографии «Военное право») // Государство и право. 2023. № 5. С. 58–62. DOI: 10.31857/S102694520025649-4
41. Наумов П. Социальные функции частных военных компаний в условиях трансформации современного миропорядка // Пути к миру и безопасности. 2023. № 2 (65). С. 207–218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218
42. Наумов П.Ю., Баранова Н.Н., Холиков И.В., Купцов С.А. Комплексное исследование правовых основ и проблемных вопросов оказания первой помощи военнослужащим (военнослужащими) // Медицина катастроф. 2023. № 3. С. 57–64. DOI: 10.33266/2070-1004-2023-3-57-64
43. Наумов П.Ю., Большакова В.М., Землин А.И., Холиков И.В. Концептуальные аспекты производства медицинских экспертиз при обжаловании в судебном порядке заключений по итогам проведения военно-врачебной экспертизы // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 283–306. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306
44. Наумов П.Ю., Захарцев С.И. Право и интеллигенция: к познанию общности социальных и психологических функций (теоретический этюд) // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15. № 1. С. 274–288. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-527
45. Наумов П.Ю., Захарцев С.И., Холиков И.В., Большакова В.М. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире (Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права») // Государство и право. 2023. № 9. С. 64–72. DOI: 10.31857/S102694520024304-5
46. Наумов П.Ю., Холиков И.В. Характеристика правовых основ проведения военно-врачебной экспертизы в войсках национальной гвардии Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2023. Т. 15. № 1. С. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493
47. Наумов П.Ю., Холиков И.В. Ценностное отношение к нормам международного гуманитарного права как фактор развития личности будущего офицера // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 2 (102). С. 287–298. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-2-287-298
48. Плигин В.Н. Вышел фундаментальный научный труд, которым доказана «правовая теорема Ферма». Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина // Государство и право. 2023. № 3. С. 33–39. DOI: 10.31857/S102694520024772-0
49. Розов М.А. В поисках Жар-птицы // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 63–82.
50. Розов М.А. Что такое теория социальных эстафет // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 230–239.
51. Савенков А.Н. Глобальный кризис современности как предмет философии права // Государство и право. 2022. № 2. С. 103–117. DOI: 10.31857/S102694520019125-8
52. Савенков А.Н. Права и свободы военнослужащих: прокурорский надзор // Законность. 1999. № 4. С. 44.
53. Савенков А.Н., Жуков В.Н. Русская идея в философии права // Государство и право. 2023. № 6. С. 7–23. DOI: 10.31857/S102694520026150-6
54. Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7–34. DOI: 10.31857/S102694520014362-9
55. Сальников В.П., Большакова В.М., Захарцев С.И. Институализация военного права как отрасли права в постнеклассической научной рациональности (рецензия на монографию «Военное право в 3-х томах. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022») // Право. Журнал ВШЭ. 2023. № 1. С. 251–261. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.251.261

56. *Смирнов Д. В., Наумов П. Ю.* Организационно-правовые основы управления профессиональным психологическим отбором в войсках национальной гвардии России // Психология и право. 2024. Т. 14. № 1. С. 214–234. DOI: 10.17759/psylaw.2024140114
57. *Старцун В. Н.* К вопросу об актуализации законопроектной деятельности о создании частных военных компаний в Российской Федерации // Вестник военного права. 2017. № 2. С. 71–73.
58. *Туганов Ю. Н., Аулов В. К.* Правовое обеспечение оценки состояния воинской дисциплины и правопорядка в войсках: современные тенденции развития военного права // Военно-юрид. журнал. 2022. № 4. С. 14–17. DOI: 10.18572/2070-2108-2022-4-14-17
59. *Тушков А. А.* К вопросу об экспликации парадигмальных основ военного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 3 (308). С. 2–14.
60. *Тушков А. А.* Теоретико-методологические проблемы и военное право (к выходу в свет монографии «Военное право») // Государство и право. 2023. № 5. С. 63–67. DOI: 10.31857/S102694520025210-2
61. *Холиков И. В.* История и теория военного права: первое фундаментальное исследование // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 222–228
62. *Холиков И. В.* К юбилею профессора Олега Валерьевича Дамаскина // Государство и право. 2019. № 8. С. 138–139. DOI: 10.31857/S013207690006256-3
63. *Холиков И. В., Большакова В. М., Наумов П. Ю., Зеленикин Р. В.* Ценности и смыслы главного судебного акта XX века: аксиологические концепты книги А. Н. Савенкова «Нюрнберг: Приговор во имя Мира» (Материалы дискуссии) // Государство и право. 2022. № 10. С. 51–62. DOI: 10.31857/S102694520021788-7
64. *Холиков И. В., Милованович А., Наумов П. Ю.* Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132–148. DOI: 10.12737/jrl.2022.122
65. *Холиков И. В., Наумов П. Ю.* Трансляция знаний и критерии научности: концепты современной теории военного права // Государство и право. 2024. № 1. С. 100–116. DOI: 10.31857/S1026945224010101
66. *Холиков И. В., Наумов П. Ю., Большакова В. М. и др.* Федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства в области обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса: новый этап регулирования и правоприменения // Уголь. 2022. № 10 (1159). С. 66–71. DOI: 10.18796/0041-5790-2022106671
67. *Холиков И. В., Окоца В. А.* Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журнал рос. права. 2020. № 12. С. 147–158. DOI: 10.12737/jrl.2020.154
68. *Хомчик В. В.* Монография «Военное право» обеспечила теоретический прорыв в фундаментальных исследованиях современных проблем военной науки // Государство и право. 2022. № 3. С. 199–203. DOI: 10.31857/S102694520019175-3
69. *Чемезов С. В.* Мощный стимул правовых исследований в военной науке. Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина (М.: Центр правовых коммуникаций, 2021–2022) // Государство и право. 2023. № 3. С. 27–32. DOI: 10.31857/S102694520024771-9
70. *Яцкин А. В.* Поиски «правового Грааля» завершены (Размышления на полях фундаментального исследования «Военное право» в эпоху трансформации действующего мирового порядка) // Государство и право. 2023. № 6. С. 51–55. DOI: 10.31857/S102694520025954-0

REFERENCES

1. *Avatkov V., Sbitneva A.* One in the field is not a warrior: the leading PMCs of Turkey // Paths to peace and security. 2023. No. 2 (65). Pp. 219–232. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-219-232 (in Russ.).
2. *Baranenko V. V.* The legal status of subjects of Military Law: theory and actual problems in the context of a special military operation // Law in the Armed Forces – Military-legal Review. 2024. No. 4 (321). Pp. 12–19 (in Russ.).
3. *Baranov V. M.* Legal innovation // Legal science and practice: Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 21. Pp. 7–13 (in Russ.).
4. *Baranov V. M., Yudin A. A., Shpilev D. A.* The phenomenon of “scientific school” in the representation of the Russian professorial corps (experience of sociological analysis) // Legal science and practice: Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 3 (43). Pp. 10–27. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10301 (in Russ.).
5. *Batyr V. A.* The law of wartime as a sub-branch of Military Law // Lex russica (Russian law). 2022. Vol. 75. No. 3 (184). Pp. 88–104. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.184.3.088-104 (in Russ.).
6. *Bezbabnov O. G.* To the 60th anniversary of Doctors of Law A. V. Kudashkin and V. V. Kudashkin // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2024. No. 4 (321). Pp. 2–11 (in Russ.).
7. *Blazheev V. V.* Three-volume monograph “Military Law” under the general editorship of A. N. Savenkov and A. V. Kudashkin as a practical result of the activities of the national scientific school of Military Law // State and Law. 2023. No. 2. Pp. 40–42. DOI: 10.31857/S102694520024321-4 (in Russ.).
8. *Bozrov V. M., Azarenok N. V.* Monograph “Military Law” – the conceptual basis for improving modern military science // Law in the Armed Forces – Military Law Review. 2023. No. 4 (309). Pp. 2–6 (in Russ.).
9. *Bruno J.* About heroic enthusiasm / translated from Italian by Ya. Emelyanov, Yu. Verkhovsky, A. Efros. M., 1953 (in Russ.).
10. *Military Law* / under the general editorship of A. N. Savenkov, A. V. Kudashkin. M., 2021. Vol. I. History and theory of Military Law (with a preface); vol. II. The current state of Military Law (institutes of Military Law); 2022. Vol. III. The main problems and promising areas of military legal research (in Russ.).

11. *Gavrilov S. O., Glebov I. N., Chukin S. G. et al.* Law at the point of bifurcation: discussion of the conceptual study of military problems of International Law (Discussion in the format of a "Round Table" based on the materials of Chapter 6 "Military problems of International Law" vol. III of the monograph "Military Law") // *State and Law*. 2022. No. 12. Pp. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2 (in Russ.).
12. *Gaidamashko I. V., Naumov P. Yu., Dyachkov A. A.* The potential of the monograph "Military Law" in the training of a future military lawyer and the development of his personality // *State and Law*. 2023. No. 5. Pp. 68–79. DOI: 10.31857/S102694520025198-8 (in Russ.).
13. *Glushachenko S. B., Zelepukin R. V.* Military legal knowledge for future workers in the field of transport (review of the three-volume monograph "Military Law") // *Mir transport*. 2023. Vol. 21. No. 1 (104). Pp. 134–137. DOI: 10.30932/1992-3252-2021-21-1-16 (in Russ.).
14. *Ershov V. V., Kachalov V. I.* Military Law of Russia as a branch of law // *Russ. Justice*. 2023. No. 2. Pp. 106–110.
15. *Zemlin A. I.* Actual issues of military activity of the state: a legal dimension // *Military Law*. 2022. No. 6 (76). Pp. 233–237 (in Russ.).
16. *Zemlin A. I.* Actual problems of the development of military legal science in modern conditions // *Law in the Armed Forces – Military Law Review*. 2021. No. 12 (293). Pp. 73–76 (in Russ.).
17. *Zemlin A. I.* On the genesis and prospects of development of military administration // *Herald of Military Law*. 2016. No. 3. Pp. 39–46 (in Russ.).
18. *Zemlin A. I., Kholikov I. V.* Some problematic issues of the legal service of the Armed Forces of the Russian Federation in modern conditions // *Military Law*. 2023. No. 3 (79). Pp. 49–56 (in Russ.).
19. *Isaev V. I., Balchugov S. G., Markov A. M.* Historical and legal analysis of the emergence and development of Military Law // *Military Historical Journal*. 2024. No. 3 (767). Pp. 116–119 (in Russ.).
20. *Kartapolov A. V.* The "Forgotten" branch of the Russian legal system "Law of armed conflicts" is being revived with the release of the fundamental scientific work of the three-volume monograph "Military Law" (Some comments in connection with the publication of the three-volume monograph "Military Law") // *State and Law*. 2023. No. 8. Pp. 45–50. DOI: 10.31857/S102694520027225-8 (in Russ.).
21. *Koryakin B. M.* Military Law and legal awareness of military personnel // *Military Law*. 2021. No. 4 (68). Pp. 49–55 (in Russ.).
22. *Koryakin B. M.* Military Law as a science // *Military Law*. 2021. No. 5 (69). Pp. 9–21 (in Russ.).
23. *Koryakin B. M.* Privileges in Military Law // *State and Law*. 2006. No. 12. Pp. 88–97 (in Russ.).
24. *Koryakin B. M.* The current state of Military Law: a new fundamental scientific study // *State and Law*. 2022. No. 1. Pp. 207–210. DOI: 10.31857/S102694520018195-5 (in Russ.).
25. *Koryakin B. M.* The evolution of dissertation research on Military Law // *Military Law*. 2011. No. 1. Pp. 51–79 (in Russ.).
26. *Kudashkin A. V.* Military service and military personnel in the Russian Federation: constitutional and legal regulation. M., 2001 (in Russ.).
27. *Kudashkin A. V.* Professor Chkhikvadze V. M. – founder of the Soviet theory of Military Law // *Proceedings of the IGP RAS*. 2023. Vol. 18. No. 1. Pp. 179–195. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-1-kudashkin (in Russ.).
28. *Kudashkin A. V., Bezbabnov O. G.* Armed conflicts and law: returning to terminology once again // *Law in the Armed Forces – Military Legal Review*. 2023. No. 7 (312). Pp. 2–11 (in Russ.).
29. *Kudashkin A. V., Krotkova N. V.* The current state of Military Law and its impact on the national security of the Russian Federation (Materials of the Scientific and Practical Conference) // *Law and the State: Theory and Practice*. 2004. No. 1. Pp. 132–142 (in Russ.).
30. *Kudashkin A. V., Kudashkin V. V.* The law of military conflicts: theoretical concepts and methodological approaches to research // *Law in the Armed Forces – Military Law Review*. 2023. No. 12 (317). Pp. 2–10 (in Russ.).
31. *Kudashkin A., Kholikov I.* The experience of conceptualizing special military operations in modern law // *Paths to peace and security*. 2023. No. 1 (64). Pp. 31–47. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-31-47 (in Russ.).
32. *Kudashkin V. V.* Military-technical cooperation of the Russian Federation with foreign states: concept, principles and legal regime // *State and Law*. 1998. No. 9. Pp. 69–77 (in Russ.).
33. *Kudashkin V. V.* International legal regulation of military-technical cooperation of the Russian Federation with foreign states // *State and Law*. 2003. No. 3. Pp. 58–66 (in Russ.).
34. *Kudashkin V. V.* Features of legal regulation in the field of military-technical cooperation: initial principles // *State and Law*. 2020. No. 4. Pp. 168–173. DOI: 10.31857/S013207690009321-5 (in Russ.).
35. *Kudashkin V. V.* A systematic method for the study of military relations and Military Law // *Law in the Armed Forces – Military Law Review*. 2023. No. 9 (314). Pp. 2–10 (in Russ.).
36. *Kudashkin V. V.* Comparative legal method of research of military relations and Military Law // *Law in the Armed Forces – Military Law Review*. 2023. No. 8 (313). Pp. 2–10 (in Russ.).
37. *Kudashkin V. V.* Formal legal method for the study of military relations and Military Law // *Law in the Armed Forces – Military Law Review*. 2023. No. 7 (312). Pp. 11–14 (in Russ.).
38. *Kumankov A. D., Bolshakova V. M., Naumov P. Yu., Novikov N. S.* Dialogue on the meanings of Military Law and Military Law as values (discussing chapter 5 "The social value of Military Law" of volume I of the monograph "Military Law") // *Law in the Armed Forces – Military Legal Review*. 2022. No. 7 (300). Pp. 2–12 (in Russ.).
39. *Melkov S. A.* Review of a new study of Military Law: a critical view of a political scientist // *Russian Studies in Law and Politics*. 2022. Vol. 6. No. 3–4. Pp. 6–18. DOI: 10.12731/2576-9634-2022-3-4-6-18 (in Russ.).
40. *Nagorny I. A.* The law of armed conflicts in the era of global change (some aspects of its place and role in the light of the publication of the monograph "Military Law") // *State*

- and Law. 2023. No. 5. Pp. 58–62. DOI: 10.31857/S102694520025649-4 (in Russ.).
41. *Naumov P.* Social functions of private military companies in the context of the transformation of the modern world order // *Paths to peace and security*. 2023. No. 2 (65). Pp. 207–218. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-207-218 (in Russ.).
 42. *Naumov P. Yu., Baranova N. N., Kholikov I. V., Kuptsov S. A.* A comprehensive study of the legal foundations and problematic issues of first aid to military personnel (military personnel) // *Medicine of catastrophes*. 2023. No. 3. Pp. 57–64. DOI: 10.33266/2070-1004-2023-3-57-64 (in Russ.).
 43. *Naumov P. Yu., Bolshakova V. M., Zemlin A. I., Kholikov I. V.* Conceptual aspects of the production of medical examinations during judicial appeal of conclusions based on the results of military medical examination // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2021. Vol. 13. No. 6. Pp. 283–306. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-283-306 (in Russ.).
 44. *Naumov P. Yu., Zakhartsev S. I.* Law and intelligentsia: towards the knowledge of the community of social and psychological functions (theoretical etude) // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2024. Vol. 15. No. 1. Pp. 274–288. DOI: 10.12731/2658-4034-2024-15-1-527 (in Russ.).
 45. *Naumov P. Yu., Zakhartsev S. I., Kholikov I. V., Bolshakova V. M.* The value of law and legal values in a globalizing world (An axiological review of the book “State and law: human rights and the world order based on the Rule of Law”) // *State and Law*. 2023. No. 9. Pp. 64–72. DOI: 10.31857/S102694520024304-5 (in Russ.).
 46. *Naumov P. Yu., Kholikov I. V.* Characteristics of the legal foundations of military medical examination in the troops of the National Guard of the Russian Federation // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2023. Vol. 15. No. 1. Pp. 474–493. DOI: 10.12731/2658-6649-2023-15-1-474-493 (in Russ.).
 47. *Naumov P. Yu., Kholikov I. V.* Value attitude to the norms of International Humanitarian Law as a factor in the development of the personality of a future officer // *SibScript*. 2024. Vol. 26. No. 2 (102). Pp. 287–298. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-2-287-298 (in Russ.).
 48. *Pligin V. N.* Published a fundamental scientific work, which proved Fermat’s “legal theorem”. *Military Law: in 3 vols. / under the general editorship of A. N. Savenkov, A. V. Kudashkin* // *State and Law*. 2023. No. 3. Pp. 33–39. DOI: 10.31857/S102694520024772-0 (in Russ.).
 49. *Rozov M. A.* In search of the Firebird // *Questions of philosophy*. 2005. No. 6. Pp. 63–82 (in Russ.).
 50. *Rozov M. A.* What is the theory of social relay races // *Epistemology and philosophy of science*. 2017. Vol. 51. No. 1. Pp. 230–239 (in Russ.).
 51. *Savenkov A. N.* The global crisis of modernity as a subject of Philosophy of Law // *State and Law*. 2022. No. 2. Pp. 103–117. DOI: 10.31857/S102694520019125-8 (in Russ.).
 52. *Savenkov A. N.* Rights and freedoms of military personnel: prosecutor’s supervision // *Legality*. 1999. No. 4. P. 44 (in Russ.).
 53. *Savenkov A. N., Zhukov V. N.* The Russian idea in the Philosophy of Law // *State and Law*. 2023. No. 6. Pp. 7–23. DOI: 10.31857/S102694520026150-6 (in Russ.).
 54. *Savenkov A. N., Kudashkin A. V.* Military Law: problem statement and solutions // *State and Law*. 2021. No. 4. Pp. 7–34. DOI: 10.31857/S102694520014362-9 (in Russ.).
 55. *Salnikov V. P., Bolshakova V. M., Zakhartsev S. I.* Institution-alization of Military Law as a branch of law in post-non-classical scientific rationality (review of the monograph “Military Law in 3 volumes. Moscow: Center for Legal Communications, 2022”) // *Law. HSE Journal*. 2023. No. 1. Pp. 251–261. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.251.261 (in Russ.).
 56. *Smirnov D. V., Naumov P. Yu.* Organizational and legal foundations of the management of professional psychological selection in the troops of the National Guard of Russia // *Psychology and law*. 2024. Vol. 14. No. 1. Pp. 214–234. DOI: 10.17759/psylaw.2024140114 (in Russ.).
 57. *Startsun V. N.* On the issue of updating legislative activity on the creation of private military companies in the Russian Federation // *Herald of Military Law*. 2017. No. 2. Pp. 71–73 (in Russ.).
 58. *Tuganov Yu. N., Aulov V. K.* Legal support for assessing the state of military discipline and law and order in the military: modern trends in the development of Military Law // *Military Law journal*. 2022. No. 4. Pp. 14–17. DOI: 10.18572/2070-2108-2022-4-14-17 (in Russ.).
 59. *Tushkov A. A.* On the explication of the paradigmatic foundations of Military Law // *Law in the Armed Forces – Military Law Review*. 2023. No. 3 (308). Pp. 2–14 (in Russ.).
 60. *Tushkov A. A.* Theoretical and methodological problems and Military Law (for the publication of the monograph “Military Law”) // *State and Law*. 2023. No. 5. Pp. 63–67. DOI: 10.31857/S102694520025210-2 (in Russ.).
 61. *Kholikov I. V.* History and theory of Military Law: the first fundamental research // *Military Law*. 2021. No. 5 (69). Pp. 222–228 (in Russ.).
 62. *Kholikov I. V.* To the anniversary of Professor Oleg Valeryevich Damaskin // *State and Law*. 2019. No. 8. Pp. 138–139. DOI: 10.31857/S013207690006256-3 (in Russ.).
 63. *Kholikov I. V., Bolshakova V. M., Naumov P. Yu., Zelepukin R. V.* Values and meanings of the main judicial act of the XX century: axiological concepts of the book by A. N. Savenkov “Nuremberg: Verdict for name of Peace” (Discussion materials) // *State and Law*. 2022. No. 10. Pp. 51–62. DOI: 10.31857/S102694520021788-7 (in Russ.).
 64. *Kholikov I. V., Milovanovich A., Naumov P. Yu.* Dynamics of the functioning of International Law in the context of the transformation of the modern world order: a post-non-classical approach // *Journal of Russ. law*. 2022. Vol. 26. No. 11. Pp. 132–148. DOI: 10.12737/jrl.2022.122 (in Russ.).
 65. *Kholikov I. V., Naumov P. Yu.* Translation of knowledge and criteria of scientific character: concepts of the modern theory of Military Law // *State and Law*. 2024. No. 1. Pp. 100–116. DOI: 10.31857/S1026945224010101 (in Russ.).
 66. *Kholikov I. V., Naumov P. Yu., Bolshakova V. M. et al.* Federal State control (supervision) over compliance with legislation in the field of ensuring the safety of fuel and energy complex facilities: a new stage of regulation and law enforcement // *Ugol*. 2022. No. 10 (1159). Pp. 66–71. DOI: 10.18796/0041-5790-2022106671 (in Russ.).
 67. *Kholikov I. V., Okocha V. A.* The use of armed force by private marine security companies: dynamics of borders and specifics of legal regulation in the modern world // *Journal*

- of Russ. law. 2020. No. 12. Pp. 147–158. DOI: 10.12737/jrl.2020.154 (in Russ.).
68. *Khomchik V.V.* Monograph “Military Law” provided a theoretical breakthrough in fundamental research of modern problems of military science // *State and Law*. 2022. No. 3. Pp. 199–203. DOI: 10.31857/S102694520019175-3 (in Russ.).
69. *Chemezov S.V.* A powerful incentive for legal research in military science. *Military Law*: in 3 vols. / under the general editorship of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin (Moscow: Center for Legal Communications, 2021–2022) // *State and Law*. 2023. No. 3. Pp. 27–32. DOI: 10.31857/S102694520024771-9 (in Russ.).
70. *Yatskin A.V.* The search for the “legal Grail” has been completed (Reflections on the fields of fundamental research “Military Law” in the era of transformation of the current world order) // *State and Law*. 2023. No. 6. Pp. 51–55. DOI: 10.31857/S102694520025954-0 (in Russ.).

Сведения об авторах

ХОЛИКОВ Иван Владимирович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра международного права и сравнительно-правовых исследований, профессор кафедры международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218 г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34
ORCID: 0000-0003-0421-5829

НАУМОВ Петр Юрьевич — кандидат педагогических наук, помощник начальника госпиталя по правовой работе — начальник юридической службы Главного военного клинического госпиталя войск национальной гвардии Российской Федерации; 143914 Московская область, г. Балашиха, микрорайон Никольско-Архангельский, Вишняковское шоссе, вл. 101
ORCID: 0000-0002-2875-2322

Authors' information

KHOLIKOV Ivan V. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Center for International Law and Comparative Law Research, Professor of the Chair of International Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., 117218 Moscow, Russia

NAUMOV Petr Yu. — Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Head of the Hospital for Legal Work — Head of the Legal Support Department, Main Military Clinical Hospital of the National Guard Troops of the Russian Federation; 101 Vishnyakovskoye highway, Nikolsko-Arkhangelsky microdistrict, 143914 Balashikha, Moscow Region, Russia

УДК 341

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ:
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ
(К 70-ЛЕТИЮ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
В СЛУЧАЕ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА 1954 г.)**

© 2024 г. А. И. Абдуллин*, Т. Д. Гибадуллин**

Казанский федеральный университет

*E-mail: adelabdoulline@yandex.ru

**E-mail: timurgib@gmail.com

Поступила в редакцию 25.03.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию актуальных проблем истории становления международно-правовых механизмов в сфере охраны культурного наследия в случае вооруженного конфликта и современных мер в данной области. Авторы последовательно анализируют релевантные нормы как общего, так и специального характера всех основных международно-правовых актов, касающихся данных вопросов, начиная с Брюссельской декларации о законах и обычаях войны 1874 г. как наиболее раннего релевантного документа. Рассматривается вопрос соотношения Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. и Дополнительных протоколов 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. Делается вывод о вспомогательном характере специальных норм Дополнительных протоколов 1977 г. по отношению к нормам Конвенции 1954 г. Обосновывается проистекающее из него совпадение сфер охвата определения культурных ценностей для целей Конвенции 1954 г. и протоколов к ней, с одной стороны, и соответствующих специальных норм Дополнительных протоколов 1977 г. — с другой. Указываются недостатки отдельных упомянутых международно-правовых актов, в том числе связанные с предусмотренным в Конвенции 1954 г. фактически нефункционирующим режимом «специальной защиты». Обсуждается отсутствие норм, охраняющих напрямую нематериальное культурное наследие, как недостаток всего массива международно-правовых норм в сфере охраны культурного наследия в случае вооруженного конфликта.

Ключевые слова: культурное наследие, культурные ценности, культурные объекты, исторические памятники, художественные произведения, вооруженный конфликт, Гаагские конвенции, Пакт Рериха, Женевские конвенции, Дополнительные протоколы.

Цитирование: Абдуллин А. И., Гибадуллин Т. Д. Международно-правовая охрана культурного наследия во время вооруженных конфликтов: история становления и современные механизмы (к 70-летию Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.) // Государство и право. 2024. № 5. С. 142–152.

DOI: 10.31857/S1026945224050153

**INTERNATIONAL LEGAL PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE
DURING ARMED CONFLICTS: HISTORY OF FORMATION
AND MODERN MECHANISMS (TO THE 70th ANNIVERSARY
OF THE 1954 CONVENTION FOR THE PROTECTION OF CULTURAL
PROPERTY IN THE EVENT OF ARMED CONFLICT)**

© 2024 А. И. Abdullin*, T. D. Gibadullin**

Kazan Federal University

*E-mail: adelabdoulline@yandex.ru

**E-mail: timurgib@gmail.com

Received 25.03.2024

Abstract. The article is devoted to the study of topical problems of the history of the formation of international legal mechanisms in the field of protection of cultural heritage in the event of armed conflict and of modern measures in this area. The authors consistently analyze the relevant norms of both general and special nature of all major international legal acts relating to these issues, starting with the 1874 Brussels Declaration concerning the Laws and Customs of War as the earliest relevant document. The issue of the relationship between the 1954 Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict and the 1977 Additional Protocols to the 1949 Geneva Conventions is considered. A conclusion is drawn about the subsidiary nature of the special norms of the 1977 Additional Protocols in relation to the norms of the 1954 Convention. The resulting coincidence of the scope of the definition of cultural property for the purposes of the 1954 Convention and its Protocols, on the one hand, and of the corresponding special rules of the 1977 Additional Protocols, on the other, is substantiated. The shortcomings of the individual international legal acts mentioned are indicated, including those related to the virtually non-functioning “special protection” regime enshrined in the 1954 Convention. The lack of norms directly protecting intangible cultural heritage is discussed as a shortcoming of the entire array of international legal norms in the field of protection of cultural heritage in the event of armed conflict.

Key words: cultural heritage, cultural property, cultural objects, historical monuments, works of art, armed conflict, Hague Conventions, Roerich Pact, Geneva Conventions, Additional Protocols.

For citation: Abdullin, A.I., Gibadullin, T.D. (2024). International legal protection of cultural heritage during armed conflicts: history of formation and modern mechanisms (to the 70th anniversary of the 1954 Convention for the protection of cultural property in the event of armed conflict) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 142–152.

Уже длительное время вопросы сохранения бесценных достояний культуры – памятников архитектуры, археологических находок, произведений изобразительного искусства, устных традиций, обычаев и обрядов – не перестают находиться на международной повестке. Сегодня неоспорима значимость данных объектов и проявлений для каждого государства и международного сообщества в целом, в т.ч. с точки зрения их важности для истории и идентичности народов. В связи с этим не перестают осуществляться правовые усилия в сфере охраны культурного наследия – как на национальном, так и на международном уровне. Так, на сегодняшний день принято значительное количество универсальных и региональных специальных международных договоров в данной области, устанавливающих особые режимы охраны как материального культурного наследия, так и его нематериальных проявлений.

При этом один из наиболее развитых соответствующих охранных режимов касается ситуации вооруженного конфликта. Он имеет и повышенную важность: в самом деле, подобные ситуации несут наибольшую угрозу для культурного наследия, и, к сожалению, до сих пор происходят случаи его повреждения и уничтожения во время вооруженных конфликтов по всему миру. В связи с этим исследование проблем международно-правовой охраны культурного наследия во время них имеет особую актуальность.

Повышенную важность данных вопросов отражает и тот факт, что исторически первый международно-правовой акт, затрагивающий охрану данных объектов и проявлений, касается именно ситуации вооруженного конфликта. Данным

документом является Брюссельская декларация о законах и обычаях войны 1874 г.,¹ которая хотя и не будучи юридически обязательной, оказала влияние на Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., а также последующие международные договоры о ведении военных действий. Особо стоит отметить, что автором проекта обсуждаемой декларации в решающей степени стал выдающийся российский юрист-международник Ф.Ф. Мартенс, который называл ее своим «любимым детищем»².

Характерно, что и в данном документе, и в иных международно-правовых актах в сфере охраны культурного наследия, принимавшихся вплоть до середины XX в., собственно термин «культурное наследие», а также второе самое распространенное сегодня в данной сфере обобщающее понятие «культурные ценности» не упоминались. В самых ранних, но тем не менее чрезвычайно важных релевантных правовых актах названного периода (помимо упомянутой декларации, здесь мы имеем в виду Положения о законах и обычаях сухопутной войны 1899³ и 1907 гг.,⁴ прилагающиеся

¹ См.: Брюссельская декларация о законах и обычаях войны (27 августа 1874 г.) // Право и мир в международных отношениях: сб. ст., сост. под ред. Л.А. Камаровского и П.М. Богаевского. М., 1899. С. 525–566.

² Пустогаров В.В. Ф.Ф. Мартенс: юрист, дипломат, публицист // Сов. журнал междунар. права. 1991. № 3–4. С. 86, 91.

³ См.: Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (29 июля 1899 г.) // Ежегодник Министерства Иностранных дел, 1901: тридцать восьмой год (испр. и доп. по 21 мая 1901 г.). СПб., 1901. С. 336–366. Положение о законах и обычаях сухопутной войны.

⁴ См.: Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (18 октября 1907 г.) // Документы по международному

к одноименным конвенциям, а также Конвенцию о бомбардировании морскими силами во время войны 1907 г.⁵) наиболее близкими к упомянутым терминам категориями, на наш взгляд, являются понятия «исторические памятники» и «художественные произведения».

В названных документах они не являлись самостоятельными объектами охраны⁶, упоминаясь в них одновременно с храмами, зданиями, служащими целям искусств, благотворительности, науки и др., а также такими не связанными с культурой учреждениями, как госпиталиями и местами, где собраны больные и раненые⁷.

Если говорить о конкретных релевантных нормах данных международно-правовых актов, то, во-первых, Брюссельская декларация 1874 г. и Положения о законах и обычаях сухопутной войны 1899 и 1907 гг. устанавливают, что преднамеренный захват, истребление или повреждение исторических памятников, а также художественных и научных произведений запрещаются и должны преследоваться⁸.

Во-вторых, эти документы, а также Конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны 1907 г. закрепляют обязанность «щадить, насколько возможно» храмы и здания, служащие целям науки, искусств и благотворительности при осадах и бомбардировках, если они не используются в военных целях, и обозначать их особыми знаками⁹. При этом в Положении о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. и Конвенции о бомбардировании морскими силами во время войны 1907 г. в данный перечень объектов добавляются и «исторические памятники». В отношении же художественных и/или научных произведений

соответствующее обязательство ни в одном из рассматриваемых четырех документов не закрепляется.

Необходимо отметить, что помимо рассмотренных выше специальных норм некоторые общие положения Брюссельской декларации 1874 г. и Положений о законах и обычаях сухопутной войны 1899 и 1907 гг. также могут распространяться на культурное наследие. Речь идет о нормах, которые касаются истребления или захвата собственности неприятеля, разграбления города или местности, а также прав и обязанностей оккупирующей державы¹⁰ (в этом же контексте стоит упомянуть и некоторые положения Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г., не содержащей специальных норм об охране культурного наследия, но правила которой о запрете ограбления и о правах и обязанностях оккупирующей державы¹¹ также могут распространяться на подобные объекты¹²).

Заметим, что в 20-х годах XX в. некоторые проявления культурного наследия были выделены в международном праве уже в качестве самостоятельного объекта охраны. В качестве такого их предусматривает ст. 26 Правил ведения воздушной войны¹³, выработанных в декабре 1922 г. – феврале 1923 г. Комиссией юристов в Гааге, которая говорит о «памятниках, имеющих большую историческую ценность»¹⁴. Данная статья содержит в том числе положения об охране таких памятников от бомбардировок (п. 1) и о запрете их использования в военных целях (п. 7). Правила ведения воздушной войны 1923 г. не были приняты в юридически обязательной форме, но, как указывает Ф. Франциони, считалось, что они отражают международное обычное право¹⁵. Таким образом, обсуждаемый документ стал важной вехой в развитии международно-правовой охраны культурного наследия в случае вооруженного конфликта.

гуманитарному праву и другие документы, относящиеся к ведению военных действий. 5-е изд., доп. М., 2010. С. 18–34. Положение о законах и обычаях сухопутной войны.

⁵ См.: Конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны (18 октября 1907 г.) // Там же. С. 102–106.

⁶ См.: *Francioni F. Cultural Heritage* // Max Plank Encyclopedia of Public International Law [Electronic resource]. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law/epil/9780199231690/law-9780199231690-e1392?prd=MPIL> (дата обращения: 25.02.2024). Para. 1.

⁷ См.: *ibid.*

⁸ См.: Брюссельская декларация о законах и обычаях войны 1874 г. (ст. 8); Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1899 г. Положение о законах и обычаях сухопутной войны (ст. 56); Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. Положение о законах и обычаях сухопутной войны (ст. 56).

⁹ См.: Брюссельская декларация о законах и обычаях войны 1874 г. (ст. 17); Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1899 г. Положение о законах и обычаях сухопутной войны (ст. 27); Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. Положение о законах и обычаях сухопутной войны (ст. 27); Конвенция о бомбардировании морскими силами во время войны 1907 г. (ст. 5).

¹⁰ См.: Брюссельская декларация о законах и обычаях войны 1874 г. (п. 7 ст. 13, ст. 2, 18, 39); Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1899 г. Положение о законах и обычаях сухопутной войны (п. “g”) ст. 23, ст. 28, 43, 47); Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. Положение о законах и обычаях сухопутной войны (п. «ж») ст. 23, ст. 28, 43, 47); *O’Keefe R. Cultural Heritage and International Humanitarian Law* // *The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law* / ed. by A.F. Vrdoljak, F. Francioni. Oxford, 2020. Pp. 51, 52.

¹¹ См.: Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (12 августа 1949 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1957. Вып. XVI. Ст. 33, 53, 64, 648.

¹² См.: *O’Keefe R. Op. cit.* P. 52.

¹³ См.: *Rules of Air Warfare* (19 February 1923) // *American Journal of International Law*. 1923. Vol. 17. Supplement. P. 246.

¹⁴ *Francioni F. Op. cit.* Para. 4.

¹⁵ См.: *ibid.*

Лишь на подобные случаи распространяются охранные меры в отношении культурного наследия, предусмотренные во всех документах, рассмотренных нами выше. Дело в том, что международные договоры, предусматривающие охрану данных объектов в мирное время, не заключались вплоть до 1930-х годов. Первым же из них стал Договор об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников 1935 г.,¹⁶ также известный как Пакт Рериха (по фамилии известного русского художника Н.К. Рериха, по инициативе которого был принят рассматриваемый документ). Данный международный договор имеет большое значение также ввиду того, что он стал первым подобным документом, посвященным почти исключительно охране культурного наследия¹⁷. При этом обсуждаемый международно-правовой акт был заключен только между странами американского континента, и по состоянию на февраль 2024 г. в нем участвуют лишь 10 государств¹⁸.

Статья 1 Пакта Рериха 1935 г. устанавливает, что исторические памятники, музеи, художественные, научные, культурные, образовательные учреждения должны уважаться и охраняться как в мирное время, так и во время войны. Как и в рассмотренных выше международно-правовых актах, предусматривается положение, касающееся использования таких объектов в военных целях: в случае такого использования они перестают пользоваться закрепленными в Пакте привилегиями (ст. 5).

Таким образом, международно-правовые акты, затрагивающие охрану культурного наследия и принимавшиеся до второй половины XX в., касались только ситуации вооруженного конфликта. Кульминацией же данных международно-правовых усилий по праву можно назвать принятие 14 мая 1954 г. под эгидой ЮНЕСКО в г. Гааге Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта.

Именно в ней впервые в международно-правовом контексте употреблялся термин «культурные ценности»¹⁹ и даже понятие «наследие»

в связи с культурными объектами²⁰ («ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия»²¹ каждого народа» — п. «а») ст. 1). Окончательное закрепление в международном праве второй упомянутый термин получил лишь в начале 1970-х годов вместе с принятием Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.²², но с тех пор в международном праве во многом был совершен переход именно к данному понятию²³.

Принятие Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. является особенно важной вехой в развитии международно-правовой охраны культурного наследия и по той причине, что она стала первым специальным универсальным международным договором в сфере его охраны в целом²⁴.

На нормы Конвенции оказали влияние материалы Нюрнбергского и Токийского процессов, Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г., а также некоторые уже упомянутые международно-правовые акты, например Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1899 и 1907 гг.²⁵

По состоянию на февраль 2024 г. в рассматриваемом международном договоре участвуют 135 государств, в т.ч. Российская Федерация²⁶. Следует от-

Property Law and Restitution: A Commentary to International Conventions and European Union Law. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA, 2011. P. 7.

²⁰ См.: *Forrest C.* International Law and the Protection of Cultural Heritage. London; New York, 2010. P. 24.

²¹ Здесь и далее курсив наш.

²² См.: Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972 г.) // Сборник международных договоров СССР. М., 1990. Вып. XLIV. С. 496–506.

²³ См.: *Prott L.V., O'Keefe P.J.* Op. cit. P. 307; *Blake J.* On Defining the Cultural Heritage // The International and Comparative Law Quarterly. 2000. Vol. 49. No. 1. P. 67; *Forrest C.* Op. cit. P. 24; *Nafziger J.A.R.* Op. cit. P. 13; см. также: *Vrdoljak A.F., Francioni F.* Introduction // The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law / ed. by A.F. Vrdoljak, F. Francioni. Oxford, 2020. P. 4.

²⁴ См.: *Odendahl K.* Global conventions for the protection of cultural heritage // Cultural Heritage and Legal Aspects in Europe / ed. by M. Guštin, T. Nypan. Koper: Institute for Mediterranean Heritage, Institute for Corporation and Public Law, Science and Research Centre, University of Primorska, 2010. P. 102.

²⁵ См.: *Nafziger J.A.R., Paterson R.K., Renteln A.D.* Cultural Law: International, Comparative, and Indigenous. Cambridge, 2010. P. 289.

²⁶ См.: Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict. The Hague, 14 May 1954. States parties [Electronic resource]. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/hague-conv-1954/state-parties?activeTab=default> (дата обращения: 14.02.2024).

¹⁶ См.: Treaty on the Protection of Artistic and Scientific Institutions and Historic Monuments (Roerich Pact) (15 April 1935) // The Laws of Armed Conflicts: A Collection of Conventions, Resolutions and Other Documents / ed. by D. Schindler, J. Toman. 3rd ed. Dordrecht, 1988. Pp. 737–739.

¹⁷ См.: *Nafziger J.A.R.* Frontiers of Cultural Heritage Law. Leiden; Boston, 2021. P. 8.

¹⁸ См.: Treaty on the Protection of Artistic and Scientific Institutions and Historic Monuments (Roerich Pact). Washington, 15 April 1935. State parties [Electronic resource]. URL: https://ihl-databases.icrc.org/ihl/ihl.nsf/States.xsp?xp_viewStates=XPAGES_NORMStatesParties&xp_treatySelected=325 (дата обращения: 22.02.2024).

¹⁹ *Prott L.V., O'Keefe P.J.* 'Cultural Heritage' or 'Cultural Property'? // International Journal of Cultural Property. 1992. Vol. 1. No. 2. P. 312; *Frigo M.* Cultural property v. cultural heritage: A "battle of concepts" in International Law? // International Review of the Red Cross. 2004. Vol. 86. No. 854. P. 367; *Stamatoudi I.A.* Cultural

метить, что более половины государств-участников стали таковыми лишь в XXI в.²⁷

Данный международный договор, помимо ряда положений преамбулы и п. «а») ст. 1, говорит не о «культурном наследии», а о «культурных ценностях», поэтому, рассматривая далее конкретные положения данной Конвенции (а также протоколов²⁸ к ней), в которых используется термин «культурные ценности», для более точной передачи формулировок мы также будем использовать его.

Представляется важным, что в преамбуле рассматриваемого международного договора признается большое значение сохранения культурного наследия для всех народов мира (абз. 4). Кроме того, в преамбуле Конвенции культурные ценности каждого народа рассматриваются в качестве части культурного наследия всего человечества (абз. 3). Таким образом, можно согласиться с утверждением Дж. Г. Мерримана, что подход данного международного договора отражает «культурный интернационализм»²⁹, подразумевающий принадлежность национальных культурных ценностей всему человечеству.

В предыдущих международно-правовых актах по охране культурного наследия точных определений таких объектов не содержалось. Ввиду этого тот факт, что в ст. 1 рассматриваемой Конвенции впервые в международном праве было закреплено такое определение³⁰, стал еще одним ее достижением. Данное определение основано на двух критериях, первый из которых предполагает, что культурные ценности должны иметь «большое значение для культурного наследия каждого народа» (п. «а») ст. 1), и что их должно быть возможно установить исходя из соответствующих национальных перечней³¹. Второй критерий требует, чтобы рассматриваемые объекты относились в том числе к памятникам, археологическим месторасположениям, произведениям искусства, научным и архивным коллекциям; зданиям, в которых находятся указанные движимые культурные ценности; центрам, где находится

большое количество культурных ценностей (ст. 1)³². Таким образом, Конвенция охраняет в основном недвижимое материальное культурное наследие.

Общее количество недвижимых объектов, на которые распространяет свое действие данный международный договор, а также Первый и Второй протоколы к нему в каждом государстве-участнике, обычно исчисляется десятками тысяч³³. Что касается движимых объектов, имеющаяся информация о соответствующей практике государств-участников указывает на содержимое ориентировочно от ста до нескольких сотен музеев, художественных галерей, библиотек и архивов на одно государство-участник³⁴.

В целом рассматриваемый международный договор консолидировал международно-правовые нормы об охране культурного наследия, существовавшие ранее³⁵. Что касается основных норм данной Конвенции, к ним следует отнести запрет использования культурных ценностей в целях, которые могут привести к их повреждению или разрушению, и запрет осуществлять против них какие-либо враждебные акты (п. 1 ст. 4). Правда, прямо предусматривается возможность нарушить эти обязательства, если этого «настоятельно потребует» военная необходимость (п. 2 ст. 4). Безусловно, на уровне защищенности культурного наследия во время вооруженных конфликтов последнее положение сказывается самым негативным образом.

Помимо названных положений рассматриваемый международный договор обязал государства-участников еще в мирное время подготовить охрану своих культурных ценностей от последствий вооруженного конфликта (ст. 3) и запретил их разграбление (п. 3 ст. 4). Как и рассмотренные выше более ранние международно-правовые акты, Конвенция предусматривает положение об обозначении обсуждаемых объектов отличительным знаком (ст. 6, 16, 17).

Данный международный договор также установил возможность предоставления «специальной защиты» культурным ценностям, которые имеют «очень большое значение» (п. 1 ст. 8). Но даже в случае получения ими такой защиты возможность совершения враждебных актов против них сохраняется — теперь уже в том числе в «исключительных случаях неизбежной военной необходимости», которая должна констатироваться определенными воинскими начальниками (п. 2 ст. 11). Таким образом, даже находящееся под специальной

²⁷ См.: Vrdoljak A. F., Meskeel L. Intellectual Cooperation Organisation, UNESCO, and the Culture Conventions // The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law / ed. by F. Francioni, A. F. Vrdoljak. Oxford, 2020. P. 27.

²⁸ См.: Протокол к Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (14 мая 1954 г.) // Нормативные акты ЮНЕСКО по охране культурного наследия. М., 2002. С. 33–36; Второй протокол к Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. (26 марта 1999 г.) // Там же. С. 38–59.

²⁹ Merryman J. H. Two Ways of Thinking About Cultural Property // The American Journal of International Law. 1986. Vol. 80. No. 4. P. 837.

³⁰ См.: Francioni F. Op. cit. Para. 6.

³¹ См.: ibid.

³² См.: ibid.

³³ См.: O'Keefe R. Op. cit. P. 47.

³⁴ См.: ibid.

³⁵ См.: Nafziger J. A. R. Op. cit. P. 8.

защитой культурное наследие остается вполне уязвимым для нападения.

К условиям предоставления специальной защиты, помимо указанного очень большого значения соответствующих объектов, Конвенция также относит их неиспользование в военных целях (п/п. «б») п. 1 ст. 8), что полностью объяснимо и оправдано. Но еще одним условием является либо нахождение таких культурных ценностей «на достаточном расстоянии» от крупного промышленного центра или же важного военного объекта (к примеру, аэродрома или порта) (п/п. «а») п. 1 ст. 8), либо, в случае их расположения вблизи подобного важного военного объекта, неиспользование последнего во время вооруженного конфликта (п. 5 ст. 8). Безусловно, такое условие во многом слишком строгое — думается, что вблизи «важных военных объектов» может находиться большое количество культурных ценностей, имеющих огромное значение, а намеренное неиспользование «важного военного объекта» в случае вооруженного конфликта является труднореализуемым.

Следует также отметить, что специальная защита предоставляется культурным ценностям путем внесения их в соответствующий реестр (п. 6 ст. 8). Однако, как указывается в п. 1 ст. 15 Исполнительного регламента Конвенции, такое внесение может быть заблокировано возражением против этого со стороны иных государств-участников. Это, опять же, сильно осложняет предоставление рассматриваемым объектам специальной защиты, являясь еще одним недостатком Конвенции³⁶.

Все вышеназванные особенности режима специальной защиты не позволяют назвать его эффективным. В данном контексте считаем возможным согласиться с мнением известного специалиста в сфере международно-правовой охраны культурного наследия в случае вооруженного конфликта Р. О'Кифа, согласно которому разница между режимами специальной и «общей» защиты на самом деле незначительна³⁷.

Более того, нужно обратить внимание на то, что обсуждаемый режим никогда не работал так, как предполагалось, и сейчас его даже можно назвать фактически недействующим³⁸. На это указывает, например, тот факт, что по состоянию на июль 2015 г., т.е. спустя более 60 лет после принятия Конвенции 1954 г., в Международном Реестре культурных ценностей, находящихся под

специальной защитой, содержались объекты с территории лишь пяти государств³⁹.

В дополнение ко всему вышесказанному, на эффективности рассматриваемого международно-договора также сказывается отсутствие у него эффективного институционального имплементационного механизма, способного вмешаться во всех случаях, когда это необходимо, а также тот факт, что Конвенция не обязывает государства-участников предусматривать какие-либо серьезные санкции за ее нарушение, разрешая им подвергать соответствующих лиц в том числе дисциплинарным наказаниям (ст. 28)⁴⁰.

Тем не менее влияние, оказанное данным международным договором на усиление правовой охраны культурного наследия на международном уровне, чрезвычайно высоко.

В день принятия Конвенции 1954 г. также был подписан Протокол к ней (сегодня известный как Первый протокол⁴¹), посвященный в основном вопросам охраны культурного наследия во время оккупации. По состоянию на февраль 2024 г. в данном международно-правовом акте участвуют 112 государств, в том числе Российская Федерация⁴².

Протокол, в частности, обязует государство-участника предотвращать вывоз культурных ценностей с оккупированной им территории (п. 1), а если в какое-либо государство-участник ввезены подобные объекты в нарушение данного принципа, оно обязуется вернуть их по прекращении военных действий компетентным властям ранее оккупированной территории (п. 3). Кроме того, государство-участник обязуется вернуть культурные ценности по окончании военных действий тому государству, с территории которого они были переданы данному государству-участнику для защиты от угрозы вооруженного конфликта (п. 5).

Если говорить о дальнейшем развитии международно-правовой охраны культурного наследия в случае вооруженного конфликта, отдельные нормы в данной сфере были закреплены в Дополнительных протоколах 1977 г. к Женевским конвенциям

³⁹ См.: UNESCO. International Register of Cultural Property under Special Protection [Electronic resource]. URL: <https://en.unesco.org/sites/default/files/Register2015EN.pdf> (дата обращения: 23.02.2024).

⁴⁰ См.: *Francioni F.* Op. cit. Para. 7.

⁴¹ См.: *O'Keefe R.* Op. cit. P. 46.

⁴² См.: Protocol for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict. The Hague, 14 May 1954. States parties [Electronic resource]. URL: https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/States.xsp?xp_viewStates=XPages_NORMStatesParties&xp_treatySelected=410 (обращения: 14.02.2024).

³⁶ См.: *Francioni F.* Op. cit. Para. 7.

³⁷ См.: *O'Keefe R.* Op. cit. P. 48.

³⁸ См.: *ibid.*

1949 г.⁴³ Данными документами запрещается совершать враждебные акты в отношении составляющих культурное, а также духовное наследие народов произведений искусства, исторических памятников и мест отправления культа, использовать их в военных целях (ст. 53 Дополнительного протокола I, ст. 16 Дополнительного протокола II).

Обращает на себя внимание крайне малое количество норм данных международно-правовых актов *непосредственно* об охране культурного наследия — они содержатся только в двух упомянутых по большей части одинаковых статьях Дополнительных протоколов. В этой связи нельзя не отметить мотивы включения в данные документы крайне ограниченного числа соответствующих положений. Так, указывается, что целью было подтверждение в одной краткой статье каждого из двух данных международно-правовых актов основных обязательств по уважению культурного наследия, которые более подробно закреплены в Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. — вспомогательный характер двух этих статей подчеркивается оговоркой «без ущерба для...» во вводной части каждой из них⁴⁴.

Иными словами, как это подтверждается и в одной из резолюций, принятых на Дипломатической конференции по вопросу о подтверждении и развитии международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов (Женева, 1974–1977 гг.), по итогам которой были приняты Дополнительные протоколы 1977 г., рассматриваемые нормы не направлены на изменение существующих обязательств тех государств — участников соответствующего Дополнительного протокола, которые также являются государствами — участниками Конвенции 1954 г.⁴⁵

Ввиду вышеизложенного считаем возможным согласиться с высказываемым в литературе мнением о том, что фраза «исторические памятники, произведения искусства или места отправления

культа, которые составляют культурное или духовное наследие народов», обозначающая предмет охраны ст. 53 Дополнительного протокола I и ст. 16 Дополнительного протокола II, имеет, по существу, одинаковый охват с определением культурных ценностей для целей Конвенции 1954 г. и протоколов к ней, дающимся в ее ст. 1 — несмотря на очевидную разность формулировок⁴⁶. Особенно важным считаем тот факт, что данное мнение поддерживается в том числе в Комментариях к Дополнительным протоколам 1977 г. под редакцией И. Сандоза, К. Свинарски и Б. Циммерманна, в которых с опорой на материалы Дипломатической конференции 1974–1977 гг. ясно указывается, что во время нее не шла речь о закреплении в Дополнительных протоколах 1977 г. некоей новой (по сравнению с определением, данным в ст. 1 Конвенции 1954 г.) категории культурных объектов⁴⁷. Более того, эту трактовку позднее приводил, например, Международный трибунал по бывшей Югославии⁴⁸.

В то же время в правоприменительной практике и литературе упоминаются целых два иных подхода к обсуждаемому вопросу. Так, в 2004 г. Комиссия по рассмотрению взаимных претензий Эфиопии и Эритреи отмечала в одном из своих решений, что история переговоров по содержанию ст. 53 Дополнительного протокола I указывает на имевшее место намерение включить в сферу ее охвата лишь «несколько из самых известных [в мире] памятников»⁴⁹. Однако Комиссия не уточнила, считает ли она, что это намерение было реализовано, и насколько верным ей представляется подобное толкование охвата данной статьи.

Второй же из упомянутых нами иных подходов предлагается, например, К. Одендаль, по мнению которой сфера охвата Дополнительных протоколов 1977 г. по вопросам охраны культурного наследия является даже более широкой, чем у специализированной Конвенции 1954 г.⁵⁰ В обоснование этого она указывает, что согласно п. «а» ст. 1 Конвенции она распространяется на культурные ценности, имеющие «большое значение» для культурного наследия народов, в то время как Дополнительные протоколы 1977 г. не требуют,

⁴³ См.: Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (8 июня 1977 г.) // Права человека: сб. международных договоров. Т. I (часть вторая): Универсальные договоры. Нью-Йорк и Женева, 2002. С. 961–1022; Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (8 июня 1977 г.) // Там же. С. 1023–1032.

⁴⁴ См.: O'Keefe R. Op. cit. P. 50.

⁴⁵ См.: Resolution 20 (IV) ("Protection of Cultural Property") of the Diplomatic Conference on the Reaffirmation and Development of International Humanitarian Law Applicable in Armed Conflicts, Geneva, 1974–1977 (7 June 1977) // Official Records of the Diplomatic Conference on the Reaffirmation and Development of International Humanitarian Law Applicable in Armed Conflicts, Geneva, 1974–1977. Bern, 1978. Vol. I. Part I. P. 213; O'Keefe R. Op. cit. P. 50.

⁴⁶ См.: O'Keefe R. Op. cit. P. 50.

⁴⁷ См.: Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949 / ed. by Y. Sandoz, C. Swinarski, B. Zimmermann. Geneva, 1987. P. 646 (cited in: *ibid*).

⁴⁸ См.: The Prosecutor v. Dario Kordić and Mario Čerkez (Case IT95-14/2A): Judgement of the ICTY Appeals Chamber of 17 December 2004. Para 91.

⁴⁹ Eritrea-Ethiopia Claims Commission — Partial Award: Central Front — Eritrea's Claims 2, 4, 6, 7, 8 & 22. 28 April 2004 // Reports of International Arbitral Awards. United Nations: 2009. Vol. XXVI. Pp. 115–153. Para. 113.

⁵⁰ См.: Odendahl K. Op. cit. P. 107.

чтобы рассматриваемые объекты имели такое значение⁵¹. Однако подобное толкование, не учитывая упомянутые нами выше подготовительные материалы, представляется нам чересчур расширительным.

Говоря об иных связанных с культурным наследием нормах Дополнительных протоколов 1977 г., следует сказать, что Дополнительный протокол I квалифицировал нападение на культурное наследие при определенных условиях как серьезное нарушение данного международно-правового акта (п/п. “d” п. 4 ст. 85), подтвердив тем самым уже существовавшую обычную норму о том, что разрушение культурного наследия представляет собой военное преступление⁵².

Косвенно вопросов охраны таких объектов также касается п. 1 ст. 38 Дополнительного протокола I, запрещающий преднамеренно злоупотреблять в случае вооруженного конфликта в т.ч. «защитной эмблемой культурных ценностей» (имеется в виду отличительный знак для обозначения таких объектов, предусмотренный в Конвенции 1954 г.).

Помимо упомянутых выше ст. 53 Дополнительного протокола I и ст. 16 Дополнительного протокола II, касающихся культурного наследия непосредственно, на подобные объекты могут распространяться и иные нормы Дополнительного протокола I. Дело в том, что для его целей культурное наследие рассматривается *prima facie* как гражданский объект (ст. 52), ввиду чего в международном вооруженном конфликте его могут охватывать нормы данного международно-правового акта, касающиеся гражданских объектов в целом⁵³. Речь идет о предусмотренных в Дополнительном протоколе I правилах, запрещающих избирательные нападения (п. 4 ст. 51, п/п. “b” п. 5 ст. 51), а также обязывающих принимать меры предосторожности при нападении (ст. 57) и в отношении последствий нападений (ст. 58)⁵⁴.

Что касается дальнейшего развития международно-права в рассматриваемой нами сфере, А.Ф. Врдоляк и Л. Мескелл обращают внимание на то, что в 1990-х годах во время югославских войн, когда осуществлялись целенаправленные нападения на культурное наследие, стали очевидны слабости режима, установленного Конвенцией 1954 г.⁵⁵ ЮНЕСКО был запущен процесс пересмотра норм данного международного договора, в результате которого в 1999 г. был принят Второй протокол к этой Конвенции⁵⁶.

По состоянию на февраль 2024 г. в нем участвуют 88 государств, в число которых Российская Федерация не входит⁵⁷.

Второй протокол усилил нормы Конвенции 1954 г. и добавил некоторые новые положения. Так, одним из главных недостатков Конвенции можно назвать то, что она разрешает совершать враждебные акты против культурных ценностей со ссылкой на настоятельную военную необходимость (п. 2 ст. 4). Второй протокол 1999 г., в свою очередь, делает это правило более строгим, в том числе уточняя, что совершать эти акты ввиду такой военной необходимости возможно, только если рассматриваемые объекты по своему назначению стали военным объектом, а получить равноценное военное преимущество иным образом невозможно (п. “a” ст. 6).

Кроме того, одним из наиболее важных нововведений Второго протокола 1999 г. стала развернутая система индивидуальной уголовной ответственности (ст. 15–21) — в соответствии, в частности, с упомянутым положением п/п. “d” п. 4 ст. 85 Дополнительного протокола I 1977 г. о том, что нападение на культурное наследие является серьезным нарушением данного документа⁵⁸. Более того, исходя из положений Второго протокола 1999 г., в отношении наиболее серьезных нарушений этого международно-правового акта и Конвенции (например, уничтожения культурных ценностей в крупных масштабах) даже устанавливается универсальная юрисдикция — если предполагаемый преступник находится на территории государства-участника, осуществляющего такую юрисдикцию (п/п. “c” п. 1 ст. 16)⁵⁹.

Помимо этого в то время как Конвенцию во время вооруженного конфликта немеждународного характера допускается применять в сильно урезанном виде (ст. 19), Второй протокол 1999 г. предусматривает применение в таком случае всех своих положений (ст. 22), что стало большим шагом вперед.

Еще одним нововведением данного документа стал режим «усиленной защиты» (ст. 10–14). При этом культурные ценности, на которые она может быть распространена, должны иметь «огромное значение для человечества» (п. “a” ст. 10). В литературе высказывается мнение, что рассматриваемый режим заменяет предусмотренный Конвенцией режим специальной защиты⁶⁰.

⁵¹ См.: Odendahl K. Op. cit. P. 107.

⁵² См.: Nafziger J.A.R. Op. cit. P. 8.

⁵³ См.: O’Keefe R. Op. cit. Pp. 50, 51.

⁵⁴ См.: ibid. P. 51.

⁵⁵ См.: Vrdoljak A.F., Meskell L. Op. cit. P. 28.

⁵⁶ См.: ibid.

⁵⁷ См.: Second Protocol to the Hague Convention of 1954 for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict the Hague, 26 March 1999. States parties [Electronic resource]. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/hague-prot-1999/state-parties> (дата обращения: 14.02.2024).

⁵⁸ См.: Francioni F. Op. cit. Para. 8.

⁵⁹ См.: ibid.

⁶⁰ См.: O’Keefe R. Op. cit. P. 49; Francioni F. Op. cit. Para. 8.

Следует отметить, что иммунитет, которым наделяются культурные ценности под усиленной защитой в соответствии со Вторым протоколом 1999 г. (ст. 12), является гораздо более сильным, чем иммунитет культурных ценностей под специальной защитой⁶¹. Как считает К. Одендаль, усиленная защита наделяет рассматриваемые объекты практически абсолютным иммунитетом: несмотря на то, что культурные ценности, взятые под усиленную защиту, могут ее утратить, для этого должны быть соблюдены очень строгие условия (ст. 13, 14)⁶². На наш взгляд, самым главным преимуществом данного режима перед режимом специальной защиты является тот факт, что среди упомянутых условий не упоминается военная необходимость, т.е. сама по себе она не может оправдать нападение на рассматриваемые объекты, находящиеся под усиленной защитой.

По состоянию на июль 2023 г. в Международный список культурных ценностей, находящихся под усиленной защитой, были внесены 18 объектов из 11 государств⁶³. Для составления данного списка и предоставления такой защиты, а также контроля за осуществлением Второго протокола 1999 г. и исполнения некоторых иных функций (п. 1 ст. 27) данным международно-правовым актом предусматривается создание Комитета по защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (ст. 24).

Кроме того, что немаловажно, в соответствии со ст. 29 данного международно-правового акта учреждается Фонд для защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта.

Таким образом, нормы Второго протокола 1999 г. во многом дополнили положения Конвенции 1954 г., значительно расширив охранные обязательства его государств-участников в рассматриваемой сфере. В то же время тот факт, что количество государств — участников Второго протокола пока не превышает даже трети всех стран мира, не позволяет говорить об универсальной применимости усовершенствованного охранного режима данного международно-правового акта.

* * *

В завершение следует остановиться на еще одном недостатке, теперь уже касающемся непосредственно содержания как Второго протокола 1999 г., так и всего массива международно-правовых норм в сфере охраны культурного наследия в случае вооруженного конфликта. Он выражается в отсутствии

в международном праве договорных норм, охраняющих в подобных ситуациях напрямую нематериальное культурное наследие⁶⁴ — которое, что нужно особо отметить, в последние десятилетия традиционно выделяется в качестве одной из двух существующих форм выражения культурного наследия наравне, собственно, с формой материальной.

Безусловно, в данном контексте нельзя не упомянуть, например, мнение Р. О'Кифа о том, что на практике многие положения международного гуманитарного права способствуют охране нематериального культурного наследия в случае вооруженного конфликта, так как в общем-то любая норма МГП, направленная на охрану гражданского населения или отдельных гражданских лиц, гражданских объектов и т.д., косвенно способствует охране и подобных проявлений⁶⁵.

Тем не менее стоит с сожалением констатировать, что специфику последних такие нормы учитывать в любом случае не могут. В этой связи и Р. О'Киф отмечает, что обычно они не рассматриваются в качестве направленных специально на охрану нематериального культурного наследия, и, конечно, в еще меньшей степени были задуманы специально для этих целей⁶⁶. Таким образом, современный режим охраны культурного наследия во время вооруженных конфликтов еще не вполне обеспечивает полноценной охраны обеих его форм выражения, и улучшение данной ситуации видится перспективным направлением дальнейшего развития международного права в данной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пустогаров В. В.* Ф.Ф. Мартенс: юрист, дипломат, публицист // Сов. журнал междунар. права. 1991. № 3–4. С. 86, 91.
2. *Blake J.* On Defining the Cultural Heritage // The International and Comparative Law Quarterly. 2000. Vol. 49. No. 1. P. 67.
3. *Forrest C.* International Law and the Protection of Cultural Heritage. London; New York, 2010. P. 24.
4. *Francioni F.* Cultural Heritage // Max Plank Encyclopedia of Public International Law [Electronic resource]. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1392?prd=MPIL> (дата обращения: 25.02.2024). Para. 1, 4, 6–8.
5. *Frigo M.* Cultural property v. cultural heritage: A “battle of concepts” in International Law? // International Review of the Red Cross. 2004. Vol. 86. No. 854. P. 367.
6. International List of Cultural Property under Enhanced Protection [Electronic resource]. URL: <https://en.unesco.org/>

⁶¹ См.: *Odendahl K.* Op. cit. P. 106.

⁶² См.: *ibid.*

⁶³ См.: International List of Cultural Property under Enhanced Protection [Electronic resource]. URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/enhanced-protection-list-2022_eng_3.pdf (дата обращения: 18.07.2023).

⁶⁴ См.: *Odendahl K.* Op. cit. P. 113.

⁶⁵ См.: *O'Keefe R.* Op. cit. P. 44.

⁶⁶ См.: *ibid.*

- sites/default/files/enhanced-protection-list-2022_eng_3.pdf (дата обращения: 18.07.2023).
7. *Merryman J.H.* Two Ways of Thinking About Cultural Property // *The American Journal of International Law*. 1986. Vol. 80. No. 4. P. 837.
 8. *Nafziger J.A.R.* *Frontiers of Cultural Heritage Law*. Leiden; Boston, 2021. P. 8, 13.
 9. *Nafziger J.A.R., Paterson R.K., Renteln A.D.* *Cultural Law: International, Comparative, and Indigenous*. Cambridge, 2010. P. 289.
 10. *Odendahl K.* Global conventions for the protection of cultural heritage // *Cultural Heritage and Legal Aspects in Europe* / ed. by M. Guštin, T. Nypan. Koper: Institute for Mediterranean Heritage, Institute for Corporation and Public Law, Science and Research Centre, University of Primorska, 2010. P. 102, 106, 107, 113.
 11. *O'Keefe R.* Cultural Heritage and International Humanitarian Law // *The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law* / ed. by A.F. Vrdoljak, F. Francioni. Oxford, 2020. Pp. 44, 46–52.
 12. *Prott L.V., O'Keefe P.J.* 'Cultural Heritage' or 'Cultural Property'? // *International Journal of Cultural Property*. 1992. Vol. 1. No. 2. P. 307, 312.
 13. Rules of Air Warfare (19 February 1923) // *American Journal of International Law*. 1923. Vol. 17. Supplement. P. 246.
 14. *Stamatoudi I.A.* *Cultural Property Law and Restitution: A Commentary to International Conventions and European Union Law*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA, 2011. P. 7.
 15. Treaty on the Protection of Artistic and Scientific Institutions and Historic Monuments (Roerich Pact) (15 April 1935) // *The Laws of Armed Conflicts: A Collection of Conventions, Resolutions and Other Documents* / ed. by D. Schindler, J. Toman. 3rd ed. Dordrecht, 1988. Pp. 737–739.
 16. Treaty on the Protection of Artistic and Scientific Institutions and Historic Monuments (Roerich Pact). Washington, 15 April 1935. State parties [Electronic resource]. URL: https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/States.xsp?xp_viewStates=XPages_NORMStatesParties&xp_treatySelect-ed=325 (дата обращения: 22.02.2024).
 17. *Vrdoljak A.F., Francioni F.* Introduction // *The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law* / ed. by A.F. Vrdoljak, F. Francioni. Oxford, 2020. P. 4.
 18. *Vrdoljak A.F., Meskill L.* Intellectual Cooperation Organisation, UNESCO, and the Culture Conventions // *The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law* / ed. by F. Francioni, A.F. Vrdoljak. Oxford, 2020. P. 27, 28.
 4. *Francioni F.* Cultural Heritage // *Max Plank Encyclopedia of Public International Law* [Electronic resource]. URL: <https://opil.ouplaw.com/view/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1392?prd=MPIL> (accessed: 25.02.2024). Para. 1, 4, 6–8.
 5. *Frigo M.* Cultural property v. cultural heritage: A “battle of concepts” in International Law? // *International Review of the Red Cross*. 2004. Vol. 86. No. 854. P. 367.
 6. International List of Cultural Property under Enhanced Protection [Electronic resource]. URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/enhanced-protection-list-2022_eng_3.pdf (accessed: 18.07.2023).
 7. *Merryman J.H.* Two Ways of Thinking About Cultural Property // *The American Journal of International Law*. 1986. Vol. 80. No. 4. P. 837.
 8. *Nafziger J.A.R.* *Frontiers of Cultural Heritage Law*. Leiden; Boston, 2021. P. 8, 13.
 9. *Nafziger J.A.R., Paterson R.K., Renteln A.D.* *Cultural Law: International, Comparative, and Indigenous*. Cambridge, 2010. P. 289.
 10. *Odendahl K.* Global conventions for the protection of cultural heritage // *Cultural Heritage and Legal Aspects in Europe* / ed. by M. Guštin, T. Nypan. Koper: Institute for Mediterranean Heritage, Institute for Corporation and Public Law, Science and Research Centre, University of Primorska, 2010. P. 102, 106, 107, 113.
 11. *O'Keefe R.* Cultural Heritage and International Humanitarian Law // *The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law* / ed. by A.F. Vrdoljak, F. Francioni. Oxford, 2020. Pp. 44, 46–52.
 12. *Prott L.V., O'Keefe P.J.* 'Cultural Heritage' or 'Cultural Property'? // *International Journal of Cultural Property*. 1992. Vol. 1. No. 2. P. 307, 312.
 13. Rules of Air Warfare (19 February 1923) // *American Journal of International Law*. 1923. Vol. 17. Supplement. P. 246.
 14. *Stamatoudi I.A.* *Cultural Property Law and Restitution: A Commentary to International Conventions and European Union Law*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA, 2011. P. 7.
 15. Treaty on the Protection of Artistic and Scientific Institutions and Historic Monuments (Roerich Pact) (15 April 1935) // *The Laws of Armed Conflicts: A Collection of Conventions, Resolutions and Other Documents* / ed. by D. Schindler, J. Toman. 3rd ed. Dordrecht, 1988. Pp. 737–739.
 16. Treaty on the Protection of Artistic and Scientific Institutions and Historic Monuments (Roerich Pact). Washington, 15 April 1935. State parties [Electronic resource]. URL: https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/States.xsp?xp_viewStates=XPages_NORMStatesParties&xp_treatySelect-ed=325 (accessed: 22.02.2024).
 17. *Vrdoljak A.F., Francioni F.* Introduction // *The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law* / ed. by A.F. Vrdoljak, F. Francioni. Oxford, 2020. P. 4.
 18. *Vrdoljak A.F., Meskill L.* Intellectual Cooperation Organisation, UNESCO, and the Culture Conventions // *The Oxford Handbook of International Cultural Heritage Law* / ed. by F. Francioni, A.F. Vrdoljak. Oxford, 2020. P. 27, 28.

REFERENCES

1. *Pustogarov V.V.* F.F. Martens: lawyer, diplomat, publicist // *Soviet Journal of International Law*. 1991. No. 3–4. Pp. 86, 91 (in Russ.).
2. *Blake J.* On Defining the Cultural Heritage // *The International and Comparative Law Quarterly*. 2000. Vol. 49. No. 1. P. 67.
3. *Forrest C.* *International Law and the Protection of Cultural Heritage*. London; New York, 2010. P. 24.

Сведения об авторах

АБДУЛЛИН Адель Ильсиярович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского федерального университета; 420008 г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

ГИБАДУЛЛИН Тимур Дамирович — кандидат юридических наук, ассистент кафедры международного и европейского права Казанского федерального университета; 420008 г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Authors' information

ABDULLIN Adel I. — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and European Law, Kazan Federal University; 18 Kremlyovskaya str., 420008 Kazan, Russia

GIBADULLIN Timur D. — PhD in Law, Assistant of the Department of International and European Law, Kazan Federal University; 18 Kremlyovskaya str., 420008 Kazan, Russia

УДК 34.01

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА, КОНФУЦИЙ, КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КИТАЯ: К ОСОБЕННОСТЯМ РАЗВИТИЯ

© 2024 г. А. Х. Султанов^{1,*}, А. Г. Хабибулин^{2,**}, С. М. Шахрай^{3,***}

¹ Уфимский университет науки и технологий

² Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

³ НИУ ВШЭ, г. Москва

*E-mail: harisovich58@mail.ru

**E-mail: 21alik@mail.ru

***E-mail: ezik2002@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.11.2023 г.

Аннотация. В современных условиях нельзя вести речь о нынешней картине международных отношений, если не пойдет разговор о Китайской Народной Республике. Стало привычным сегодня слышать о КНР как о «второй экономике мира», влиятельной силе на политической арене. Если подобные темпы экономического развития КНР и выглядят столь разительными на фоне характерных тенденций замедления роста общих показателей в большинстве стран планеты, на этом фоне возникает всего лишь один вопрос. Как быть со ставшим столь традиционным в либеральной идеологии тезисом о несовместимости условий для ускоренного экономического развития и наличием «руководящей и направляющей роли» коммунистической партии в какой-либо стране?

Можно сказать, что в Китае более осторожно относятся к событиям прошлого. Следует отметить, что исследователи прошлого отмечают любопытное явление: сами китайцы настаивают на том, что, в отличие от остального человечества, они не являются выходцами с африканского континента, а представляют собой самостоятельную ветвь более раннего этапа эволюции человекоподобных обезьян, останки которых обнаружены именно в Китае, — *Homo erectus*. Несмотря на то что большинство историков в мире с улыбкой воспринимают подобные утверждения, отдельные трактовки прошлого позволяют склониться к своеобразному его восприятию.

К причинам, объясняющим сдержанное отношение к власти и негативным проявлениям прошлого, безусловно, следует отнести распространение в Китае 2,5 тыс. лет назад уникального философского учения, получившего название «конфуцианство». Сердцевинной концепции Учителя Куна стал тезис: «благородный правитель порождает благородных людей». Тем самым возникает цепочка обязательств и взаимных услуг.

Руководство Коммунистической партии Китая обращает особое внимание на необходимость максимального внимания к традициям прошлого, когда сложившиеся в ходе истории культурные ценности служат питательным источником для социалистических ценностей. Подобный нарратив преемственности между духовно-ценностными ориентирами прошлого и настоящего сопровождается провозглашением основ конфуцианской морали в качестве фундаментальных принципов «кодекса социалиста».

Ключевые слова: конфуцианство, легизм, типология, традиции, обряды, «кодекс социалиста», цивилизация, концепция, Китайская Народная Республика, коммунизм.

Цитирование: Султанов А.Х., Хабибулин А.Г., Шахрай С.М. Китайская Народная Республика, Конфуций, Коммунистическая партия Китая: к особенностям развития // Государство и право. 2024. № 5. С. 153–161.

DOI: 10.31857/S1026945224050169

PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA, CONFUCIUS, COMMUNIST PARTY OF CHINA: TO THE PECULIARITIES OF DEVELOPMENT

© 2024 A. Kh. Sultanov^{1, *}, A. G. Khabibulin^{2, **}, S. M. Shakhrai^{3, ***}

¹ Ufa University of Science and Technology

² Lomonosov Moscow State University

³ Higher School of Economics, Moscow

*E-mail: harisovich58@mail.ru

**E-mail: 21alik@mail.ru

***E-mail: ezik2002@yandex.ru

Received 21.11.2023

Abstract. In modern conditions, it is impossible to talk about the current picture of international relations if there is no talk about the People's Republic of China. It has become customary today to hear about China as the “second economy of the world”, an influential force in the political arena. If such rates of economic development of the PRC look so striking against the background of characteristic trends of slowing down the growth of general indicators in most countries of the planet, only one question arises against this background. How to deal with the thesis, which has become so traditional in liberal ideology, about the incompatibility of conditions for accelerated economic development and the existence of a “leading and guiding role” of the Communist Party in any country?

It can be said that China is more cautious about the events of the past. It should be noted that researchers of the past note a curious phenomenon: the Chinese themselves insist that, unlike the rest of mankind, they do not come from the African continent, but represent an independent branch of an earlier stage in the evolution of anthropoid apes, the remains of which were found in China, — *Homo erectus*. Despite the fact that most historians in the world accept such statements with a smile, individual interpretations of the past make it possible to lean towards a peculiar perception of the past.

The reasons explaining the restrained attitude to power and the negative manifestations of the past, of course, include the spread in China two and a half thousand years ago of a unique philosophical doctrine, called Confucianism. The core concept of Master Kun was the thesis: “a noble ruler gives rise to noble people”. Thus, a chain of obligations and mutual services arises.

The leadership of the Communist Party of China pays special attention to the need for maximum attention to the traditions of the past, when the cultural values that have developed in the course of history serve as a nourishing source that nourishes socialist values. Such a narrative of continuity between the spiritual and value orientations of the past and the present is accompanied by the proclamation of the foundations of Confucian morality as the fundamental principles of the “socialist code”.

Key words: Confucianism, legalism, typology, traditions, rituals, “code of the socialist”, civilization, concept, People's Republic of China, communism.

For citation: Sultanov, A. Kh., Khabibulin, A.G., Shakhrai, S.M. People's Republic of China, Confucius, Communist Party of China: to the peculiarities of development // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 5, pp. 153–161.

В современном мире происходят два параллельных и противоречивых процесса. С одной стороны, население планеты прямо или в опосредованной форме ощущает на себе последствия процессов глобализации. И в то же время происходит изменение роли и влияния отдельных государств в мировой экономической и политической системе. Меньше чем сто лет назад не было на планете человека, который не понимал бы значения высказывания: «Над Британской империей никогда не заходит солнце». После Второй

мировой войны два государства — СССР и США определяли контуры мировой политики. После распада Советского Союза руководители американского государства заговорили об установлении «однополярного мира», когда на планете остался только один «сильный игрок» — США.

На новом этапе ни один человек не решится говорить о современной картине международных отношений, если речь не пойдет о Китайской Народной Республике. Стало привычным слышать о КНР

как о «второй экономике мира», влиятельной силе на политической арене. К тому же сами американские исследователи отдают «пальму первенства» Китаю на мировой арене в ближайшие 10 лет.

В опубликованной в 2013 г. бывшим вице-президентом США А. Гором книге «Будущее» подчеркивается, что «последствия глобальной экономической революции уже производят тектоническую перестройку относительной роли Соединенных Штатов, Европы, Китая и других набирающих обороты экономик планеты. Китай, чья экономика составляла $\frac{1}{3}$ соответствующего показателя США 10 лет назад (в 2003 г. — А.С., А.Х., С.Ш.), обойдет Соединенные штаты Америки как крупнейшую экономику мира в течение предстоящего десятилетия (к 2024 г. — А.С., А.Х., С.Ш.)». Однако, по словам А. Гора, уже в 2014 г. «Китай превзошел Америку (формулировка Гора. — А.С., А.Х., С.Ш.) по выпуску промышленной продукции, объемам финансирования, экспорта, потребления стали, потребления энергии, продаже автомобилей, по количеству сотовых телефонов. Китай обладает по сравнению с американцами в два раза большим количеством интернет-пользователей. Подобный взлет Китая стал наиболее мощным символом нового прорыва в глобальной экономике, тем самым заменив собою длительное доминирование США»¹.

Если подобные темпы экономического развития КНР и выглядят столь разительными на фоне характерных тенденций замедления роста общих показателей в большинстве стран планеты, на этом фоне возникает всего лишь один вопрос. Как быть со ставшим столь традиционным в либеральной идеологии тезисом о несовместимости условий для ускоренного экономического развития и наличием «руководящей и направляющей роли» коммунистической партии в какой-либо стране? Помнится, сравнительно недавно западные средства массовой информации и «либеральные» издания в России в один голос в качестве главной причины распада СССР и социалистического содружества в целом называли многолетнюю диктатуру партии коммунистов, не способной предвидеть и тем более разработать научно обоснованную стратегию развития общества и государства на длительную перспективу.

В 2021 г. в КНР торжественно отметили столетие начала деятельности Коммунистической партии Китая.

Партия была создана в период, когда в Китае на политической сцене ведущие позиции занимал Го миньдан во главе с Чан Кайши. В период начавшихся в 30-е годы прошлого столетия сражений с японскими захватчиками Коминтерн настаивал на том, чтобы части КПК поддерживали го миньдановцев. Лидер компартии Мао Цзэдун пытался нанести ощутимый

урон своим политическим противникам. Как подчеркивают в своей книге о Мао Юн Чжан и Дж. Холлидей, в конфликт вынужден был вмешаться Сталин. Руководитель СССР «хотел, чтобы китайская Красная армия сражалась с японцами, и чтобы осуществить это, отправил своего самого преданного помощника в Яньань специальным рейсом в ноябре 1937 года. Это был Ван Мин, который много лет работал в Коминтерне в качестве представителя КПК. Перед отлетом Сталин вызвал его к себе и обозначил приоритеты: “Самое главное сейчас — война [с японцами]... После ее окончания мы обсудим вопрос о том, как сражаться друг с другом [красные против Чан Кайши]”»².

С другой стороны, как пишет в своей книге Ф. Чуев, по выражению В.М. Молотова, «Чан Кайши был нам враждебен. А военным советником в антияпонском плане у него несколько лет был Чуйков. Но он и не бывал у Мао Цзэдуна, жил у Чан Кайши. Главная сила была у Чан Кайши. И Коминтерн, и Советский Союз настаивали, чтобы был единый фронт Чан Кайши и Мао Цзэдуна против японцев. Но не получалось. Все-таки они заключили такой союз, но осуществляли его очень плохо. При Чан Кайши находился Чжоу Эньлай.

Поэтому китайские коммунисты тоже были заинтересованы в том, чтобы действовать и в какой-то мере содействовать Чан Кайши против японцев, но все это, конечно, было сложно и не всегда выходило. А мы сотни самолетов давали Чан Кайши, артиллерию, танки... В тот период требовать от Мао Цзэдуна состоять в дружбе с Чан Кайши невозможно, но пытаться создать фронт против японцев было, конечно, необходимо»³.

Таким образом, по утверждению второго человека в политбюро ЦК ВКП(б), в условиях, когда основная материальная поддержка (вооружения, специалисты) шла Го миньдану, от руководства китайской компартии требовали действий строго в духе выполнения решений Коминтерна. Полагаем, что подобная настойчивость со стороны советских руководителей способствовала формированию у части руководства КПК (не только у Мао Цзэдуна) стремления найти в дальнейшем свой, китайский, вариант строительства социализма.

После образования Китайской Народной Республики страна пошла по пути экспериментов. Общество испытало огромные трудности в период аграрных реформ, столкнулось с последствиями «большого скачка». Навязывались различные кампании по «идеологическому очищению»: уничтожение последствий бурного роста «ста цветов», «культурная революция».

² Чжан Юн, Холлидей Дж. Неизвестный Мао. М., 2007. С. 215.

³ Чуев Ф. 140 бесед с Молотовым. Второй после Сталина. М., 2020. С. 124.

¹ Gore A. The future. NY, 2014. Pp. 10, 11.

Десятки миллионов человек пали жертвой подобных экспериментов. Репрессиям подвергались представители партийных органов, включая представителей высшего звена руководства КПК. Ярким примером подобных процессов стал Дэн Сяопин, который дважды подвергался преследованиям. В течение трех лет он работал простым рабочим на тракторном заводе. Следует отметить, что нынешний Председатель КНР Си Цзиньпин в период «культурной революции» был отправлен на работу в деревню для «трудового перевоспитания».

Казалось, Китаю предстояло пройти проторенной дорогой, когда новое руководство партии и государства по логике событий должно было провести съезд партии, на котором был бы подвергнут критике «культ личности» Мао Цзэдуна. Но этого не произошло. Среди причин, объясняющих отсутствие подобного результата, следует выделить факторы, имеющие отношение к особенностям менталитета жителей этой страны.

Подчеркнем, что в Китае существует своеобразный культ более осторожного и уважительного отношения к событиям прошлого. При этом отметим, что исследователи в области истории отмечают любопытное явление: сами китайцы настаивают на том, что в отличие от остального человечества, они не являются выходцами с африканского континента, а представляют собой самостоятельную ветвь более раннего этапа эволюции человекоподобных обезьян, останки которых обнаружены именно в Китае, — *Homo erectus*. Несмотря на то что большинство историков в мире с улыбкой воспринимают подобные утверждения, отдельные трактовки событий прошлого позволяют склониться к признанию столь своеобразного восприятия былых времен.

В частности, культура, получившая название Лонгшан, существовала примерно 4–5 тыс. лет тому назад. Примерно в это же время зафиксированы неолитические культуры в Европе. На этом фоне возникает весьма своеобразная картина. В то время как у жителей «старого света» отсутствуют какие-либо представления и наличие хотя бы интуитивных связей с людьми эпохи Стоунхенджа, в традиционном восприятии китайской истории получили четкое оформление образы первых правителей и культур. В китайских сюжетах о прошлом существуют пять мифических императоров, первоначальные божественные правители, которые подарили человечеству основные изобретения: приготовление пищи, сельское хозяйство, огонь, медицину, брак и домашних животных. Последний из этого ряда мифологических правителей изобрел письменность, гончарное искусство и календарь, — как раз те элементы, которые отличают культуру Лонгшан от поселений более раннего периода. Китайцы с определенной долей самоиронии отмечают, что дальше люди стали пребывать в роли

паразитов и червей на теле создателя — Пан Гу, который и одарил щедро людей подобными занятиями⁴.

К причинам же, объясняющим столь сдержанное отношение к власти и негативным проявлениям прошлого, безусловно, следует отнести распространение в Китае две с половиной тысяч лет назад уникального философского учения, получившего название «конфуцианство». Сердцевиной концепции Учителя Куна стал тезис: «благородный правитель порождает благородных людей». Таким образом, возникает цепочка обязательств и взаимных услуг. Если каждый будет действовать согласно своему предназначению и согласно своей роли, стараясь максимально выполнять свои обязательства (матери, пекаря, учителя, солдата), — тогда и возникает хорошая жизнь и появляется хорошее общество. В подобной системе жизненных координат соблюдение принципа «знай свое место» представляет собой положительное социальное благо, а не простое подчинение. Конфуций подчеркивает, что подобное мышление и поведение основано на семейных ценностях и представляет собой анти-эгоистическое восприятие действительности.

Традиционными считаются у Конфуция необходимость почитания, обрядов, традиций, ритуалов. Причиной, объясняющей, по мнению исследователей, подобную приверженность, являлась семья. На взгляд британского автора Э. Марра, «Учитель Кун очень редко упоминает о верховном божестве и сам скорее относился к агностикам. Искреннее и строгое выполнение традиционных ритуалов было способом достижения самоконтроля и поддержания социального порядка в общей сети взаимоотношений, где первую роль играли семья и клановые связи... Семья поддерживалась и обретала чувство идентичности посредством обрядов: оплакивание умерших, проведения праздников, поминовения предков, организация праздников, проведение семейных обедов, почитание местных богов»⁵.

Очевидно, что возникновение учения Конфуция во многом было предопределено самим временем. В тот период, когда жил Учитель Кун, существовали многочисленные малые государства, постоянно вспыхивали вооруженные конфликты между ними. На таком фоне наличие подобной доктринальной «семейной» идеологии было призвано смягчать последствия подобных столкновений. Конфуций, разумеется, не несет ответственности за последующее развитие событий, когда он превращается в культовую фигуру, а его учение приобретает очертания государственной религии. С течением времени и его образ также приобретает божественные очертания.

Вместе с тем становится очевидным, что «самые мрачные страницы китайской истории (массовые

⁴ См.: Marr A. A history of the world. L., 2014. Pp. 38, 39.

⁵ Ibid. P. 91.

репрессии и гибель людей) проистекали из сугубо антиконфуцианского подхода. Подтверждение этому были террор и жесточайшие наказания, которые устраивали императоры, сокрушавшие клановые основы и строившие династические государства. Подобное отношение продолжалось вплоть до Мао Цзэдуна, осуществившего коммунистическую революцию в стране в попытках разорвать и уничтожить мощную и не утратившую свою силу китайскую традицию семьи. Все высказывания Конфуция были стерты со стен в деревнях, где эти записи в течение столетий направляли жизнь и успокаивали китайских крестьян.

Мао прекрасно осознавал, что, если люди больше не будут знать, не говоря о том, что просто перестанут почитать своих предков, они будут лишены своей идентичности. И тогда народ превратится в мягкую глину в руках государства⁶.

В современных условиях руководство Компартии Китая при определении параметров социального и духовного развития страны, особо выделяет наследие Конфуция. Как отмечал в 2015 г. британский журнал *The Economist*, «партия уже занимается какое-то время реабилитацией конфуцианских идей, однако, именно при председателе Си этот процесс ускорился. В феврале 2014 г. Си Цзиньпин провел в рамках Политбюро «исследовательскую» сессию, на которой он особо подчеркнул, что традиционная культура должна играть роль «источника», снабжающего живительной силой партийные ценности. Хотя в официальных материалах о сессии имя Конфуция не упоминается, однако анализ материалов партийных изданий наглядно свидетельствует о том, что ценности, о которых постоянно говорит лидер КПК, — благожелательность, честность и праведность — берут свое начало в учении философа.

В сентябре 2014 г. председатель Си стал первым генеральным секретарем, который посетил праздник, посвященный дню рождения Конфуция (в тот год Учителю Куну исполнилось 2565 лет). В своем выступлении перед собравшимися со всего мира учеными Председатель КНР подчеркнул, что Китай всегда был миролюбив и что эта черта имеет очень глубокие корни в конфуцианской философии. В мае 2015 г. государственные массмедиа сообщили, что взаимосвязь между марксизмом и конфуцианством, которая ранее представлялась для многих специалистов достаточно незначительной, стала одной из самых востребованных и «горячих тем» в гуманитарных исследованиях, проведенных китайскими специалистами в 2014 г.⁷

Руководство КПК обращает особое внимание на необходимость максимального внимания к традициям прошлого, когда сложившиеся в ходе истории

культурные ценности служат целительным источником, подпитывающим собой социалистические ценности.

Подобный нарратив преемственности между духовно-ценностными ориентирами прошлого и настоящего сопровождается провозглашением основ конфуцианской морали в качестве фундаментальных принципов для формирования «кодекса социалиста». Компартия Китая заинтересована в том, чтобы в современных условиях эта, первоначально конфуцианская, мораль была преобразована в социалистическую⁸.

Авторы уже обращали внимание на тот факт, что руководители КПК проявили максимальную сдержанность и взвешенность в оценке исторического пути, пройденного страной под руководством Мао Цзэдуна. Известны слова Дэн Сяопина о том, что деятельность Мао следует признать, как состоящую на $\frac{7}{10}$ из положительного, а на $\frac{3}{10}$ — из отрицательного.

Подобная сдержанная, несколько прагматическая оценка способствовала стабилизации общественно-политической ситуации в стране. В определенной степени был «извлечен урок» из ошибок, совершенных в соседнем государстве.

Разоблачение «культы личности» И.В. Сталина и в настоящее время вызывает неоднозначную оценку в обществе, средствах массовой информации, специальных изданиях. Избегая крайностей в оценке произошедшего, следует дать, на наш взгляд, ответ на вопрос: каковы последствия? Полагаем, что подобным образом был нанесен значительный, если не сказать больше, удар по авторитету СССР, КПСС.

Подчеркнем тот факт, что на этом фоне произошло резкое ухудшение отношений между КПСС и КПК. Прозвучало первое обвинение со стороны Мао Цзэдуна в «советском ревизионизме». Авторы ставшей сегодня классической биографии о Мао обращают особое внимание на тот факт, что «хрущевское неожиданное и решительное осуждение Сталина застало Мао врасплох и заставило его всерьез заинтересоваться Хрущевым. Насколько Мао понял, Хрущев внес сумятицу во весь социалистический лагерь и «потряс целый мир»⁹.

Коммунистические и рабочие партии в других странах в глазах общественного мнения потерпели фиаско. В декабре 1956 г. в Италии проходил VIII съезд Компартии. Как отмечает в своей книге П. Гинзбург, многочисленные «делегаты сообщали о массовой растерянности как руководителей, так и рядовых членов партии. Джузеппе Престепино, делегат из Мессины, подчеркнул, что в свое время

⁶ Marr A. Op. cit. P. 94.

⁷ URL: <http://ekd.me/2015/08/kongzi-shuo-xi-zuo/> (дата обращения: 20.07.2023).

⁸ См.: Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин, 2015. С. 238.

⁹ Чжан Юн, Холлидей Дж. Указ. соч. С. 418.

именно вера в “непогрешимость Сталина” позволила вовлечь в партийные ряды тысячи рабочих и крестьян из южной Италии. Сейчас, отметил делегат, крайне тяжело объяснить этим людям, что Сталин ошибался. Валерио Бертини, делегат из Флоренции, сказал о том, что многие члены компартии потеряли веру в партию и Советский Союз, и больше не знают, во что верить»¹⁰. Подобное происходило в стране, где коммунисты пользовались непререкаемым авторитетом на протяжении десятилетий. В 1948 г. они могли бы совместно с социалистами выиграть парламентские выборы и сформировать правительство.

Что же касается внутреннего фактора, вряд ли будет преувеличением констатировать очевидное: после 1956 г. степень доверия населения к Коммунистической партии, властным структурам в целом в Советском Союзе существенно понизилась.

Любопытно в этой связи вернуться к вышеупомянутой оценке, которую Дэн Сяопин дал в целом периоду руководства КПК Мао Цзэдуном. Автор реформ, предпринятых в Китае на рубеже 70–80-х годов прошлого столетия, политик непосредственно пострадавший от «экспериментов», проводившихся «великим кормчим», прекрасно ориентировался в его литературном наследии, помнил многочисленные высказывания Мао. Как отмечают авторы биографии о первом руководителе КНР, «Мао отнюдь не возражал против развенчания Сталина, но не по тем пунктам, которые были основой его собственного кредо. Он старался придерживаться... той формулировки, что Сталин был прав на 70% и лишь на 30% ошибался. Причем эти 30% падали... главным образом на то, как Сталин вел себя по отношению к Мао Цзэду»¹¹.

Очевидно, что в этом отношении Дэн Сяопин отошел от сугубо прагматического толкования событий прошлого к философскому восприятию задач, для решения которых необходимо направить все усилия, не подвергая при этом забвению позитивный контент прошлого.

Подобная сдержанность и уважительное отношение к прошлому характерны для руководства КПК и в современных условиях. В начале июня 2023 г. Председатель КНР Си Цзиньпин посетил Государственный архив публикаций и культуры и Академию истории Китая. Говоря о целях создания Государственного архива публикаций и культуры, глава государства особо подчеркнул необходимость того, «чтобы из поколения в поколение передавать традиции китайской цивилизации, единственной непрерывной мировой цивилизации».

Си Цзиньпин также принял участие в симпозиуме по сохранению и развитию культурного наследия.

После того, как были заслушаны доклады участников симпозиума, руководитель КНР выступил с речью. Был обозначен фактор инклюзивности китайской цивилизации, который «определяет гармоничное сосуществование различных религиозных верований в Китае, а также открытое и инклюзивное мировоззрение по отношению к различным мировым цивилизациям. Мирный характер китайской цивилизации определяет, что Китай будет стремиться к обмену и взаимному обучению между различными цивилизациями, но не к культурной гегемонии». На этой основе, утверждает Си Цзиньпин, «Китай не будет навязывать другим свои ценности и политическую систему..., Китай будет способствовать сотрудничеству, а не конфронтации».

Особый интерес в выступлении руководителя КНР вызвал тезис, согласно которому сочетание «основных постулатов марксизма с конкретными реалиями Китая и лучшими традициями китайской культуры — это путь, по которому необходимо следовать для изучения и развития социализма с китайской спецификой на основе китайской цивилизации, которая существует на протяжении уже более 5000 лет». Подобная интеграция, по определению Си Цзиньпина, «является самым важным инструментом партии для достижения успеха».

Генеральный секретарь ЦК КПК убежден в том, что, несмотря на различные культурные истоки, «марксизм и прекрасная традиционная китайская культура в значительной степени совместимы друг с другом..., интеграция марксизма и прекрасной традиционной культуры Китая создаст новый тип культуры, который будет вписываться в рамки модернизации в китайском стиле и расширит культурную основу пути социализма с китайской спецификой».

Их интеграция обеспечит более широкое культурное пространство для ориентированных на будущее теоретических и институциональных новаций и укрепит культурную субъектность китайского народа».

Все это должно, по мнению Председателя КНР, быть направлено для построения современной цивилизации китайской нации, когда «находясь в этой новой исторической точке отсчета, Китай должен сохранять твердую культурную уверенность и продолжать следовать своим собственным путем, а также развивать китайский опыт до китайской теории с тем, чтобы достичь интеллектуальной независимости и самодостаточности»¹².

На фоне поиска подобной «независимости и самодостаточности» заслуживают внимания оценки

¹⁰ Ginsborg P. A history of contemporary Italy. Society and politics. 1943.

¹¹ Чжан Юн, Холлидей Дж. Указ. соч. С. 418.

¹² Си Цзиньпин подчеркнул важность построения современной цивилизации китайской нации (см. подробную версию: Xi Jinping stressed the importance of building a modern civilization of the Chinese nation // Russian.News.Cn. 03.06.2023 (дата обращения: 03.08.2023)).

пройденного КНР пути со стороны исследователей в различных областях общественного знания. Известный китайский экономист Ли Даокуй отмечал: «По сравнению с другими периодами экономический рост Китая за годы проведения политики реформ и открытости уникален, поэтому необходимо подвести экономические итоги. Важнее всего то, что реформы осуществлялись при едином высшем управлении со стороны правительства. Исходя из принципов плановой экономики, Китай попытался скоординировать отношения между государством и экономикой. Это уникальный процесс... Благодаря важному экономическому эксперименту, проводившимся Китаем сорок лет, экономисты легко сделали ценные и перспективные заключения о взаимосвязи государства и экономики. Такие выводы обладают универсальным значением и могут быть соотнесены с развитием других экономических субъектов»¹³.

Представляется очевидным тот факт, при анализе места государства и его роли в социально-экономическом развитии Китая неизбежно встает вопрос о роли политической партии, стоящей у власти. Простой взгляд на показатели социального представительства среди членов КПК со всей наглядностью подтверждает справедливость тезиса о том, что Коммунистическая партия Китая представляет собой все слои населения страны: от предпринимателей до крестьян.

Следует обратить внимание на тот факт, что в партию представителям деловых кругов разрешили вступать лишь в 2002 г. Традиционно в КПК сохранялся принцип приема исключительно рабочих, крестьян, лиц, работающих по найму. Владелец предприятий путь в ряды членов партии был заказан. Уже в 2002 г. значительная группа предпринимателей воспользовалась правом вступить в ряды коммунистической партии. Особняком в этом отношении предстает биография владельца крупнейшей в современном Китае сети кинотеатров Ван Цзяньлиня. Последний стал членом КПК в 1976 г. Многие годы он посвятил военной службе и работе в органах государственной власти. В 1989 г. он занялся предпринимательской деятельностью, оставаясь при этом в партийных рядах. Сегодня он депутат ВСНП (парламента страны), состоит в Народном политическом консультативном совете Китая, являлся делегатом XVII съезда КПК.

Подобное «вливание» в партийные ряды представителей бизнес-сообщества не повлияло на содержание и общий вектор направленности работы партийных органов. Более того, по результатам отдельных исследований политического механизма управления в Китае, можно утверждать, «что КПК не может контролироваться группами, отстаивающими те и или иные интересы, поэтому принимаемые ею решения

объективны, такое “нейтральное управление” способствует устойчивому росту экономики Китая»¹⁴.

В обосновании особенностей экономического развития современного Китая Ли Даокуй переходит на уровень обобщения исторического прошлого. Согласно его оценке, «китайская социально-политическая система рано достигла высокоуровневой стабилизации. Китай — это одна из немногочисленных стран, в которых очень рано сформировалось единое государство... в политическом управлении Китай демонстрировал устойчивую стабильность, идеологическим основанием которой выступали идеи философов-мудрецов о великом единстве, что отразилось как в единстве формационного режима, так и экономико-политической системе»¹⁵.

Отдельные авторы, на наш взгляд, пытаются представить излишне в многообразных формах предпосылки формирования правовых и философских доктрин в древнем Китае. В частности, Лу Сэньтун утверждает, что «в традиционном китайском обществе имел место жесткий единый централизованный политический контроль над подчиненными территориями и подданными. На эффективность действия демократического централизма применительно к социалистическому Китаю оказали большое влияние традиции, сложившиеся в старом Китае: конфуцианская традиция подчинения старшим/власти (“сяо”) и выдвижения на передний план фигуры мудреца-правителя из числа правящей аристократии (“жэньчжи”); легистская традиция строгого наказания (“чжунсин”) за нарушение субординации и неподчинения власти; традиция китаецентризма, которая предполагает “китаизирование” “чжунгохуа”), то есть “переформатирование” под китайскую специфику заимствованной извне идеологии, пусть даже чрезвычайно прогрессивной»¹⁶.

Подобная яркая картина заполнена доктринальными установками, которые преобладали на различных этапах истории Китая. В частности, в предложенном автором «реестре» соседствуют непримиримые идейные противники: приверженцы конфуцианства и легисты. Так называемая концепция «переформатирования» утратила свою актуальность в стране уже к середине XX в. К тому же в современных условиях своеобразная схема «копирования» зарубежных теоретических концепций во многом вступает в прямое противоречие с современными установками руководства КПК о самобытности китайского варианта социализма.

¹⁴ Там же. С. 225, 226.

¹⁵ Там же. С. 238.

¹⁶ Лу Сэньтун. Демократический централизм как конституционный принцип организации государственной власти в Китайской Народной Республике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 14, 15.

¹³ Ли Даокуй. Китайская экономика: сто лет реформ. М., 2023. С. 223, 224.

Необходимо отметить, что особое значение перспективам развития государства, получившего независимость в 1949 г., придавал А. Дж. Тойнби. Один из крупнейших представителей цивилизационного подхода к исследованию прошлого человеческой истории подчеркивал: «Если коммунистический Китай сумеет одержать победу в этой социальной и экономической борьбе (эти строки опубликованы в начале 50-х гг. прошлого столетия. — А.С., А.Х., С.Ш.), он может преподнести миру дар, в котором нуждается и Китай, и все человечество. Этот дар будет счастливым соединением современного западного динамизма с традиционной китайской стабильностью»¹⁷.

В 1972–1973 гг. Тойнби провел несколько бесед с Дайсаку Икедой, в которых особое внимание было уделено кризисным составляющим в развитии человеческого общества в западном мире. Тойнби затронул проблему утраты человеческих ценностей, в том числе и в семейной жизни. Он с горечью констатировал: «Больше нет места в семье для дедушек и бабушек и нет никаких обязанностей у детей по отношению к родителям, когда дети выросли. Поэтому настойчивое требование конфуцианской школы соблюдать обязанности, врожденно присущие семейным отношениям, никогда не было более уместным, чем сегодня»¹⁸.

Учитывая долгий путь, пройденный Коммунистической партией Китая, необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. Сосредоточив внимание на решении проблем во всех сферах экономической, социальной жизни, партийные структуры не упускают из виду вопросы идеологического, культурного развития общества. Так, например, после появления критических публикаций о недостаточном высоком уровне поведенческой культуры китайских туристов за границей руководство партии принимает специальное решение о необходимости проведения соответствующей воспитательной работы среди граждан в самом Китае. Следует отметить, что подобная работа не проводится в форме очередной кампании, а берется под непосредственный контроль не только партийных органов всех уровней, но и при непосредственном и активном участии членов партии. Невольно вспоминается при этом высказывание Конфуция о необходимости максимального раскрытия своих способностей в профессиональной сфере, что может служить образцом для подражания другим. Можно сказать, что сегодня следование таким постулатам становится своеобразной максимой поведения членов КПК.

¹⁷ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сб. / пер. с англ. М., 2002. С. 85.

¹⁸ Тойнби А. Дж., Икеда Д. Избери жизнь. Диалог Арнольда Дж. Тойнби и Дайсаку Икеды. М., 2007. С. 407.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ли Даокуй. Китайская экономика: сто лет реформ. М., 2023. С. 223–226, 238.
2. Лу Сэньтун. Демократический централизм как конституционный принцип организации государственной власти в Китайской Народной Республике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 14, 15.
3. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин, 2015. С. 238.
4. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сб. / пер. с англ. М., 2002. С. 85.
5. Тойнби А. Дж., Икеда Д. Избери жизнь. Диалог Арнольда Дж. Тойнби и Дайсаку Икеды. М., 2007. С. 407.
6. Чжан Юн, Холлидей Дж. Неизвестный Мао. М., 2007. С. 215, 418.
7. Чувев Ф. 140 бесед с Молотовым. Второй после Сталина. М., 2020. С. 124.
8. Marr A. A history of the world. L., 2014. Pp. 38, 39, 91, 94.
9. Ginsborg P. A history of contemporary Italy. Society and politics. 1943–1988. L., 1994. P. 206.
10. Gore A. The future. NY, 2014. Pp. 10, 11.

REFERENCES

1. Li Daokui. The Chinese economy: one hundred years of reforms. M., 2023. Pp. 223–226, 238 (in Russ.).
2. Lu Xin Tong. Democratic centralism as a constitutional principle of the organization of state power in the People's Republic of China: abstract ... PhD in Law. M., 2023. Pp. 14, 15 (in Russ.).
3. Xi Jinping. About public administration. Beijing, 2015. P. 238 (in Russ.).
4. Toynbee A.J. Civilization before the court of history: collection / transl. from English. M., 2002. P. 85 (in Russ.).
5. Toynbee A.J., Ikeda D. Choose life. Dialogue by Arnold J. Toynbi and Daisaku Ikeda. M., 2007. P. 407 (in Russ.).
6. Zhang Yun, Holliday J. Unknown Mao. M., 2007. Pp. 215, 418 (in Russ.).
7. Chuev F. 140 conversations with Molotov. The second after Stalin. M., 2020. P. 124 (in Russ.).
8. Marr A. A history of the world. L., 2014. Pp. 38, 39, 91, 94.
9. Ginsborg P. A history of contemporary Italy. Society and politics. 1943–1988. L., 1994. P. 206.
10. Gore A. The future. NY, 2014. Pp. 10, 11.

Сведения об авторах

СУЛТАНОВ Ахсан Харисович —
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории государства и права
Института права Уфимского университета
науки и технологий; 450005 г. Уфа,
ул. Достоевского, д. 131

ХАБИБУЛИН Алик Галимзянович —
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономических
и финансовых расследований Высшей школы
государственного аудита Московского
государственного университета
им. М.В. Ломоносова; профессор кафедры
теории государства и права и политологии
юридического факультета Московского
государственного университета
им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 13
(4-й учебный корпус)

ШАХРАЙ Сергей Михайлович —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
директор Центра развития международных
научно-образовательных кампусов НИУ ВШЭ;
109028 г. Москва, Покровский бульвар, д. 11

Authors' information

SULTANOV Ahsan Kh. —
PhD, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory
of State and Law, Institute of Law, Ufa University
of Science and Technology; 131 Dostoevsky str.,
450005 Ufa, Russia

KHABIBULIN Alik G. —
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department
of Economic and Financial
Investigations of the Higher School of State Audit
at Lomonosov Moscow State University;
Professor of the Department of Theory of State
and Law and Political Science, Faculty of Law
at Lomonosov Moscow State University;
1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building),
119991 Moscow, Russia

SHAKHRAI Sergey M. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Director of the Center for the Development
of International Research
and Educational Campuses,
Higher School of Economics;
11 Pokrovsky Boulevard,
109028 г. Moscow, Russia

УДК 342.52

ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПАРЛАМЕНТСКОЙ (ДЕПУТАТСКОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2024 г. А. Ю. Ульянов

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет), г. Челябинск

E-mail: 70ru@bk.ru

Поступила в редакцию 12.12.2022 г.

Аннотация. Статья посвящена определению возможных подходов и критериев оценки эффективности парламентской (депутатской) деятельности. В ходе исследования выделено пять критериев эффективности законодательной (представительной) деятельности: эффективность законотворческой работы; эффективность парламентского контроля; эффективность работы с избирателями; эффективность организации работы комитетов, комиссий, рабочих групп; эффективность работы аппарата. На основе анализа выделенных критериев и современного состояния правового регулирования высказываются предложения по совершенствованию действующего законодательства и юридического механизма оценки эффективности органов законодательной (представительной) власти.

Ключевые слова: законодательная власть, публичная власть, парламентская деятельность, депутатская деятельность, отчеты депутатов, наказы избирателей, депутатский запрос, оценка эффективности.

Цитирование: Ульянов А. Ю. Правовые подходы к оценке эффективности парламентской (депутатской) деятельности // Государство и право. 2024. № 5. С. 162–168.

DOI: 10.31857/S1026945224050171

THE LEGAL APPROACHES TO ASSESSING EFFECTIVENESS OF LEGISLATIVE (REPRESENTATIVE) AUTHORITIES

© 2024 A. Yu. Ulyanov

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk

E-mail: 70ru@bk.ru

Received 12.12.2022

Abstract. The article is devoted to the definition of possible approaches and criteria for evaluating the effectiveness of parliamentary (deputy) activity. In the course of the study, five criteria for the effectiveness of legislative (representative) activity were identified: the effectiveness of legislative work; the effectiveness of parliamentary control; the effectiveness of working with voters; the effectiveness of organizing the work of committees, commissions, working groups; the effectiveness of the apparatus. Based on the analysis of the selected criteria and the current state of legal regulation, proposals are made to improve the current legislation and the legal mechanism for evaluating the effectiveness of legislative (representative) authorities.

Key words: legislative power, public power, parliamentary activity, deputy activity, reports of deputies, instructions of voters, deputy inquiry, efficiency assessment.

For citation: Ulyanov, A. Yu. (2024). The legal approaches to assessing effectiveness of legislative (representative) authorities // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 162–168.

Введение

Практика государственного строительства в целом исходит из того, что законодательные (представительные) органы власти в силу выборности подотчетны только народу. В то же время законодательная (представительная) власть, действуя от имени народа, является активным субъектом оценки эффективности других институтов публичной власти в рамках осуществления парламентского контроля. Все это не исключает, а наоборот, предполагает возможность применения к выборным институтам публичной власти определенных способов оценки их эффективности (общественный контроль, экспертная оценка, самооценка и др.).

Деятельность законодательных (представительных) органов власти многогранна и включает такие основные направления как законотворчество, народное представительство, парламентский контроль, деятельность депутатских объединений (фракций), деятельность аппарата, в том числе помощников депутатов. Каждое из этих направлений предполагает определенные формы работы парламентариев как законодателей, народных избранников, представителей политических партий и общественно-политических контролеров. Все эти направления и формы деятельности подлежат социально-правовой оценке, как со стороны избирателей и общества в целом, так и со стороны самих парламентариев.

Подходы к оценке эффективности парламентской деятельности

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, к формам осуществления парламентской (депутатской) деятельности относятся: 1) участие в заседаниях законодательного (представительного) органа, в том числе в совместных заседаниях палат Федерального Собрания РФ; 2) участие в работе комитетов и комиссий законодательного (представительного) органа, в том числе в работе согласительных и специальных комиссий, создаваемых палатами Федерального Собрания; в работе парламентских комиссий, создаваемых в целях проведения парламентских расследований, а также рабочих групп, создаваемых указанными парламентскими комиссиями; 3) участие в выполнении парламентских поручений; 4) участие в парламентских (депутатских) слушаниях; 5) внесение в порядке законодательной инициативы законопроектов в Государственную Думу ФС РФ, законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации; 6) направление парламентского запроса (запроса сенатора, депутатского запроса); 7) заслушивание на заседании законодательного (представительного) органа руководителей и должностных лиц

исполнительных органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления; 8) обращение к соответствующим должностным лицам с требованием принять меры по немедленному пресечению нарушения прав граждан; 9) участие в работе депутатских объединений (фракций); 10) работа депутата с избирателями, в том числе прием граждан, рассмотрение их предложений, заявлений и жалоб.

С учетом вышеизложенного можно выделить несколько возможных подходов к оценке эффективности деятельности законодательных (представительных) органов власти: а) электоральная оценка со стороны избирателей; б) общественная оценка (общественный контроль) со стороны институтов гражданского общества; в) внутренняя оценка деятельности депутатов со стороны депутатских объединений (фракций) и представительного органа в целом; г) партийная (политическая) оценка со стороны партийных органов; д) экспертная оценка со стороны научного и экспертного сообщества.

Критерии оценки эффективности парламентской деятельности

В Словаре русского языка С.И. Ожегова под критерием понимается мерило оценки, суждения¹, т.е. признак, на основании которого производится оценка. В юриспруденции количественная трактовка эффективности традиционно сопровождается качественным анализом, при котором учитывается степень социальной ценности (полезности) полученных результатов². Критерии эффективности — признаки и характеристики, с помощью которых можно определять степень достижения заданных параметров или целей. Соответственно, критерии эффективности парламентской (депутатской) деятельности — это признаки и характеристики, посредством анализа которых можно определять степень достижения законодательными (представительными) органами власти социально значимых целей, их соответствие потребностям и интересам общества.

В соответствии с данным подходом можно определить пять основных критериев оценки эффективности деятельности законодательных (представительных) органов власти. Первый критерий — это эффективность законотворческой работы (как отдельных депутатов, так и законодательного органа в целом). Вторым критерием является эффективность парламентского контроля. Третьим

¹ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка / под общ. ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М., 2005. С. 392.

² См.: Астафьев А.Ю. Эффективность судебной деятельности: понятие и критерии оценки // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. 2012. № 1 (12). С. 127.

критерием — эффективность работы с избирателями. Четвертый критерий характеризует эффективность организации работы комитетов, комиссий, рабочих группы. И последний, пятый критерий, — эффективность работы аппарата, в том числе помощников депутатов. Следует отметить, что в перечень критериев не входит оценка со стороны партийных органов, которая почти всегда имеет выраженный политический характер, что не позволяет рассматривать ее в данном случае в качестве вида юридической (политико-правовой или социально-правовой) оценки. Далее рассмотрим каждый из пяти выделенных критериев.

Эффективность работы с избирателями

Законодательство, устанавливая обязанность депутата Государственной Думы поддерживать связь со своими избирателями, одновременно закрепляет меру конституционно-правовой ответственности, которая предусмотрена ч. 3¹ ст. 4 Федерального закона «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», в виде прекращения полномочий депутата за неподдержание связи с избирателями в течение 30 дней. Учитывая, что механизм реализации такой меры фактически отсутствует, наибольшим потенциалом для политико-правовой оценки деятельности депутатов обладают выборы как форма непосредственного волеизъявления народа при тайном голосовании. Прямые выборы, по существу, позволяют избирателям выразить свое отношение (доверие или недоверие) к тем кандидатам, которые являются действующими представителями во власти, т.е. дать оценку эффективности результатам их деятельности. Однако такая возможность существует не всегда (например, если выдвинутые кандидаты ранее не занимали соответствующую выборную должность или занимаемая должность не соответствует уровню выборов). Кроме того, процедура выборов при всех своих демократических преимуществах не лишена некоторых недостатков, которые могут оказать влияние на подлинное волеизъявление граждан (низкая явка избирателей, использование административного ресурса, непрозрачность дистанционного электронного голосования и др.). В целом вопрос о потенциальных возможностях электоральной оценки эффективности институтов публичной власти остается дискуссионным.

В связи с этим интерес представляет подход некоторых ученых к оценке эффективности деятельности парламентариев с позиции политико-правовой категории «императивный мандат», которая объединяет триаду основных элементов этого принципа, а именно наказы избирателей — контроль избирателей (главным образом, в виде

отчетов депутатов) — отзыв депутата³. Наказы избирателей как форма непосредственной демократии могут играть важную роль в системе оценки эффективности деятельности как отдельных депутатов, так и представительного органа в целом. Наказы есть не что иное, как средство прямой связи между избирателями и их представителями во власти. Согласно нормам законодательства наказы избирателей не являются обязательным руководством к действию, они рассматриваются скорее как часть избирательной программы кандидата или политической технологии, использование которой ограничивается исключительно периодом проведения выборов. Вместе с тем в случае их юридического закрепления в качестве правового средства оценки эффективности представительной деятельности, наказы из инструмента политтехнологий могут превратиться в инструмент позитивной конституционно-правовой (политической) ответственности народных избранников перед своими избирателями. Единственный и главный вопрос, на который предстоит ответить в этом случае, каким образом можно в обобщенном виде сформулировать содержание этих наказов. Как вариант, эта задача может быть возложена на самого кандидата или его избирательный штаб, который должен отобрать из общего числа наказов наиболее рациональные и включить их в предвыборную программу, с целью информирования избирателей. Правда, пока обязанность публиковать свою предвыборную программу установлена только для политических партий, что далеко не всегда соотносится с региональной повесткой и местной проблематикой, так как программа политической партии носит наиболее общий характер, а интересы избирателя предельно конкретны.

С учетом вышеизложенного предлагается закрепить в федеральном законодательстве необходимость обязательного опубликования предвыборной программы кандидатов на выборные должности с отражением в ней информации о поступивших наказах избирателей с целью последующей оценки этой части деятельности в ходе ежегодных отчетов депутатов.

Институт отчетности депутата способен обеспечить реализацию эффективной обратной связи между представительным органом власти и населением. Федеральный закон не определяет порядок, периодичность и форму представления отчетов депутатов перед избирателями, оставляя эти вопросы на усмотрение региональных законодателей. Например, в Законе Томской области установлена

³ См.: Алиев Т. Т., Бердникова Е. В. Роль общественного контроля в механизме привлечения парламентариев к конституционно-правовой ответственности в России // Современное право. 2015. № 9. С. 22—28.

обязанность депутата областной думы не реже двух раз в год отчитываться о своей деятельности перед избирателями, а также перед коллективами и общественными объединениями, выдвинувшими его кандидатом в депутаты Думы⁴. Согласно Закону Ульяновской области депутат обязан не реже одного раза в год отчитываться перед избирателями о своей депутатской деятельности. При этом депутат не позднее чем за две недели до дня заслушивания отчета обязан проинформировать избирателей о дате, времени и месте представления указанного отчета, а также пригласить к участию в его заслушивании депутатов представительного органа соответствующего муниципального образования⁵. Таким образом, даже если региональные законы и устанавливают необходимость и периодичность представления депутатами отчетов о своей деятельности, требований их обязательного опубликования они не предусматривают.

Представляется, что, исходя из самого характера представительной деятельности, отчет депутата должен быть публичным, возможность ознакомления с ним избирателей и других заинтересованных лиц должна быть обеспечена через средства массовой информации или посредством размещения на официальном сайте соответствующего законодательного (представительного) органа. При анализе проблем эффективности представительной деятельности в юридической литературе встречается мнение о том, что в отчет депутата перед избирателями должны включаться конкретные сведения о проводимых в рамках осуществления депутатских полномочий мероприятиях по защите законных интересов граждан, соблюдению их конституционных прав и свобод⁶. Соглашаясь в целом с такой постановкой вопроса, думается, что данное предложение нуждается в уточнении. В частности, в депутатский отчет вполне могла бы включаться информация о выполнении наказов избирателей, причинах их невыполнения, сведения о результатах рассмотрения обращений граждан.

Процедура отзыва депутата как мера конституционно-правовой ответственности предусмотрена на федеральным законодателем только на уровне

местного самоуправления⁷, что явно снижает потенциальные возможности данной формы представительной демократии. Иными словами, голосование по отзыву мандата может служить средством политико-правовой оценки реализации публичных полномочий депутата или выборного должностного лица только на муниципальном уровне организации публичной власти. Вместе с тем следует признать, что реальность инициирования и практического воплощения такой процедуры по действующему законодательству сведена к минимуму. Во-первых, основаниями для отзыва депутата или выборного должностного лица местного самоуправления могут служить только его конкретные противоправные решения или действия (бездействие) в случае их подтверждения в судебном порядке. Это порождает целый ряд процессуальных вопросов о том, кто будет считаться надлежащим истцом (заявителем) по такому судебному спору, какие именно решения и действия (бездействие) попадают под категорию противоправных, а также в каком порядке судопроизводства следует обратиться в суд за подтверждением данного факта. Сразу стоит добавить, что действующим административным процессуальным законодательством эти вопросы не регламентированы.

Во-вторых, процедура отзыва депутата представительного органа местного самоуправления должна обеспечивать ему возможность дать избирателям объяснения по поводу обстоятельств, выдвигаемых в качестве оснований для отзыва. Закон не конкретизирует то, каким образом должна быть обеспечена такая возможность, оставляя этот важный с точки зрения реализации процедуры вопрос на усмотрение муниципальной власти.

В-третьих, депутат представительного органа или выборное должностное лицо местного самоуправления считается отозванным, если за отзыв проголосовало не менее половины избирателей, зарегистрированных в муниципальном образовании (избирательном округе). При среднестатистической явке, которая на муниципальных выборах не превышает 20–30%, сложно представить, что на избирательные участки придет и проголосует большинство избирателей, зарегистрированных в избирательном округе. С позиции практической реализации столь высокий порог явки избирателей для отзыва депутата видится чем-то экстраординарным, тем более что для получения депутатского мандата на муниципальных выборах достаточно заручиться поддержкой относительного большинства голосов избирателей, явившихся на избирательные участки.

⁴ См.: Закон Томской области от 07.03.2002 № 10-ОЗ «О статусе депутата Законодательной думы Томской области» // Официальный сайт Законодательной думы Томской области // <https://duma.tomsk.ru/document/view/43>

⁵ См.: Закон Ульяновской области от 07.10.2002 № 045-ЗО «О статусе депутата Законодательного собрания Ульяновской области» // СПС «Гарант».

⁶ См.: Павлов П. В. Правовая оценка эффективности деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 21.

⁷ См.: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ст. 24) // СЗ РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

Обобщая вышесказанное, можно дополнить, что некоторые правовые средства оценки эффективности деятельности депутатской деятельности не реализуются на практике в силу определенных ментальных причин. На региональном уровне недостаточно широко используется практика организации онлайн-трансляций заседаний комиссий, комитетов, рабочих групп и общих собраний депутатов. На официальных сайтах законодательных (представительных) органов власти субъектов Российской Федерации в основном отсутствует информация о результатах деятельности в разрезе конкретных депутатов. Представляется, что с технической точки зрения никаких объективных препятствий на пути реализации подобного механизма оценки народных избранников не существует. Вполне возможно, например, обеспечить размещение в открытом доступе предвыборные программы вместе с отчетами депутатов на официальных сайтах законодательных (представительных) органов и предоставить избирателям реальную возможность оценить деятельность своих представителей во власти (например, с использованием ЕСИА — единой системы идентификации и аутентификации). Между тем стоит признать, что интерактивная оценка деятельности депутатов пока находится за гранью их собственных представлений о таком способе обратной связи с избирателями (во многом, как это видится, из-за возможных репутационных рисков, как для отдельных лиц, так и для имиджа представительного органа в целом).

Эффективность парламентского (депутатского) контроля

Одним из способов повышения эффективности парламентской деятельности и привлечения внимания должностных лиц к наиболее значимым социально-экономическим проблемам является депутатское обращение или депутатский запрос (запрос сенатора, парламентский запрос). Разница между депутатским запросом и депутатским обращением видится в характере поставленных в них вопросов. Если в депутатском (парламентском) запросе запрашивается необходимая информация, то депутатское обращение к соответствующим должностным лицам, по сути, содержит требование принять меры по пресечению или восстановлению нарушения прав граждан.

Использование данных форм парламентского контроля в депутатской деятельности, безусловно, является исключительной прерогативой самих депутатов, с правовой точки зрения никто не может заставить их воспользоваться такими средствами, если они не сочтут это необходимым. Но можно поставить вопрос иначе — были ли основания для направления депутатского запроса, если были и депутат не воспользовался такой формой контроля,

каковы причины бездействия народного представителя. Выводы о наличии таких фактов можно сделать на основе анализа работы депутата с обращениями граждан и организаций либо публикаций в средствах массовой информации по фактам обращений к депутату, которые остались без внимания. Соответственно, наличие подобного бездействия (бездеятельности) народного избранника может рассматриваться в качестве отдельного критерия оценки его неэффективности.

Другим действенным способом привлечения внимания органов исполнительных власти в рамках осуществления парламентского контроля является практика заслушивания на заседании законодательного (представительного) органа руководителей и должностных лиц исполнительных органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления. Инициировать такое заслушивание может любой депутат как в плановом порядке путем направления мотивированных предложений на имя председателя законодательного (представительного) органа, так в текущем режиме (внепланово) с обязательным обоснованием необходимости заслушивания руководителя исполнительного органа для включения соответствующего вопроса в повестку дня очередного собрания депутатов.

Эффективность законотворческой работы и эффективность работы депутатских комиссий

Качество законотворческой деятельности практически всегда находится в центре внимания ученых, аналитиков, практиков, независимых экспертов и специалистов разных областей. Проблеме эффективности законов уделено немало внимания в современной научной литературе⁸.

В условиях построения правового государства важную роль в повышении эффективности законодательной работы играет законодательная техника, навыки подготовки законопроектов. Низкое качество законодательной техники является одной из основных причин корректировки федеральных законов и возникновения проблем правоприменительного характера. Проблема также заключается в том, что дефектная норма закона быстро «обращается» нормами подзаконных правовых актов, поэтому в случае ее дальнейшей корректировки или отмены приходится пересматривать весь правовой массив, что создает дополнительные трудности в правоприменении и негативно отражается на реализации прав и законных интересов граждан, столкнувшихся с такой дефектной нормой.

⁸ См.: Эффективность законодательства / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.П. Емельянцева. М., 2015; Научные концепции развития российского законодательства. 7-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2015.

Эффективность законопроектной работы во многом зависит от того, как организована деятельность профильных комитетов и комиссий законодательного (представительного) органа, привлекаются ли к предварительному обсуждению проектов нормативных правовых актов независимые эксперты и представители научного сообщества или эта работа проходит, что называется «в кулуарах», без участия общественности.

По вышеназванным причинам общественная экспертиза находящихся в разработке законопроектов и иных нормативных правовых актов, принимаемых законодательными (представительными) органами власти, должна осуществляться на систематической основе с привлечением независимых высококвалифицированных экспертов, ученых-юристов, связанных с ведущими научными и образовательными организациями.

Эффективность работы аппарата законодательно-го (представительного) органа

Данный критерий охватывает многие направления парламентской (депутатской) деятельности. Во-первых, он влияет на качество законотворческой работы, так как от аппарата зависит качество подготовки проектов нормативных правовых актов, разрабатываемых и принимаемых законодательным (представительным) органом. Во-вторых, с ним напрямую связана эффективность работы с избирателями, в том числе по рассмотрению их предложений, заявлений и жалоб. Последнее направление, кроме того, затрагивает организацию работы помощников депутатов, к которым федеральное законодательство не предъявляет специальных требований к уровню образования, отсутствию судимостей и т.д. (кроме наличия российского гражданства). Исключение составляют помощники депутатов Государственной Думы и сенаторов Российской Федерации, которые работают по срочному служебному контракту и являются федеральными государственными гражданскими служащими. На них в полном объеме распространяется законодательство о государственной гражданской службе, включая установленные запреты, требования и ограничения. На помощников, которые работают по срочному трудовому договору и помощников на общественных началах данные требования не распространяются, к тому же они не несут административную ответственность как должностные лица. Таким образом, контроль за деятельностью «общественных» помощников (которых у депутата Государственной Думы и сенатора по закону может быть до 40) осуществляет сам депутат (сенатор), он же несет ответственность за качество их работы по рассмотрению писем избирателей, направлению депутатских запросов и обращений. Однако следует отметить, что эта

часть парламентской деятельности практически не регламентирована.

Дискуссионным является вопрос об ответственности помощника депутата и самого депутата за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан и организаций. Порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами регламентирован Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁹. Исходя из положений ч. 2 ст. 1 данного Закона, обращения граждан, адресованные депутатам законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации формально подпадают под его действие. Следует также учитывать, что депутаты законодательных (представительных) органов власти субъектов Российской Федерации отнесены к государственным должностям регионального уровня, что, по мнению некоторых авторов, создает правовую неопределенность, особенно в тех субъектах Российской Федерации, где прямо указано на рассмотрение депутатами обращений граждан в соответствии с вышеназванным Законом (Камчатский край, Новосибирская область, Тамбовская область, Ульяновская область и др.)¹⁰. Правовая неопределенность в этом вопросе, в свою очередь, порождает неоднозначную судебную практику, а также создает предпосылки для формального отношения депутатов к рассмотрению обращения граждан. Как видится, данный вопрос должен быть однозначно урегулирован на уровне федерального законодательства в пользу усиления ответственности депутатов за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан.

Выводы и предложения

Включение в систему оценки эффективности публичной власти законодательных (представительных) органов государственной власти обусловлено рядом причин. Во-первых, это будет способствовать усилению контроля со стороны гражданского общества за деятельностью институтов представительной демократии. Во-вторых, способствовать повышению уровня ответственности депутатов перед населением ввиду несовершенства процедуры отзыва выборных должностных лиц. В-третьих, привлечение на правовой основе экспертов и экспертных групп к оценке эффективности деятельности региональных парламентов вполне вероятно позволит повысить качество законотворческой работы.

⁹ См.: СЗ РФ. 2006. № 19, ст. 2060.

¹⁰ См.: *Степкин С.П.* Проблемы привлечения к ответственности за нарушения, допускаемые при подаче и рассмотрении обращений граждан // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3. С. 65.

В целях организации надлежащей оценки и повышения эффективности деятельности законодательных (представительных) органов власти необходимо принять комплекс организационно-правовых мер, включающий в себя следующие мероприятия:

1) расширение возможностей использования в работе законодательных (представительных) органов цифровых сервисов и «оценочных» технологий, в т.ч. внедрение в практику работы систем учета законодательных инициатив, парламентских запросов и депутатских обращений;

2) повышение информационной открытости деятельности законодательных (представительных) органов, в т.ч. путем размещения на их официальных сайтах сведений в разрезе по каждому депутату;

3) закрепление в федеральном законодательстве требования о выступлении депутатов не реже одного раза в год с отчетами перед избирателями и их обязательном опубликовании в письменной форме;

4) организация на системной основе независимой экспертизы находящихся в разработке законопроектов и иных нормативных правовых актов законодательных (представительных) органов власти с привлечением высококвалифицированных экспертов;

5) уточнение в федеральном законодательстве правового статуса помощника депутата Государственной Думы ФС РФ и помощника сенатора Российской Федерации, работающих по срочному трудовому договору и на общественных началах, в части распространения на них требований к уровню образования, а также установления иных запретов и ограничений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев Т.Т., Бердникова Е.В. Роль общественного контроля в механизме привлечения парламентариев к конституционно-правовой ответственности в России // Современное право. 2015. № 9. С. 22–28.
2. Астафьев А.Ю. Эффективность судебной деятельности: понятие и критерии оценки // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Право. 2012. № 1 (12). С. 127.
3. Научные концепции развития российского законодательства. 7-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2015.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под общ. ред. Л.И. Скорцова. 24-е изд., испр. М., 2005. С. 392.
5. Павлов П.В. Правовая оценка эффективности деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 21.
6. Степкин С.П. Проблемы привлечения к ответственности за нарушения, допускаемые при подаче и рассмотрении обращений граждан // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3. С. 65.
7. Эффективность законодательства / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.П. Емельянцева. М., 2015.

REFERENCES

1. Aliev T.T., Berdnikova E.V. The role of public control in the mechanism of bringing parliamentarians to constitutional and legal responsibility in Russia // Modern law. 2015. No. 9. Pp. 22–28 (in Russ.).
2. Astafev A. Yu. Efficiency of judicial activity: concept and evaluation criteria // Herald of the Voronezh State University. Ser.: Law. 2012. No. 1 (12). P. 127 (in Russ.).
3. Scientific concepts of the development of Russian legislation. 7th ed., add. and rev. / res. ed. T. Ya. Khabrieva, Yu. A. Tikhomirov. M., 2015 (in Russ.).
4. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / under the general editorship of L.I. Skortsov. 24th ed., rev. M., 2005. P. 392 (in Russ.).
5. Pavlov P.V. Legal assessment of the effectiveness of the legislative (representative) body of state power of the subject of the Russian Federation: abstract ... PhD in Law. Chelyabinsk, 2004. P. 21 (in Russ.).
6. Stepkin S.P. Problems of accountability for violations committed when submitting and considering appeals from citizens // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3. P. 65 (in Russ.).
7. Effectiveness of legislation / res. ed. Yu. A. Tikhomirov, V.P. Emelyantsev. M., 2015 (in Russ.).

Сведения об авторе

УЛЬЯНОВ Александр Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета); 454080 г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76
ORCID: 0000-0003-3858-2424

Authors' information

ULYANOV Alexander Yu. — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University); 76 Lenin Ave., 454080 Chelyabinsk, Russia

УДК 347

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ПРИМЕНЕНИЯ *ELECTRONIC COURT CASE MANAGEMENT SYSTEM* ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО ДЕЛА И ПОДГОТОВКЕ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ

© 2024 г. О. Ш. Пирматов

Ташкентский государственный юридический университет, Республика Узбекистан

E-mail: pirmatov.otabek.89@inbox.ru

Поступила в редакцию 28.12.2022 г.

Аннотация. В статье освещены вопросы внедрения *Electronic Court Case Management System* на стадии ведения гражданских судебных дел, изучен опыт зарубежных стран по *Electronic Court Case Management System*, а также проанализировано мнение ученых-правоведов. Освещен вопрос подачи иска *Electronic Court Case Management System*, получения повесток, улучшения обмена судебными документами между сторонами и судами. В статье также рассматривается система электронного документооборота, которая является одним из основных аспектов *Электронной системы управления судебными делами*.

Ключевые слова: *Electronic Court Case Management System*, E-filing, регистрация, подготовка к судебному разбирательству, рассмотрение судебных дел, принятие судебных решений.

Цитирование: Пирматов О. Ш. Особенности процессуальных аспектов применения *Electronic Court Case Management System* при возбуждении гражданского дела и подготовке дела к судебному разбирательству // Государство и право. 2024. № 5. С. 169–174.

DOI: 10.31857/S1026945224050185

FEATURES OF PROCEDURAL ASPECTS OF THE *ELECTRONIC COURT CASE MANAGEMENT SYSTEM* WHEN INITIATING A CIVIL CASE AND PREPARING A CASE FOR A COURT PROCEEDINGS

© 2024 O. Sh. Pirmatov

Tashkent State University of Law, Republic of Uzbekistan

E-mail: pirmatov.otabek.89@inbox.ru

Received 28.12.2022

Abstract. This article highlights the implementation of the *Electronic Case Management System* at the stage of conducting civil court cases, studied the experience of foreign countries on the *Electronic Case Management System*, and analyzed the opinion of legal scholars. The issue of filing a claim through the *Electronic Court Case Management System*, receiving subpoenas, improving the exchange of court documents between parties and courts is covered. The article also discusses the electronic document management system, which is one of the main aspects of the *Electronic Case Management System*.

Key words: *Electronic Court Case Management System*, E-filing, registration, preparation for trial, consideration of court cases, adoption of court decisions.

For citation: Pirmatov, O. Sh. (2024). Features of procedural aspects of the *Electronic Court Case Management System* when initiating a civil case and preparing a case for a court proceedings // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 169–174.

Повышение эффективности деятельности судей является одним из актуальных вопросов в условиях, когда количество судей не может быть значительно увеличено. Предоставить удобство и возможности гражданам Узбекистана можно будет, применяя современные информационные технологии к судебным процессам для повышения эффективности.

Известно, что в теории гражданского процессуального права выделяют пять стадий судопроизводства, узбекские процессуалисты классифицировали их в своих исследованиях.

Стадии гражданского судопроизводства — это составные части единого гражданского судопроизводства, характеризующиеся общностью ближайшей процессуальной цели.

Чаще всего выделяются следующие стадии: 1) возбуждение гражданского дела в суде; 2) подготовка дела к судебному разбирательству; 3) разбирательство дела по существу в суде первой инстанции; 4) производство в апелляционной или кассационной инстанции; 5) пересмотр в порядке надзора судебных решений, определений, постановлений, вступивших в законную силу; 6) пересмотр вступивших в законную силу решений, определений и постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам; 7) исполнительное производство¹.

В связи с этим предлагалось дифференцировать процесс на четыре (или пять — в зависимости от того, признавать или нет стадией гражданского процесса исполнительное производство) стадии, начиная со стадии производства в суде первой инстанции (М.А. Гурвич, Г.Л. Осокина, В.М. Семенов, М.С. Шакарян). Исследуя проблемы системы гражданского процессуального права, В.М. Шерстюк предлагает выделять две крупные стадии гражданского процесса, образующие предмет подотраслей гражданского процессуального права: производство в суде первой инстанции и производство по пересмотру судебных актов².

В странах англосаксонской правовой системы этапы гражданского судопроизводства классифицируются по-другому — *Court Case Management System*.

В этих странах различное управление судебными делами в зависимости от их национального процессуального законодательства. Судебное делопроизводство включает в себя период с момента поступления заявления до исполнения решения

суда. Австралийский ученый Дж. Вуд описывает особенности управления судебными делами следующим образом: а) досрочное урегулирование споров; б) сокращение времени процесса; в) эффективное использование судебных ресурсов; г) установление стандартов испытаний; д) контролирование работы; е) информационная поддержка; ё) расширение доступа к судебным услугам; ж) планирование будущей работы; з) повышение подотчетности перед общественностью; и) заключается в сокращении неэффективной деятельности в судебной системе³.

В настоящее время суды зарубежных стран внедряют *Электронную систему управления судебными делами* с использованием технологий разработки программного обеспечения, технологий баз данных и сетевых технологий.

Электронная система управления судебными делами (Electronic CourtCase Management System) — система, предназначенная для ведения электронных судебных дел, управления ими посредством системы автоматизации, а также электронной передачи, обработки и хранения документов, в том числе судебных документов.

В целом *Электронная система управления судебными делами* позволяет регистрировать судебные документы, редактировать, заполнять их сторонами, удалять ненужные документы, легко находить судебные документы, связанные с гражданскими судебными делами, и в целом готовить электронный сборник судебных документов.

Как высказался об *Электронной системе управления судебными делами* ученый-правовед Г. Джума, управление судебными делами в системе электронного суда позволяет суду подавать документы в электронном виде, предоставлять электронные услуги, рассматривать дела в электронном виде, отправлять электронные платежи и квитанции, электронные анкеты⁴.

По мнению американских юристов М. Гринвуда и Г. Боквега, управление электронными судебными делами позволило подавать и распространять любое судебное дело и судебную информацию в электронном виде через Интернет.

Этот подход значительно уменьшил потребность вводить дубликаты данных в файлы или

¹ См.: Гражданский процесс: учеб. / отв. ред. В.В. Ярков. М., 2004.

² См.: Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

³ См.: URL: https://lawcommissionofindia.nic.in/adr_conf/Mayo%20Rao%20case%20mngt%203.pdf

⁴ См.: URL: <https://www.dlapiper.com/fr/africa/insights/publications/2020/11/africa-connected-issue-5/embracing-electronic-court-case-management-systems/>

документы, значительно уменьшая количество ошибок или исключая потерю документов⁵.

М. Гринвуд и Г. Боквег полагают, что система управления судебными делами включает этапы от подачи исковых заявлений (заявлений, ходатайств) до получения исполнительного листа.

Другой американский ученый Э. Руз считает, что электронные системы управления судебными делами можно использовать в судебных делах разной степени сложности. Главное — обеспечить контроль над материалами и документами судебного дела, улучшить обмен информацией⁶.

Electronic Court Case Management System предоставляет множество удобств для сотрудников суда. Система управления судебными делами дает возможность найти необходимые судебные документы, подготовить и отредактировать их.

Преимущества *Electronic Court Case Management System* мы видим в следующем: эффективный способ обмена информацией между судом и сторонами, а также между судом и лицами, содействующими правосудию; позволяет сократить сроки подготовки к рассмотрению гражданского дела в суде; позволяет судьям и судебным сотрудникам управлять своими документами и работать посредством видеоконференций и онлайн-сотрудничества; служит для регулирования взаимодействия государственных служащих и граждан, служит предупреждению коррупции за счет сокращения их живого общения; повышает прозрачность судебной системы, т.е. современные информационные технологии облегчают или улучшают контроль за судебной деятельностью; повышает доверие граждан и субъектов хозяйствования к суду.

Electronic Court Case Management System предоставляет услуги через два различных интерфейса: первый интерфейс предназначен для сторон, а второй — для сотрудников суда.

Система позволяет регистрировать юридические фирмы, поставщиков юридических услуг и сторон. После регистрации все субъекты могут подавать судебные документы через систему и пользоваться судебным сервисом.

Первоначально *Electronic Court Case Management System* была создана в 1995 г. в Окружном суде США для упрощения работы сотрудников суда. С 1996 г. она также применяется в судах США по делам о банкротстве. Уже в 2005 г. 80% судов

США были переведены на электронную систему управления судебными делами⁷.

По словам американского специалиста Дж. Макмиллиана (работавшего в Верховном суде США и ряда зарубежных стран), *Электронная система управления судебными делами* помогает в ведении и исполнении судебных дел, а также борется с коррупцией в судебной деятельности и борется с предотвращением коррупционных действий⁸.

В Узбекистане борьба с коррупцией ведется в различных отраслях — социальной, экономической и правовой. В качестве одного из этих направлений борьбы реализуется снижение человеческого фактора на полях и оцифровка деятельности полей.

В справке Европейского банка реконструкции и развития от 2020 г. “From digitisation to digital transformation: A case for online courts in commercial disputes?” показаны положительные стороны работы по цифровизации, проводимой судебной системой Республики Узбекистан. В частности, отмечается, что налажена подача электронных заявлений через сайт, онлайн-оплата госпошлины, электронная подача повестки в суд, проверка статуса исковых заявлений, принятие решений и судебных актов в онлайн-режиме (3-приложение справки)⁹.

В настоящее время *Electronic Court Case Management System* сложилась в судебной системе многих зарубежных стран, а также нашла свое отражение в законодательстве некоторых государств.

Electronic Court Case Management System охватывает следующие судебные процессы: а) прием документов по гражданским судебным делам; б) распределение судебных дел; в) подготовка к судебному разбирательству; ж) рассмотрение судебных дел; г) принятие судебных решений; д) отправка и архивирование судебных документов.

Один из основных элементов *Electronic Court Case Management System* — система электронного делопроизводства, о которой в юридической литературе написано о ее важности в оцифровке гражданского судопроизводства.

В Инструкции Европейской комиссии Европейского Союза по эффективности правосудия «Электронная подача судебных исков (E-filing)», принятая в 2021 г., описывается E-filing. Согласно этой

⁷ См.: URL: <http://ruessmann.jura.uni-sb.de/grotius/Material/ecfmar97.pdf>

⁸ См.: McMillan J.E. The Potential of Computerized Court Case Management to Battle Judicial Corruption. National Center for State Courts, USA. Version 4. 2007.

⁹ См.: From digitisation to digital transformation: A case for online courts in commercial disputes? Draft Discussion Paper. European Bank for Reconstruction and Development. London, 2020. P. 47.

⁵ См.: Greenwood M., Bockweg G. Insights to Building a Successful E-Filing Case Management Service: U.S. Federal Court Experience // International Journal for Court Administration. June 2012. P. 3.

⁶ См.: Rooze E.J. Differentiated Use of Electronic Case Management Systems // International Journal for Court Administration. November 2010. P. 4.

Инструкции, E-filing — относится к технологическим решениям, облегчающим участие в суде. Считается также цифровым каналом, обеспечивающий взаимный обмен информацией и электронными документами между судами и сторонами. Руководящие принципы Европейского Союза «Электронная подача судебных исков (E-filing) и их оцифровка» определяют особенности электронной подачи¹⁰. В данном руководстве также определены меры, направленные на цифровизацию судебной системы стран ЕС.

E-filing впервые появилась в судах штатов США, поэтому юристы первыми прокомментировали систему электронной подачи документов. Американские ученые У. Фенвик и Р. Браунстоун сделали первые комментарии о системе электронной подачи документов. В частности, по их словам, E-filing — это электронная форма данных, которая является эффективным способом для устранения данных сохранения на бумажных хранилищах. Электронная подача документов может иметь большое влияние на правовую систему, особенно при принятии административных решений или гражданских судебных процессах. Однако система электронного документооборота требует значительных изменений со стороны судов, государственных органов, юристов и граждан¹¹.

Американский юрист Т. Смит высказал следующие мысли о E-filing. Особенности системы электронного документооборота включают в себя: универсальный сервис (возможность отправки любого документа и любого обращения во все суды, любой вид разбирательства); комплексность — возможность электронного хранения заявлений, доказательств, квитанций об оплате госпошлины; право сторон обращаться по любым вопросам и на различных территориях (в разных юрисдикциях разных государств); способствовать развитию ИТ-технологий; обслуживающих граждан, находящихся в различных штатах¹².

¹⁰ См.: URL: <https://rm.coe.int/cepej-2021-15-en-e-filing-guidelines-digitalisation-courts/1680a4cf87>

¹¹ См.: *Fenwick W.A., Brownstone R.O.* Electronic Filing: What Is It — What Are Its Implications? // Santa Clara High Technology Law Journal. 2003. Vol. 19. Iss. 1. Art. 5. P. 182.

¹² См.: Tom Smith, Presentation, CEFTS/3: California Electronic Filing Technical Standards Program (July 18, 2002), available at http://www.courtinfo.ca.gov/programs/efiling/documents/cefts3_introv2.ppt [hereinafter Smith Presentation]. Tom Smith is an e-filing consultant working with the California Administrative Office of the Courts (AOC). (This presentation was part of the Third California Electronic Filing Technical Standards (CEFTS) Program, held on July 18, 2002.) See also Judicial Council of California, E-filing Programs: Previous Events (describing the Smith Presentation as “a brief history of electronic filing in California and its e-filing program”), at <http://www.courtinfo.ca.gov/programs/efiling/previous.htm> (last visited Nov. 19, 2002). URL: http://www.courtinfo.ca.gov/programs/efiling/documents/cefts3_introv2.ppt (last visited Nov. 19, 2002).

Даже спустя 20 лет эта система набирает популярность в мире. По сути, через систему E-filing можно подать заявление по любому типу гражданского дела, подать любые документы и электронные доказательства, оплатить госпошлину.

Не будет преувеличением сказать, что система электронной подачи документов была одним из первых примеров системы управления судебными делами в Америке. По данным Национального центра судов США, суды разных штатов США регистрировали системы электронной подачи документов под разными именами. Например, система электронной подачи документов в апелляционные суды в штате Аризона, IIS Projects Colorado суды по гражданским и административным разбирательствам в штате Колорадо, E-filing в штате Джорджия, электронная подача документов в суд первой инстанции округа Ваштено в Мичигане, проект электронной подачи документов в Нью-Мексико, Электронная подача документов в Нью-Йорке, Электронная подача дел в столичном округе Вашингтона, проект электронной подачи документов для Верховного суда и многие другие системы в каждом штате¹³.

Поэтому в процессуальном законодательстве каждого штата США есть нормы о системе E-filing. В частности, в Законе о судебной системе штата Калифорния указано, что по всем гражданским делам судебные документы могут быть поданы через систему E-filing. Отмечается также необходимость соблюдения процессуальных сроков при подаче судебных документов через систему E-filing¹⁴.

Верховный суд штата Гавайи разработал специальные правила для E-filing и ее использования. Настоящие Правила определяют систему электронного архива и порядок ее использования в судебных разбирательствах¹⁵.

Верховный суд штата Невада также принял Правила E-filing, которые определяют порядок использования E-filing и Системы электронного архива в судах штата Невада¹⁶.

В России электронные документы, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью, подаются в арбитражные суды через систему «Мой арбитр». Для этого нужно зарегистрироваться на портале госуслуг.

¹³ См.: URL: https://www.courts.state.hi.us/docs/court_rules/rules/hefsr.htm

¹⁴ См.: URL: https://www.courts.ca.gov/cms/rules/index.cfm?title=two&linkid=rule2_253

¹⁵ См.: URL: https://www.courts.state.hi.us/docs/court_rules/rules/hefsr.htm

¹⁶ См.: URL: <https://www.leg.state.nv.us/courtrules/NEFCR.html>

В системе есть сервисы «Расписание судебных заседаний», «Картотека дел», «Банк решений арбитражных судов». Сервис «Электронный страж» отслеживает документы, принятые по арбитражному делу¹⁷.

Согласно ст. 3 ГПК РФ заявления по искам, жалобы и другие документы могут быть поданы сторонами судебного процесса в электронном виде посредством федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)»¹⁸.

Хотя система электронной подачи документов впервые появилась в государственных органах и судах США в 1991–1997 гг., она активно используется в электронной судебной системе таких стран, как Индия, Малайзия, Индонезия, Республика Корея, Республика Сингапур.

Юрист из Индонезии Р. Хелима говорит о системе E-filing (электронная подача документов) следующее: «Эта операция выполняется после регистрации пользователя».

Преимущества онлайн-регистрации дела через E-filing заключаются в следующем: 1) экономит время и деньги за счет регистрации; 2) разные формы и способы оплаты судебных издержек через различные банки; 3) документы можно архивировать и получать к ним доступ в разных местах и с помощью различных средств; 4) дает возможность быстро получать информацию¹⁹.

По мнению доктора Д.А. Пурохита из Малайзии, «E-filing — это безбумажная онлайн-система обработки документов»²⁰.

Преимущества электронной подачи (E-filing) дают возможность сэкономить деньги и ресурсы. Предоставляет возможность подачи документов по гражданскому делу в суд в нерабочее время и просмотра статуса документов. Повестки и решения гражданского суда можно будет получать в электронном виде, что снижает почтовые расходы и расходы на бумагу.

Гражданский суд получит возможность электронного хранения документов гражданского суда. Задержки с получением документов гражданского

суда будут предотвращены. Появится возможность сэкономить время граждан на обращение с документами в суды. Электронные или отсканированные гражданские судебные дела можно просмотреть в любое время.

При регистрации дела онлайн посредством E-filing стороны регистрируются как пользователи. Платформы, предназначенные для гражданских судов, должны быть в системе Online Public Access, т.е. платформа открыта для всех. Разумеется, стороны не должны передавать или терять логин и пароль системы. Следует отметить, что при ведении гражданского судопроизводства стороны могут участвовать в судебном разбирательстве через своих представителей. По этой причине юристы, являющиеся одной из основных форм договорного представительства в зарубежных странах, могут регистрироваться отдельно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский процесс: учеб. / отв. ред. В.В. Ярков. М., 2004.
2. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
3. Fenwick W.A., Brownstone R.O. Electronic Filing: What Is It — What Are Its Implications? // Santa Clara High Technology Law Journal. 2003. Vol. 19. Iss. 1. Art. 5. P. 182.
4. From digitisation to digital transformation: A case for online courts in commercial disputes? Draft Discussion Paper. European Bank for Reconstruction and Development. London, 2020. P. 47.
5. Greenwood M., Bockweg G. Insights to Building a Successful E-Filing Case Management Service: U.S. Federal Court Experience // International Journal for Court Administration. June 2012. P. 3.
6. Helmia R. The Existence of Electronic Courts (E-Court) in Realizing Simple, Fast and Low-Cost Justice // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2019. Vol. 8. Iss. 9. P. 272.
7. McMillan J.E. The Potential of Computerized Court Case Management to Battle Judicial Corruption. National Center for State Courts, USA. Version 4. 2007.
8. Purohit D.A. A New Avenue for Getting Justice Early: E-Courts // International Res Jour Managt Socio Human. 2017. Vol. 8. Iss. 8. P. 16.
9. Rooze E.J. Differentiated Use of Electronic Case Management Systems // International Journal for Court Administration. November 2010. P. 4.

REFERENCES

1. Civil procedure: textbook / res. ed. V.V. Yarkov. M., 2004 (in Russ.).
2. Sakhnova T.V. Course of civil procedure. 2nd ed., reprint and add. M., 2014 (in Russ.).

¹⁷ См.: URL: <https://ilex.by/news/elektronnnoe-pravosudie-v-stranah-mira/>

¹⁸ См.: URL: <https://base.garant.ru/12128809/5ac206a89ea76855804609cd950fcdf7/>

¹⁹ См.: Helmia R. The Existence of Electronic Courts (E-Court) in Realizing Simple, Fast and Low-Cost Justice // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2019. Vol. 8. Iss. 9. P. 272.

²⁰ Purohit D.A. A New Avenue for Getting Justice Early: E-Courts // International Res Jour Managt Socio Human. 2017. Vol. 8. Iss. 8. P. 16.

3. *Fenwick W.A., Brownstone R.O.* Electronic Filing: What Is It – What Are Its Implications? // Santa Clara High Technology Law Journal. 2003. Vol. 19. Iss. 1. Art. 5. P. 182.
4. From digitisation to digital transformation: A case for on-line courts in commercial disputes? Draft Discussion Paper. European Bank for Reconstruction and Development. London, 2020. P. 47.
5. *Greenwood M., Bockweg G.* Insights to Building a Successful E-Filing Case Management Service: U.S. Federal Court Experience // International Journal for Court Administration. June 2012. P. 3.
6. *Helmia R.* The Existence of Electronic Courts (E-Court) in Realizing Simple, Fast and Low-Cost Justice // International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2019. Vol. 8. Iss. 9. P. 272.
7. *McMillan J.E.* The Potential of Computerized Court Case Management to Battle Judicial Corruption. National Center for State Courts, USA. Version 4. 2007.
8. *Purohit D.A.* A New Avenue for Getting Justice Early: E-Courts // International Res Jour Managt Socio Human. 2017. Vol. 8. Iss. 8. P. 16.
9. *Rooze E.J.* Differentiated Use of Electronic Case Management Systems // International Journal for Court Administration. November 2010. P. 4.

Сведения об авторе

ПИРМАТОВ Отабек Шавкатович —
доктор юридических наук,
доцент Ташкентского государственного
юридического университета;
100047 Республика Узбекистан, г. Ташкент,
ул. Сайилгох, д. 35

Authors' information

PIRMATOV Otabek Sh. —
DSc,
Assistant Professor
of Tashkent State University of Law;
35 Sayilgoh str., 100047 Tashkent,
Republic of Uzbekistan

УДК 340

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ВОССОЕДИНЕНИЯ НОВЫХ РЕГИОНОВ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

© 2024 г. В. В. Сорокин

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

E-mail: sorokin.v.v@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.03.2024 г.

Аннотация. В обзоре излагаются основные идеи, высказанные участниками Всероссийской научно-практической конференции «Правовые вопросы воссоединения новых регионов с Российской Федерацией», проходившей в марте 2024 г. Организаторы крупного научного форума с вузами ДНР, ЛНР и Крыма выражают уверенность в том, что тем самым приближают мир, поддерживают ученых и преподавателей из новых регионов России в необходимой профессиональной форме, готовят нормы и процедуры для юридической адаптации мирной модели развития новых регионов России. Факт проведения такой конференции может являться примером гражданской самоорганизации научного сообщества.

Ключевые слова: специальная военная операция, переходный период, волонтер, ополченец, фейки, суверенитет, военные преступники, историческая память, новые регионы России, государственный контроль.

Цитирование: Сорокин В.В. Правовые вопросы воссоединения новых регионов с Российской Федерацией // Государство и право. 2024. № 5. С.175–181.

DOI: 10.31857/S1026945224050195

LEGAL ISSUES IN THE REUNIFICATION OF NEW REGIONS WITH THE RUSSIAN FEDERATION

© 2024 V. V. Sorokin

Altai State University, Barnaul

E-mail: sorokin.v.v@yandex.ru

Received 21.03.2024

Abstract. The review sets out the main ideas expressed by the participants of the All-Russian scientific and practical conference “Legal issues of the reunification of new regions with the Russian Federation”, held in March 2024. The organizers of a major scientific forum with universities of the DPR, LPR and Crimea express confidence that bring peace closer, support scientists and teachers from new regions of Russia in the necessary professional form, prepare norms and procedures for the legal adaptation of the peaceful model of development of new regions of Russia. The fact of holding such conference can be an example of civil self-organization of the scientific community.

Key words: special military operation, transition period, volunteer, militia, fakes, sovereignty, war criminals, historical memory, new regions of Russia, state control.

For citation: Sorokin, V.V. (2024). Legal issues in the reunification of new regions with the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 175–181.

Всероссийская научно-практическая конференция «Правовые вопросы воссоединения новых регионов с Российской Федерацией» была организована и проведена Юридическим институтом Алтайского государственного университета (АлтГУ) 20 марта 2024 г. Тему форума будущие участники утвердили еще 24 декабря 2023 г. на видеоконференции с участием пяти вузов Донецкой и Луганской народных республик. В ходе подготовки форума к проекту присоединились два вуза Крыма.

Юридический институт АлтГУ едва ли не первым приступил к выполнению рекомендации Президента РФ В.В. Путина о проведении гуманитарных научных форумов в новых регионах России.

Как заметил при открытии конференции **директор Юридического института АлтГУ, зав. кафедрой конституционного и международного права, д-р юрид. наук Е.С. Аничкин**, «наш институт становится постоянной площадкой объединения юридических вузов ДНР и ЛНР, преодолевая ощущаемый ими дефицит научного общения и привлекая их в перспективные научные проекты». Уже сама переключка подключений к конференции впечатлила. В организованном Всероссийской форуме приняли участие Донецкий государственный университет, Донбасский государственный университет юстиции Минюста РФ, Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М.И. Туган-Барановского, Луганский государственный университет им. В.И. Даля, Севастопольский государственный университет, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь), Высшая школа экономики (ВШЭ) (г. Москва), Российский государственный университет правосудия (РГУП) (г. Москва).

При открытии форума Е.С. Аничкин в качестве руководителя представил работу научного коллектива по гранту Российского научного фонда № 23-28-00138 «Системы права признанных республик Донбасса: проблемы переходного состояния и пути достижения самодостаточности» и сделал основной доклад пленарного заседания конференции. После официального признания Российской Федерацией Луганской Народной Республики 22 февраля 2022 г. и до принятия ЛНР в состав России 4 октября 2022 г. в признанной республике было принято 46 законов, а после интеграции в состав Российской Федерации и до 31 декабря 2023 г. еще 53 закона, т.е. всего 99 законов. Как видно, в сравнении с ДНР за этот же период времени в ЛНР принято почти в два раза меньше законов, что свидетельствует о разных темпах законодательной активности. В остальном наблюдается много общего. Количество «поправочных» законов значительно сократилось, но теперь они в основном

обусловлены необходимостью приведения республиканских законов в соответствие с федеральными законами с учетом разграничения предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации (ст. 71–73 Конституции РФ). Приоритетной линией развития законодательства ЛНР становится принятие новых законов, посвященных, главным образом, элементам системы публичной власти либо конкретизации переходного периода. Подобно ДНР ряд законов ЛНР отражают переходный период интеграции республики в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, в систему органов государственной власти, который, как известно, установлен до 1 января 2026 г. В этой связи показательными являются законы «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Луганской Народной Республики», «О налоге на имущество организаций».

Е.С. Аничкин на основе анализа законодательства новых регионов России сделал следующие выводы. Во-первых, можно с уверенностью констатировать наличие ряда особенностей в системах законодательства республик Донбасса. Эти особенности отражают нацеленность на интеграцию с более развитой правовой системой России и одновременное отдаление от украинского права, отсутствие самодостаточности в силу постоянной рецепции лучших правовых решений и обусловленную этим эклектичность и компилятивность, высокий уровень интенсивности законотворчества, близость темпов и содержания законодательства двух республик, вызванных, в том числе их формированием в условиях действия особого правового режима военного положения.

Во-вторых, в своем правовом развитии республики прошли два этапа и в настоящее время находятся на третьем. Первый этап характеризуется становлением собственно республиканского законодательства с параллельной рецепцией российского правового опыта, но преобладающим влиянием украинского права (2014–2018 гг.). Для второго этапа характерно дальнейшее формирование законодательного массива республик на фоне усиления российского правового воздействия и значительного уменьшения украинского правового сегмента (2019–2021 гг.). Третий этап объясняется принятием в сентябре 2022 г. ДНР и ЛНР в состав нашего государства и началом системной работы по качественному обновлению законодательства новых субъектов Российской Федерации.

В-третьих, основанная на новых республиканских конституциях правовая и институциональная интеграция ДНР и ЛНР с Российской Федерацией имеет несколько характерных черт: 1) отражает

общественно-политическую обстановку в республиках и переходный характер их государственности; 2) отличается спецификой содержания в сравнении с другими субъектами Российской Федерации, главным образом в вопросах организации и деятельности органов публичной власти на новоприсоединенных территориях; 3) на фоне общности, а порой и полного текстуального совпадения правовых норм новых республиканских конституций демонстрирует между ними определенные различия в части формирования правительства, законодательного процесса и перечня субъектов — инициаторов изменения конституции; 4) формализует особенности взаимоотношений между отдельными федеральными и собственно республиканскими органами государственной власти.

В-четвертых, анализ статистики, направлений развития, а также общего и особенного в системах законодательства ДНР и ЛНР в период после их официального признания Российской Федерацией, а затем и принятия в ее состав позволяет констатировать ключевую особенность — формирование законодательства в условиях переходного периода интеграции новых регионов в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, в систему органов государственной власти. Во многом этим объясняется тот факт, что в настоящее время и во временных пределах переходного периода законодательство ДНР и ЛНР как новых регионов России отличается и будет отличаться определенной оригинальностью содержания, своеобразием структуры и более широкими границами самостоятельности.

Декан юридического факультета Донецкого государственного университета Н.В. Асеева отметила, что между Донецком и Барнаулом 4067 км, но это не мешает хорошо понимать актуальную повестку правового развития Донецкой народной республики и других новых регионов Российской Федерации. Она обозначила в своем докладе открывшиеся перспективы развития университетов в новых регионах России.

Ректор Донбасского государственного университета юстиции Минюста России Н.А. Нарыжный передал приветствие участникам всероссийского форума, отметив, что по инициативе Юридического института АлтГУ он проводится уже во второй раз.

Один из основных докладов сделал на конференции **профессор ВШЭ (г. Москва), д-р юрид. наук В.Б. Исаков**. Он рассказал о личном опыте сотрудничества с вузами Донецка и Луганска. Среди прочего он уделил внимание перспективам создания диссертационного совета в ДНР и ЛНР. Докладчик напомнил, что оставшейся в Донецке части университета (около 8 тыс. студентов) пришлось пережить нелегкие времена. Министерство

образования Украины прекратило финансирование, очистило от денег банковские счета университета, забрав в т.ч. и его собственные средства. В.Б. Исаков вспомнил, что донецкие студенты выглядят старше и ведут себя серьезнее своих ровесников. Война сильно повлияла на отношение студентов к учебе и к жизни. И не только студентов. Даже маленькие дети после обстрелов повели себя иначе — стали меньше капризничать, пытаются, как могут, помогать родителям. Полезная, конечно, жизненная школа, но все же лучше, чтобы ее не было.

Директор института правосудия и правоохранительной деятельности Донбасского государственного университета юстиции Минюста РФ А.А. Николаев в своем выступлении заметил, что идея такого объединительного научного проекта давно витала в воздухе, но объединение стало возможным благодаря организующей роли Юридического института АлтГУ. Он обозначил тему исторической памяти в качестве основы воссоединения новых регионов с Российской Федерацией. Ментальные и культурные особенности мировоззрения жителей ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской области основаны на необходимости сохранения исторической памяти и ее передачи последующим поколениям. Это оказало решающую роль в реализации их права на самоопределение в ходе референдума о присоединении новых регионов к Российской Федерации. Российское мемориальное законодательство позволяет обеспечить региональную идентичность жителей новых регионов как составной части единого российского народа. Дальнейшее развитие мемориального законодательства должно быть направлено на сохранение памяти о подвигах, совершенных российскими воинами в ходе освобождения ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской области.

Декан факультета таможенного дела Донецкого национального университета экономики и торговли им. М.И. Туган-Барановского А.В. Шершнева поблагодарила за возможность общения с единомышленниками, которой прежде не было. Она проанализировала актуальные подходы к профилактической работе в молодежной среде через призму специальной военной операции. Департаментом информационной политики и комплексной безопасности Минобрнауки России направлены для реализации методические рекомендации по организации профилактической работы в образовательных организациях высшего образования, реализуемых в рамках учебного процесса, а также общеобразовательных, патриотических и досуговых мероприятий. Данный факт означает переход от имевшихся разрозненных рекомендаций по профилактике терроризма в образовательных организациях, разработанных

в каждом учреждении, к централизованно выстраиваемой системе организации профилактической работы.

Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала РГУП (г. Симферополь), д-р юрид. наук Н.А. Чернядзева рассказала о научной проработке вопроса придания военных преступников вооруженных сил Украины суду. Международные суды в настоящее время рассматривают два варианта террористического преступления. Одно — военное преступление. Другое — совершенное в «гражданской» обстановке. Оба состава преступления отличаются содержательной самостоятельностью, различным набором качественных характеристик, источниками ответственности. Сейчас можно говорить о сложившихся условиях для создания единого системного правового механизма привлечения к ответственности за террористические преступления, совершенные как в ситуации вооруженного конфликта, так и вне его. Докладчиком были сформулированы признаки терроризма как особого политико-правового феномена и предложено закрепить их в Глобальной контртеррористической стратегии:

он является противоправным сложным социально-политическим явлением;

в его основе лежит политическое насилие в отношении отдельных лиц, государств, международных организаций, всего мирового сообщества в целом или отдельных его частей;

он преследует цель подрыва, дестабилизации и (или) уничтожения существующего политического, социального, цивилизационного устройства, наведение социального страха и ужаса;

он использует тактику опосредованного влияния на субъектов политического процесса через преступное воздействие на гражданское население;

он осуществляется преимущественно в виде организованной деятельности.

Структурный анализ универсальных антитеррористических конвенций показал, что конвенционное регулирование международно-правовой борьбы с терроризмом не может считаться системным, полным и внутренне логичным; конвенции не предлагают организационного механизма антитеррористической борьбы; наблюдается деформационное смешение политических и правовых подходов в формировании стратегии борьбы с терроризмом. В конвенциях выявлен разный правовой смысл признаков террористического преступления. Отсутствие единых международно-правовых оснований противодействия терроризму неизбежно порождает нормативно-правовую конкуренцию в правоприменительной антитеррористической деятельности.

Профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Донбасского государственного университета юстиции Минюста России (г. Донецк) В.В. Седнев в своем докладе сосредоточил внимание на характеристике непризнанных государственных территорий. По его мнению, понятие «непризнанные государства» актуализирует не менее двух диалектически единых и противоречивых пар понятий: глобализация — антиглобализм и право на самоопределение — территориальная целостность, в единстве и противоположности которых заключается одновременно и источник их возникновения и развития, и концептуальная невозможность точного определения (дефиниции) самого понятия непризнанного государства. При этом практика входит в субъективное противоречие с теориями суверенитета и международного признания (прежде всего формального). Процесс обретения суверенитета представляет собой определенную деятельность, которая может быть описана тремя регулятивами, внешними по отношению к непризнанной государственной территории: временной, гуманитарной и международной приемлемости, а также предлагаемыми четырьмя внутренними относительно непризнанной территории государства регулятивами: защиты независимости, поддержания правопорядка, социального обеспечения и пропаганды.

Профессор Института экономических и правовых исследований при Правительстве ДНР (г. Донецк), д-р наук по государственному управлению Н.Л. Шелухин охарактеризовал роль органов государственной исполнительной власти и местного самоуправления Донецкой Народной Республики в минимизации угроз экономической безопасности в сфере хозяйствования. К основным направлениям деятельности региональной государственной исполнительной власти по минимизации угроз экономической безопасности в сфере хозяйствования он отнес своевременное, последовательное и непрерывное исполнения федеральных нормативно-правовых актов и методик, направленных на минимизации угроз экономической безопасности в сфере хозяйствования; разработку и принятие адаптированных в правовое, юридическое и социальное поле Российской Федерации нормативно-правовых актов переходного периода с использованием опыта Республики Крым и других субъектов Федерации; обеспечение безопасного и стабильного функционирования предприятий, напрямую подчиняющихся органам исполнительной власти ДНР.

Профессор Института экономических и правовых исследований при Правительстве ДНР (г. Донецк), д-р наук по государственному управлению Т.В. Филипенко познакомила участников конференции со своими разработками по формированию

региональной системы контрольно-надзорной деятельности государства в Донецкой Народной Республике. В законодательстве ДНР так же, как и в законодательстве Российской Федерации, функциональные понятия контроля и надзора законодателем смешаны. Так, в преамбуле Закона ДНР «О государственном надзоре в сфере хозяйственной деятельности» указано, что в настоящем Законе понятие «государственного надзора и контроля» в сфере хозяйственной деятельности тождественно понятию «государственного надзора», т.е. понятия надзор и контроль законодатель считает равными, такая же ситуация прослеживается и в других нормативных правовых актах. С управленческой точки зрения понятия «контроль» и «надзор» имеют существенные различия. Контроль есть элемент системы управления, выполняющий функцию обратной связи, посредством которой субъект управления получает достоверную информацию о результатах своего воздействия на объект управления в процессе управления, что позволяет ему скорректировать свои действия для достижения оптимального результата. Особенности же надзора являются: во-первых, его внешний характер; во-вторых, нацеленность только на соблюдение законности; в-третьих, ориентированность на поиск недостатков и наказание виновных. Главная идея регулирования государственного контроля и надзора сейчас, по мнению докладчика, — ограничение административной нагрузки на бизнес, осуществление профилактических и контрольных (надзорных) мероприятий в целях обеспечения допустимого уровня риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям в соответствующей сфере деятельности.

Заведующая кафедрой конституционного и международного права Донецкого государственного университета, канд. юрид. наук Л.Ю. Одогова представила доклад по обеспечению информационной безопасности в условиях проведения СВО. Ее **основные тезисы** сводятся к следующим пяти пунктам. Во-первых, вооруженные конфликты структурно содержат силовую и несиловую (информационную) составляющие. Во-вторых, цель информационной войны — обеспечение собственной национальной безопасности и снижение уровня защищенности национальной безопасности противоборствующей стороны. В-третьих, в современных вооруженных конфликтах информационная война является ключом в стратегическом, оперативном, тактическом и техническом превосходстве. В-четвертых, сегодня необходимым является международно-правовое регулирование мировых процессов гражданской и военной информатизации, а также разработки согласованной международной платформы по проблеме

международной информационной безопасности. В-пятых, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН не должны сводиться к констатации фактов угроз международной информационной безопасности, в них должны содержаться положения по ограничению угроз как криминального, так и военного характера.

Доцент кафедры конституционного и международного права Донецкого государственного университета, канд. юрид. наук Ю.А. Соловьёва на примере конкретных нормативных решений Украины обосновала марионеточный характер украинского политического режима. Ею была представлена череда политизированных юридических акций украинского режима, противоречащих принципу свободы слова, а именно: монополизация средств массовой информации (т.н. моноэфир); введение дополнительных ограничений на публикуемую информацию; учреждение дополнительных органов контроля (с правом «закрытия» средств массовой информации); открытое вмешательство государственных органов Украины в сферу средств массовой информации; искусственное создание негативного имиджа политической силы либо государственного деятеля, которые являются приверженцами взглядов, отличных от руководства страны. В частности, в Законе Украины «О медиа» усилен контроль государства над средствами массовой информации, запрещено позитивное освещение России, расширены полномочия Национального совета по теле- и радиовещанию (который стал единым регулятором средств массовой информации и получил право направлять во все редакции обязательные для выполнения предписания) и пр. Все это свидетельствует о том, что главная цель, которую преследует политическое руководство Украины принятием такого нормативного акта, является обеспечение доминирования и медийного преимущества в информационном пространстве.

Доцент кафедры конституционного и международного права Донецкого государственного университета, канд. юрид. наук Е.В. Кулакова представила участникам конференции свое исследование и анализ оснований и порядка прекращения гражданства урожденных и натурализованных граждан Российской Федерации. Утрата гражданства существенно отличается от институтов «отмены решения о приеме в гражданство» и от «лишения гражданства», поскольку имеет совершенно другие правовые последствия. Если отмена решения о приеме в гражданство свидетельствует о ничтожности гражданства конкретного лица, т.е. его недействительности с самого момента приобретения, а лишение гражданства является санкцией, применимой государством к правонарушителю в качестве меры наказания; то утрата

гражданства — наиболее «мягкий» правовой инструмент прекращения гражданства, поскольку наступает автоматически вследствие нарушений со стороны гражданина, но не влечет для него иных мер юридической ответственности, кроме конституционной. В науке конституционного права утрата гражданства относится именно к мерам конституционно-правовой ответственности. По мнению Е.В. Кулаковой, именно институт автоматической утраты гражданства вследствие совершения гражданином запрещенных государством действий есть оптимальный вариант для возможного изменения государством своего отношения к гражданину в силу его поведения и совершенных деяний. Такой инструмент позволяет автоматически прекратить гражданство «неблагонадежных» граждан, которые собственными деяниями повлекли его применение. Докладчик предлагает закрепить институт «автоматической утраты гражданства» в законодательстве Российской Федерации, что даст возможность государству реагировать на деяния «неблагонадежных» граждан и позволит обеспечить конституционный принцип равенства граждан, при этом не будет дискриминировать натурализованных граждан, а применяться ко всем гражданам одинаково. Законодателю необходимо детально проработать вопрос об основаниях автоматической утраты гражданства с тем, чтобы эти основания были однозначны для понимания и применения ко всем гражданам Российской Федерации.

Доцент кафедры прокурорско-следственной деятельности Луганского государственного университета им. Владимира Даля, канд. юрид. наук О.А. Голубцова рассказала об опыте Луганской Народной Республики в правовом противодействии фейкам. По ее мнению, существует необходимость построения действенной системы сдержек распространения фейковой информации, а именно вредящей национальным интересам России, поиск антифейковой стратегии становится приоритетным. Учитывая динамичность угроз, очерченные меры следует реализовать в течение ближайшего промежутка времени. При этом противодействие распространению фейков и совершению других противоправных деяний в информационном пространстве должно относиться ко всем важным сферам общественной жизни.

Заведующая кафедрой правовых и политических наук Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, канд. юрид. наук, доц. Е.А. Одинцова и доцент той же кафедры Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, канд. юрид. наук И.И. Ковалёва сделали совместный доклад о патриотическом правовом воспитании в механизме формирования гражданской позиции.

Содокладчики выражают надежду, что государство, которое своими приоритетами объявляет принципы социальности и верховенства права, должно всячески содействовать формированию человека, способного к самостоятельному ответственному действию в политической, правовой и социальной жизни, для которого активная гражданская позиция — условие личного и общественного благополучия, норма поведения. Становление гражданской позиции авторы рассматривают как процесс, включающий в себя формирование системы общественно-политических и правовых знаний, ответственности, уважения к закону, праву, реализацию духовного потенциала в целенаправленной активной социальной значимой деятельности. Новоявленная элита, ориентированная на западный образ жизни, связывающая с ним свое будущее, будущее своих детей и думающая только о личном материальном благополучии, не будет самоотверженно служить своему государству и народу. Украинский режим делает все в ущерб экономическим, политическим и национальным интересам своего государства и его граждан. Государство, находящееся под внешним управлением, не может считать себя суверенным и патриотичным.

Заместитель директора Института магистратуры и подготовки кадров высшей квалификации Донбасского государственного университета юстиции Министрства юстиции РФ, канд. юрид. наук А.В. Войтов выступил с докладом о правовом статусе ополченца и добровольца. С его точки зрения, ополченец — это военнослужащий — гражданин государства, где происходит вооруженный конфликт или военные действия, вступивший и/или зачисленный в ополчение, или военнослужащий ополчения, который находится под командованием лица, ответственного перед стороной вооруженного конфликта, и подчиняющийся внутренней дисциплинарной системе, при условии, что это лицо выполняет в обусловленный период обязательство отличать себя от гражданского населения, за исключением лиц, являющихся шпионами, диверсантами, наемниками, террористами. Доброволец же — это военнослужащий государства, где происходит вооруженный конфликт, в том числе и гражданин иного государства, который добровольно вступил в состав вооруженных сил одной из сторон вооруженного конфликта, находящийся под командованием лица, ответственного перед стороной вооруженного конфликта, и подчиняющийся внутренней дисциплинарной системе, при условии, что это лицо выполняет в обусловленный период обязательство отличать себя от гражданского населения, за исключением лиц являющихся шпионами, диверсантами, наемниками, террористами. Государство обязано заботиться о своих гражданах. Социальная защита ополченца, добровольца

есть основополагающий конституционный принцип. Включение понятий «доброволец» и «ополченец» необходимо, так как в этих понятиях есть различия.

Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики АлтГУ, канд. юрид. наук Н.А. Дудко представила коллегам из вузов ДНР и ЛНР пошаговый алгоритм формирования суда присяжных.

Доцент кафедры уголовного права и криминологии АлтГУ, д-р юрид. наук А.П. Детков коснулся в своем выступлении вопроса укрепления пенитенциарной системы России в связи с актуальной повесткой возмездия нацистским преступникам.

Доцент кафедры уголовного права и криминологии АлтГУ, канд. юрид. наук В.А. Мазуров отметил актуальность правовоспитательной работы со студентами в вузах новых регионов Российской Федерации. Вовлечение студентов в волонтерские организации, их активное участие в ежегодных студенческих научно-практических конференциях, конкурсах на лучшую научную работу, научных олимпиадах — важная профилактика предупреждения терроризма и экстремизма.

Сведения об авторе

СОРОКИН Виталий Викторович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета; 656049 г. Барнаул, проспект Ленина, д. 61

Профессор АлтГУ, д-р юрид. наук, проф. В.В. Сорокин, выступивший автором идеи проведения цикла конференций с вузами ДНР, ЛНР и Крыма, в своем выступлении подчеркнул, что организацией данной Всероссийской конференции «мы приближаем мир. Поддерживаем друг друга в необходимой профессиональной форме. Подготавливаем нормы и процедуры для юридической адаптации мирной модели развития новых регионов России. Для всех это пример гражданской самоорганизации научного сообщества».

* * *

В рамках форума **руководитель Алтайского филиала госфонда «Защитники Отечества» В. Мидонов** наградил благодарственными письмами студентов и аспирантов Юридического института АлтГУ за акцию юридического консультирования участников специальной военной операции.

Всего в организованной Юридическим институтом АлтГУ конференции от вузов ДНР, ЛНР, Крыма, Алтайского края приняли участие более 90 ученых-юристов.

Authors' information

SOROKIN Vitaliy V. — Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Professional Education, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Altai State University; 61 Lenin Ave., 656049 Barnaul, Russia

УДК 340

**С.А. Дробышевский, Л.С. Матвеев, Т.В. Протопопова. ПРИМЕНЕНИЕ
ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ.
М.: Проспект, 2024. – 128 с.**

© 2024 г. В. В. Кожевников

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

E-mail: kta6973@rambler.ru

Поступила в редакцию 14.04.2024 г.

Аннотация. Автор, указывая на достоинства монографии «Применение права: проблемы теории и истории», также отмечает, что представленная работа не лишена и некоторых недостатков, имеются теоретические положения, требующие дополнительной конкретизации. В рецензии излагается суть основных замечаний.

Ключевые слова: применение права, проблемы теории и истории.

Цитирование: Кожевников В.В.

С.А. Дробышевский, Л.С. Матвеев, Т.В. Протопопова. Применение права: проблемы теории и истории // Государство и право. 2024. № 5. С. 182–186.

DOI: 10.31857/S1026945224050203

**S.A. Drobyshevsky, L.S. Matveev, T.V. Protopopova. THE APPLICATION
OF LAW: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY.
Moscow: Prospekt, 2024. – 128 pp.**

© 2024 V. V. Kozhevnikov

Dostoevsky Omsk State University

E-mail: kta6973@rambler.ru

Received 14.04.2024

Abstract. The author, pointing out the advantages of the monograph “Application of law: problems of theory and history”, also notes that the presented work is not without some drawbacks, there are theoretical provisions that require additional specification. The review outlines the essence of the main comments.

Key words: application of law, problems of theory and history.

For citation: Kozhevnikov, V.V. (2024).

S.A. Drobyshevsky, L.S. Matveev, T.V. Protopopova. The application of law: problems of theory and history // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 182–186.

Рецензируемая монография на обозначенную тему имеет следующую архитектуру: введение, гл. 1 «Понятие правоприменения и его место в истории», гл. 2 «Субъекты правоприменения и его процесс», гл. 3 «Акты применения права», гл. 4 «Анализ некоторых теоретических представлений о правоприменении в современной отечественной научной работе», заключение и список литературы.

Отмечая противоречивые идеи, касающиеся применения права, авторами ставятся следующие задачи: «во-первых, выявление тех точек зрения, которые соответствуют действительности, обеспечивают при их реализации в правоприменительной деятельности самосохранение и прогресс политически организованного общества и поэтому заслуживают поддержки, и, во-вторых, установление тех мнений, которые поддержать нельзя, так как они некорректны и принесут вред указанному социальному организму при претворении в жизнь» (с. 3).

Как традиционно принято при написания подобного рода рецензий, назовем некоторые достоинства монографии: ее научный характер, оригинальность суждений авторов, достаточная библиографическая основа и т.д. Кстати, с некоторыми авторскими положениями необходимо солидаризироваться. Например, «применение права есть феномен, который не включает соблюдение, исполнение и использование права» (с. 11). Или другое утверждение: «теоретическая позиция, что правоприменение приводит к “конкретизации” права, понимаемой как изменение последнего, некорректно» (с. 7).

Однако следует отметить, что представленная работа не лишена, на наш взгляд, и некоторых недостатков, имеются теоретические положения, требующие дополнительной конкретизации.

Суть основных замечаний сводится к следующему.

1. В свое время Г. Еллинек писал, что «всякое исследование основных явлений государственной и правовой жизни для того чтобы стать плодотворным, должно начинаться с установления методологических принципов на основе результатов новейших изысканий в области познания и логики»¹. Слова ученого, высказанные более ста лет назад, актуальны и сегодня. Общеизвестным в настоящее время является тот факт, что любое плодотворное самостоятельное исследование, в том числе в области теории государства и права, с неизбежностью предполагает опору на основательно разработанные методы познания и соответствующую им методологию. Действительно, методы и соответствующая методология познания дисциплинируют поиск истины, позволяют экономить силы и время, двигаться к цели кратчайшим путем. Истинный метод служит своеобразным компасом, по которому субъект познания и действия прокладывает свой путь, позволяя избежать ошибок². На важность методологии познания права неоднократно обращали внимание отечественные ученые-теоретики. Так, В.М. Сырых, определяя метод в качестве самостоятельного компонента общей теории права, полагает, что «по своему непосредственному содержанию он представляет собой определенную совокупность приемов, способов познания объекта и предмета данной науки, содержание которых составляет набор правил, принципов, ориентирующих, как следует поступать познающему субъекту при осуществлении той или иной исследовательской процедуры»; «их

знание и творческое применение приемов, способов научного познания в изучении права и иных явлений и процессов в значительной степени облегчает путь к объективно-истинным знаниям, оберегает от ошибок и заблуждений»³. Н.Н. Тарасов весьма обосновано замечает, что «методологические исследования для нашей юриспруденции сегодня, пожалуй, более практически значимы, нежели любые содержательные конкретные исследования, ибо достоверность и обоснованность последних, корректность и применимость их результатов напрямую зависят от степени разработанности методологии юридической науки»⁴.

В рецензируемой же работе методология и методы исследования сводятся к следующим т.н. идеям: «о необходимости возможно более полного изучения имеющихся по каждому вопросу темы материалов для получения обоснованных выводов»; идея об «использовании всей гаммы методов формальной логики применительно к каждому познаваемому материалу»; идея «обдумывания материалов по теме на фундаменте суждений по ней, ранее воспринятых авторами, и результатов осмысления этих суждений в авторском сознании»; идея следования «методам классиков теории правоприменения там, где это приносит пользу» (с. 6). Представляется, что такой подход понимания методологии, будучи в высшей степени оригинальным, является необоснованным и неубедительным.

Более того, авторы заявляют, что «примененные в сочинении методы познания являются научными» (с. 9). Вопрос о том, какие методы применялись при написании данной монографии, остается открытым.

2. Как представляется, требует конкретизации и такое утверждение: «Так как на протяжении всей человеческой истории существует право как социальные нормы, формулируемые и проводимые в жизнь, в том числе принудительно, органами управления всем обществом, в указанный период времени имеет и применение права как таких норм. Первоначально правоприменительная деятельность присутствует в первобытном, т.е. нецивилизованном обществе» (с. 7).

Действительно, в юридической науке есть позиция, согласно которой обосновывается существование первобытного права. Так, например, В.Г. Графский, полагая, что для права, действовавшего в первобытном обществе, характерны две особенности — казуистичность права и его объективизм, писал, что «эволюция (изменение) права совершает движение в следующих направлениях и в следующих формах правового регулирования и контроля: от неписаного права к писаному, от патриархальной семьи к индивидуальной и моногамной, от судейского посреднического миротворчества к стадии законодательной и судебной активности государственной власти или правителей племен или протогосударственных властных образований»⁵.

Видимо, в данном случае имеется в виду примитивное право — протоправо, регулятивная система первобытного общества, имеющая квазиправовой характер. По утверждению ученых, примитивное право представляет собой «бесформенную груд» норм, с помощью которых примитивные культуры решают конфликты, являющиеся

³ Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1. Элементный состав. М., 2004. С. 359.

⁴ Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 9.

⁵ Графский В.Г. Всеобщая история государства и права. М., 2002. С. 39.

¹ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 20.

² См.: Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б. Основы философии науки. Ростов н/Д., 2016. С. 308.

эмбрионально правовыми. Оно характеризует ту стадию правового развития, которая связана с распадом первобытного общества, возникновением в его недрах регулятивной системы, которая способна интегрировать общество в единый социальный организм.

В рамках позитивистской и аналитической юриспруденции Англии и США сформировалось два подхода к рассматриваемой проблеме: собственно позитивистов и представителей аналитической юриспруденции. В понимании позитивистов примитивное право возникает во всяком первобытном обществе и существует вплоть до появления писаных законов. С точки зрения представителей аналитической юриспруденции (У. Сигл, Е. С. Хартлэнд, Д. Салмонд и др.), примитивное право есть проявление племенной жизни, оно так же нераздельно, как и сама жизнь. Это не юридический феномен, в нем лишь крупинки, зачаточные формы, которые только в последующем могут развиваться в настоящее право⁶. Г. В. Мальцевым обращалось внимание на то, что с тех пор, когда древние римляне говорили: «где общество, там право», — часто высказывалась мысль о том, что в любом человеческом сообществе, каким бы оно ни было малым по размеру и простым по уровню развития, существуют опирающиеся на некий авторитет нормы поведения, при осуществлении которых люди выступают как носители взаимных прав и обязанностей. Если в некоторой социальной группе объективно действуют общеобязательные правила поведения, указывающие, как людям надо вести себя в отношении друг друга в тех или иных ситуациях, если эти нормы защищены от нарушений какой-либо внешне представленной властью, хотя бы авторитетом лидера или лидеров групп, то это уже дает основание говорить о наличии права в данном сообществе⁷. Ученым отмечается, что в противоположность такому взгляду высказывается мнение, что право существует не во всяком обществе, а только в том, которое достигло уровня сложности и в котором общественные противоречия перерастают в антагонизмы. Как пишет автор, «в нем... имеется четко выраженное социальное расслоение, присутствуют сословные и классовые различия, политическая власть и элементы ранней государственности, вспыхивают общественные конфликты, для умиротворения которых, собственно, и возникают государство, а затем и право со всем своим сопровождением в виде судов. Репрессивных институтов, органов, поддерживающих общественный порядок (вернее, правопорядок. — В. К.) принудительными средствами»⁸.

Во всяком случае в отечественном правоведении господствует позиция, согласно которой «право вырастает из социальных норм первобытного общества, формируясь из обычаев, табу и других регуляторов... Обычное право формируется, с одной стороны, путем приспособления и видоизменения правил родового строя, а с другой — введением новых норм поведения, неизвестных первобытному обществу, но обеспеченных государственным принуждением»⁹. А. В. Мицкевич, рассуждая о происхождении права, писал: «В первобытном обществе... были обычаи, слитые с религиозными и нравственными требованиями.

Социальное расслоение общества и возникновение групп (слоев, классов, каст) с противоположными интересами привело к тому, что родовые обычаи уже не могли выполнять роль универсального регулятора. Экономический базис раннеземледельческого классового общества требовал новых обязательных норм, установленных (или санкционированных) и охраняемых государством»¹⁰.

В свое время С. С. Алексеев подчеркивал, что «социальное регулирование первобытных обществ... можно рассматривать в качестве предправового социального явления»¹¹.

«В родовом обществе, — пишут отечественные этнографы, — системы права в строгом значении этого слова не существует. Поведением членов общества управляет не система законов, а обычай, причем спорные вопросы возникают по поводу тех или иных ситуаций чрезвычайно редко, потому что, по выражению Энгельса, “в большинстве случаев вековечный обычай уже все урегулировал”»¹². Отрицая наличие первобытного права, авторы полагают, что «государство и право в истории — близнецы, рождающиеся вместе. Государство — аппарат насилия одного класса над другим, а одним из главных орудий такого насилия выступает право»¹³. Исследуя нормативную сферу первобытности, А. И. Першиц исходил из того, что «нормы поведения в доклассовом и догосударственном обществе не могут быть отнесены к категории правовых: права еще не было, его не могло быть, так как еще не было институализации власти»¹⁴.

Известный философ и культуролог В. М. Розин писал: «Первые квазиправовые нормы (я их так называю, чтобы подчеркнуть тот факт, что право еще не сформировалось) представляют собой алгоритмы (инструкции), в которых фиксировались особенности ситуации (конфликты, нарушения разного рода), а также санкции, применяемые в этих ситуациях»¹⁵. В другом месте своей работы обращалось внимание на то, что «законы представляли собой гениальное изобретение “чиновников” (жрецов и писцов), обслуживающих государство», которые «позволяли сначала локализовать возникающие в деятельности государства “разрывы” (непредусмотренное поведение, конфликты и т. д.), затем восстановить нарушенные разрывами связи»¹⁶.

3. Вызывает вопросы и такое авторское положение, согласно которому «субъектами применения права являются многочисленные категории непрофессионалов, например граждане государства при их участии в выборах главы отмеченного политически организованного общества» (с. 9). При всем уважении к авторам, представляется, что высказанная идея носит несколько надуманный и искусственный характер.

В отечественной юриспруденции одним из наиболее проблемных вопросов в области применения права является вопрос о субъектах правоприменительной деятельности. При этом выделяются два основных подхода к данной проблеме. Согласно первому подходу, нормы права применяют только компетентные органы государства и их

¹⁰ Мицкевич А. В. Происхождение государства и права // Теория права и государства / под ред. Г. Н. Манова. М., 1995. С. 13.

¹¹ Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 41.

¹² Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г. Создано человечеством. М., 1984. С. 174.

¹³ Там же. С. 179.

¹⁴ Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 213.

¹⁵ Розин В. М. Генезис права: методологический и культурологический анализ. М., 2003. С. 122.

¹⁶ Там же. С. 125.

⁶ См.: Гойман-Калинский И. В., Иванец Г. И., Червонюк В. И. Элементарные начала общей теории права / под общ. ред. В. И. Червонюка. М., 2003. С. 51, 52.

⁷ См.: Мальцев Г. В. Происхождение государства и права // Философия права: курс лекций: в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2011. Т. 1. С. 108, 109.

⁸ Там же. С. 109.

⁹ Власенко Н. А. Теория государства и права. М., 2015. С. 46, 47.

уполномоченные представители (должностные лица). В соответствии со вторым подходом правовые нормы применяются как государственные органы, их должностные лица, так и общественные организации и граждане¹⁷.

На наш взгляд, трудно принять идею о том, что отдельные граждане применяют правовые нормы, ибо применение права является властной деятельностью органов государства, их должностных лиц и в отдельных случаях общественных организаций. Однако это никак не исключает и не может исключить самого факта участия граждан в применении права. Как полагает И.П. Левченко, в осуществлении правоприменения помимо государственных органов и должностных лиц «в том или ином социально-правовом качестве выступают и другие участники, правовая активность которых является важным компонентом как объективной, так и субъективной стороны правоприменения»¹⁸. Иными словами, граждан следует рассматривать не как субъектов, а как участников правоприменения, т.е. лиц, участвующих в правоприменительной деятельности.

4. Большие сомнения вызывает и такое положение монографии, согласно которому «так называемое применение права по аналогии на самом деле есть восполнение пробела в праве и как таковое не является ни правотворчеством, ни правоприменением» (с. 112). Заметим, что в юридической литературе зачастую необоснованно отождествляют такие понятия, как «преодоление» и «восполнение» пробелов в праве¹⁹. В свое время П.Е. Недбайло применение аналогии рассматривалось в качестве средства восполнения пробелов²⁰. Мы стоим на позиции, согласно которой единственный способ восполнения пробелов в праве — правотворчество, а аналогия закона и аналогия права есть средства преодоления пробелов в праве в процессе правоприменения. Обращаясь к научному наследию А.С. Пиголкина, отметим, что ученый писал, что применение аналогии — это не восполнение пробела в праве; в результате такого применения пробел в праве не ликвидируется, он остается, т.е. не восполняется; восполнение в праве — это прерогатива законодателя, а не органа, осуществляющего применение права²¹. В.М. Шафиров, говоря об аналогии права, считает, что с ее помощью не устраняются, а лишь оперативно преодолеваются пробелы в праве²². Как образно выражается В.В. Лазарев, в процессе применения права суды лишь преодолевают пробелы в праве, подобно тому, как путник преодолевает встретившееся ему препятствие, не в силу его убрать. Пробел продолжает зиять, хотя бы решение суда и состоялось. Всякий другой судья при встрече с данным пробелом вынужден будет вновь использовать предоставленные ему средства и возможности к его преодолению²³.

¹⁷ См., напр.: Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 10; Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 125, 128, 129.

¹⁸ Левченко И.П. Механизм применения права (опыт системного исследования). М., 1986. С. 33.

¹⁹ См.: Петров А.А., Тихомиров Е.А. Пробелы и коллизии в праве. М., 2017. С. 18, 27.

²⁰ См.: Недбайло П.Е. Указ. соч. С. 46.

²¹ См.: Пиголкин А.С. Обнаружение и преодоление пробелов права // Сов. государство и право. 1970. № 3. С. 57.

²² См.: Шафиров В.М. Установление смысла законодательства и аналогия права // Росс. юстиция. 2009. № 8. С. 2.

²³ См.: Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974. С. 159.

* * *

В заключение отметим, что отмеченные как положительные, так негативные характеристики монографии «Применение права: проблемы теории и истории», подготовленной коллективом авторов, дают объективное представление о данной в целом интересной работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 41.
2. Бромлей Ю.В., Подольный Р.Г. Создано человечеством. М., 1984. С. 174, 179.
3. Власенко Н.А. Теория государства и права. М., 2015. С. 46, 47.
4. Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права / под общ. ред. В.И. Червонюка. М., 2003. С. 51, 52.
5. Графский В.Г. Всеобщая история государства и права. М., 2002. С. 39.
6. Дробышевский С.А., Матвеев Л.С., Протопопова Т.В. Применение права: проблемы теории и истории. М., 2024. С. 3, 6, 7, 9, 11, 112.
7. Елинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 20.
8. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 10.
9. Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б. Основы философии науки. Ростов н/Д., 2016. С. 308.
10. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974. С. 159.
11. Левченко И.П. Механизм применения права (опыт системного исследования). М., 1986. С. 33.
12. Мальцев Г.В. Происхождение государства и права // Философия права: курс лекций: в 2 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2011. Т. 1. С. 108, 109.
13. Мицкевич А.В. Происхождение государства и права // Теория права и государства / под ред. Г.Н. Манова. М., 1995. С. 13.
14. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 46, 125, 128, 129.
15. Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 213.
16. Петров А.А., Тихомиров Е.А. Пробелы и коллизии в праве. М., 2017. С. 18, 27.
17. Пиголкин А.С. Обнаружение и преодоление пробелов права // Сов. государство и право. 1970. № 3. С. 57.
18. Розин В.М. Генезис права: методологический и культурологический анализ. М., 2003. С. 122, 125.
19. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1. Элементарный состав. М., 2004. С. 359.
20. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 9.
21. Шафиров В.М. Установление смысла законодательства и аналогия права // Росс. юстиция. 2009. № 8. С. 2.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Theory of law. M., 1995. P. 41 (in Russ.).
2. Bromley Yu. V., Podolny R. G. Created by mankind. M., 1984. Pp. 174, 179 (in Russ.).

3. *Vlasenko N.A.* Theory of state and law. M., 2015. Pp. 46, 47 (in Russ.).
4. *Goiman-Kalinsky I.V., Ivanets G.I., Chervonyuk V.I.* Elementary principles of the General theory of law / under the general editorship of V.I. Chervonyuk. M., 2003. Pp. 51, 52 (in Russ.).
5. *Grafsky V.G.* Universal history of state and law. M., 2002. P. 39 (in Russ.).
6. *Drobyshevsky S.A., Matveev L.S., Protopopova T.V.* The application of law: problems of theory and history. M., 2024. Pp. 3, 6, 7, 9, 11, 112 (in Russ.).
7. *Jellinek G.* The general doctrine of the state. St. Petersburg, 1908. P. 20 (in Russ.).
8. *Ioffe O.S.* Responsibility under Soviet Civil Law. L., 1955. P. 10 (in Russ.).
9. *Kokhanovsky V.P., Leshkevich T.G., Matyash T.P., Fathi T.B.* Fundamentals of the philosophy of science. Rostov-on-Don, 2016. P. 308 (in Russ.).
10. *Lazarev V.V.* Gaps in law and ways to eliminate them. M., 1974. P. 159 (in Russ.).
11. *Levchenko I.P.* Mechanism of law application (experience of systemic research). M., 1986. P. 33 (in Russ.).
12. *Maltsev G.V.* Origin of the state and law // Philosophy of Law: a course of lectures: in 2 vols / ed. by M.N. Marchenko. M., 2011. Vol. 1. Pp. 108, 109 (in Russ.).
13. *Mitskevich A.V.* The origin of the state and law // Theory of law and the state / ed. by G.N. Manov. M., 1995. P. 13 (in Russ.).
14. *Nedbailo P.E.* Application of Soviet legal norms. M., 1960. Pp. 46, 125, 128, 129 (in Russ.).
15. *Pershits A.I.* Problems of normative ethnography // Research on General Ethnography. M., 1979. P. 213 (in Russ.).
16. *Petrov A.A., Tikhomirov E.A.* Gaps and conflicts in law. M., 2017. Pp. 18, 27 (in Russ.).
17. *Pigolkin A.S.* Detection and overcoming gaps in law // Soviet State and Law. 1970. No. 3. P. 57 (in Russ.).
18. *Rozin V.M.* Genesis of law: methodological and cultural analysis. M., 2003. Pp. 122, 125 (in Russ.).
19. *Syrykh V.M.* Logical foundations of the General theory of law: in 2 vols. Vol. 1. Elemental composition. M., 2004. P. 359 (in Russ.).
20. *Tarasov N.N.* Methodological problems of legal science. Yekaterinburg, 2001. P. 9 (in Russ.).
21. *Shafirov V.M.* Establishing the meaning of legislation and the analogy of law // Russ. Justice. 2009. No. 8. P. 2 (in Russ.).

Сведения об авторе

КОЖЕВНИКОВ Владимир Валентинович —
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории
государства и права
Омского государственного
университета им. Ф.М. Достоевского;
644077 г. Омск, проспект Мира, д. 55а

Authors' information

KOZHEVNIKOV Vladimir V. —
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Theory and History
of State and Law,
Dostoevsky Omsk State University;
55a Mira Ave., 644077 Omsk, Russia